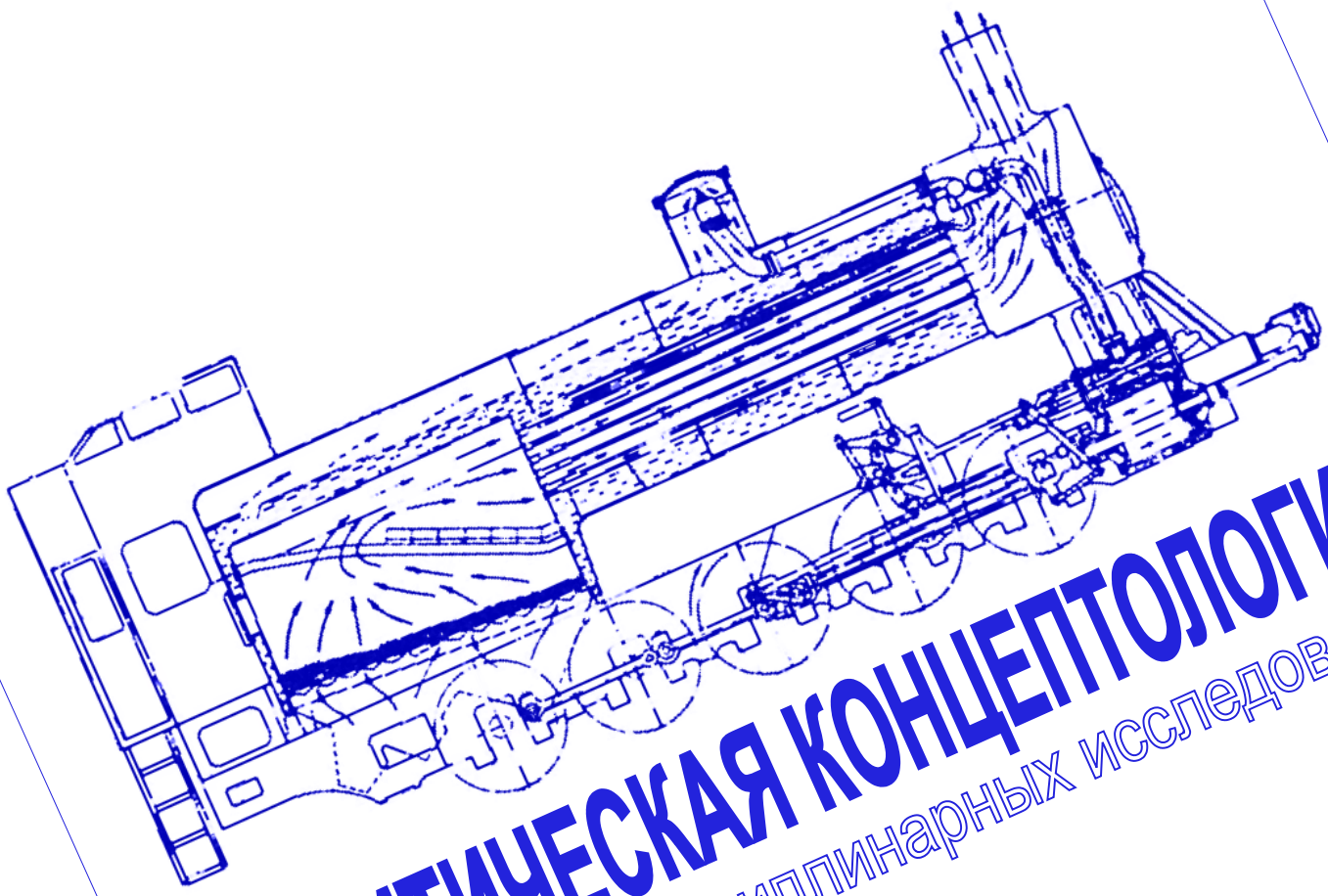
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2022 г. № 4



ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Института философии и социально-политических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2022. № 4

(октябрь-декабрь)

Научный журнал
Издаётся с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-82437 от 8 декабря 2021 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Ответственный секретарь: *А.В. Тупаев*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, профессор *С.С. Неретина* (г. Москва)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (г. Волгоград)

Доктор философских наук, профессор *М.Ф. Быкова* (г. Роли, Северная Каролина, США)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (г. Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (г. Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (г. Москва, г. Ньюфаундленд, Канада)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (г. Санкт-Петербург)

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор *Ю.В. Синеокая* (г. Москва)

Доктор политических наук, профессор *А.Ю. Сунгуров* (г. Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (г. Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (г. Москва)

Электронная версия журнала: **https://politconcept.sfedu.ru/**

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344065, г. Ростов-на-Дону
ул. Днепровский, 116, к. 116
тел. (863) 290-10-93
факс: (863) 264-52-55
e-mail: konstantinov@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Государственный интерес: рефлексивно-практическая призма Мишея Фуко..... 6

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Оболонский А.В.
Коррозия социальных наук: факторы, причины, последствия..... 14

Гусаров А.С., Знаменский Д.Ю.
Политико-культурные аспекты при взаимодействии экспертных сообществ с политическими институтами..... 27

Карпенко А.А.
Феномен милитаризма..... 35

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Рубцов А.В.
Цивилизационные идеи и конструкты в философской методологи Бориса Грушина..... 42

Неклесса А.И.
Архитектура антропокосмоса и три глобуса Ойкумены..... 53

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

От редакции..... 66

Доброхотов А.Л.
«Рождённые в года глухие…»..... 66

Лысенко В.Г.
«Человека никто не может освободить»..... 75

Шохин В.К.
Мои 1970-е..... 103

Сорина Г.В.
Логика. Логики. Судьба..... 113

Никольский С.А.
Появилась возможность узнать, как на самом деле устроена жизнь (О себе как части поколения, жившего в середине 80-х – середине 90-х годов прошлого века)..... 136

Блауберг И.И.
История философии как выбор и путь..... 147

Зубец О.П.
Поколение потерь (эссе на заданную тему)..... 159

Быкова М.Ф.
Обрести себя: штрихи к портрету моего поколения..... 171

Кара-Мурза А.А.
О нашем поколении..... 194

Костикова А.А.
Философский идеал образованности: поколение предан(н)ых..... 205

IN MEMORIAM.
TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.A. ZINOVIEV

Розин В.М.
Личность и вклад в науку Александра Зиновьева..... 212

НАШИ УЧИТЕЛЯ

Ермолаев А.И.
Б.И. Барабанщиков – первый заведующий кафедрой генетики
Казанского университета (к 80-летию учёного и педагога)..... 221

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Андрески Ст.
Типология революций с морфологической точки зрения..... 227

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2022 г...... 241

Наши авторы..... 245

Summaries and keywords..... 247

Contents..... 254

К сведению авторов..... 256

Слово редактора

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС: РЕФЛЕКСИВНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРИЗМА МИШЕЛЯ ФУКО

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Отечественная литература по проблеме государственных интересов (далее ГИ), за незначительным исключением, отражает историю и современный момент бытия и видения политической конъюнктуры страны и мира властвующими меньшинствами России. В Рунете выставлено более 11 млн. сайтов на эту тему. Большинство этих публикаций не имеет научной ценности. Они могут служить множеством примеров зависимости точки зрения на государственный интерес от колебаний политической конъюнктуры и произвола господствующих меньшинств страны. Зависимость и произвол состоят в трактовке ГИ во взаимосвязи с национальными интересами России, хотя «…что означает это выражение национальные интересы, никто точно не знает»[1]. Автор статьи развивает подход К. Маркса к ГИ как элементу бюрократического отношения власти к гражданам, государства к обществу. Такой подход позволяет придать постоянство трактовке ГИ, поскольку до сих пор нет государств, свободных от бюрократии как социального организма-паразита, отражения социальных противоречий и воплощения политического отчуждения[2]. Ради взятия власти основатели СССР создали экономические, социальные, политические и идеологические предпосылки тотальной бюрократизации государства. Эта традиция унаследована и усилена властвующим меньшинством современной России. Поэтому автор предлагает ставить и обсуждать проблему насилия и политической бездарности господствующих меньшинств России как множество продуктов бюрократического господства по всех сферах государственной политики и управления[3]. В последние годы такой подход получил конкретно-социологическое обоснование[4], в том числе квалификацию нынешнего российского государства как паразитического[5]. Данная статья продолжает авторскую реконструкцию эвристического потенциала концепта ГИ Мишеля Фуко.*

Ключевые слова: *государственный интерес, Мишель Фуко, государственный переворот, насилие и зверство, три смысла населения, инакомыслие и политика, рефлексивно-практическая призма.*

[1] См.: Алаев 2019: 336.
[2] См.: Макаренко 2021.
[3] См.: Макаренко 2018; Бюрократия и авторитаризм 2020; Макаренко, Акопян, Халед 2020.
[4] См.: Господство против политики 2020; Структуры господства: граждане и институты 2020.
[5] См.: Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019; Эткинд 2020.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.613

> Если в чтении не существует такой вещи, как «последнее слово», никакой авторитет не сможет настоять на «правильном» прочтении.
> *Альберто Мангель*[6]

В лекции Фуко от 15 марта 1978 г. обсуждается проблема определения и признаков государственных интересов (далее ГИ). Концепт ГИ возник в XVII в. на пересечении объективного и субъективного смысла понятий *интерес* и *государство*. Фуко при обосновании своей точки зрения ссылается на трактат Палаццо «Рассуждение о правительстве и подлинном государственном интересе», в котором термин «интерес» использовался в объективном (основание, сущность, необходимая связь различных элементов, образующих единство вещи) и субъективном (способность души, которая позволяет познать истину указанных параметров вещей) смыслах. Интерес – это средство познания, которое позволяет воле быть применённой к предмету и сути вещей, и одновременно сама сущность вещей, познание их основания и силы, которая обязывает волю следовать сути вещей. Государство – это: территория; юрисдикция; индивидуальный статус; стабильность [Фуко 2011: 334–335].

Короче говоря, в состав понятий *интерес* и *государство* входят признаки: самодостаточности; квалификации управления как сущности государства; консервативности; отрицания любой внешней, предшествующей и конечной цели государства. ГИ – это синтез когнитивных и властно-управленческих признаков. ГИ означает, что правительство всегда необходимо как акт продолжающегося творения государства. Константы такого «творения» Фуко детально прослеживает, поскольку каждый из признаков указанных понятий может быть предметом дискуссии.

Дискуссионность вытекает также из того, что ГИ связан с новым пониманием политического и исторического времени, которое отличается от религиозного и исторического мышления Средневековья и Ренессанса неопределенным, консервативным, вечным временем управления. Это снимает проблемы начала, обоснования, легитимности, династии и конечной цели. Государство – это единство ГИ и управления. Оно не занимается спасением индивидов и поиском конца истории. Индивиды попадают во власть бесконечного исторического времени и неопределённого безграничного управленчества. Возникает идея открытой истории в силу бесконечности политического искусства. Иначе говоря, на государство переносятся предикаты Бога, воплощением которых является управление государством.

В Новое время возникла также идея вечного мира, который свяжет государства, станет способом их сосуществования по принципу равновесия, устранит господство одной страны над другими, обеспечит стабильность в многообразии. Отсюда Фуко заключает: современные идеи прогресса, счастья, благополучия есть продукт бесконечного управленчества, которое обеспечивает прогрессом, счастьем и благополучием подданных.

Такое управленчество Фуко предлагает изучать с точки зрения спасения, послушания, истины – основных свойств пастырской власти. Объектами анализа становятся тексты Ноде «Политические рассуждения о государственном перевороте» и Сирмона «Государственный переворот Людовика XIII», вышедшие в 1630-е гг. В XVII в. государственный переворот (далее ГП) квалифицировался как способ спасения ГИ и означал не захват государственной власти (как понимают ГП сегодня), а время неопределенности и бездействия законов. ГП выше права и совпадает с ГИ, поскольку оба противостоят законности и легитимности; ГП образует элемент, событие и способ действия ГИ. ГИ соблюдает законы лишь в той мере, в какой

[6] См.: Мангель 2020: 126.

считает их полезными и необходимыми элементами своих действий. Но бывают моменты, когда ГИ обязан отвергнуть гражданские, нравственные, природные законы во имя спасения государства. В этом смысле ГП есть самопроявление государства и утверждение ГИ, который требует сохранить государство любым способом и средствами. Если спасение государства рассматривается как сверхзадача, то политика выходит за пределы законности.

Прежде всего потому, что в состав ГИ входит насилие. При нормальном состоянии ГИ не является насильственным, поскольку он сам для себя устанавливает законы и этим ограничивает собственную активность. Но при необходимости ГИ обязан идти на жертвы, причинять страдания, несправедливость, смерть. Например, ГИ требует приносить в жертву некоторых людей ради спасения государства как такового. А между тем идея такой жертвенности входит в состав пастырской власти, восходящей к догосударственному периоду истории. Фуко предлагает соединить ГП с ГИ, потому что ГИ возникает в момент осуществления насильственного ГП. Государство соединяет насилие с ГИ ради трансляции пастырской власти. Насилие государства есть внезапное проявление его интереса.

Фуко ссылается на текст первой половины XVII в., в котором аргументируется необходимость проводить различие между насилием и зверством. Зверство – это насилие, которое «совершается лишь по прихоти частных лиц, тогда как насилие, совершаемое по согласию мудрецов», есть государственный переворот. Оппозицию зверства и насилия повторяет Боссюэ, а Жене назвал зверством государственное насилие, а насилием – то, что теоретики XVII в. называли дикой силой. Стало быть, отношение между ГИ, насилием и зверством входит в состав бесконечного управленчества.

На основе указанной констатации Фуко ставит проблему театральности ГИ. Главным объектом политического театра является суверен как хранитель государственной власти. ГП как внезапное утверждение ГИ вынужден обнаруживать и прославлять собственную необходимость. Ради привлечения сторонников и сокрытия собственной незаконности надо связать ГП с ГИ. Ради успеха ГП скрывает свои методы и приёмы, но заявляет о себе в последствиях. Все это делает ГП зрелищной возможностью суверена продемонстрировать вторжение ГИ и его превосходство над законностью.

Примером для Фуко служит политический театр Нового времени, который заменил средневековые коронации и похороны суверена и возник для отражения практики ГП, совершаемого сувереном. Драматические образы государственного переворота содержатся в пьесах Шекспира, Корнеля и Расина. Театр представляет ГИ в его драматической, напряжённой, жестокой форме. Королевские и царские дворы образуют место, где ГИ театрализуется в идеях интриг, опалы, избранности, изгнаний, ссылок. Само бытие государства становится главным объектом театрального изображения.

Затем Фуко констатирует: в эпоху распада квазиимперского единства мироздания из природы устраняется драматизм, событийность, трагизм, а в сфере политики происходит противоположное. Открывается новая историческая перспектива бесконечного бесцельного вневременного государственного управления. Все государства отдаются на волю безнадежной и бесконечной истории. Они руководствуются ГИ, законом которого является не династическая и религиозная легитимность, а необходимость, с которой государство неизбежно столкнется в случайных ГП, в основе которых лежит субъективный ГИ. Государство, ГИ, необходимость, угроза ГП образуют новый трагический горизонт политики и истории. При рождении ГИ рождается трагизм истории, не имеющий ничего общего с оплакиванием прошлого и настоящего. ГП – это реализация трагизма истории и безграничного управленчества: «[…] при государственных переворотах мы сначала видим, как сверкает молния, а затем слышим, как гремит гром»; «заутрени звучат раньше, чем их услышат, исполнение предшествует решению; всё происходит как у иудеев; […] получает удар тот, кто думает, что его нанес,

умирает тот, кто думал, что находился в полной безопасности, страдает тот, кто об этом даже не думал, всё происходит ночью, во мраке, в тумане и сумерках» [Там же: 349].

Пастырство помогало переносить любую бедность и нищету аскетов. На смену его обещаниям приходит театральная и трагическая жестокость государства, которое ради собственного спасения (всегда находящегося под угрозой и сомнением) требует применять насилие как самую чистую форму ГИ. ГИ – это способ насильственного спасения государства. Такое спасение всегда находится под угрозой и сомнением.

Для иллюстрации исходного трагизма ГИ Фуко использует «Очерк о мятежах и волнениях» Бэкона. Этот источник позволяет анализировать послушание в контексте бунтов как главной политической проблемы XVII в. Бэкон считал мятежи нормальным, естественным, присущим государствам явлением. Он определял возможность мятежа в виде идущих снизу[7] и сверху[8] признаков, свидетельствующих о слабости власти и возможности восстания.

Попутно Фуко эксплицирует различия позиций Макиавелли и Бэкона.

Макиавелли возлагал ответственность за мятеж на правительство. Для этого он проводил различие между недовольством знати и недовольством народа, включал рассуждения о знати, внутренних и внешних соперниках князя в контекст проблемы сохранения владения, считал знать опасной (по причине ее заговоров), полагал народ пассивным и наивным (средством для князя, ибо в противном случае станет средством для знати). Для Бэкона самым важным предметом управления был народ, а не знать. При управлении прежде всего надо учитывать народ.

Макиавелли принимал в расчет реальные (или видимые) характеристики государя (быть или казаться справедливым-несправедливым, грозным-слабым). Бэкон полагал главной целью правительства расчет и учет обращения богатств, налогов, пошлин, а не внешний вид государя. Экономика и общественное мнение – главные элементы реальности, которыми правительство должно уметь манипулировать. Фуко считает, что Бэкон развивал политику экономического расчёта вместе с меркантилизмом как политической практикой и первыми пропагандистскими кампаниями. Пропаганда была изобретена Ришелье, который вел политические кампании путём пасквилей, памфлетов, и способствовал созданию профессии манипуляторов общественным мнением. Рождение экономистов и публицистов совпало во времени. Это были два главных аспекта реальности, которые взаимосвязаны с управлением, экономикой и общественным мнением.

Присущая ГИ рациональность подразумевает производство другого типа истины по сравнению с пастырством. В пастырстве было необходимо, чтобы: истина была постижимой в обучении; при организации истины пастырь знал, что происходит в его общине; каждый из пасомых открыл бы в себе истину, которую пастырь делает явной; по отношению к этой истине пастырь оказывается судьёй, гарантом и постоянным свидетелем. Именно круговорот истины характеризует пастырство.

Главное преобразование сводится к содержанию. До XVII в. образ правителя включал мудрость (знание позитивных законов страны и естественных законов, которым подчиняются все люди, законов и повелений Бога, исторических примеров и образцов добродетели) и осторожность (знание о том, в какой мере и при каких обстоятельствах надо применять

[7] К таким признакам относятся: шум (появление пасквилей, памфлетов, речей против государства и его управляющих; переворачивание ценностей (отрицательная оценка любого действия правительства); плохая циркуляция приказов выражается в следующих явлениях: отдающие приказ разговаривают робко, а принимающие его говорят смело и дерзко; вместо беспрекословного исполнения приказа его начинают интерпретировать, включать в него собственные рассуждения, создавая препятствия между приказанием и повиновением.

[8] Эти признаки таковы: знать (окружение суверена) демонстрирует, что повинуется не его приказам, а собственному интересу; государь становится на точку зрения одной из партий (частей элиты) и поддерживает её интересы за счёт остальных. Это свидетельствует о слабости власти и возможности восстания.

мудрость – в какой момент применять законы во всей их строгости, а в какой способствовать преобладанию принципов справедливости над формальными правилами).

На протяжении XVII в. возникло другое правило: суверен и управленец должны знать реальное положение вещей (а не законов) как элемент ГИ. Статистика дает знание о силах и ресурсах государства в данный момент. Это – не корпус законов и ловкость их применения, а комплекс технических знаний о реальности государства.

Таким знанием овладеть крайне трудно. Обычно статистика развивалась в малых государствах, в которых знание ресурсов обеспечивалась незначительностью страны. Суверен должен брать административный аппарат не таким, каким он есть на деле, а таким, чтобы можно было в любой момент знать точно, что происходит в стране. Административный аппарат должен быть не просто агентом исполнения приказов суверена, взимания налогов и отбора кадров, но аппаратом познания как самой важной стороны отправления власти. После анализа «содержания» знания, востребованного ГИ, Фуко описывает его «форму».

Вначале это были «расследования и постоянные отчёты», позволяющие сформировать «специфическое знание, которое постоянно рождается при самом отправлении управленческой власти, которое с ней соотносится. Которое её всякий раз объясняет и которое указывает не на то, что следует делать, но на то, что существует и что может существовать. Знание, которое требовалось для политики, зависело от практического интереса. Раньше это всегда было знание о том, «что делать» (в границах ловкости, осторожности, мудрости, добродетели). Знание, в сущности, предписывающее, связанное с *exemplum*, из которого извлекаются позитивные и негативные советы. Теперь же правительство намерено довольствоваться одним лишь фактическим, современным знанием, связанным с реальностью (государством), с существующим вокруг него полем возможного и невозможного. Государство – эта инстанция реальности, которая определяет возможности правительства.

С этим связана проблема государственной тайны. Секрет – «это знание о силах (реальности + возможности) во множестве случаев является инструментом правительства лишь при условии, что оно не будет разглашено». Знание бесполезно, если всем известно, что происходит в государстве; враги и соперники не должны знать, каковы его ресурсы. Возникает необходимость исследований, которые соотносились бы с деятельностью администрации, а также засекречивание статистики, которая стала секретом власти и стороной ГИ.

Затем возникает проблема публики. ГИ вмешивается в сознание людей не ради навязывания им истинных или ложных верований (например, когда правители желают верить в свою легитимность и не верить в легитимность соперников), а для изменения их мнений, способа действий и поведения как экономических и политических субъектов. Именно такая работа общественного мнения становится аспектом политики истины в ГИ.

В заключение Фуко констатирует, что он создает не генеалогию и не историю государств, а рефлексивно-практическую призму, в которой в XVI – начале XVII вв. проявилась проблема государства. Он замечает, что не создает историю в терминах астрофизики планеты Земля, а историю призмы, позволяющей начиная с определённого момента понять, что Земля была планетой. Это не одно и то же. Когда создаётся история наук, история способа, каким было получено знание, что Земля оказалась планетой по отношению к солнцу, то очевидно, что создаётся история совершенно автономной и независимой серии событий, которая не имеет ничего общего с эволюцией самого космоса. Знание о том, что Земля является планетой, никак не повлияло на положение Земли в космосе.

Появление государства как предмета рефлексии определило историю и способ кристаллизации его институтов. Рефлексивное событие – это совокупность процессов, посредством которых государство в данный момент входит в рефлексивную практику людей. Таков способ бытия и осмысления правительства и его действий. Этот способ не определял разви-

тие предшествующих государственных структур (армии, налоговой системы, правосудия); но он стал важен для того, чтобы все эти элементы вошли в область активной, согласованной, рефлексивной практики, которая и была государством. Государство – это практика, а не вещь и сущность, которая развивается на собственной основе и воздействует посредством спонтанной механики на индивидов. Государство невозможно отделить от совокупности практик, которые были причиной того, что оно стало способом управления, действия и связи с правительством.

Однако в составе анализа ГИ в контексте спасения и государственного переворота, послушания и подчинения, истины и публики есть население, которое одновременно присутствует и отсутствует. Суть рефлексивно-практической призмы состоит в способе классификации населения, который предлагает Фуко.

Население присутствует в той мере, в какой на вопрос о цели государства отвечают: это само государство в той мере, в какой оно должно быть счастливым, процветающим и пр. В этом случае понятие населения как субъекта и объекта высшего счастья лишь намечается.

Если народ считается основным элементом послушания и потенциальным бунтарем одновременно, то понятия населения нет.

Если публика понимается как объект, на мнение которой надо воздействовать ради изменения её поведения, то мы уже близки к понятию населения. Но рефлексивный элемент населения не присутствует и не имеет значения в первом анализе ГИ, который говорит о благополучии без субъекта. Для такого ГИ проблема состоит в богатстве государства, а не населения. Не люди должны быть счастливы, богаты и процветать, но само государство. Такова основная черта меркантилистской политики эпохи. ГИ – это отношение государства к самому себе, самопроявление, в котором элемент населения намечен, но он отсутствует и не осмыслен. Важно подчеркнуть, что богатство государства и населения не совпадают.

Хотя Бэкон рассуждал о бедности, недовольстве, мятежах, он не рассматривал население как множество экономических субъектов, которые способны к автономному поведению. Он имел в виду обращение и торговый баланс богатств, а не население как экономический субъект. Теоретики ГИ тоже понимали публику и общественное мнение как пассивный элемент. Они хотели навязать индивидам определённые идеи, но не воспользоваться их позицией, мнением, действиями. ГИ определяет искусство управления, в котором обращение к населению подразумевается, но не попало в фокус рефлексивной призмы.

Эта призма связана с появлением политики как способа мышления, рассуждения и расчета: «…не следует забывать, что в то время политика … беспокоила современников как нечто, связанное с инакомыслием. Именно это инакомыслие и определяется как политика…; политика, которая для искусства управления была тем же, чем была в ту же эпоху математика для науки о природе» [Там же: 374]. Стало быть, инакомыслие определяет суть рефлексивно-практической призмы, которая создана Фуко для анализа проблемы государственного интереса во всех его сочетаниях с мыслью и действием. Следствия этой посылки нуждаются в систематическом обдумывании.

* * *

При этом надо учитывать результаты анализа Фуко. Он показал, что ГИ полагает государство регулирующей идеей. В рамках такого политического мышления государство стремилось рационализировать искусство управления и вначале было принципом понимания реальности. Государство – это определённый способ мыслить то, что уже было в его природе, связях, отношениях, элементах и институтах (король, суверен, судья, органы суда, закон, территория и ее жители, достояние государя и суверена). Государство было способом и схемой осмысления, понимания, анализа, определения природы и связи всей совокупности этих

элементов, учреждений и реальностей. В этой схеме король становился персонажем, который имеет особую роль не по отношению к Богу и спасению людей, а по отношению к государству как принципу понимания реальных лиц и институтов.

В таком политическом разуме государство функционировало как объект (то, что должно быть достигнуто в итоге вмешательств разума) – и цель (рационализация искусства управления ради целостности, завершенности, усиления, восстановления государства, если оно подвергается опасности, разрушении, ослаблении при революции). Все это достигается вмешательством ГИ. Государство – это принцип понимания того, что есть и должно быть для его улучшения. Принцип понимания и стратегическая цель – таковы рамки совпадения управленческого интереса с ГИ. Государство – это регулирующая идея политики как формы мышления, рефлексии, расчёта, вмешательства. При этом политика понимается как математика, рациональная форма искусства управления. Управленческий интерес полагает государство принципом, объектом и императивом прочтения реальности. Государство руководит управленческим интересом, создаёт возможность управлять рационально, следуя необходимости; это функция понимания государства по отношению к реальности и причина того, что управление разумно и необходимо. Управление разумно в той степени, в которой государство есть и должно быть.

Таким образом, эвристический потенциал рефлексивно-практической призмы Фуко при описании ГИ предполагает выявление принципиальных отличий религиозного, политического и исторического времени Средневековья, Ренессанса и Нового времени. Причины приписывания государству и его интересам вечности и других предикатов Бога становятся главным объектом исследования. Отношение между ГИ, насилие и зверством входит в его состав. Если спасение государства рассматривается как сверхзадача, то политика выходит за пределы законности и легитимности. Значит, вся сфера государственных интересов в данной точке пространства и времени может рассматриваться с точки зрения спасения, послушания и истинности. Эпохи распада империй становятся предметом театрализации. Особенно важен учет того, что богатство государства и населения не совпадают. История России в XX–XXI веках дает богатейший материал для фиксации такого несовпадения. А стремление определенных политических сил сохранить пастырскую власть и имперское устройство России увеличивает эвристический потенциал концепции Фуко.

Алаев Л.Б. 2019. *Проблематика истории Востока*. – М.: Ленанд.

Бюрократия и авторитаризм… 2020. *Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии*. Отв.ред В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Господство против политики… 2020. *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений* / С.Г. Айвазова, А.В. Жаворонков, Г.Л. Кертман, А.Л. Королев, А.М. Кучинов, О.А. Мирясова, И.Л. Недяк, Ю.Е. Островская, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев; Л.Е. Филиппова; под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Политическая энциклопедия.

Макаренко В.П. 2018. *Насилие и политическая бюрократия*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Макаренко В.П. 2021. *Собрание сочинений: в 5 т. Том 1: Организм-паразит: концепт бюрократии в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Революция и власть: размышления политолога*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Макаренко В.П., Акопян А.Г., Халед Р.К.Б. 2020. *Политическая бездарность: государственный интерес в контексте бюрократического господства*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Мангель А. 2020. *История чтения*. / Пер. с англ. М.Юнгер. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.

Структуры господства… 2020. *Структуры господства, граждане и институты* / [А.В. Жаворонков и др.] ; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население. Курс лекций прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году* / М. Фуко: Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. – СПб.: Наука.

Эткинд А. 2020. *Природа зла. Сырье и государство*. – М.: Новое литературное обозрение.

Общие проблемы политической концептологии

КОРРОЗИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ФАКТОРЫ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ[1]

А.В. Оболонский
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация: *Статья посвящена классификации негативных явлений в современных общественных науках – их причинам, проявлениям и последствиям. Их общей мета причиной представляется эскалация бюрократических методов управления наукой. Рассматриваются две группы факторов такого рода – социальные и морально-психологические и факторы методологические. К числу первых относятся: отсутствие заинтересованности у бизнеса и власти в поддержке фундаментальной науки; разного рода зависимость исследователей и конформизм как ее следствие; феномен «ученых приказчиков» и его губительные для науки последствия; самообман ценностной нейтральности исследователя. К числу методологических факторов относятся: подмена содержательных критериев оценки научной значимости работ формальными показателями; избыточные требования к стандартизации научных текстов; условие обязательности эмпирического доказательства каждого научного утверждения, отказывающее в «научности» рассуждениям и оценкам обще концептуального характера и сужающее границы научного поиска; завышенные ожидания, связанные с перспективами развития «искусственного интеллекта» и цифровизацией; стремление к формальному наукообразию в ущерб содержательности, что ведет к редукционистскому, ограниченному, интеллектуально обедненному пониманию науки и отсекает логический анализ и «абстрактные» рассуждения, которые чаще всего и дают самое важное приращение знания и выводят нас на более высокий уровень понимания социальных процессов. Автор выражает надежду, что привлечение внимания ученых к систематизированным в статье деформациям социальных наук способно сыграть положительную роль.*

Ключевые слова: *социальные науки, методология, мораль, психология, деформации, ценности, позиция исследователя.*

[1] Преобладающую часть данного текста составляет статья автора, опубликованная в № 1 журнала «Общественные науки и современность» за 2022 год. Однако в силу общего характера поднимаемых в ней проблем и их важности для учёных, работающих в самых разных областях научного знания, в разных российских регионах и учреждениях, представляется важным предложить его и читателям журнала «Политическая концептология».

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.1426

Статья посвящена классификации негативных явлений в современных общественных науках – их причинам, проявлениям и последствиям. Обратиться к этой теме автора заставило чувство беспокойства, связанное с довольно серьезными системными деформациями, происходящими в современных социальных науках, и их негативными последствиями для процессов формирования научного знания и внедрения полученных научных результатов в практику. А поскольку оно разделяется многими коллегами исследователями, то важность и актуальность обсуждения данных вопросов представляется достаточно очевидной.

И это не только российская проблема. Девальвация, падение авторитета социальных наук – явление, широко распространившееся по миру за последние годы. Ожидания и надежды, связанные с научным анализом социальных явлений и основанными на нем рекомендациями и прогнозами, по меньшей мере, заметно понизились. И, увы, не без оснований. Рационалистический концепт поступательного движения человечества ко всеобщему благополучию на основе научного прогресса, к сожалению, не слишком подтверждается, по крайней мере, в социальной и гуманитарной сферах. Более того, возникают новые проблемы, не предвиденные адептами решения общественных неустройств сугубо технократическими средствами, которые зачастую их только усугубляют. Впрочем, здесь я намеренно избегаю соблазна давать конкретные примеры в непосредственно рассматриваемой сфере – наших общественных науках – дабы никого специально не выделять, не «указывать пальцем», поскольку ситуация носит достаточно общий характер. А нижеследующий текст, в основном, посвящен одному, но весьма важному, ее аспекту – ***негативным последствиям технократического редукционизма и социального конформизма*** в общественных науках, а также ***последствиям, связанным с понизившимся статусом ученого*** и его субъективным восприятием как в самом научном сообществе, так и за его пределами.

Серьезнейшие деформации, имеющие место на уровне политической бюрократии, в науке рассматриваются, в частности, в терминах провалов государства [См., например: Рубинштейн, Городецкий 2018], описывающих ситуацию как «дрейфующее в сторону абсолютизации патерналистское государство с самовозрастающей бюрократией». В целом я разделяю точку зрения авторов. Замечу лишь, что, как мне кажется, понятие патерналистского государства используется ими несколько излишне широко и поэтому выглядит не всегда адекватно. Как известно, в политической наук существуют различные типологии государств, и патернализм – лишь один из типов. Не углубляясь в проблемы классификации государств, отмечу лишь, что **патернализм** по самому смыслу слова предполагает не просто диктатуру верхов, но также ту или иную форму их ***заботливости*** об интересах общества. Да, она ограничивает или даже подменяет общественный выбор, о не пренебрегает им в целевом плане. Иными словами, патернализм имплицитно содержит ***идею «общего блага***». Порой в формах неадекватных, уродливых, вплоть до безумных, но тем не менее существующих. Иначе лидер государства не патер, а государство не патерналистское. Страшно сказать, но Адольф Шикльгрубер в некоем смысле – тоже был патером. Как ни прискорбно, но нельзя закрывать глаза, что он пришел к власти не в результате переворота, а в определенном смысле на основе общественного выбора, сделанного деморализованной после военного поражения и его долговременным «эхом» значительной частью тогдашнего немецкого общества. Так что в терминах провалов, думается, более уместно говорить о провале не государства, а общества. Если же обратиться к временам классического абсолютизма., к 18 веку, то там тоже были как «патеры», так и совсем не «патеры». С кажем, Людовик 14, вопреки его знаменитому мему «государство – это я», думается, отнюдь не заслуживает звания патера, особенно, во второй половине своего царствования. Ведь значимое общество составлял для него лишь широкий двор с его интересами и интригами и самая верхушка аристократии, да и то лишь в весьма ограниченном плане. Прочий народ же был для него лишь ресурсом. И, как извест-

но, это самым драматическим образом аукнулось Франции, да и не ей одной, 70 лет спустя. А вот прусский Фридрих Второй, при всех его недостатках, был по отношению к своим подданным патером со своими представлениями об общественном благе. Можно найти немало и других примеров, в том числе патеров неудачным, с неадекватным для своей страны и времени его пониманием. Словом, далеко не всякого авторитарного лидера или диктатора уместно называть патером. В научном арсенале есть для этого и другие слова. Например, в английском есть термин *Predatory state* (хищническое государство), обычно применяемое к африканским диктаторским режимам. А основную тему данной статьи представляется существенным предварим еще одним важным общим рассуждением.

Иррациональная бюрократизация как базовая причина

Итак, мы в данном случае рассмотрим проблему не на политическом,на более низком этаже, на уровне исполнительной власти. На нем общей «мета причиной», порождающей комплекс связанных с этим проблем, мне представляется **избыточная бюрократизация и формализация управления наукой.** Распространенные морально-психологические патологии чиновничьего сознания и дисфункции, возникающие вследствие бюрократической экспансии в государственном управлении, я подробно описал в журнале «Общественные науки и современность» [Оболонский 2019]. Стремящихся к максимизации своей роли и влияния бюрократ – отнюдь не только российская беда. О пороках и угрозах, связанных с бюрократизацией общественной жизни, за последние полвека написаны десятки, если не сотни книг и статей. Многие в той или иной форме предупреждают, что всевластие чиновной бюрократии, её стремление контролировать всё и вся посредством бесчисленных циркуляров и мелочного администрирования, ограничение возможностей создания и функционирования независимых от государства, самоуправляемых институтов, контроль над всеми материальными ресурсами, делают и саму бюрократию не активным актором государственной и политической жизни, а безвольным балластом, угрожающим потопить весь корабль. И угроза эта была замечена отнюдь не вчера, а уже достаточно давно. Например, в США из алармистской «классики» на эти темы можно напомнить о работах Винсента Острома [Ostrom 1973], Роберта Мертона, Питера Блау; во Франции – Мишеля Крозье [Crosier 1964] и т. д. В предельной форме этот парадокс выражает ставшая популярной к концу XX века идеологема «постбюрократического общества», которой я, признаться, тоже в свое время отдал дань и в принципе от нее, как от возможной альтернативы в общих рамках либертарной концепции государства, не отказываюсь и поныне [Оболонский 2002]. Есть немало и более поздних, а также современных работ. Однако их обзор, как и общие вопросы данной проблематики, выходят за пределы темы статьи. Об американском опыте и попытках решения проблемы [см., например: Оболонский 2014].

Представляется, однако, что вопрос не столь однозначен, а скорее амбивалентен. Ведь любое современное государство трудно представить без повседневной работы многоуровневой машины бюрократического управления. Но при этом ни один общественный институт – как в нашей стране, так и за рубежом – не подвергается столь постоянной, ожесточенной и часто вполне справедливой критике, как эта самая бюрократия. В ней видят один из худших пороков цивилизации, едва ли не главную угрозу человеческой свободе и общественному прогрессу.

Вообще же отрицание полезности бюрократии на ценностном уровне имеет давнюю историю и идет, как минимум, еще от раннего Карла Маркса [подробнее об этом см., например: Макаренко 1985]. В той же парадигме находятся анархистские и отчасти либертарные концепции общественного устройства. Достаточно жестко выглядит баланс положительного и отрицательного в государственной бюрократии и в рамках классической либеральной пара-

дигмы. Немного перефразируя одного из основоположников политического либерализма Вильгельма фон Гумбольдта – бюрократия в лучшем случае зло неизбежное, в худшем же зло нестерпимое. Но все же мало кто из серьезных аналитиков в области государственной власти и управления возьмет на себя смелость в принципе отрицать необходимость бюрократии как таковой для нормального функционирования современного общества[2]. А для настоящей статьи представлялось достаточным обозначить ее этот общий контекст, напомнить о базовой дилемме проблематики и ограничиться утверждением, что угрозу для полноценного существования науки представляет не столько сама бюрократия как институт, сколько ее происходящая непомерная эскалация, экспансия во все сферы общественной жизни. Теперь же перейдем к нашей главной теме.

Главная задача статьи – предложить классификацию системных дефектов (если не сказать пороков) современных социальных наук и обрисовать основные порождаемые ими проблемы. Дефекты эти в той или иной мере присущи большинству таких наук. И негативные последствия также имеют общий характер.

С определенной долей условности подразделим рассматриваемые негативные факторы на две группы – во-первых, факторы социальные и морально-психологические[3] и, во-вторых, факторы методологические. И сразу оговорю, что нижеприведенную их классификацию я не считаю единственно возможной, а предлагаю лишь как один из вариантов их рассмотрения.

Факторы социальные и морально-психологические

Отсутствие у бизнеса и власти прагматического интереса к поддержке фундаментальной науки. Как известно, фундаментальные знания слабо окупаются в материальном смысле. Во всяком случае, в краткосрочной перспективе. Бизнес же, особенно в наших условиях повышенной неопределенности и рисков, как правило, заинтересовал в быстрой отдаче от инвестиций. Более того, если он и решается вложиться в науку, то лишь в те работы, которые обещают быстрый возврат средств, а также не связаны с риском неудачи, что обычно не характерно для фундаментальной науки с ее высокой неопределенностью, а то – и непредсказуемостью результатов. Это, как правило, работы сугубо прикладные или даже технологические доработки уже полученного научного результата. Причем в данном случае сходная ситуация характерна и для наук естественных. Словом, выражаясь экономическим языком, ***вложения в фундаментальную науку плохо капитализируются.***

Властные структуры тоже не особо заинтересованы в поддержке фундаментальных исследований, которые по самой своей сути и мало предсказуемы, и могут привлечь внимание к так называемым «неудобным» вопросам. А политикам и чиновникам такие «неудобные» результаты проще либо не заметить, либо стигматизировать как происки «иностранных агентов», либо успокоить себя альтернативными результатами, которые послушно обеспечат аффилированные с ними исследователи.

Эффект ангажированности, зависимости исследователя – либо организационной, либо морально-психологической, а часто и той и другой – от своих руководителей, от властей, от чиновных заказчиков исследований, просто от официальной точки зрения, от собственной связанности с определенной научной школой или традицией, даже от неформальных отношений и т. д. На этой почве возникает внутренняя коллизия, своего рода конфликт интересов между, с одной стороны – поиском научной истины или, проще говоря, стремлением к получению объективного результата, а с другой – с личной выгодой, групповой лояльностью, персональными моральными обязательствами... При этом прямая материальная

[2] Многостороннее рассмотрение широкого круга связанных с этим вопросов см., например: Государственная служба… 2009.

[3] В данном случае я счел целесообразным рассматривать их в качестве единого блока.

зависимость или служебная ангажированность – случай наиболее простой и понятный. Сам феномен гораздо сложней и многогранней. Но в любом случае это выглядит как **парадокс: исследователь, т. е. субъект исследования, зависит от своего объекта исследования.** Ситуация для науки уникальная. Для понимания ее смысла и последствий попробуйте мысленно приложить ее хотя бы к любому исследованию в области живой природы. И простите за вольность, но вспомнилось лукоморье и «кот ученый [который] все ходит по цепи кругом» вокруг дуба.

Зависимость морально-психологическая – вещь тонкая и порой самим человеком даже не вполне осознаваемая. Для ее субъективной внутренней легитимации существуют механизмы психологической защиты – рационализация, сублимация, вытеснение из сознания и т. д. Однако ущерб поиску истины от этого не становится меньше. Чувство свободы, независимости как внешней, так и внутренней – необходимое условие полноценного научного творчества. Не случайно даже само слово профессор происходит от латинского *profiteri,* что означает – свободно исповедовать свои убеждения. К сожалению, реальная ситуация во многом благоприятствует распространению и процветанию другого типа научных работников, для которых пафос поиска истины и потребность свободы находятся на шкале ценностей явно ниже соображений конформности, доходящей в некоторых случаях до прямой угодливости по отношению к держателям и распределителям разного рода ресурсов. Мне даже кажется, что зависимый человек объективно **не может полноценно выполнять роль эксперта по отношению к объекту**, с которым он связан теми или иными узами. Думаю, это можно видеть на нелегком положении экспертов, призванных осуществлять экспертные функции для правительственных структур.

Ко всему прочему, это благоприятствует и распространению в научных кругах принципа «самоограничения компетентности», т. е. недостатку общенаучного интеллектуального «любопытства», к потребности заглянуть за пределы своей непосредственной темы, того, что прямо связано с конкретными исследованиями человека. На мой взгляд, это к тому же отчасти связано с тенденцией чрезмерно ранней узкой специализации. Она не подталкивает научного работника к расширению своего кругозора, к получению знаний и представлений, находящихся за границами его исследовательского «огорода», и, тем более, к повышению уровня общей культуры. Между тем, это представляется жизненно необходимым для формирования и развития личности подлинного ученого, особенно на ранних этапах научной карьеры, во всяком случае, в области социального и гуманитарного знания. На наш взгляд, замкнутость в узко профессиональных рамках и вообще несовместима с самой сутью социальных и гуманитарных наук. В них, в отличие от наук точных, естественных, с полной очевидностью проявляется то обстоятельство, что узкая общая образованность, интеллектуальная ограниченность человека, претендующего на роль ученого, как минимум, не способствует глубокому пониманию им даже «узких», частных исследовательских проблем и задач, и, в частности, формированию адекватных исследовательских гипотез, правильному выбору объекта и предмета исследования.

А помимо отсутствия психологической потребности в академической и более широкой общей свободе, существует и другой, еще более разрушительный для науки феномен.

Сознательное принятие статуса «ученых приказчиков» при чиновных «вельможах». В отличие от предыдущего варианта, здесь нет ни неполной осознанности выбора, ни какой-либо критической саморефлексии, а преобладает вполне сознательный, расчетливый сервилизм. Позиция весьма небезвыгодная в карьерном и материальном отношениях. Только за пределы науки она плоды трудов такого субъекта, да и его самого, выводит. И ущерб от профанации науки руками и устами подобных «прикормленных» псевдоученых очень велик.

Один из примеров – муссирование идеи «особого пути» России. Не углубляясь в данном случае в ее подробное обсуждение, замечу лишь, что оправдание настоящего через мифологизированное приукрашивание прошлого – довольно типичный вариант апологетики авторитарных режимов. В исторической науке оценка прошлого по политическим и моральным критериям настоящего даже имеет специальный термин – *презентизм*. В том же контексте можно рассматривать и идеи национальной исключительности. Так, в работах, посвященных Латинской Америке, приходилось читать в текстах, претендовавших на статус научных, и о чилийском «особом пути», и о перуанском «народе богоносце» и об аргентинской «ментальной державности», и даже об «уругвайской «всечеловечности»! Полагаю, приведенные мантры открывают широкое поле для иронических интеллектуальных упражнений. Однако, думаю, они и так достаточно красноречиво говорят сами за себя и потому в особых комментариях в контексте данной статьи не нуждаются. В общем же плане все это, с моей точки зрения, – симптом социального неблагополучия и отсутствия иных аргументов для его объяснения и оправдания негативов сегодняшнего дня.

В данной связи и в силу важности вопроса представляется необходимым особо подчеркнуть, что, помимо прочего, взгляд на отечественную историю с позиций якобы фатальной и непреодолимо зависимости настоящего от прошлого, предполагающий невозможность смены исторической «колеи», от нашей якобы извечной «рабской национальной политической ментальности», по меньшей мере, не вполне неадекватен даже чисто фактографически, поскольку немало ключевых событий и «перекрестков» российской истории отнюдь не вписываются в эту идеологическую конструкцию. Об этом немало написано [См., напр.: Оболонский 2002, Травин 2018, Травин 2021, Карацуба, Курукин, Соколов 2015]. И в то же время в прошлом большинства стран, представляющих как бы эталон демократического развития, несложно найти не только отдельные события, но и целые исторические периоды как минимум, не красящие их народы. И серьезные историки, как правило, весьма сбалансированно и самокритично описывают прошлое своих стран и регионов. Не углубляясь в данную проблематику, поскольку она не является предметом настоящей статьи, ограничимся мало известной, но весьма красноречивой цитатой из видного британского ученого, поэта и богослова ирландского происхождения Клайва Льюиса. «История любой страны кишит постыднейшими фактами… Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование» [Льюис 1992:.248].

А в плане морально-психологическом сетования и ламентации по поводу нашей якобы исторической неудачливости и обреченности еще и оказывают деморализующее влияние на общественное сознание и настрой, подавляя в людях потенциал инициативности, подрывая мотивацию добиваться позитивных перемен. Не говоря уж о том, что в своих крайних проявлениях они вообще выглядят чем-то вроде комплекса национальной неполноценности, что выводит этот взгляд за пределы научного обсуждения. По сути, «особый путь» в такой версии представляет собой псевдонаучное обоснование непреодолимости авторитаризма. С теми «профессионалами-особистами», которые впрямую кормятся от мифа «особости», все более или менее понятно. Их деятельность представляет интерес не в научном, а совсем в иных аспектах, прежде всего в плане их социальной ответственности. С другими дело несколько сложней. О них, в частности, следующий пункт.

Перестраховочная трусливость, прикрываемое наукообразием стремление под разными якобы научными предлогами уйти от описания и изучения базовых социальных и политических проблем объекта изучения в **мелкотемье,** к научно мало значимым и вторичным, по сути, частностям. Один из приемов подобной перестраховки – аргументы как бы

от лица «научной строгости», когда попытки опубликовать в научном журнале острые, критические по отношению к реальности тексты, отвергаются под предлогом их «публицистичности», эмпирической недоказанности утверждений и т. п. Однако на самом деле за ними, по моим наблюдениям, часто стоят мотивы, далекие от подлинных интересов науки как института по производству нового знания. И это – плодотворная почва для расцвета **квазинауки**. А в некоторых случаях это еще и мешает нормальному развитию новых научных направлений, их формированию в качестве полноценных отраслей науки. Что, к несчастью, порой приходится наблюдать даже в изданиях, по формальным – ВАКовским и цитатным – критериям, казалось бы, достаточно авторитетных. Конкретных примеров немало. Однако по этическим соображениям не хотелось бы никого специально «выделять». Поэтому не стану их называть. Замечу лишь, что лично сталкивался с подобным, в частности, в журнале, с которым много лет сотрудничал в качестве и регулярного автора, и члена редколлегии.

Самообман ценностной нейтральности. Я полагаю, что так называемый внеценностный подход (value free approach) в лучшем случае – добросовестный самообман исследователя. В социальных науках, в отличие от наук естественных, ***ценностная позиция*** исследователя и связанная с этим его определенная субъективность – неустранимый элемент познавательного процесса. Субъективность неизбежно присутствует и при выборе темы, и при формулировании научных гипотез, и при интерпретации результатов. Это данность, от которой не уйти. Другое дело, что ее влияние можно считать допустимым лишь на этапах выбора объекта исследования, разработки его концепции и программы, т. е. на начальных, а также на заключительных, аналитических его стадиях, но не на стадиях сбора и анализа материалов. Так, не думаю, что мои либерально демократические в своей основе убеждения наносят ущерб моим исследовательским занятиям. В каких-то случаях, надеюсь, даже способствуют приданию им дополнительной ценности в общеконцептуальном плане. Но, разумеется, лишь при соблюдении условий максимально доступной полноты и разносторонности собираемых и подлежащих анализу материалов, а также интеллектуальной честности по отношению к взглядам и фактам, не согласующим с собственной концепцией, а также ей противоречащим. Это относится и к естественным, и к социальным наукам.

Поэтому после завершения начальных стадий работы, ценности и убеждения исследователя, во избежание предвзятости, должны быть «заперты на ключ». Например, это представляется очень важным моментом в конкретной социологии, начиная от формулирования программных и вытекающих из них анкетных вопросов и до отбора анкетеров. Это необходимое условие научной достоверности исследования, отличающее его от псевдонаучных, тем или иным образом ангажированных штудий, которыми, в частности, отличаются опросы и выводы ряда наших политологических и социологических центров.

На неизбежность влияния человеческого фактора на любую интеллектуальную деятельность просто надо не закрывать глаза, а принимать это во внимание, учитывать и при необходимости ограничивать или даже элиминировать. Да и вообще я не считаю идейную индифферентность, идеологическую стерильность таким уж необходимым атрибутом «научности», объективности. Разумеется, убеждения, политические ориентации, а, тем более, эмоции, чувства не должны влиять на объективность в процессе научного анализа, особенно на его технологическую часть и стадию работы с материалом. Но полностью абстрагироваться от своих взглядов невозможно не только в политике, но и в науке, да и вообще в самых разных областях человеческой деятельности. Применительно же к науке достаточно вспомнить о факторе принадлежности исследователя к той или иной научной школе с верностью принятой в ней когнитивной парадигме, что налагает на его видение проблемы достаточно жесткие ограничения. Они как бы изначально заданы рамками конкретной области знания или, даже уже, научной дисциплины или личной концепции. Все это нельзя устранить. Да и вопрос –

нужно ли. Поэтому названные обстоятельства следует учитывать как данность, как неизбежность, притом, разумеется, не закрывая на них глаза. Именно так, по-моему, можно блокировать возможный вред от нашей имманентной субъективности, ценностной и концептуальной ангажированности. Так что позиция исследователя, заявляющего о своей якобы полной ценностной и эмоциональной отстраненности от социального или гуманитарного объекта изучения, о своем холодном (или даже «циничном») безразличии к результатам не вызывает особого доверия, а скорее даже представляется неким интеллектуальным лукавством или кокетством.

Факторы методологические

Подмена содержательных критериев оценки научной значимости работ сугубо формальными показателями. Я имею в виду доходящую почти до абсурда абсолютизацию таких критериев оценки труда ученого как публикационная активность, т. е. количество его статей в так называемых высокорейтинговых журналах, индекс цитируемости его работ, регулярность публикаций и т. п. Между тем обстоятельные исследования данного феномена показывают их, мягко говоря, ограниченную адекватность, а отчасти – и искажающий объективную картину характер [Рубинштейн 2019: 245–259; Рубинштейн, Городецкий 2018]. «Игра в цифирь» как инструмент управления наукой не слишком нужна как самим ученым, так и институту науки как таковому. Ибо профессионалы в любой из сфер областей науки, как правило, и так знают, «кто есть кто» в их сфере исследований. Формальные же показатели дают по видимости простую, но на самом деле обманчивую картину. В основном, они нужны тем, кто в самой науке слабо разбирается, но по должности или другим причинам нуждается в «простоте» и ясности. Прежде всего, чиновникам разных уровней. Им они действительно облегчают жизнь, и данным обстоятельством не следует совсем уж пренебрегать. Но вряд ли это должно быть едва ли не основным критерием оценки ценности научных исследований и работ конкретных исследователей. Цитируемость, трактуемая как измеритель эффективности науки, превратилась «в административную дубинку», которая не только ранжирует ученых по этому показателю, но и оценивает их вклад в научные разработки», искажает основания и критерии оценки научной значимости исследований Неадекватность и негативные последствия этого в сфере гуманитарного знания обстоятельно проанализированы в работе коллектива философов [Идеи и числа… 2016: 59–60]. Да и в целом административное принятие якобы существующей прямой связи научной ценности публикаций с их цитированием, породило нарастающий поток некачественных работ, обусловив «ущерб реальной содержательной деятельности» [Мастепанов 2020: 5, Молини, Боденхаузен 2017, Рубинштейн , Бураков 2021].

Сказанное, разумеется, не означает отрицания практической полезности наукометрии как таковой. На мой взгляд, она имеет вполне определенную, хотя и ограниченную, инструментальную ценность и сферу применения. Но в нашей несовершенной реальности ее неоправданно широкое, повальное использование в качестве ведущего критерия оценки научных работ и исследователей породило такие негативные последствия, как понижение качества исследований, стимул (а для многих – и необходимость) стремиться не к глубине исследования, а к «валу» статей, продуцировало мелкотемье, нарастающий массив скороспелых, имеющих малую научную ценность публикаций.

Я уж не говорю о разного рода манипуляциях с искусственной «накачкой» рейтингов как журналов, так и подвизающихся на ниве науки морально нечистоплотных людей. А поскольку спрос рождает предложение, то появились многочисленные журналы, «обслуживающие» эту якобы объективную, но на самом деле далеко не адекватную, систему. Думаю, большинство из нас регулярно получает «заманчивые» предложения от разных, в лучшем

случае, сомнительных изданий. Повторюсь: она удобна прежде всего людям, от науки далеким, но желающим или уполномоченным оценивать ее эффективность. Что соответствует обозначенному в начале статьи тренду избыточной бюрократизации и формализации управления наукой.

Подобная работа на формальный «показатель», печально памятная людям старшего поколения еще по советским временам, уже однажды, на примере экономики СССР, продемонстрировала свою контрпродуктивность и в конечном счете стала одной из причин кризиса советской управленческой машины. И попытки ее воспроизведения в нынешних, существенно иных условиях, особенно применительно к такой области как наука, которая по самой своей сути содержит высокий уровень неопределенности, на мой взгляд, оказывают весьма негативное влияние на потенциал и перспективы ее полноценного развития. К тому же якобы произошедшее в результате формализации критериев оценки повышение управляемости наукой во многом иллюзорно, а то и просто вводит в заблуждение. Плата же за повсеместное внедрение этой управленческой модели, увы, немалая – ущерб социальным наукам как институту, призванному создавать знание, отвечающее реальным общественным интересам, а не подстраивать работу под конъюнктурные служебные нужды чиновничьего аппарата. Поэтому представляется естественным в целом отрицательное отношение большинства ученых, во всяком случае, в академической среде, к навязанной научным коллективам и сотрудникам стандартам оценки их труда, порождающим принципиально ущербные «правила игры»,

Избыточные требования к стандартизации научных текстов по структуре и формату изложения, к их формальному единообразию. Вероятно, это имеет воспитательное и дисциплинирующее значение для исследователей, находящихся на ранних стадиях научной карьеры. Но как обязательный подход это представляется скорее вредным, чем полезным. Думается, что в таком творческом по своей сути виде интеллектуальной деятельности как наука, а, тем более наука социальная, любая унификация, как минимум, не способствует привлечению и выдвижению людей с неординарным типом мышления и способами выражения мыслей. Стремление же их «построить», предъявляя, например, к подаваемым в журналы статьям универсальные требования по форме и структуре изложения материала, «выталкивает» за пределы научных изданий их размышления и тексты. На мой взгляд, это отражает один из пороков бюрократического сознания с его склонностью к упрощенческому, «плоскостному» видению вопросов, что имманентно чуждо подлинной науке. И экспансия подобного видения на науку неприемлемо и контрпродуктивно. Требования, справедливые по отношению к текстам, носящим правовой или административно управленческий характер и потому по своему назначению обладающим нормативной, инструктивной силой, вряд ли уместны по отношению к текстам научным, по природе своей творческим, свободным и, как правило, в той или иной мере дискуссионным.

Условие обязательности эмпирического доказательства каждого утверждения и научного суждения. Данное условие, видимо, более или менее адекватно по отношению к естественным и техническим наукам, но по отношению к наукам социальным и гуманитарным не представляется однозначно и тем более категорически необходимым. Это связано со спецификой социальных объектов как систем очень высокой сложности и многофакторности, со спецификой и ограничениями доступа к информации о них, с ее принципиальной неполнотой и довольно высокой вероятностью неполной достоверности информации, а также значительно более широкой, по сравнению с точными науками, возможностью различной, вплоть до альтернативной, интерпретации полученных данных. Вообще проблемы, связанные с эмпирическими данными, с отношением к ним, достаточно сложны и далеки от однозначного их толкования. Например, Карл Попер, полемизируя с идеями логического позити-

визма Венского кружка, предложил заменить критерий верификации суждения критерием принципиальной возможности его эмпирического опровержения, т. е. фальсифицируемости суждения. Это направление получило название постпозитивизма. И не случайно работы Нобелевских лауреатов 2021 года по экономике посвящены, в частности, «революции достоверности» (термин введен одним из лауреатов Джошуа Энгристом).

А рассматриваемое «принуждение к эмпиричности» ограничивает рамки научного поиска и суждения представляется ущербным как онтологически, так и эпистемологически. И ведет оно к серьезным содержательным потерям, ибо порой на подобном ложном основании с порога отвергаются суждения обобщающего, философского в широком смысле этого слов, характера как якобы публицистические и «ненаучные». Иными словами, в статусе «научности» отказывается суждениям и оценкам общего, концептуального характера лишь потому, что они впрямую и строго не верифицированы эмпирикой, хотя зачастую за ними стоят и глубокие размышления, и опыт. В этом отношении это требование аналогично по последствиям предыдущему из рассмотренных нами факторов. На мой взгляд, это имеет серьезные негативные последствия для адекватного аналитического осмысления социальных феноменов и процессов, работая тем самым на то понижение общественного авторитета социальных наук, которое мы, к сожалению, последнее время наблюдаем. В частности, подобные последствия влечет за собой непризнание научной корректности использования метода ***включенного личного наблюдения*** исследователя, что, например, в науках об управлении служит одним из важнейших источников получения достоверной информации.

Завышенные ожидания, связанные с перспективами развития «искусственного интеллекта», цифровизацией, big data и т. д. Этот, несомненно, позитивный и многообещающий тренд, как и любой сложный феномен, помимо несомненных и явных достоинств, имеет и определенные издержки и даже содержит потенциальные опасности. Как мы знаем из истории и самой науки, и из до конца непродуманных, «лихих» попыток внедрения ее результатов в практику, и из других областей жизни, чрезмерно оптимистические ожидания, в случае избыточности возлагаемых на явление надежд, парадоксальным образом могут оказаться в чем-то даже и контрпродуктивными. Как известно, такое нередко происходит, когда некое, в основе своей пусть даже самое прогрессивное, явление начинает рассматриваться как некая универсальная панацея, обязательная для немедленного внедрения, что в результате недостаточно квалифицированно, а то и кампанейски, происходит.

В качестве аналогии можно вспомнить хотя бы ажиотаж и последующее разочарование, связанные с приходом в социальные науки кибернетики в 60-е – 70-е годы. Тогда, после ее политической «реабилитации», последовали попытки тогдашних властей подменить радикальное реформирование уже очевидно неэффективной централистской модели государственного управления повсеместным внедрением системы АСУ. В итоге все это вылилось в профанацию и манипуляции, причем на всех уровнях управления, и обошлось государству примерно в 30 миллиардов тогдашних рублей. Можно привести немало и других, более свежих примеров как в науке, так и за ее пределами. Но это отвлекло бы нас от главной темы.

На мой взгляд, подобные упования на цифровую «волшебную палочку» отчасти носят иллюзорный характер. С моей точки зрения, они лучшем случае представляют собой благонамеренный самообман, а на деле являются технократической попыткой ухода от базовых проблем и причин неблагополучия. В худшем же, имеющем, увы, небезосновательные, опасения варианте за этим видится попытка возродить над обществом тоталитарный контроль, но на новой, «прогрессивной», основе.

Дабы не быть неправильно понятым, еще раз подчеркну, что сказанное выше ни в какой мере не направлено против диджитализации общественных наук как таковой. Это было бы нелепо. В целом, развитие адекватных математических методов анализа социальных яв-

ления, формирование адекватной, честной статистики, различных сетей, баз данных и т. д. несомненно работает на прогресс науки. Речь о другом – о перекосах, о возникающих и, как мне кажется, недооцениваемых опасностях чрезмерным увлечением ими и понижением в результате этого внимания к другим, не менее важным, компонентам научного знания и оценки научных текстов. В частности, об определенной девальвации, как мне кажется, роли ***эвристики***, ***научной интуиции*** исследователя, которая порой выводит мысль исследователя за пределы не только «цифири», но и даже рационального в узком смысле слова. К тому же и само понятие рациональности, как известно, неоднозначно в гносеологическом смысле. Например, французский философ Жак Маритен, рассуждая о рациональности применительно как раз к получению знания в социальной и гуманитарной областях – подразделяет ее на два вида – рациональность техническую и рациональность моральную [Маритен 2000: 59].

Полагаю, здесь уместно вспомнить знаменитую парадоксальную фразу Нильса Бора о теории, недостаточно безумной, чтобы быть истинной. Если отвлечься от ее иронической заостренности, то, мне кажется, ее смысл – подчеркнуть важность **интуитивного,** выходящего за пределы рационалистического, подхода к объекту научного исследования.

В итоге ***соблазн формального наукообразия,*** возникающий по совокупности названных моментов, представляет, с моей точки зрения, угрозу науке как институту, производящему *реальное* научное знание Подобное редукционистское, ограниченное, интеллектуально обедненное понимание науки отсекает логический анализ и «абстрактные» рассуждения, которые чаще всего и дают самое важное приращение знания и выводят нас на более высокий уровень понимания социальных процессов. При этом как бы за рамками «подлинной» науки оказываются целые области и пласты общественно значимого социального и гуманитарного знания – социальной философии, теории политики, ряда гуманитарных наук.

Зато статус научности зачастую приобретают тексты, включая и статьи во вроде бы авторитетных журналах, на самом деле представляющие малую содержательную ценность, а то и просто пустые. Наукой они признаются во многом лишь благодаря наличию в них рядов «цифири» и колонок таблиц. Эвристическая же их ценность, причем не только в теоретическом, но и в прикладном, практическом отношениях часто близка к нулю. К тому же они при этом иногда вытесняют из научных изданий работы содержательные, но не подкрепленные доказательствами в математизированных формах. Вопрос, кому это выгодно, пока оставим за рамками рассмотрения.

Последствия названных деформаций

Обо всем этом важно говорить и думать, поскольку негативные последствия и для качества научных работ, и для научных судеб конкретных исследователей, достаточно серьезны. Вопреки всем благостным официальным уверениям и формальным показателям, они видны невооруженным глазом. Конечно, это, к счастью, не исключает ни появления интересных, а, в отдельных случаях даже прорывных исследований, ни публикации их результатов. Однако происходит это скорее вопреки описанным факторам и тенденциям, а благодаря таланту, энтузиазму, преданности подлинным научным ценностям отдельных ученых и их групп, коллективов. Общий же тренд и его изложенные выше основные элементы, на мой взгляд, не вполне благоприятствуют полноценному развитию социальных наук, а в чем-то и работает на понижение их уровня.

Их кумулятивный негативный эффект, по моему мнению – определенная **девальвация фундаментальной науки** в социальной сфере исследований, **понижение ее репутации** и частичное вытеснение ее **научными симулякрами**. А любые индексы цитирования, и так называемая публикационная активность даже в лучшем случае могут лишь косвенно свидетельствовать о состоянии той или иной области науки, а порой и камуфлируют неблагополу-

чие. В некоторых же политически чувствительных областях это привело к неполной адекватности научного описания явлений и, как следствие, неполноценности их анализа. Более того, в некоторых случаях есть основания говорить даже о неполноценности научной дисциплины в целом.

Я понимаю, что изложенное может быть неприятно для многих коллег исследователей, вызывать у них протест и возражения. Мне самому сознавать и писать это было психологически непросто и даже травматично, поскольку посвятил занятиям социальной наукой основную часть жизни. Но именно поэтому считаю своим долгом поделиться с коллегами этими тревожными соображениями. Разумеется, они ни в какой мере не должны задевать многих прекрасных, умных, добросовестных ученых, плодотворно работающих в разных областях социального знания. Тем не менее проблемы, на мой взгляд, достаточно серьезны и закрывать на них глаза противоречило бы нашим общим интересам. И тут, как и во многих других отношениях, нельзя обойтись без человеческого фактора, без **сознания своей социальной ответственности самими учеными**, без морального отторжения ими роли «ученых приказчиков» даже при неблагоприятных ситуативных обстоятельствах, порой ценой даже личных карьерных и материальных потерь. Разумеется, принятие подобного рода решений – личный выбор каждого. Но на мой взгляд, это – очень существенная часть «морального контракта», заключаемого при вступлении на научную стезю.

В любом случае вряд ли можно избежать как периодически возникающих коллизий разного рода, так и сложностей, связанных с моральным выбором. И, конечно, делать выбор, условно говоря, «правильный», т. е. соответствующий как принципам научной и просто человеческой этики, так и личным интересам самого исследователя, и, в каких-то случаях, его пониманию общих интересов науки, гораздо легче и комфортней, если существуют адекватные институты, обеспечивающие ее функционирование как особой, специфической области человеческой деятельности. Независимость интеллектуальных, в частности, научных, суждений должна быть защищена институционально, с чем у нас, как известно и было показано выше, есть проблемы. Ибо при наличии полноценных институтов корпоративная этика учёных, как и представителей других творческих профессий, не допустит прямого вмешательства административного аппарата в профессиональные вопросы. Что, конечно, не исключает порой весьма нелицеприятных дискуссий и жестких публичных споров внутри самих интеллектуальных сообществ. Однако, уповая на перспективы совершенствования институтов, с моей точки зрения, представляется как минимум, не вполне морально полноценным избавлять себя от личной ответственности за поступки «здесь и сейчас». Ведь даже в условиях несовершенных институтов сохраняется возможность делать достойные и полезные вещи. И, с другой стороны, даже хорошие институты не гарантируют от совершения отдельными людьми поступков недобросовестных.

В заключение хотелось бы высказать надежду, что привлечение внимания к систематизированным в статье деформациям науки может сыграть определенную положительную роль.

Государственная служба… 2009. *Государственная служба: комплексный подход: история, политология, страноведение, оплата труда, реформы, право*. – М. Дело.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. 2015. *Выбирая свою историю*. – М. Corpus.

Макаренко В.П. 1985 *Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса*. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета.

Маритен Ж. 2000. *Человек и государство*. – М.: Идея Пресс.

Мастепанов А.М. Публикационная активность в научных изданиях: отражение научных достижений или способ выбивать деньги – *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. – 2020. – № 9. – С. 189.

Молини А., Боденхаузен Д. 2017. Библиометрия как оружие массового цитирования. – *Вестник Российской академии наук*. – Т. 87. – № 1.

Льюис К. 1992. *Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты*. – М. Республика.

Оболонский А.В. 2002а. *Человек и власть*. –М. Наука.

Оболонский А.В. 2002б. *Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия*. – М. Дело.

Оболонский А.В. 2014. Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия). – *Вопросы государственного и муниципального управления*. – № 2.

Оболонский А.В. 2019. Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания). – *Общественные науки и современность*. – № 1.

Рубинштейн А.Я. 2019. Не РИНЦем единым. – *Журнал НЭА*. – № 4(44). – С. 245–259.

Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. 2018. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ. – *Журнал институциональных исследований*. – Т. 10. – № 4.

Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. 2021. Экономические журналы в оптике наукометрии. – *Журнал НЭА*. – № 2(50).

Травин Д.Я. 2018. *«Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского*.. – СПб.

Травин Д.Я. 2021. *Почему Россия отстала?* – СПб. Изд-во Европейского университета в СПб.

Crosier M. 1964. *The Phenomenon Bureaucratic*.

Ostrom V. 1973. *The Intellectual Crisis in American Public Administration*. – Tuscaloosa, London: The University of Alabama Press..

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ИНСТИТУТАМИ

А.С. Гусаров,
Д.Ю. Знаменский
Государственный университет управления

Аннотация: *Темой данной статьи является исследование особенностей отечественных политико – культурных аспектов при взаимодействии экспертных сообществ с политическими институтами. Данное научное исследование проводилось в форме интервью. В качестве респондентов выступили члены экспертных сообществ и представители политических институтов. Актуальность статьи заключается в том, чтобы, проанализировав представленные ответы на заданные в ходе интервью вопросы, касающихся опыта становления респондентами членами экспертных сообществ, взаимодействию с экспертными сообществами, если респондент является членом политического института, вопросы, касающиеся процессов отбора и поиска экспертов в экспертные сообщества, а также вопросы о текущей роли участия экспертных сообществ в формировании государственных политик. Проведенное исследование укажет, какие существуют проблемы политико – культурного толка во взаимодействии экспертных сообществ с политическими институтами власти и поможет сформировать текущее видение данной ситуации посредством проведенного опроса непосредственных участников такого взаимодействия.*

Ключевые слова: э*кспертные структуры, политические институты, культурные аспекты, государственная политика, государство, политика.*

Исследования в области анализа политико-культурных аспектов процесса взаимодействия экспертных сообществ и политических институтов необходимы для понимания особенностей процессов формирования российской культуры отбора экспертов, представляющих те или иные экспертные сообщества, из которых выбираются специалисты по определенным отраслям деятельности. Разобраться, является ли экспертное сообщество важной частью гражданского общества в процессе выработки и принятия политических и управленческих решений и какую роль оно играет.

Отобранной группе опрашиваемых лиц был задан ряд вопросов, касающихся начала их деятельности в качестве экспертов и их участия в экспертном сообществе, областей, из которых пришли эксперты, процесса отбора экспертов в экспертные сообщества, роль экспертных сообществ во взаимодействии с политическими институтами.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.2734

Ответив на поставленные вопросы, будет сформирована общая картина современного состояния экспертного сообщества, его легитимности и фактического влияния на формирование государственной политики и управленческих решений.

Первый вопрос, который задавался респондентам, касался начала их деятельности в качестве экспертов или, в случае представителей политических институтов, как начинался их опыт взаимодействия с экспертным сообществом. Второй вопрос касался направлений деятельности, в которых приняли участие эксперты и представители политических институтов и органов власти. Третий вопрос касался определения направлений деятельности в процессе отбора экспертов.

Респондент Б. охарактеризовал начало своей экспертной деятельности следующим ответом: «За свою практику я прошел путь от рабочего до доктора наук. Работал в научных организациях. Можно сказать, что весь мой жизненный и практический опыт в различных областях позволил мне сформировать точку зрения на основные моменты жизненного пути человека и на главное направление – это развитие отечественной экономики. Был собран достаточно богатый жизненный опыт в различных направлениях жизни, что нашло отражение в принимаемой деятельности в экспертных сообществах [Интервью с респондентом Б.].

Респондент Б. охарактеризовал личностное формирования как эксперта через прохождения большого жизненного пути, в ходе которого был накоплен практический опыт.

Респондент Б. участвует во многих экспертных сообществах по экономическим вопросам. Благодаря широкому спектру имеющихся знаний, большому практическому опыту, участию в научной сфере общества, этот специалист востребован во многих профессиональных кругах и приглашается на различные темы.

На вопрос о том, из каких областей отбираются эксперты, интервьюируемый Б. ответил: «В большей степени это касается юристов и экономистов. Есть специалисты из вузов. Экономисты говорят со своей точки зрения, они не могут быть полностью включены в правовое поле. Есть много высококлассных юристов, которые участвуют в качестве членов экспертного совета, которые, возможно, предоставляют широкий спектр информации и толкований юридических тонкостей, в которых экономисты не очень хорошо разбираются. Не скажу, что у нас много представителей научного сообщества. В основном практики. Сама суть сообщества заключается в том, чтобы получить связи снизу с частным сектором экономики, компаниями и хозяйственными структурами, в том числе с государственными предприятиями. Если я пришел к науке с практикой, то многие вышли с академической скамьи, поэтому они не ориентированы на практику. Но, тем не менее, у академиков содержится колоссальный запас научных знаний, которые необходимо использовать, а практики, порой, могут даже не знать. Этот симбиоз позволяет использовать весь имеющийся потенциал, как научный, так и практический» [Интервью с респондентом Б.].

Исходя из ответа, интервьюируемого Б., можно сказать, что эксперты выходят из достаточно широкого спектра деятельности. Это могут быть как практики, так и теоретики. К экспертам можно отнести людей из коммерческих и общественных структур. К теоретикам относятся представители сфер академической деятельности, представляющие экономическое и правовое направления науки.

Респондент В. на вопрос о начале экспертной деятельности ответил так: «Профессиональная деятельность – это самое элементарное. С возрастом появился опыт в конкретных сферах деятельности, в большей степени в государственной деятельности, на государственной службе. Поэтому экспертные группы стали приглашать меня в качестве эксперта. То есть началось все с приобретения теоретических и практических знаний. По мере освоения стали приглашать в качестве экспертов различные органы государственной власти [Интервью с респондентом В.].

Характеризуя направления, в которых участвовал респондент В. дал следующий ответ: «Я накопил достаточно большой опыт участия в экспертных структурах при разработке документов, касающихся политики в сфере государственной службы. Кроме того, участвовал в качестве члена экспертно-консультативного совета в разработке ряда нормативных правовых актов. Более того, можно добавить, что принимал участие в формировании не только миграционной, но и национальной политики [Интервью с респондентом В.].

Исходя из ответа, опрашиваемого В., можно сказать, что эксперт вел активную деятельность в конкретной сфере деятельности, в которой он приобрел практический опыт через государственную службу в органе государственной власти.

На вопрос, из каких сфер деятельности чаще всего приглашают экспертов, респондент В. ответил так: «Кроме представителей органов государственной власти, приглашают и тех, кто ранее состоял в различных структурах государственной власти. Очень часто приглашаются представители академических наук и представители учебных заведений, преподаватели, хорошо знающие и практику, и теоретический подход. Приглашают экспертов, прошедших практику в негосударственных структурах. Может быть, им не хватает теоретических подходов, но они знают, как работает реализация на практике [Интервью с респондентом В.].

Респондент Г. на вопрос о начале своей деятельности в экспертных кругах дал следующий ответ: «Впервые я был приглашен на экспертное совещание в Министерство финансов Российской Федерации в ноябре 1998 года. Тогда была разработана часть 1 Налогового кодекса, и депутат Госдумы пригласил меня и моих единомышленников на эту встречу для защиты интересов НКО. Состоялся ряд встреч на достаточно высоком уровне. Со стороны государства был руководитель Департамента налоговой политики, а с нашей стороны депутат Госдумы и несколько экспертов, в том числе и я. Я работаю в НКО с 1988 года, а с 1993 года я стал специализироваться на их консультировании, то есть стал специалистом в сфере деятельности НПО» [Интервью с респондентом Г.].

Как мы с вами видим, опрошенный Г. начал свою деятельность в качестве эксперта по приглашению уполномоченного лица органа государственной власти. Благодаря накопленному практическому опыту в сфере НКО, интервьюируемый стал полноправным членом сообщества экспертов в области деятельности НКО.

На вопрос об участии в сферах деятельности респондент Г. дал следующий ответ: «О налогообложении НКО, об упорядочении бухгалтерского учета в НКО и по общим вопросам создания и ведения деятельности НКО» [Интервью с респондентом Г.].

Собеседник Г. на вопрос о привлечении экспертов в экспертные сообщества дал следующий ответ: «В моей сфере можно ответить в прошлом времени, потому что на данный момент взаимодействие с экспертами очень затруднено. Раньше из нескольких направлений: специалисты по юридическим, финансовым вопросам и специалисты по деятельности НКО. Взаимодействие было достаточно напряженным, но присутствовали и представители науки, академической сферы, практики и представители власти. По моему опыту, большинство из них практикующие» [Интервью с респондентом Г.].

Из этого ответа на выше поставленный вопроса можно сделать вывод, что опрошенный Г. сообщает, что в большинстве случаев в качестве экспертов, направленных на социальную сферу общества, приглашаются специалисты из экономической и правовой сферы. Также могут быть приглашены представители научных сфер деятельности и органов власти.

Респондент Д. дал следующий ответ о начале участия в экспертных сообществах: «Опыт начался с работы в Комитете поддержки и развития молодежного предпринимательства Московской торгово-промышленной палаты, затем был продолжен в участии в Экспертном совете по Инновационному развитию в Московской торгово-промышленной палате» [Интервью с респондентом Д.].

Респондент Д. описал свое участие в экспертном сообществе через получение практического опыта.

Относительно сфер деятельности экспертного сообщества опрошенный Д. дал следующее пояснение: «В рамках заседаний Экспертного совета по инновационному развитию Московской торгово-промышленной палаты участвовал в качестве модератора заседаний по таким темам как «Инновационные возможности в сфере парковочных мест в Москве», «Вопросы получения лицензий на инновационную продукцию» и др. [Интервью с респондентом Д.].

На вопрос, из каких направлений чаще всего приглашаются эксперты, респондент Д. отвечает: «Экспертный совет при Московской торгово-промышленной палате имеет равномерное распределение экспертов по следующим направлениям: информационные технологии; здравоохранение и медицина; образование и спорт; инфраструктурные решения и комфортная городская среда; совершенствование производства и промышленности; безопасность; транспорт; жилищно-коммунальное хозяйство и экология; туризм и отдых» [Интервью с респондентом Д.].

Респондент Н. начал свое взаимодействие в качестве представителя политического института с экспертным сообществом следующим образом: «Опыт общения с общественными организациями и экспертами достаточно большой. Я начинал как общественный деятель и до политической деятельности сам занимался общественной деятельностью, а именно организацией мероприятий, движений. На основе этого уже возник ряд политических инициатив, которые я реализовал, в том числе с различными партиями» [Интервью с респондентом Н.].

Можно сказать, что у данного респондента Н. опыт взаимодействия с экспертами начался с участия в общественных организациях с последующим включением в политический институт.

Респондент Н. указывает следующие направления деятельности, по которым он взаимодействовал с экспертными сообществами: «Во-первых, вопросы экологии. Для решения экологических проблем необходим глубокий профессиональный опыт, подпитываемый существующими законодательными инициативами. Необходимо понимать, что происходит прямо сейчас. Вторая история – урбанистика. Урбанизм достигает очень высокого уровня инициативы среди граждан, и партия должна реагировать на запросы граждан. Третье – спорт. Спортивная индустрия и спортивное сообщество как субкультура [Интервью с респондентом Н.].

Исходя из ответа, можно сказать, что в сферах экологии, градостроительства и спорта респондент Н. как представитель политического института привлекал экспертов для проведения углубленной экспертизы в этих сферах деятельности.

Респондент О., который также является представителем политического института, охарактеризовал начало взаимодействия с экспертным сообществом так: «Не очень большое. Раз в год, иногда три раза в год, как член партии, принимаю участие в различных конференциях, организуемых экспертными сообществами. Приглашаем самих экспертов на круглые столы в Государственной Думе, организованные партией. На эти конференции приезжают эксперты, политологи, которые выступают с докладами на определенные темы» [Интервью с респондентом О.].

Собеседник О. описал следующие направления деятельности, в которых он принимал участие во взаимодействии с экспертным сообществом: «Учитывая длительное пребывание в партии, было много вопросов на рассмотрении. В основном это касалось вопросов, связанных с деятельностью избирательных и наблюдательных комиссий, с избирательными процессами, а также совещаний по жилищно-коммунальному хозяйству, здравоохранению, в ко-

торых приняли участие представители научных и академических школ, представители различных общественных организаций» [Интервью с респондентом О.].

Респондент Т., входящий в экспертное сообщество, описал свой путь вхождения в экспертное сообщество следующим образом: «В различных министерствах и ведомствах созданы рабочие группы, куда приглашены представители общественности. Не помню точно, когда это было в первый раз. Первый общественный совет, в котором я участвовал, под эгидой Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации» [Интервью с респондентом Т.].

На основании этого ответа респондента Т можно сделать вывод, что этот респондент является выходцем из общественной сферы.

Относительно сфер деятельности, в которых респондент Т. привлекался в качестве эксперта, был дан следующий ответ: «В социальной сфере, в частности, социальное обеспечение граждан, социальная защита различных категорий граждан и связанные с ними вопросы, а также социальная ответственность бизнеса, отчетность об устойчивом развитии, социальное продвижение. В основном с государственными органами властями [Интервью с респондентом Т.].

Судя по этому ответу, собеседник Т. является специалистом в социальной сфере и социальной политике государства.

Респондент Т. на вопрос, из каких сфер деятельности чаще всего привлекаются эксперты, сообщает следующее: «Экспертов привлекают из научного сообщества, из общественных организаций, из частного сектора экономики, из органов государственной власти и органов местного самоуправления, исследовательские центры, центры изучения общественного мнения или СМИ [Интервью с респондентом Т.].

Возвращаясь к опрошенным, принадлежащим к политическим институтам, опрошенный Ф. ответил на следующий вопрос о начале взаимодействия с экспертным сообществом: «Взаимодействие происходило с представителями науки, с профессионалами, с приглашенными экспертами, муниципальными депутатами, политтехнологами» [Интервью с респондентом Ф.].

Респондент Ф. более подробно описал формы взаимодействия с экспертами в следующем вопросе о сферах взаимодействия с экспертами: «Я был как слушатель. Я сам в партии с момента ее основания, и когда все началось, партия ни с кем не сотрудничала. Все изменилось после последних выборов. Было больше взаимодействия с экспертными группами. Стали организовываться круглые столы и форумы. Участвовал в партии в части работы в общественной приемной, координируя работу с экспертными кругами [Интервью с респондентом Ф.].

На основании этих двух вопросов можно сделать вывод, что интервьюируемый Ф. кратко описал, из каких сфер происходило взаимодействие с экспертами и какое непосредственное участие имел сам интервьюируемый с экспертными сообществами.

Респондент Ш., являющийся членом экспертного сообщества, рассказал о своем первом опыте работы в экспертных структурах: «Работал в Министерстве экономики, в Департаменте экономического развития и торговли и, таким образом, участвовал в экспертных структурах. Сначала в правительстве. Через государственную службу [Интервью с респондентом Ш.].

Интервьюируемый Ш. выходит с государственной службы и, таким образом, через практический опыт попал в экспертные структуры в этой сфере деятельности.

Сферы деятельности, в которых респондент Ш. принимал участие в качестве эксперта, описал следующее: «По-разному. Подготовка кадров, развитие экономики, развитие естественных монополий, тарифообразование и т. д.» [Интервью с респондентом Ш.].

Респондент Ш., отвечая на вопрос о сферах деятельности, из которых эксперты привлекаются в экспертные сообщества, дал краткий ответ: «Из профильных организаций. Определяется тематика группы экспертов. Как правило, это специалисты промышленного, научного и образовательного сообщества [Интервью с респондентом Ш.].

Обобщая вопросы, связанные с началом опыта экспертной деятельности или взаимодействия с экспертными сообществами, а также вопросы о направлениях деятельности, в которых участвовали эксперты и представители государственных и политических структур, можно сделать следующие выводы.

Чаще всего пул экспертов формируется из состава государственных служащих или бывших государственных служащих в сферах, в которых формируется состав экспертных сообществ. Также часто встречаются специалисты из государственных и коммерческих структур, которых можно кратко охарактеризовать как практиков. Бывают также случаи, когда представителей науки приглашают в экспертные структуры. Налажено взаимодействие с экспертами и политическими институтами путем приглашения экспертных структур для оказания помощи в выработке рекомендаций по конкретному комплексу вопросов.

По направлениям деятельности эксперты участвуют в широком спектре, особенно по вопросам, связанным с экономическими, правовыми, инновационными, жилищными, экологическими, социальными и др. Направлениями деятельности, из которых можно сделать вывод о том, что сферы деятельности экспертных сообществ достаточно широки.

Представителям экспертных структур, а также представителям политических институтов, взаимодействующих с экспертными сообществами, был задан вопрос, являются ли экспертные сообщества реальным инструментом в процессе принятия политических и управленческих решений, или же экспертные сообщества играют символическую роль в легитимации тех или иных принимаемых решений.

На этот вопрос респондент Б. дает следующий ответ: «Я давно работаю в общественных советах, и советы в прошлом выполняли функцию, скажем так, легитимации. Теперь учитываются даже те мнения, высказанные экспертами, которые идут против течения, и эксперт может обозначить свою позицию и сказать, что он не согласен. Нужен протокол, он обязательно будет введен, был, а сейчас такого нет. Мнение фиксируется, ставится отметка. Как это будет воспринято – второй вопрос. Эксперты стали высказывать свою точку зрения, не опасаясь, что их будут ругать или говорить, что массы надо поддерживать» [Интервью с респондентом Б.].

На основании этого ответа респондента Б. можно сделать вывод о том, что через определенный промежуток времени экспертные структуры стали играть более самостоятельную и реальную роль в выражении тех или иных позиций. Конечно, к ним не всегда прислушиваются, но экспертные сообщества имеют право высказать свое мнение.

Вот что говорит об этом респондент В.: «Абсолютно, однозначно экспертное сообщество формирует мнение тех, кто принимает решения. Например, пенсионная реформа. Сначала это было не очень заметно. Массово стали подключаться какие-то эксперты, выступления в СМИ. В конце концов, мне все же удалось убедить. Благодаря участию экспертного сообщества удалось реализовать этот законопроект на практике» [Интервью с респондентом В.].

На примере, приведенном собеседником В., можно сказать, что экспертные сообщества обладают определенным влиянием, однако могут использоваться и как инструмент для реализации тех или иных решений.

Относительно роли экспертных сообществ во взаимодействии с политическими институтами собеседник Г. говорит: «Нулевые чтения имеют символическое значение. А вот на остальных площадках, таких как круглые столы, форумы – это реальный инструмент, но эффективность его не очень высока. Предположим, люди потратили сто часов на разъяснение

своей позиции, подготовку предложений, чтобы, если эти предложения будут потеряны или проигнорированы, они были представлены повторно. И из этих 100 часов работы государство может учесть или, возможно, проигнорировать то или иное предложение в своем документе. Эффект есть, но эффективность очень низкая» [Интервью с респондентом Г.].

Как видно, респондент Г. отмечает, что во взаимодействии экспертных сообществ с политическими институтами чаще всего присутствует символическая роль тех или иных решений, принимаемых властями экспертами, однако в случае сотрудничества вне рамок общественных советы, экспертные сообщества – реальный инструмент, но чаще всего эти рекомендации не учитываются.

Вот вывод респондента Д. о реальной роли экспертных сообществ: «Наличие подтверждения решения независимыми внешними экспертами является серьезным инструментом его аргументации. Положительным является то, что эксперты, подтверждающие заведомо неэффективные решения, быстро теряют свое значение в деловом мире [Интервью с респондентом Д.].

Здесь можно сказать, что опрошенный Д. допускает возможность использования сообщества экспертов в качестве инструмента для продвижения каких-то заведомо неэффективных решений, однако оставляет свою долю оптимизма, ссылаясь на то, что такие эксперты теряют престиж и репутацию.

Респондент Н. на вопрос о реальной роли экспертных сообществ представил следующий ответ: «Я думаю, что в публичном поле они существуют для легитимации, но ведется предварительная беседа со многими экспертами, за кулисами. То есть она ведется не открыто, возможно, чтобы не привлекать экспертов к лишней огласке. Например, при принятии различных нормативных правовых актов Государственной Думой. Безусловно, есть закулисные обсуждения с экспертами, в том числе внутри партий. Мы об этом не узнаем» [Интервью с респондентом Н.].

Респондент Н. акцентирует внимание на том, что экспертные сообщества фактически функционируют в закрытом пространстве, а в открытом пространстве являются подтверждающим инструментом легитимации тех или иных решений.

Респондент О. на вопрос о реальной роли экспертных сообществ ответил так: «Смотря какие решения, но, тем не менее, я согласен со вторым тезисом (символическим). В частности, решения, касающиеся информационных технологий в избирательных процессах. Уровень экспертного сообщества низкий. Есть разработчики, есть эксплуататоры, но ни один из них не был приглашен в эксперты, которые могли бы поручиться за безопасность, которые бы занимались транзакциями. Были разработчики и эксперты по выборам, которые участвовали в выборах дважды. Это качество не совсем экспертного уровня [Интервью с респондентом О.].

Здесь респондент О. сообщает, что, по его мнению, экспертные сообщества играют скорее символическую роль. Проблема заключается в качестве подбора экспертов. Для подтверждения правильности принятых решений могут привлекаться эксперты.

Респондент Т. прокомментировал вопрос о реальной роли экспертных сообществ: «Конечно, это происходит по-разному. Но профессионалам не очень нравится, когда его используют в качестве ширмы. Бывает наверняка. Обычно такое действие встречает сопротивление, и за последние 10-15 лет эксперты привыкли к тому, что, когда кого-то куда-то приглашают и что-то с ним обсуждают, речь идет не о формальном обосновании какого-либо решения, а все-таки, действительно получать отзывы. Сейчас редко можно использовать экспертное сообщество для легитимации принимаемых решений» [Интервью с респондентом Т.].

Собеседник Ш. дал следующий ответ: «Вы знаете, это зависит от темы. В большинстве случаев экспертные сообщества слушают. Хотя иногда, когда есть политически чувствитель-

ные вопросы, такие встречи проводятся, так сказать, мало экспертных мнений в конце этой встречи учитываются. Что касается экономических вопросов, то здесь, как правило, встречи проходят в полном формате» [Интервью с респондентом Ш.].

Респондент Ш. положительно оценивает реальную роль экспертных кругов, но допускает, что по некоторым вопросам политики экспертные сообщества могут быть не услышаны.

Обобщая все ответы респондентов на вопрос о реальной роли в принятии политических и управленческих решений, или о том, играют ли экспертные роли символическую роль в легитимации тех или иных решений, стоит сказать, что многие респонденты допускали возможность того, что чаще всего экспертные структуры играют символическую роль в продвижении тех или иных политических и государственных решений. Также стоит помнить, что в последнее время к экспертным структурам в целом относятся с уважением и к ним прислушиваются, но могут не учитывать их мнение при принятии окончательного решения. Стоит подчеркнуть момент недостаточной огласки, то есть закрытость при взаимодействии экспертных сообществ с политическими институтами.

Интервью с респондентом Б. (профессор университета, член экспертных структур, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом В. (профессор университета, член экспертных структур, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом Г. (руководитель НКО, член экспертных структур, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом Д. (заместитель руководителя НКО, член экспертных структур, март 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом Н. (представитель политического института, член партийной структуры, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом О. (представитель политического института, член партийной структуры, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом Т. (руководитель экспертной структуры, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом Ф. (представитель политического института, член партийной структуры, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом Х. (представитель политического института, член партийной структуры, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

Интервью с респондентом Ш. (руководитель экспертной структуры, февраль 2022 г.). – *архив авторов*.

ФЕНОМЕН МИЛИТАРИЗМА

А.А. Карпенко
Независимый политолог

Аннотация: *В работе рассматривается идеологема патриотизма как главного инструмента возрождения и утверждения в современной России ценностей милитаризма. В целях реализации идеи и концепта национальной критики и контридеологической аналитики, предложенной В.П. Макаренко, предлагается использовать идеи Л.Н. Толстого. В своих работах Л.Н. Толстой определял патриотизм как чувство вредное и неестественное. А главной добродетелью патриотизма ненависть. Определил круг фигур – главных выгодоприобретателей пропаганды патриотизма. Критика Л.Н. Толстым патриотизма может быть использована в качестве противостояния распространенным шаблонам мышления, навязываемые населению государственной властью.*

Ключевые слова: *милитаризм, патриотизм, Россия, государственная власть, патриотизм как проявление бюрократического мышления, Л.Н. Толстой, патриотизм как политическая проституция.*

Тенденцию возрождения ценностей и принципов милитаризма в России описал А. Гольц еще в работе 2005 года [Гольц 2005]. В 2016 году он объявляет Россию «страной победившего милитаризма» [Гольц 2016]. Главные характерные черты милитаризма таковы: 1) в основе важнейших политических решений лежат военно-технические расчеты; 2) при принятии решений в отношении народа доминирует военный подход; 3) глубокое проникновение военных отношений и ценностей во все сферы жизни общества [Гольц 2006: 9]; 4) склонность господствующих групп к поиску военных решений политических конфликтов и принятие населением таких решений [Гольц 2016]. А. Гольц определяет милитаризм как «…концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей» [Гольц 2005: 10]. По его мнению, наиболее опасным источником милитаризма является гражданский милитаризм. Гражданский милитаризм безоговорочно принимает военные ценности, манеры, принципы и отношения. Героизм обнаруживается преимущественно в военной службе и военных действиях. А также в презрении гражданской политики, парламентаризма, партий и т. д. [Там же: 10].

Некоторые авторы рассматривают историю России как «циклическое чередование милитаризаций и демилитаризаций жизненного уклада населения». При этом милитаризация определяется как управление обществом по образцу управления армией. Наиболее полно милитаризм в России был реализован в периоды правления Петра I и И. Сталина [Ахиезер и др.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.3541

2013: 20]. Государство превращалось в военный лагерь, окруженный врагами. Понимание политики примитивизировалось и сводилось к оппозиции «свой – чужой», «мы – они». Конструирование образа врага использовалось для легитимации государственной власти и консолидации общества [Ахиезер и др. 2013: 44]. При этом важно подчеркнуть, что вынужденные циклы демилитаризации сопровождались «обвалом государственного здания» [Ахиезер и др. 2013: 24]. Поэтому вопрос не только в интенсивности и длительности цикла милитаризации современной России, но и в последствиях.

В современной литературе осознано, что «религии порождают универсальный милитаризм» [Макаренко 2018: 76]. Война квалифицируется как необходимая часть человеческой природы, искоренение которой невозможно. Любая религия в контакте с властью способствует войне. В христианстве связь мученичества с военным убийством образует основу концепта священной войны. В иудаизме, христианстве, исламе возникла идея оправдания войны, снимающая ответственность с ее инициаторов и исполнителей. Каждая эпоха использовала Библию для укрепления своей идеологии. Библия на протяжении столетий оправдывала множество войн [Макаренко 2022: 8–9]. В союзе со светской властью Русская православная церковь (далее РПЦ) апеллирует к военному патриотизму, с целью нейтрализовать мораль гражданства и утвердить мораль подданства [Ахиезер и др. 2013: 19]. Значит, интересы государственного аппарата и клира РПЦ в стремлении к абсолютной власти над населением совпадают. Жизнь человека и спасение души становятся разменной монетой. Экспансия и колонизация увеличивают численность подданных, паству и размеры территориальных владений.

Идеологема патриотизма стала главным средством возрождения милитаризма в России. Воспитание патриотизма в детях закреплено в статье 67.1 Конституции Российской Федерации [Конституция РФ: 1993]. В федеральном законе «Об образовании Российской Федерации» патриотизм упоминается как неотъемлемая ценность, которой должен обладать гражданин России [ФЗ «Об образовании…»: 2012]. Стратегия развития воспитания Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Правительством РФ также объявляет о необходимости формирования у детей патриотизма [Стратегия развития…: 2015]. При этом считается, что наибольшей эффективности патриотическое воспитание достигает посредством изучения боевых традиций народа и Вооруженных сил [Патриотизм. Институт развития образования…]. Проект «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» причисляет патриотизм к числу традиционных ценностей России [«Об утверждении Основ государственной политики…»: 2022]. Стоит заметить, что ни в ФЗ «Об образовании Российской Федерации», ни в проекте «традиционных российских ценностей» нет определения понятия патриотизм, а лишь утверждается необходимость воспитания данной ценности. Отсутствие строгого определения патриотизма делает его содержание размытым, неуловимым и политически конъюнктурным. Патриотичным считается все то, что пропагандирует и совершает государственная власть. При этом патриотизм перечисляется наравне с гражданственностью, уважением к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества. Значит ли это, что чувство патриотизма, согласно закону, не включает все эти компоненты?

Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (далее Концепция) объявляет патриотизм «…высшим смыслом жизни и деятельности личности, всех социальных групп и слоев общества». В таком контексте патриотизм приобретает элементы религиозности, а государство сакральности, человеческая жизнь обесценивается на фоне государства. И утверждает, что патриотизм – это «…сознательно и добровольно принимаемая позиция граждан, в которой приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества» [Концепция… 2003]. Стоит оговориться, что в документе представле-

ны и другие дефиниции патриотизма. Но сама Концепция определяет указанное понимание как базовое. Ясности, что же такое патриотизм, данное «базовое» понимание не вносит. Концепция утверждает примат общественного, государственного над индивидуальным – один из шаблонов официальной идеологии СССР. Но в Концепции не ставится проблема сопротивления государственной власти в том случае, если она не выступает стимулом индивидуальной свободы, ее защиты и условием всестороннего развития гражданского общества. Должен ли патриот защищать свое Отечество (Родину) от нелегитимной, преступной власти и сопротивляться ее произволу? Такая проблема в Концепции даже не ставится. Концепция просто постулирует: «В патриотизме гармонично сочетаются лучшие национальные традиции народа с преданностью к служению Отечеству» [Концепция: 2003]. Отсюда вытекает:

Во-первых, концепция завуалировано продвигает идею о том, что государственная власть обладает абсолютной правотой и истиной.

Во-вторых, патриотизм обязывает к служению любой государственной власти, поскольку именно она защищает и представляет интересы Отечества (Родины). Интересы нации и правительства отождествляются. При этом содержание понятия Отечества (Родины), ее пространственные границы и интересы, определяются самой государственной властью, с попутным пренебрежением к интересам всего множества индивидов, образующих страну.

В-третьих, нейтрализует рефлексию относительно самой государственной власти и снимает проблему самостоятельности мышления. Предполагается, что государственная власть все знает и все решит; значит, воспроизводится принцип «начальству виднее».

В-четвертых, воспроизводится базовый паттерн патриотизма – «безоглядное верноподданичество» [Аксенов 2020: 278].

На этом авторы Концепции не останавливаются и вводят классификацию граждан. «Зарождаясь из любви к своей "малой Родине", патриотические чувства, пройдя через целый ряд этапов на пути к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству» [Концепция: 2003]. Следовательно, граждане делятся на незрелых, полузрелых и зрелых, на основе критерия обладания «общегосударственным патриотическим самосознанием». Кто и как определяет степень зрелости? Ответ очевиден – сама бюрократия, отдельно взятый чиновник, как носитель «государственного разума».

Бюрократический принцип типологии граждан делит все общество на два класса: класс людей, занятых в государственном аппарате управления, и класс людей не занятых, управляемых. В деятельности чиновника данная типология проявляется следующим образом: граждане разделяются на класс благонамеренных и класс неблагонамеренных. Факт благонамеренности устанавливается самим чиновником произвольно. Проявлением принципа исходной иерархизации действительности является теория, в которой граждане делятся на две категории: активных и сознательных, которые управляют и пассивных и несознательных, которыми управляют [Макаренко 1985: 27–29, 40–41]. Таковы принципы бюрократического мышления, детально описанные В.П. Макаренко.

Таким образом, сама концепция есть частный случай воплощения принципов бюрократического мышления. Концепция объявляет носителем государственного разума именно чиновника – как самого зрелого гражданина и патриота. Значит, патриотизм есть одно из проявлений бюрократического мышления. К бюрократической типологии граждан, предложенной В.П. Макаренко, можно добавить и классификацию граждан: незрелые, полузрелые и зрелые.

Система образования в Концепции представлена как один из главных инструментов реализации государственной политики патриотического воспитания. В образовательных учреждениях проводятся уроки мужества, месячники военно-патриотического воспитания, во-

енно-спортивные игры, «эстафеты памяти», акции письмо солдату, акции в поддержку военных конфликтов, в которых участвует Россия и многое другое. Организуются Юнармейские отряды, школам и классам присваиваются «Имя Героя», создаются «Парта Героя». Учитель (педагог) сводится до роли «гимновоспевателя» [Аксенов 2020: 281], восхваляя, оправдывая любые решения и действия государственной власти, как наивысшую политическую мудрость и защиту национальных интересов. Значит, проблема борьбы интеллигенции и мещанства для современной России остается актуальной [Иванов-Разумник 1911: 3–24].

Для сопротивления государственной пропаганде и навязываемой ею шаблонов мышления предлагается использовать идею и концепт национальной самокритики и конртидеологической аналитики, предложенные Э.Ю. Соловьевым, А.В. Рубцовым и В.П. Макаренко [Макаренко 2010, Макаренко 2013]. Исходной эвристической процедурой является процесс дистанцирования от реальных политических событий, систем и конъюнктуры, поскольку реальная политика есть воплощение абсурда [Макаренко 2010: 5]. Отсюда вытекает принцип: «Весь мир тюрьма, а Россия – худшее из ее подземелий» и отбрасывание старой формулы ««Хороша или плоха – но эта моя страна», которая выводит свою страну за рамки морального и политического осуждения» [Макаренко 2013: 6]. В этом контексте идеи Л.Н. Толстого, особенно его критика патриотизма, правительства и потворствующей ему церкви, обладают значительным проблемообразующим потенциалом.

Л.Н. Толстой критикует устоявшиеся предубеждения о патриотизме. Первое – чувство патриотизма всегда свойственно всем людям. Второе – это высокое нравственное чувство, при отсутствии которого его необходимо возбудить в тех, у кого оно отсутствует. И то, и другое несправедливо, отмечал Лев Николаевич. Интересы народа независимы от государственных и политических интересов. Поэтому патриотизм в народе может поддерживаться только усилиями правительства. Патриотизм захватывает народную толпу, если подвергается усиленному «гипнотическому воздействию» правительства и правящего класса [Толстой 1956: 52–54]. В доказательство неестественности патриотизма, Л.Н. Толстой приводит примеры подготовленных искусственных мероприятий, устраиваемых правительством. «Ничто, напротив, не доказывает с такой очевидностью отсутствие патриотизма в народах, как именно те напряженные усилия, которые употребляются теперь правительствами и правящими классами для искусственного возбуждения его, и те малые результаты, которые получаются, несмотря на все эти усилия», – отмечает Л.Н. Толстой [Там же: 58].

Если патриотизм в народе отсутствует, то это по причине того, что не доросли еще до этого высокого нравственного чувства. Тогда его надо воспитать. В этом убеждены люди правящего класса. «Но что же такое это высокое чувство..?», – задает вопрос Лев Николаевич. Патриотизм есть не что иное как предпочтение своего государства и народа всякому другому государству и народу. Патриотизм глуп и безнравственен. Глуп поскольку, если каждое государство будет считать себя лучше всех остальных, то все они будут не правы. Безнравственен поскольку влечет всякого человека к тому, чтобы приобретать выгоду для своего государства и народа в ущерб другим государствам и народам, что противоположно нравственному закону: «...не делать другому и другим, чего бы мы не хотели, чтоб нам делали». Патриотизм выгоден правительству и правящему классу как орудие не только поддержания их власти, но и самого существования. Нельзя оставлять народ в мирных отношениях, так как главное оправдание существования правительства улаживать их враждебные отношения. Под видом патриотизма правительства и разжигают эти враждебные отношения. Правительства способствуют разжиганию войн. Насилие одних людей над другими производилось во имя патриотизма [Там же: 60–67].

В итоге Л.Н. Толстой объявляет: патриотизм есть рабство. «Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для

достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти» [Там же: 65].

Л.Н. Толстой отвергает идею типологии патриотизма на естественный и неестественный, навязанный правительством; хороший и дурной патриотизм. Для своего времени он рассматривал патриотизм как чувство неестественное, дурное, вредное [Толстой 1958: 425]. Патриотизм основан на культе насилия и способствует войнам, разжиганию вражды и ненависти между народами. Главной добродетелью патриотизма является ненависть [Толстой 1992: 138].

С.С. Беляков пишет: «Русский крестьянин где-нибудь на Вологодчине, который не видел других стран, других земель, других народов, не имеет особых причин любить свой народ. Но в чужом окружении, на чужбине, среди чужих и уже поэтому непонятных, неприятных ему людей он станет настоящим патриотом своего Отечества, поймет и оценит, как прекрасна его Родина» [Беляков 2020: 135]. Значит, основой патриотизма является не любовь к своему народу или земле, а ксенофобия.

Главными выгодоприобретателями патриотизма становятся фигуры чиновника и военного. Их продвижение по службе зависит от усердия в патриотизме [Толстой 1958: 430]. Но круг получаемых выгоду фигур значительно шире. Л.Н. Толстой причисляет к ним газетчиков, большинство торговцев, писателей, учителей, профессоров. Все, кто обеспечивает свое положение проповедованием патриотизма и реализацией его идей. Школа, религия, пресса становятся главными каналами разжигания патриотизма [Там же: 430–431].

Исходя из этого, можно сформулировать идею патриотизма как разновидности политической продажной любви. Суть которой сводится к вопросу: кто и сколько заработал на пропаганде и реализации патриотических идей?.

Вместо заключения

Патриотизм формирует и воспроизводит культ войны, насилия и героической смерти. Это – проявление бюрократического мышления и разновидность политической продажной любви. Государственная власть требует и обязывает своих граждан умирать во имя Отечества (Родины), но содержание этих понятий формулирует она сама. В период первых недель и месяцев нацистской оккупации территорий СССР первыми бежали от наступающей гитлеровской армии и пошел служить немцам представители партийно-государственного и чекистского аппарата [Макаренко 2018: 258]. Государевы мужи не спешат сложить свои головы на алтарь во имя Родины, но всячески выбивают и отстаивают свои привилегии во имя патриотизма, отправляя умирать других.

Здесь возникает принципиальный вопрос: легитимно ли государство, предлагающее гражданам смерть вместо жизни?». Не претендуя на абсолютную истину, предложим ответ. В.П. Макаренко формулирует ряд идей, которые могут быть использованы в качестве универсальных критериев легитимности государств. Первое – никто не может требовать от меня жертвовать своей жизнью ради интересов и идей, в осознании и формулировании которых я не принимал никакого участия. Второе – чем дольше жизнь, тем больше каждый может создать, изобрести, сделать, откуда вытекает глорификация героической жизни, а не смерти. Третье – жизнь высшее благо [Макаренко 2018: 57–58]. Следовательно, государство, пропагандирующее и навязывающее своим гражданам и воспроизводящее любые формы культа героической смерти, милитаризма, патриотизма нелегитимно. Данные критерии могут быть использованы и для оценки других политических и социальных институтов.

Вопрос, поставленный в названии статьи, не случаен. Ответить утвердительно – значит поддаться историческому фатализму, что дает государственной власти возможность оправдывать любые свои решения и действия ссылкой на некие абстрактные исторические законы, уникальный путь России, цивилизационные особенности и многое другое. Утверждать насилие как норму политической жизни. Россия не обречена на воспроизводство милитаризма. Идеи Л.Н. Толстого могут быть отправной точкой в формулировании идей противостоящих милитаристским шаблонам мышления навязываемых государственной властью и реализации принципа свободомыслия.

Аксенов В.Б. 2020. *Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)* / В.Б. Аксенов. – М.: «НЛО».

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. 2013. *История России: конец или новое начало?* / 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новое издательство. – 496 с.

Беляков С.С. 2020. *Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой*/ С.С. Беляков. – М.: «Издательство АСТ». – (Русские и украинцы от Гоголя до Булгакова)

Гольц А.М. 2005. *Российский милитаризм – препятствие модернизации страны*. – М.: Фонд «Либеральная миссия». – 56 с.

Гольц А.М. 2016. Страна победившего милитаризма. – *Контрапункт*. – № 5.

Иванов-Разумник Р.В. 1911. *История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в рус. лит. и жизни XIX в.: В 2 т.* / Иванов-Разумник. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича. – Т. 1. 3-ье изд., дополненное.

Конституция Российской Федерации… *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)*. – Доступно: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/. – Проверено: 04.08.2022.

Концепция… 2003. *Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (протокол N 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г.))*. – Доступно: https://www.xn--80ajfgdpew3ad2l.xn--p1ai/doc/Kontseptsiya-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf. – Проверено: 04.08.2022.

Макаренко В.П. 1985. *Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса (Очерк проблематики и методологии исследования)*. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. – 160 с.

Макаренко В.П. 2010. Идея и концепт национальной самокритики. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 3. – С. 4–25.

Макаренко В.П. 2013 Современный российский милитаризм (статья первая). *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 3. – С. 6–20.

Макаренко В.П. 2018. *Насилие и политическая бюрократия: монография* / В.П. Макаренко; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – 312 с.

Макаренко В.П. 2022. Фрагменты контридеологической аналитики. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 1. – С. 6–26.

Патриотизм… б/г. *Патриотизм. Институт развития образования Краснодарского края*. – Доступно: http://old.iro23.ru/sites/default/files/patriotizm.pdf. – Проверено: 04.08.2022.

Стратегия… б/г. *Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года*. – Доступно: https://docs.cntd.ru/document/420277810. – Проверено: 04.08.2022.

Толстой Л.Н. 1992. *Избранные философские произведения* / Сост., авт. вступ. ст. Н.П. Семыкин. – М.: Просвещение. – 528 с.

Толстой Л.Н. 1956. *Полное собрание сочинений. Том 39. Статьи 1893–1898*. – М.: Государственное издательство «Художественная литература».

Толстой Л.Н. 1958. *Полное собрание сочинений. Том 90. Произведения, дневники, письма 1835–1910*. – М.: Государственное издательство «Художественная литература».

Указ Президента… 2022. *Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»*. – Доступно: https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967. – Проверено: 04.08.2022.

Федеральный закон «Об образовании»… 2022. *Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022)*. – Доступно: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b8 19c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/. – Проверено: 04.08.2022.

Цивилизационная рефлексия

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИДЕИ И КОНСТРУКТЫ В ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ БОРИСА ГРУШИНА

А.В. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: *Рассматривается творчество Б.А. Грушина как ведущего теоретика и аналитика цивилизационных процессов своего времени. Показана возможность реконструировать цивилизационную философию в целых массивах текстов, в которых по ряду идейно-политических причин, характерных для периода, практически отсутствует цивилизационная риторика и даже лексика. Грушин был во многом уникальным философом, рассматривавшим переход от советской модели к новой России как процесс смены цивилизаций. Многие данные Грушиным характеристики и оценки исторического размера событий этого периода до сих пор не оценены и не осмыслены в полной мере. Это выдвигает на первый план сугубо политическую размерность, в то время как речь должна идти о гораздо более масштабных цивилизационных сдвигах.*

Ключевые слова: *Борис Грушин, цивилизация, переход от советской модели к «новой России», реконструкция латентной философии, исторический размер события, цивилизационные сдвиг.*

…И он занимался серьезно вполне
Общественным мненьем в безгласной стране.
Э. Соловьёв

Эту отрасль науки он выдумал, придумал –
создал собственными руками,
своей головой, собственным энтузиазмом.
Ю. Левада

1. Латентная теория. Цивилизация «по касательной»

Может сложиться впечатление, что в научном и философском наследии Бориса Грушина тема цивилизации, а тем более конкретных цивилизационных проектов представлена скромно и даже скупо. К такому выводу легко прийти, если судить только по терминологии – по названиям работ и по ключевым словам в авторской библиографии. Такой же вывод напрашивается по интуитивно предсказуемому количественному тезаурусу, по примерно по-

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.4252

нятному частотному распределению терминов в общем массиве грушинских текстов (если бы таковой замер проводился и анализировался).

Данное впечатление ещё более укрепляется в сравнении, например, с материалами ряда других авторов, в своё время посвятивших этой теме более развёрнутые и тематически ориентированные сочинения.

Мы уже не говорим о цивилизационной библиографии вне нашего проекта: многие работы по главному термину могут занимать высшие позиции в поисковой строке Сети, при этом даже близко не приближаясь к реальному вкладу Грушина в тематику цивилизации, цивилизационных проектов и в особенности конкретного цивилизационного проекта в границах СССР – РФ, начиная с момента возникновения опросной социологии и даже ранее.

Оценка вклада существенно меняется, если подходить к вопросу без лишнего буквализма, учитывая при этом целый ряд особенных для научной и, более широко, профессиональной биографии Грушина обстоятельств, в том числе терминологического, языкового свойства. Грушин и в самом деле ухитрялся вплотную работать с цивилизационной тематикой, по понятным причинам избегая всякого рода идейно ненормативной лексики. В таких случаях он закрывал вопрос формулами из любимых анекдотов, и здесь уместно прозвучало бы сокровенное для того времени: «Вам "шашечки" или ехать?». Или в другой инверсии: «Слова такого нет» – а *цивилизация* как предмет в корпусе грушинских текстов присутствует и даже в изобилии.

Эта манера методологически точно острить часто скрашивала тяжеловесное письмо, в котором автор иногда мог изъясняться едва ли не немецкими периодами на страницу и более и в котором читатель буквально на каждом шагу препинался о знаки – о бесчисленные кавычки, скобки, выделения в запятых и в тире, о символы восклицаний и риторических вопросов. Однако для Грушина в этом было и безжалостно (в том числе по отношению к себе) скрупулёзное отношение к развертыванию мысли и к ее детализации, и требование к читателю как к «соавтору» более самостоятельно работать мозгами. Сложный и строгий научно-философский текст и не обязан быть удобным. Возможно, он даже требует искусственно созданного напряжения. Комфорт расслабляет, срезая важные нюансы, а иногда и принципиальные повороты. В этом смысле фундаментальный классически грушинский текст очень трудно, порой невозможно было «проглотить», но его можно было долго разжевывать, усваивая с разными методологическими «приправами».

Сейчас, после свободного развития многих контекстов и снятия эзоповых ограничений, это особенно видно. Если заставить себя мыслить категориями *цивилизации* и *цивилизационных проектов*, читая самые разные, порой совершенно в этом плане неожиданные грушинские тексты, то окажется, что в них присутствует целый ряд идей, подходов и разработок, относящихся к теме либо прямо, либо по очень полезной касательной. Даже там, где Грушин не работает непосредственно в теле проблемы, обозначаемой знаковыми именами и терминами, его косвенный текст может быть именно для данной темы намного продуктивнее текста прямого.

Это имеет отношение не только к Грушину. В конце концов, всякая такая подборка – не просто формально собранная мемориальная хрестоматия, а вполне рабочая часть нашего актуального проекта, написанная нашими старшими соавторами ранее, хотя и с ретроспективными поправками на время и место действия, на идеологические и концептуальные ограничения и проч. Здесь есть идеи, которые в интересах проекта важно не столько зафиксировать «для исторической справедливости», сколько развить – даже если они были представлены лапидарно и только намёком. В этом смысле мы пишем комментарии и к текстам предшественников – и к самим поднятым ими проблемам, как они актуализированы и видятся сейчас.

2. Идеологические ограничения и профессиональный спектр

В самом деле, у Грушина есть целый набор позиций, которые и в своё время, условно говоря, можно было бы проработать в терминах цивилизации, цивилизационных процессов и проектов, если бы намеки на отклонение от правильной идеологии и методологии, а именно от классовой теории, формационного подхода и т.п. не рассматривались тогда как ересь. В разное время такие кары имели разную силу, от епитимьи и проскрипций в лучшем случае, до отлучения и передачи дела в ведение светских «нравоохранительных» органов. Но вектор ограничений в целом сохранялся, и именно Грушин был героем множества громких и наиболее известных разбирательств, после которых следовали карательные меры за идейно-методологические блудодеяния, включая организационные аутодафе в отношении целых проектов и институтов. В описании философской, научно-исследовательской и общественной деятельности Грушина слова «разнос» и «разгон» по идее должны встречаться гораздо чаще, чем слово «цивилизация» в его работах. Это тем более значимо, что при всей своей цыганской задиристости Грушин был в хорошем смысле слова политик: не в его стиле было размахивать красной тряпкой, чтобы тут же пришлось вывешивать белый флаг. Строго говоря, он постоянно работал на пределе возможного и допустимого. Вот лишь заголовок одной из публикаций: «Мы все время вели войны за свой предмет» [Грушин 2004].

На фоне описания разного рода погромов, так или иначе связанных с Грушиным, иногда забывают о том, что эти проекты и структуры он либо создавал сам, либо принимал в их возникновении самое прямое участие. Проще говоря, чтобы что-то уничтожить, это нечто сначала кто-то должен был создать. Но часто приходится сталкиваться с определённым креном: людям почему-то гораздо интереснее то, как кровожадная власть разрушала ценные начинания, чем то, как эти проекты задумывались и воплощались в почти немыслимых порой условиях.

Надо признать, что для пассионариев это особая жизненная позиция и особая способность, справляясь с рутиной, постоянно при этом оказываться в эпицентре ярких начинаний самого разного масштаба, ориентированных на то, чтобы выйти из сковывающих рамок. Это обширный, почти немыслимый для одной биографии перечень проектов, таких как Институт общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, великий Таганрогский проект, Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Независимая служба изучения общественного мнения Vox populi (VP), создание в Институте философии РАН Сектора общих проблем общественного сознания с целевой установкой на подготовку прорывного труда «Бытие сознания» – сектора, в котором Грушин как главный научный сотрудник проработал в ИФ РАН до конца своих дней. Наконец это эпохальный проект «Четыре жизни России» [Грушин 2001; Грушин 2003], не доведённый до конца, но уже в своей большей реализованной части представляющий фундаментальную эмпирически выверенную историю цивилизационного проекта советского и начала постсоветского периода.

Однако минуя этот перечень, можно привести два масштабных полюса, характеризующих столь славную биографию в самом начале – и в ее максимальном, итоговом развитии. Этот категорически не стандартный характер, тип сознания, отношения к миру и образа жизни проявился уже при создании «Московского логического кружка» (МЛК) – неформального узкого клуба диастанкуров, в учредительный состав которого, помимо Грушина, входили: А. Зиновьев (столетие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году и которого в самом МЛК за глаза как самого старшего называли Учителем), Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили.

Это – локальный старт, уже говорящий о многом и многое предваряющий. Но на другом полюсе – создание опросной социологии как деяние для страны поистине историческое – цивилизационное и цивилизующее. И по характеру такое же противодействующее рутине, как и МЛК, хотя и в другом масштабе (как это, впрочем, произошло и с другими членами Кружка, каждый из которых оставил после себя целую борозду, колею, максимально глубокий для этой среды след в трансформации реально осуществлявшегося проекта цивилизационного развития).

Что это было в действительности по масштабу, видно из оценки данной деятельности и ее результата, представленной Борисом Докторовым в существенно расширенной географии и временной перспективе. Аналитик начинает с логичного и функционально оправданного появления опросной отрасли в Америке 30-х, но тут же переходит к почти шокирующему сопоставлению с нашими условиями. «Американская и советская системы, если иметь в виду их базис и основополагающие надстроечные конструкции, были оппозиционны, или "перпендикулярны", друг другу. В свете сказанного в СССР не могли появиться опросы общественного мнения. Опросы Б. Грушина возникли вопреки логике социального устройства советского общества, и этот факт можно объяснить лишь некоей социальной мутацией, мощным сбоем внутри социополитической системы страны, неожиданным, противоестественным скачком с разрешенной законами социума траектории движения на закрытую орбиту. В биологии подобные революционные мутации объясняются воздействием мощных флуктуаций в радиационной, магнитной, тепловой и в прочих средах обитания биологического организма. Они провоцируют нарушение сложившегося генного механизма и порождают новые генотипические и фенотипические структуры, образы» [Докторов 2004].

Все это – блестящая иллюстрация того, как в цивилизационном развитии могут сочетаться фундаментальная устойчивость и движущие флуктуации, с одной стороны, а с другой – личная, персональная и поистине неуемная активность подвижников, с такой силой проявившаяся в биографиях членов уникального содружества Московского логического кружка.

Важно также учитывать, что в особо интегральные темы Грушин часто входил по своим личным и очень нестандартным исследовательским траекториям, в том числе связанным с «промышленной», «конвейерной» опросной эмпирией и околополитической практикой. Уже поэтому он работал прежде всего с другими концептами, с несколько другим словарём и даже набором представлений. Есть темы, которые ни сам Грушин, ни те, кто с ним работал, в силу указанных и других причин не привязывали прямо к проблемам цивилизации, однако эти связи можно (и нужно!) реконструировать.

И наконец, есть конкретные грушинские проекты и сам интегральный «проект Грушин», в котором он выступает ещё и как высокопрофессиональный журналист, и как университетский преподаватель, и как организатор практических исследований (целых структур и направлений), а по большому счету – и как политический, общественный деятель, вклад которого в трансформацию советской модели трудно переоценить и ещё только предстоит осмыслить.

3. «Общественное сознание» как один из атрибутивных определителей цивилизации

Формально говоря, в порядке эксперимента желающие могли бы попытаться переписать, например, целые куски «Очерков логики исторического исследования», активно и посовременному задействовав цивилизационную терминологию и концептуалистику. И это был бы незабываемый и очень полезный опыт профессиональной модернизации и экземплификации того, как выживает и живет язык науки в самых разных околонаучных и даже анти-

научных условиях. Однако в случае с Грушиным все гораздо глубже. Если попытаться терминологически выделить основной предмет его работы, то таковым скорее всего окажется *сознание*, *общественное сознание*. Или как сейчас предпочитают выражаться осторожнее, менее истматовски – сознание общества. Грушин занимался этим предметом в том числе в общем, иногда в предельно общем виде. Поэтому, если вспомнить понятие «материальной цивилизации», то, учитывая уровень обобщения, можно сказать, что Грушин занимался и в целом и целыми разделами, причём ключевыми, того, что следовало бы в данном контексте назвать «нематериальной цивилизацией». Ближе к концу данного очерка будет конспективно представлена схема нашего недописанного в своё время коллективного труда «Бытие сознания», из которой видно, что это одновременно была и претензия на полноту охвата предмета и темы – и установка на работу с совершенно конкретным примером «российского проекта цивилизационного развития», каким он был реализован в советской модели и в особенности на излете коммунистического эксперимента.

Осмысляя цели создания Института общественного мнения «Комсомольской правды» в начале 1960-х, Грушин писал: «Под этим лежал и отчетливо выраженный гражданский интерес, связанный с намерением института "приучить" общество к изучению общественного мнения как к определенной – политической и информационной норме публичной жизни страны». Отсюда буквально один шаг к определению цивилизации через латинское civis – гражданин и civilis – гражданский, государственный. По сути, Грушин даже в мимолетном откровении о деле своей жизни использует язык, известный со времен античности. И так до XVIII в. с уже оформившимся обозначением стадии всемирно-исторического процесса и ценностей гражданского общества, основанного на началах разума, справедливости и законности. При всей сверхмощной полисемии понятия цивилизации, по-своему естественно, что в тот период в СССР на первый план выступали именно эти, политические и гражданские аспекты смысла.

Однако эту модель можно отыграть и далеко назад – к почти предельным обобщениям. В последнее время особенно популярен сюжет, который имеет смысл привести полностью:

> «Много лет назад антрополог Маргарет Мид спросила студентов о том, что они считают первым признаком цивилизации. Студенты ожидали, что Мид расскажет о рыболовных крючках, глиняных горшках или обработанных камнях.
> Но нет. Мид сказала, что первым признаком цивилизации в древней культуре является бедренная кость, которая была сломана, а затем срослась. Мид объяснила, что если живое существо в царстве животных ломает ногу, то оно умирает. Со сломанной ногой оно не может убежать от опасности, добраться до реки, чтобы напиться или охотиться за едой. Оно становится добычей для хищников, поскольку кость срастается довольно долго. Бедренная кость, которая была сломана, а затем срослась – это доказательство того, что кто-то потратил время, чтобы остаться с тем, кто получил это повреждение, перевязал раны, перенес человека в безопасное место и охранял его, пока тот не восстановился.
> "Помогать другому человеку во время трудного периода – это тот поступок, с которого начинается цивилизация", – сказала Мид» [Цит. по: Много лет назад… 2020].

В этом плане интересно провести хотя бы пунктирную линию от сломанной конечности через античное civil и цивилизационные идеи XVIII века к роли общественного сознания и, более узко, к изучению и трансляции общественного мнения. В этом смысле, начиная ещё с создания Московского логического кружка, его энтузиасты были одержимы гуманным пафосом «поддержки раненых», излечения всего травмированного социума, если не человечества. И сейчас скорее всего не так просто оценить, насколько эта позиция, жизненная и гражданская, в то время была по-настоящему жертвенной.

4. Идеология как светская религия. Масса как предельный инвариант

Далее выясняется, что в этой объемлющей категории общественного сознания Грушина отдельно интересовали проблемы идеологии. Это сейчас словом «идеология» легко сыплет каждый, желающий выдвинуться и приподняться. Но тогда употреблять всуе это святое, сакральное слово было не принято и требовало едва ли не допуска, с сертификацией, лицензированием и отношением с места службы. Если для Тойнби, например, атрибутивными признаками и базовыми дифферентами цивилизаций были религии, то с не меньшим правом в несколько иных обстоятельствах таковыми можно считать именно идеологии, в том числе как секулярные верования с особым прозелитизмом, ученичеством, светскими приходами и т.п., включая грандиозные структуры этой «светской церкви». О таких параллелях в свое время с наибольшей активностью высказывался Дмитрий Фурман, и развивать здесь эту во всех смыслах «культовую» тему нет возможности и особого смысла. Зато имеет смысл специально остановиться на эмпирических, практических и даже собственно политических аспектах работы с ключевыми моментами самого феномена и понятия цивилизации, причём вплоть до уровня этимологии корня.

Одновременно необходимо остановиться на ещё одной конкретизации темы сознания общества – на проблеме *массового сознания*. Речь идёт об особой структурной нейтральности массы как аналоге максимальной инвариантности самого понятия цивилизации.

В книге о массовом сознании сам термин «цивилизация» упоминается всего один раз, да и то в названии одной из зарубежных работ[1]. Однако и в данном случае важнее то, что это обозначение примерно одной исследовательской ниши – при сколь угодно скупом употреблении термина.

Суть понятия часто ярко проявляется именно в ситуации откровения. Грушин так описывает момент открытия им самого феномена массового сознания. Работая над материалами опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды», посвященного проблеме разводов в СССР, он «вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причем не "в общем и целом", а, что называется, "слово в слово"! На первый взгляд в этом факте не было ничего неожиданного <…> Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной, озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей – по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства – людей, которые конечно же никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса: домостроевский) тип сознания?» [Грушин 1987: 19–20]. «Если бы речь в данном случае, как во множестве других, шла о простом репродуцировании некоторых стандартных текстов, с которыми респонденты могли познакомиться, к примеру, в тех же газетах, вопрос, по-видимому, в очередной раз остался бы незамеченным <…> Однако авторы анкет демонстрировали взгляды, резко отличные от тех, что распространяются прессой, радио, телевидением, и тем не менее их едва ли не буквальное совпадение было налицо… С чем же в таком случае мы здесь столкнулись? Где надлежало искать основания обнаруженного явления? Какова была его глубинная природа? Именно такой (или подобный) круг вопросов со всей остротой возникал из сопоставления мнений, высказанных инженером, дояркой, пчеловодом, слесарем и пенсионеркой из служащих. И поиски ответа на него привели к мысли о существовании

[1] В книге М. Лернера «Америка как цивилизация» [Lerner 1962].

в обществе некоторого особого, отличного от уже описанных наукой типа общественного сознания, а именно: сознания массового» [Там же].

В качестве доходчивого примера массы и, соответственно, массового сознания Грушин обычно и с видимым удовольствием приводил множество любителей анекдотов Жванецкого, песен Высоцкого и Пугачёвой, подчеркивая при этом, что это именно аморфные массы, формирующиеся поверх социальной или классовой структуры и способные на равных включать в себя как трудящегося города или деревни, так и члена ЦК, а то и Политбюро.

Понятно также, что активными фигурами в таких сборках являются, как правило, не конкретные, не именные писатели-юмористы или исполнители шлягеров, а своего рода типажи, имена собственные нарицательные. Таким образом, становилось понятно, что в данном случае речь идёт о каких-то особых силах и контингентах, которые имеют особо мощную собирающую силу, а также саму интегративную форму, например, надклассовую. В сознании общества, в самой его социальности и историчности, обнаружилась возможность сверхмощных *инвариантов*, способных перекрывать формации и классы какими-то не слишком вписывающимися в канон массами и цивилизациями.

Понятно так же, что не всякая масса тянет на цивилизацию, но всякий разговор о цивилизации предполагает особое внимание к массовости как отдельной интегративной форме, близкой к максимальному обобщению, причём именно по критериям инвариантности в рамках культурного, политического, социального и всякого прочего разнообразия.

Далее выясняется, что возможна прямо противоположная, казалось бы, схема рассуждений, но той же направленности и того же методологического смысла. Можно говорить о массе, во многом имея в виду проблему цивилизации, но аккуратно обходя само это слово. А можно, наоборот, говорить о цивилизации, прямо связывая эту проблему с феноменом массы, но не пользуясь этим не совсем стандартным по тем временам понятием. Цивилизация и массовость – категории примерно одного уровня обобщения и инвариантности. И то, и другое репрезентирует общее за вычетом почти всех возможных различий. С этой точки зрения становится тем более понятным, почему оба этих феномена и термина – массы и цивилизации – имели все основания восприниматься классовой и формационной философией как явная крамола.

5. Социотрясения, тектонические сдвиги, «Смена цивилизаций?»

Эта сравнительно небольшая работа, опубликованная в журнале «Свободная мысль» в 1991 г. [Грушин 1991], особенна тем, что здесь Грушин, пожалуй, в максимальной степени отходит от жанровой «середины» сразу в обоих, прямо противоположных направлениях. Здесь он работает одновременно и как высококлассный публицист – и как глубоко и масштабно мыслящий философ. В отличие от текстов Грушина как теоретика, методолога и логика, разработчика выдающихся теорий среднего уровня, этот текст совершенно доходчив и прозрачен, адаптирован для обычного восприятия нормальным языком и целым рядом образов, метафор, предельно убедительных параллелей. Это образец журналистского вкуса, блестящего стиля, легкого и просто красивого. Но одновременно это уровень предельных обобщений в сфере прикладной, практической философии, какой в сфере актуальной предметности в то время вообще мало кому давался, да и сейчас создаёт множество проблем. При этом текст настолько убедительный и внятный, что комментировать в нём что-либо в плане его собственного содержания практически нет нужды и не имеет особого смысла даже при всём желании. Читающий да увидит!

Вместе с тем, это пример удивительно точного и, я бы сказал, очень смелого схватывания того, что можно было бы выразить понятием исторической размерности. Сейчас,

в 2022 г. это видение и этот подход также, если не ещё более востребованы, как и в 1991 г., когда Грушин писал о «смене цивилизаций». Нижеследующее написано сейчас явно под влиянием и в развитие грушинской исторической оптики (что оправдывает такое обильное самоцитирование):

> «В философии есть понятие: исторический размер события. В текучке эти вопросы обычно вовсе не затрагиваются. В повседневном реагировании все выглядит почти одноразмерным. Изломы, подобные нынешним, выпадают не на каждый век, но даже они как таковые опознаются далеко не сразу или вообще не опознаются в качестве, например, «событий века». Поначалу они и вовсе могут выглядеть реализациями оперативного плана или капризами гиперактивной политики.
> Ожесточенные конфликты и болезненные ломки тем более скрадывают размерность процесса. От сильных переживаний и усилий поле зрения резко сужается. Что это было в действительности, видится на расстояньи.
> Наконец, бывают изменения и процессы уровня тектонических сдвигов, для наличных понятий и взглядов просто негабаритные, выходящие далеко за рамки обычного здравого смысла и бытовой разумности. Для них может элементарно отсутствовать даже язык описания, не говоря о концептуализации. Здесь требуются специальные, расширенные техники анализа, с другим пространством охвата и временем последействия» [Рубцов 2022].

Это описание без накруток и потерь может служить развёрнутым комментарием к интеллектуальной ситуации, в которой Грушин мыслил в момент цивилизационного слома периода демонтажа СССР и попыток нащупать новую интегральность и целостность.

И наоборот, моменты недооценки истинного масштаба изменений транслируются из начала 1900-х в наше нынешнее время. Если бы не грушинское наследие, причём бытующее, может быть, даже не столько в текстах, сколько в самом духе его «школы», мы бы и сейчас искали нового Грушина, буквально принуждающего подниматься над процессом и не тонуть в информационных потоках, в ангажированных, порой просто заполошных комментариях.

При этом Грушин ставит три фундаментальных вопроса:

а) что по самой своей сути представляет собой покидаемая, гибнущая цивилизация?

б) каковы главные характеристики и особенности транзита?

в) что представляет собой цивилизация, являющаяся целью перехода – чего мы желаем, к чему стремимся и к чему реально движемся?

Уже по характеру и масштабу этих вопросов видно, насколько далеко было сознание общества того времени от реалий интеллектуального вызова, в частности, от адекватной и соразмерной научно-философской постановки задачи. Каждый может сам судить, насколько ситуация выправилась с тех пор, однако, если следовать уровню грушинских требований, то придётся признать, что буквально в последнее время проблема понимания макропроцесса и связанной с ним цивилизационной динамики резко, можно даже сказать непредсказуемо обострилась.

Не останавливаясь на социально-политических мутациях и трансформациях, есть все основания углубиться в цивилизационной тематике на ещё один уровень, который можно связать, например, с цивилизационной эсхатологией. В первом томе мы настаивали на возможности распространения сверхмощной полисемии понятия «цивилизации» в том числе и на масштабирование, на сложную размерность таких образований, способных входить друг в друга наподобие китайских резных шаров. В свое время Грушин в целом (в первом приближении) ответил на первый из поставленных им вопросов, назвав уходящее советское общество тоталитарным. Насколько глубоко впоследствии удалось преодолеть эту нелестную атрибуцию – отдельный вопрос. Однако уже в середине 2000–х со всей остротой обозначи-

лась более общая, объемлющая коллизия. В самых разных видах речь зашла о более масштабным историческом, цивилизационном вызове, обусловленным приближающейся перспективой краха сырьевой модели и базирующегося на ней ресурсного социума. В полном концептуальном единении экспертного сообщества и самой власти эта задача была сформулирована как необходимость «смены вектора развития». Чуть более конкретно речь шла о необходимости избавиться от фатальной зависимости от экспорта сырья и энергоносителей и импорта товаров и технологий. В 2008 г. Владимир Путин разъяснял на расширенном заседании Госсовета РФ, посвящённом стратегии национального развития: следуя «инерционному энергосырьевому сценарию <…> мы не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование (курсив мой – А. Р.)» [Путин 2008]. Сказано будто в преддверии большого похода.

Вертикаль отнеслась к этим призывам «перпендикулярно», как к очередному эффектному преувеличению. Понадобилась целая военная экспедиция, чтобы увидеть, до какой степени все это не пустые фразы. Уже сейчас ключевые пункты программ и «дорожных карт» тех разработок врываются в актуальную повестку, но уже в совсем ином качестве, не только как стратегические установки, но и как оперативные задачи, которые надо не «решать» (как все эти годы), а решить, результативно и быстро. Далее нам останется с живым интересом наблюдать, как лавина базовых проблем, заведомо не решаемых ручным управлением и чисто технически, будет сносить даже скромные ожидания. Это проблемы перераспределения и недопроизводства, регулирования и контроля, собственности и власти, прессинга и барьеров, нормативно-правовой базы, институциональной среды в целом. Технократия опять упрётся в гуманитаристику, в проблемы социально-политической культуры, обычного права и практик повседневности, массовой ментальности и психоидеологии, динамики сознания и инерции коллективного бессознательного, самой философии перезревших преобразований. Для многих это «новое» расписание занятий будет ликбезом с принудительным практикумом и очень доходчивыми выводами.

Или не будет. История умеет так «ничему не учить», что отбрасывает неуспевающих на вечную пересдачу.

Тема неизбежного коллапса сырьевой модели в своё время стала общим местом в обсуждении контуров будущего. Даже силовики щеголяли заявлениями о том, что «технико-внедренческие зоны спасут страну, когда рухнет сырьевая экономика» (Сергей Иванов). Здесь дорого каждое слово: во-первых, «спасут», во-вторых, «рухнет», а в-третьих, именно «когда», а не «если»!

Тема окрашивала образ правления эпохальным масштабом мысли и грядущих совершений, всеми оттенками устремлённости в будущее. Однако политическая воля мерами разгоралась в посланиях Федеральному Собранию – и тут же снова почти угасала.

Сказались издержки всё той же технократии вкупе с экономоцентризмом. Судьбу сырьевой модели связывали прежде всего с перспективами технологического прорыва, экологии, энергосбережения, возобновляемых источников и прочей «декарбонизации». Характерный довод того времени: в альтернативную энергетику уже вкладываются огромные средства, а «Капитализм фантастику не финансирует» [Российская газета… 2008]. И как только достигается экономический эффект, в проект тут же вливаются уже совсем другие ресурсы – и ситуация меняется кардинально. Однако было удобнее считать, что такой «прорыв» все же будет постепенным и мягким, что в худшем случае углеводороды все равно будут востребованы экстенсивно развивающимися экономиками Китая и Индии. Это как на дозе седатива падать с девятого этажа в слепой уверенности, что на полпути ты обязательно за что-нибудь зацепишься.

Однако в практической истории сработало и вовсе нечто неожиданное. Обострения ждали от научно-технического прогресса, но не от соседей по планете, ради политики готовых на радикальные меры даже в ущерб себе. До этого политика как фактор и триггер в данном контексте если и упоминалась, то лишь в конце списка и как очень туманная опция. Что-то вроде обоюдоострого энергетического шантажа при якобы симметричной зависимости. В какой-то момент «сырьевому придатку» и вовсе надоело это самоуничижение, и он торжественно провозгласил себя «энергетической сверхдержавой», к тому же готовой повоевать.

Сказались также проблемы с логикой рисков с неприемлемым ущербом. Такие риски принято гарантированно купировать при любой, сколь угодно малой, исчезающе ничтожной их вероятности. Атомные станции (и национальные стратегии) не строят по принципу: если рванет, то накроет всех, хотя вряд ли. Ненулевая вероятность здесь обслуживается как почти максимальная.

Однако злая ирония истории поперёк всех мыслимых прогнозов привела в действие вовсе не технологический, а именно политический фактор, да ещё в полном военном обмундировании. Модель вошла в кризис со скоростью гиперзвука и с такой силой, какую даже близко нельзя было себе представить во всех других сценариях. Кризис оказался необязательным и по взрывному масштабу неожиданным для самой активной стороны. Классический каскад бифуркаций, когда малые сигналы на входе дают в принципе непредсказуемые и «несоразмерно» сильные эффекты на выходе. И выдающийся пример рукотворного, даже силового вмешательства в естественно-исторический процесс, когда запрос на смену вектора и альтернативу становится исторически мгновенным, вовсе не оставляя времени и сил на разглядывание, а тем более повтор собственных ошибок.

В связи с этим сейчас остро не хватает масштабов грушинского подхода с его категоричным вопрошанием: «Смена цивилизаций?». Более того, это принципиально новая коллизия, в которой критично сходятся две почти несовместимые задачи: сочетания немыслимой политической скорости и цивилизационной длительности, восходящей к нашим торгуемым по хорошим ценам традиционным российским ценностям, таким как лес, лен, пенька, мёд… теперь слегка модернизированный нефтегазовый комплекс и ограниченный набор редких металлов. Именно на этом базируется вековая цивилизация, в которой в сырьевые отрасли (отрасли «низкого передела») превращаются даже наука и образование, производство бесплатно экспортируемых мозгов и знаний, в которой к самому населению относятся как к возобновляемому ресурсу.

Смена цивилизаций?… Как выражался в таких случаях Олег Вите, ответ на этот вопрос может быть только риторическим. В работе «Смена цивилизаций?» [Грушин 2001] Грушин говорит о подобии землетрясения (одновременно он использует неологизм «социотрясение»), о том, что речь идёт не о локальных изменениях, тем более не о микрошагах (хотя бы они и предполагали масштаб от 500 до 5000 дней). Речь идёт о сломе системы «до основания, а затем», что позволяет говорить об изменениях именно цивилизационного масштаба.

Чтобы всерьёз разобраться с вышесказанным, понадобился бы целый том, возможно, не один – тем более, что Грушин работал в этом отношении буквально по всей иерархии знания, начиная с вопросов общей теории и методологии и заканчивая совершенно конкретной уникальной эмпирией. В данной статье мы сосредоточились в основном на тех проблемах, которые, будучи для Российского проекта цивилизационного развития важными, либо не так очевидно подвязываются к теме нашего мегапроекта, либо представляют интерес в силу эксклюзивного знания, которым автор этих строк располагает просто по причине достаточно долгой совместной работы с Грушиным.

Много лет назад… 2020. Много лет назад антрополог Маргарет Мид спросила студентов… – *Блог Олега Матвейчева. Запись 13.04.2020*. – Доступно: https://matveychev-oleg.livejournal.com/10026957.html. – Проверено: 12.11.2022.

Грушин Б.А. 1987. *Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования*. – М.: Политиздат – 368 с.

Грушин Б.А. 1991. Смена цивилизаций? – *Свободная мысль*. – № 18.

Грушин Б А. 2001. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн*. Жизнь 1-я: «Эпоха Хрущева». – М.: Прогресс-Традиция.

Грушин Б А. 2003. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн*. Жизнь 2-я: «Эпоха Брежнева». Ч. 1. – М.: Прогресс-Традиция.

Грушин Б.А. 2004. Мы все время вели войны за свой предмет. – *RELGA*. 11 мая. – Доступно: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?)textid=97&level1=main&level2=articles. – Проверено: 12.11.2022.

Докторов Б. 2004. Б.А.Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения. – *Вестник общественного мнения*. – № 6 (74) ноябрь-декабрь. – Доступно: https://cyberleninka.ru/article/n/b-a-grushin-chetyre-desyatiletiya-izucheniya-rossiysko go-obschestvennogo-mneniya. – Проверено: 12.11.2022.

Начало всегда исторично… 1991. Начало всегда исторично, т. е. случайно. Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 г. – *Вопросы методологии*. – № 1.

Путин В.В. 2008. Выступление в расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 г.» 8 февраля 2008 г., Москва. – *Президентская библиотека*. – Доступно: https://www.prlib.ru/item/406042. – Проверено: 12.11.2022.

Российская газета… 2008. *Российская газета* – Федеральный выпуск № 0(4671), 29.05.2008

Рубцов А.В. 2022. Между созиданием и завоеванием. Часть вторая. Несырьевая альтернатива: второй фронт. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследования*. – № 2.

Lerner M. 1962. *America as a Civilization*. – N. Y.

АРХИТЕКТУРА АНТРОПОКОСМОСА, ИЛИ ТРИ ГЛОБУСА ОЙКУМЕНЫ[1]

А.И. Неклесса
Институт Африки РАН

Аннотация: *Историю можно мыслить ее трансформациями, то есть как сегментированную фазовыми переходами пространственно-временную связность событий. В докладах анализируется транзит мироустройства Современности (эпохи Большого Модерна) к планетарному ансамблю социальных и культурных взаимодействий, определяемому сегодня как Постсовременность. Рассматривается ступенчатый путь истории – три поколения глобальной организации Ойкумены: ее эволюция от имперской колонизации планеты через деколонизацию и всемирное объединение наций к некоему гипотетичному состоянию: обществу постколониальной номадичности с акцентом на персональный суверенитет. Подобный модус бытия, образует динамичное пространство – мир трансграничных антропо-социальных структур (АСС), где резко возрастает витальность системы, умножая богатство планетарных акций и коммуникаций.*

Ключевые слова: *эволюция, история, цивилизация, глобализация, транзит, империя, колониальность, национальное государство, личность, суверенитет, постколониальность, постсовременность.*

> Хотя всякое наше знание начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком проистекает из опыта.
>
> *Иммануил Кант*

1. Эволюция истории: маршрут и протоколы транзита

Структура антропокосмоса. Мир сложен, подвижен и упорядочен (*κόσμος*). В русле Большой Истории физический космос и обитаемая вселенная (*οἰκουμένη*) постоянно изменяются, демонстрируя движение, развитие, это процесс умножения видового разнообразия и попыток коэволюции (синергийного взаимодействия). Человечество – открытая, комплексная, динамическая, нелинейная, неравновесная, многофакторная, адаптивная, самоорганизующаяся система. Цивилизация – «ремонтная мастерская» антропологического космоса, она производит и реставрирует предзаданную гармонию, руководствуясь не одним опытом, но

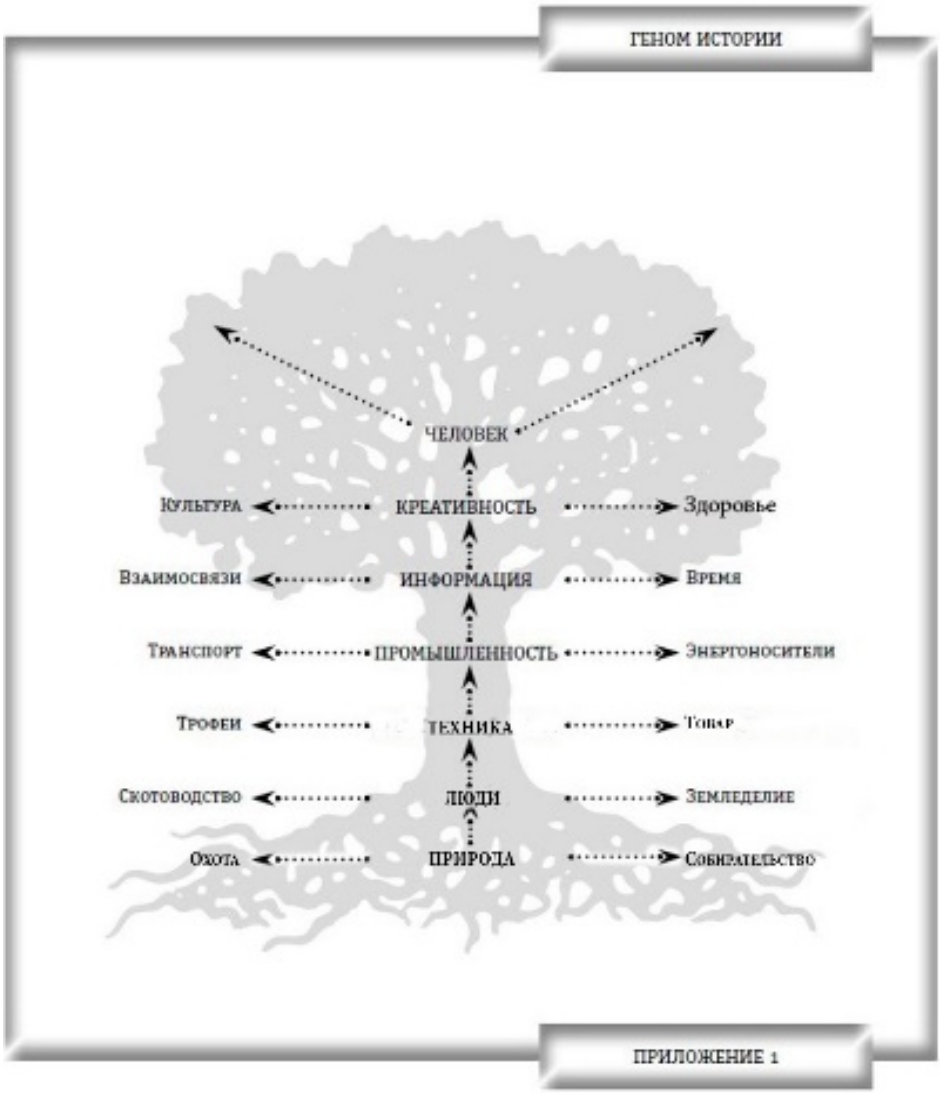
[1] В основе статьи доклады автора на семинаре «Цивилизационный транзит: концептуальные подходы» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва, 23 марта, 11 мая, 21 сентября 2022 г.).

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.5365

хранящимся в глубинах сознания императивом. Модели ее глобализации – из числа проб и ошибок в опознании, понимании и воплощении идеала.

Целостность истории. История как сумма событий, конфликтов, перемен, возникающих благодаря человеческим эмоциям, мыслям и действиям, свободна в версиях своего проявления. Ее цветущее разнообразие представляют совокупностью последовательных сюжетов в когнитивной и практической деятельности, но последовательность не обязательно линейна, а совокупность – последовательна. Хронотоп, содержание истории как результативного становления человеческой вселенной: обретение людьми способности к проактивности; удержание синергийной цельности Ойкумены –обеспечение динамической связности времен и народов; подавление энтропийного инфицирования – блужданий в лабиринтообразных аналогах ситуаций и монотонных репликациях судеб. Это забег на длинную дистанцию, перманентное само-состязание в опознании сути и воплощении полноты человека, мира, бытия.

Геном истории



Динамика истории. Историю генерируют перемены, демонстрируя открытый и скачкообразный характер процесса, связанный с трансформацией мировидения, преодолением

природных и социальных ограничений, пересдачей карт повседневности, умножением субъектов действия и освоением обретаемой инакости. Накопление плотности цивилизации стимулирует смену «агрегатных состояний» расширяющегося антропокосмоса – подвижного глобуса Ойкумены, аранжируя ритмы прилива и отлива в неспокойных водах развития: *политического* (города-государства – империи – национальные государства – трансграничная полития); *экономического* (изменение принципов и целей домостроительства, рафинирование стратегических ресурсов); *социокультурного* (конкуренция ценностных норм и поведенческих регламентов, гуманизация социума); *антропологического* (освобождение от диктата обстоятельств, обретение персонального суверенитета, социальное пространство как координация /*adjustment*/ глобальной вязи личных/групповых коммуникаций с планетарным архипелагом локальных терминалов безопасности).

Осмысление истории. История многогранна, она питается изменчивыми помыслами ума и жаром сердец. Существуют различные концепты, толкования, формулы (динамику общества можно измерять, скажем, даже развитием возможностей автодеструкции: исчисленная подобным образом «негативная глобализация» была достигнута приблизительно полвека назад). Из привычных интерпретаций истории в русле «эффектов линейного видения» (Марина Можейко): а) *цивилизационная* – цивилизация осознается как процессуальное понятие, аналог эволюции (архаика – варварство – цивилизация; Древний мир – Античность – Средневековье – Современность – Постсовременность), но и как развитое своеобразие, усложнение культурно-исторических форм; б) *когнитивная* – изменение пространственно-временных координат в ментальных матрицах бытия, смена доминантного режима сознания (рефлекторное – синхронистичное – векторное – синергийное); в) *социальная* (*e. g.* марксова цепочка формаций «из царства необходимости в царство свободы» к внеэкономическому строю; стадии роста Уильяма Ростоу, *etc*); г) *модернизационная* – продвижение от традиционного общества к индустриальному строю и далее – постиндустриальному укладу; д) *постколониальная* – путь отрицания универсальной закабаленности человека – состояния колониальности, к деколониальности, суверенизации и индивидуации. Есть также другие светские и теологические прочтения кода перемен и смысла истории.

Процедуры транзита. Транзит совершается, когда сложная и подвижная природа обитаемой вселенной в своей динамике вызывает критическое возмущение, происходит хаотизация прежней и становление новой организации как результат суммы проб и ошибок с неясным прогнозом. Это своего рода *rite of passage* – преодоление пределов прежнего организма, коридор возможностей, фокусируемый странным аттрактором (*tempus est ut praetermictantur simulacra nostra*); в случае успешного прохождения которого растет динамическая сложность системы, раздвигается горизонт присутствия и расширяется сфера воздействий. Результат, в конечном счете, зависит от потенций общества и степени их реализации: способности к самоподдерживающемуся развитию, умения справляться с застоем, рекуррентностями, девиациями, отводя или преодолевая химеричные состояния истории – ее «темные времена» (Типы трансформационных процедур: а) *стохастическая хаотизация* («разбитый стакан»); б) *неоархаизация* («рассыпающийся песочный замок»); в) *возвратный («затухающий») цикл* («маятник»); г) *автоколебания* (ср. «реакция Белоусова – Жаботинского»); д) *эволюция* («гусеница-куколка-бабочка»); е) *коэволюция* («синергийная согласованность»); ж) *вихревая («отрицательная») вязкость* сложной среды).

Обновление прописей и другой инструментарий. Процессы и ситуации, возникающие во время транзита, отличны от развивающихся в контексте сформировавшихся укладов, будущее не обязательно рассматривать «сквозь призму прошлого». Комплексный характер перехода проявляет себя как дестабилизация и неопределенность. Резко усложняются ситуации, ускоряются процессы, в событиях нарастают признаки турбулентности, что в свою оче-

редь требует корректировки методов и подходов, используемых в социальных штудиях, изменяя и проясняя природу практического знания, расширяя дисциплинарную рамку «окна Овертона» и легитимизируя сопредельные «ультра-»/«инфра-» поля изучаемой феноменологии. Введенные в оборот неклассические инструменты порождают новую объемность исторического и социального знания, чтобы подтвердить его аналитическую состоятельность и прогностическую эффективность.

Прогноз (футур-история). Идеалы и архетипы определяют маршрут истории, стягивая расходящиеся и разбухающие от суммы событий траектории. Постсовременный модус – своеобразная суперпозиция человечества, глобальное поле интерференции индивидуальных «представлений и воль» к их воплощению. Ойкумена совершает цивилизационный транзит к вероятностному состоянию (в своего рода «копенгагенской интерпретации»): неопределенному дуализму государственной и сетевой среды, резонирующему сцеплению локальных географических терминалов и трансграничных волн универсальной коммуникации, эмансипации, индивидуации, обнаруживая и осваивая уникальность. Мир молекулярных антропологических структур образует эволюционное фазовое пространство, где резко повышается витальность системы, умножая богатство глобальных взаимодействий. «*Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула "видит" только своих непосредственных соседей и "общается" только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы "видит" всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает*» [Пригожин 1991]. Метавселенная за современной линией горизонта может также заселяться, осваиваться интегрированными системами гибридной (*semi-virtual*) природы, образуя альтернативный контур диссипативной глобализации, опознавая «роль нечеловеческих агентов» (Тед Шацки) и приоткрывая мир «опасных сверхсложностей» (Петер Слотердайк).

Три глобуса Ойкумены: колониальные империи, объединенные нации, персональный суверенитет

Ойкумена – эволюционирующий организм, это комплексная система, в своем развитии переживающая ментальные и материальные транзиты [Неклесса 2013а]. Рабочий атлас миропорядка формируется в подвижной среде при взаимодействии ценностей, моделей поведения, целеполагания многих стран, эпох и сообществ. Расширяющееся антропологическое пространство отрицает доминанту сугубо географических координат, замещая их более сложной архитектоникой социального космоса. Три фазы глобализации Ойкумены – обретения ею планетарной целостности, это путь от (1) мультиимперской организации мира (его освоения, подчинения, раздела) к становлению (2) системы независимых и объединенных наций; (3) универсализации прав человека, обретению людьми персонального суверенитета.

Пространственная экспансия цивилизаций содержит две коннотации освоения планеты – *колонизация* и *колониализм*: хозяйственное обустройство территорий, их социокультурная культивация *vs.* политическое господство и экономическая эксплуатация. История нашего времени – переход от колониальности к деколонизации народов; национализации территорий; индивидуации, самостановлению личности. Взаимосвязанные траектории процесса: политическое развитие – экономическая реконструкция – социокультурный переворот. Это также изживание травм от приходящих из прошлого фрактальных волн: ушибов от столкновения эпох и провалов человечества в щели и катакомбы истории.

Колониальные империи

Первая модель планетарной организации – имперская регионализация и глобализация Ойкумены. Подчинение сувереном окружающих стран (имперскость) и колонизация метрополией территорий – аспекты единого процесса властной экспансии. Существуют два типа империй: континентальные (сухопутные, региональные) и морские (океанические, планетарно распределенные). Сухопутные известны с древних времен, на заре же Нового времени, в конце XV – начале XVI вв. экономическое и техническое развитие вкупе с поступательной энергией, инициированной Реконкистой, произвели на свет глобальную европейскую экспансию – эпоху «великих географических открытий». Колонизация на данном этапе реализует себя как обретение господства над заморскими территориями, странами, народами с претензией на универсальное пространственное развитие «империй в водных просторах» (планетарный «сюзеренитет»).

Глобализация театра имперских действий запечатлена в амбициозных попытках регулирования мироустройства – международно-правовом оформлении раздела планеты: от эскизных решений римских пап Николая V и Александра VI до подписания межгосударственных договоров между главными морскими державами того времени – Испанией и Португалией. Так 3 мая 1493 г., вскоре после окончания Реконкисты и успешной экспедиции Христофора Колумба, Александр VI проводит меридиональную линию на карте в 100 лигах на запад от островов Зеленого мыса, разделив, таким образом, испанскую и португальскую зоны интересов. Идея подобного разграничения в несколько скорректированном виде была странами принята, и 7 июня 1494 г. они подписали Тордесильясский договор, согласно которому граница прошла в 370 лигах к западу от Азорских островов и островов Зеленого мыса.

Между 20 сентября 1519 г. и 6 сентября 1522 г. Магеллан совершает кругосветное плавание, а в 1529 г. страны заключают Сарагосский договор, по которому демаркационная линия прочертила другую сторону планеты – в западной части Тихого океана, примерно в 300 лигах к востоку от Молуккских островов. В результате Испания получила право на колонизацию практически всей Америки за исключением Бразилии и большей часть Океании, а Португалия – Африки и Азии. В процесс активного освоения планеты включаются другие страны, возникают английская (1600), голландская (1602), французская (1664) и прочие Ост-Индские компании, наделенные обширными привилегиями, включая административные и военные, колониальная палитра становится все более пестрой (действенность же прежних глобальных разграничений была денонсирована актом, подписанным в 1777 г. в Сан-Ильдефонсо). А затем Великобритания перехватывает у прежнего колониального гегемона – Испании, титул империи, «над которой не заходит солнце» (*el imperio en el que nunca se pone el sol*).

Окончательное оформление правил и процедур глобальной имперской экспансии, в частности, введение принципа «эффективной оккупации», состоялось на Берлинской конференции 14-ти стран в 1884–85 гг. Нестроения, связанные с колониальным разделом мира, становятся между тем одним из факторов, приведших к масштабному столкновению интересов – «новой Тридцатилетней войне» (Уинстон Черчилль), а, в конечном счете, – краху имперской модели глобализации. Но у кризиса данной формулы мироустройства были и другие веские причины.

«Более совершенный порядок»

В генезисе альтернативной формулы глобализации существенна роль полисной культуры самоуправления и концептов республиканской власти («перевернутая пирамида монар-

хии»), традиций тираноборчества и флюидов Реформации. Феномен *nation-state,* восприняв опыт древнегреческого народовластного строя (*δημοκρατία*; *πολιτεία*), римского государственного уклада (*res publica*), коммунальной и муниципальной практики европейских свободных городов, городов-республик, их торгово-политических союзов и асимметричных конфедераций, знаменовал продвижение от доменной и сословной государственности (сюзеренитет) к главенству национального сообщества, утвердив посредством Аугсбургского, а затем Вестфальского мира формальное равноправие стран и принцип национального суверенитета. Нация, «национальное сословие» (*état, state*) становится ведущей формой внешнеполитической субъектности и прообразом социокультурной корпорации: «повседневным плебисцитом» (Эрнест Ренан), а право народа на самоопределение – одним из основополагающих принципов мироустройства. Все это обозначило другой стиль политического бытия, иную меру человеческой жизни.

Так знаменитый акт о «клятвенном отречении», принятый Генеральными Штатами Нидерландов 26 июля 1581 г. (послужив впоследствии образцом для Декларации независимости США), постулировал, что поскольку король Испании не исполнил своих обязанностей перед провинциями, он больше не считается законным правителем на их территориях: «…как Бог не создавал людей рабами правителя, подчиняющихся приказам, независимо праведны те или нет, так и правитель управляет ради подданных – иначе он не может быть правителем <…> Когда правитель ведет себя иначе: угнетает подданных, ища возможности нарушить древние обычаи и привилегии, требуя рабского себе подчинения, тогда он не князь, но тиран, и подданные вправе счесть его таковым» [Неклесса 2013b]. В результате возникла Республика Соединенных провинций.

11 (21) ноября 1620 г. приплывшие в Америку из Нидерландов и Британии пилигримы в соглашении, подписанном на борту парусника «Мейфлауэр», провозгласили: «…настоящим торжественно и со взаимного согласия, перед Господом Богом и перед друг другом обязуемся объединиться в гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка и сохранения, и осуществления вышеуказанных целей; и на основании этого составлять, учреждать и создавать по мере необходимости такие справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, ордонансы, конституции и обязанности, которые будут сочтены наиболее соответствующими и отвечающими интересам всеобщего блага колоний» [Мейфлауэрское соглашение… б/г].

В процессе поиска гражданским политическим сообществом основ и процедур более совершенного порядка, в североамериканских колониях утверждается «буржуазная» («городская») политическая культура – режим представительной демократии, разделение властей, публичность политики. 4 июля 1776 г. делегаты колоний объявляют о независимости от Великобритании («заявляем, что соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми» [Декларация независимости… б/г]). И образуют новую суверенную державу – Соединенные Штаты. А в начале XIX века антиколониальное движение охватывает территории Латинской Америки…

После деколонизации большинства территорий Северной и Южной Америк в США был сформулирован принцип биполярности миропорядка – разделения Ойкумены на Старый и Новый Свет: европейскую и американскую системы государственного управления. Эта коллизия отразилась в доктрине Монро, изложенной 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании Конгрессу президента США Джеймса Монро в ответ на нацеленные на реколонизацию Латинской Америки решения Веронского конгресса Священного союза. Сама же идея объявления американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации, принадлежала государственному секретарю Дж.К. Адамсу, и как политическая позиция страны была изложена им в июле того же года. Доктрина декларировала «в качестве принципа, касающегося

прав и интересов Соединённых Штатов, положение, что американские континенты, добившиеся свободы и независимости и оберегающие их, отныне не должны рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны любых европейских держав. <…> Политическая система союзных держав существенно отличается в этом смысле от политической системы Америки… Поэтому <…> мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности» [Подробнее см.: Доктрина Монро… б/г].

Становление и закрепление республиканской и демократической организации государственного строя привело со временем к экспансии идей и принципов суверенизации как политической эмансипации в Старый Свет и в колонизированные Европой земли, пройдя многоступенчатый путь от суверенитета сюзеренов и метрополий к суверенитету наций (вассалитет, подданство *vs.* гражданство). А через освоение конструктов Великой французской революции (1789) и «Весны народов» (1848) – к концептам перестройки глобального миропорядка: «14 пунктам» Вудро Вильсона, Атлантической хартии, Уставу ООН и Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Объединенные нации

XX век стал временем деконструкции и континентальных, и морских империй – периодом этатистского шторма и универсальной деколонизации населения планеты. Тяга к пространственному имперскому доминированию замещается устремленностью к историческому лидерству на путях в будущее, а ценностный и политический конфликт (авторитарный «имперский» строй *vs.* демократия) реализуется в идеологической упаковке. В обращении президента США Вудро Вильсона к Конгрессу от 2 апреля 1917 г., обозначившего экспансию принципов гражданской демократии и отказ Америки от политики невмешательства в дела Старого Света, декларировалось: «Угроза миру и свободе заключается в существовании деспотических государств, поддерживаемых силой, которая всецело подконтрольна их воле, а не воле народов этих государств. При таких обстоятельствах наступил конец нейтралитета. <…> Мир должен стать безопасным для демократии, должен основываться на фундаменте политической свободы. <…> мы будем сражаться за то, что всегда было близко нашим сердцам, – за демократию, за право тех, кто подчиняется власти, обладать правом голоса в своем правительстве, за права и свободы малых наций, за то, чтобы повсюду господствовала справедливость» [Послание Конгрессу США… б/г].

8 января 1918 г. президент представляет Конгрессу заявление о принципах организации послевоенного мира («14 пунктов») как основу для переговоров с целью прекращения войны и создании универсальной системы безопасности. Здесь упомянем о двух из них: «V. Свободное, объективное и абсолютно непредубежденное урегулирование всех колониальных претензий, основанное на строгом соблюдении принципа, согласно которому при обсуждении всех вопросов суверенитета интересы конкретных народов должны учитываться наравне со справедливыми требованиями тех правительств, чьи права надлежит определить. <…> XIV. Путем заключения особых соглашении следует образовать союз государств для обеспечения равных взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как крупным, так и малым странам» [Четырнадцать пунктов… б/г]. По окончании войны почти все континентальные империи распались, моральные позиции морских оказались подорваны, была создана Лига наций («мировой контракт») – прообраз будущей ООН.

Во втором такте мировой войны, 14 августа 1941 г., президентом США Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем была обнародована Атлантическая хартия как «большая стратегия» и эскиз послевоенного миропорядка.

В пункте 3 декларировалось «право всех народов избирать форму правления, при которой будут жить, и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для тех, кто был насильственно лишен их». А в пункте 8 – устремленность к миру, по-своему трансцендирующему и национальный суверенитет: глобальному строю, в котором будет реализован институционально гарантированный отказ «от использования силы» [Атлантическая хартия… б/г]. Однако неудача с реализацией концепции универсальной безопасности посредством ООН и ее миротворческих сил предопределила создание в дальнейшем региональных военно-политических союзов.

Вскоре после капитуляции Германии, 26 июня 1945 г. принимается Устав ООН, утвердивший в качестве одной из основ нового мироустройства принцип равноправия и самоопределения народов, обязав колониальные державы «максимально способствовать» развитию населения колоний в направлении к самоуправлению и самостоятельности. А 14 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам (рез. № 1514) [Декларация о предоставлении… б/г], призванную положить конец колониализму и любой связанной с ним практике сегрегации и дискриминации, подтвердив неотъемлемое право на полную независимость и свободу народов колониальных стран и других несамоуправляющихся территорий. Так под зонтиком института объединенных наций как рамочного, символичного конструкта *глобализации суверенитетов* апробируется симфония наций. Политический же атлас тех лет представляет новую биполярность, обрамленную разрастающейся мозаикой государств третьего мира.

Стремление к милитарной территориально-ресурсной экспансии (имперская геополитика) все больше конфликтует с развитием и постепенно замещается распределенной по планете сложной хозяйственной целостностью (транснациональная геоэкономика). Складывается густая, разветвленная сеть конкурирующих взаимосвязей и развивающих взаимозависимостей преимущественно в экономическом пространстве, но не только [Неклесса 2015]. На рубеже 1980/90 гг. с окончанием третьей, «холодной», войны (с отложенным на некоторый срок ее «горячим» эпилогом), распадается идеолого-политический *imperium* на востоке Европы, привнося в мир геополитические неологизмы. Процесс конвертации в современный политический регламент авторитарных изводов и прочих регрессивных фракций рассыпавшихся империй не был, однако, завершен. Ойкумене, подошедшей к новому пограничью, еще предстояло пересмотреть свод прежних правил и претерпеть ряд критических нестроений, пережив чреду острых кризисов.

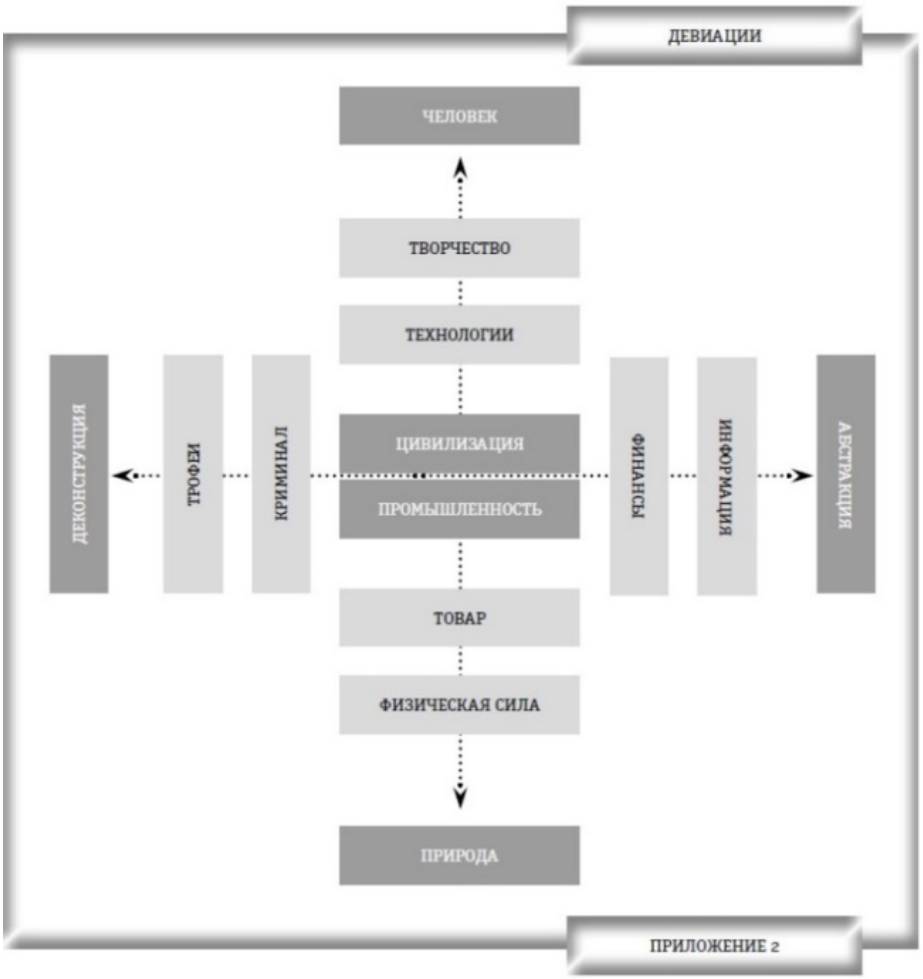
Синкопированный транзит

Транзит предполагает трансформации и предчувствует катастрофы. В новом веке по мере модификации обстоятельств, размывания былых ориентиров и утраты прежних мотиваций проявляется структурная сложность исторической ситуации: *со*-присутствие в ней элементов отошедшего, угасающего и обретаемого миропорядка. В незавершенном гештальте Ойкумены ощутима стратегическая неопределенность – плодятся противоречия, фуркации перспективы, рождаются альтернативные мейнстриму зигзаги футур-истории, умножая сценарии оккупации будущего и грядущей судьбы людей [Неклесса 2019].

Цивилизация, купируя экзистенциальные риски, компенсируя срывы, сковывая девиации и предотвращая их рецидивы, пытается сохранить устойчивость в водах ускоряющегося потока, между тем как гражданская конверсия – изживание *внутренней колониальности* совокупностью постколониальных, постимперских стран и народов, по-прежнему представляет проблему. Универсальная нестабильность (*permacrisis*), демонстрируя мозаичные обостре-

ния и спады, но все же удерживаемая в определенных рамках, может оказаться родовыми схватками перманентно подвижного строя, однако обращенные лицом в прошлое «больные люди планеты» и обитатели мирового андеграунда – травматические инклюзии в современном тексте, способны в транзитной сумятице реализовать угрозу глобализации конфликтов с неопределенным прогнозом (ср. с «задачей трех и более тел»). Иначе говоря, скачкообразно расширяться в пространстве и противостоять времени, рискуя превратиться в сумму заболоченных заводей и вязких насыпей, сдерживающих напор истории. Или же стать ее обрывом и поворотным пунктом.

Атлас девиаций транзита («Четыре всадника…»)



Транзит на время распечатывает и приоткрывает бездну. В ментальном товарообороте наших дней импринтинг, суггестия, психодрама и сюрприз все чаще разбавляют аналитику и ее решения, платя дань уважения, намеками и аллюзиями питая, демонстрируя омаж инсайту, провоцирующему действие. Трагедия когнитивных деформаций, расщепленных утопий, перерождения амбиций в нисходящую фантасмагорию, прочие психополитические аспекты инволюционной динамики, дискутируемые сегодня, рефлектировались, начиная с зари европейской цивилизации. Роковая чреда событий, ведущих к деструкции, инициируется, гибельным высокомерием, слепой, отрешенной от разума необузданностью, то есть бесчинством (*гибрис*), порождающим общее напряжение системы, окрашивая мир в тревожные тона (*трема*), и чреватым дальнейшим помрачением сознания (*ата*), увенчанным прелест-

ной иллюзией – парадоксальностью *апофении*, влекущей к критической ошибке – *гамартии*, с ужасом осознаваемой впоследствии (*анагноризис*), ведя к *перипетии* (результативности действий противоположной желаемой), а в конечном счете к вскипанию хаоса – *катастрофе*, реализовав, таким образом, возмездие (*немесис*). В силу своей специфики особенно уязвимыми данному «политическому соблазну» (Ханна Арендт) и сопряженному с ним «государственному самоубийству» (Арнольд Тойнби) оказываются мистифицированные, идеологически-ориентированные и авторитарные системы – групповые, социальные, национальные.

Человеческий дух стремится избавиться от обременений прошлого и осмыслить происходящее, устраняя либо амортизируя паллиативы ветхой практики: ее реинкарнации, симулякры, анклавы. Объявший планету геоэкономический/технологический универсум (система антагонистичная по отношению к конфликтогенным автаркиям, нарушающим сложную целостность распределенного множества взаимодействий) испытывает свою способность дать действенный ответ автооккупационным химерам и следствиям неоимперских грез – деспотичной этатизации и ползучей империалистичности, то есть тяге к господству над людьми и пространствами как реминисценциям и субституту былой колониальной гегемонии. Будущие геокультурные и геоантропологические конфигурации видятся в этом «тумане транзита» сквозь непрерывно обновляемую интеллектуальную оптику, смещая с прежних позиций символические порядки современной ментальности и линейной логики (*hic sunt dracones*) [Неклесса 2020].

Мировая архитектура, прозреваемая по ту сторону размываемого штормовым прибоем квази-имперского, этатистского и автоколониального барьерного рифа, переосмысляется и преображается. Тектоника пришедших в движение исторических плит – как следствие удара «волны перемен» (Элвин Тоффлер), способна произвести на свет универсальную структуру глобальной связности (*jus gentium*), при которой система международных отношений, взаимодействие локальных терминалов безопасности и трансграничных антропотоков существенно изменится. Сохраняя асимметрию и неравновесность, но подавив рецидивы прошлого, Ойкумена получает шанс обрести динамическую устойчивость, трансформируясь в среду комплексной самоорганизации.

Персональный суверенитет

Формирование гипотетичного полифоничного универсума как трансграничной социальной оболочки планеты, доминирующей (*vox populi*) над цивилизованной политической и экономической системой с ее ячеистыми локальностями – содержание третьей, наиболее сложной модели глобальной Ойкумены. В основе данной формулы миропорядка лежит проблематика индивидуальности, концепция естественных прав на жизнь, свободу, стремление к счастью, публичную декларацию убеждений, сопротивление угнетению и беспрепятственное передвижение, принадлежащих каждому человеку от рождения. А также тезис об увеличении числа чрезвычайно деятельных и все более разнообразных субъектов – акторов, сценаристов, продюсеров, режиссеров сюжетов, реализуемых на планете: шахматных фигур, способных в силу обстоятельств менять предписанную номенклатуру действий. Личность – инструмент этого социокультурного переворота, она же его цель и результат. Цивилизация – прежде всего строй ума.

Социальное преобразование и единение человечества сложнее хозяйственной унификации планеты. Кололониальность живуча и фрактальна, в той или иной степени она присутствует во всех общественных конструкциях. Деколонизация индивида – обретение права быть «владельцем собственной личности» (Джон Локк), прошла долгий путь от запрета работорговли и ликвидации рабовладения, отмены крепостничества и отмирания сословности

к кодификации личных и гражданских прав как верификации юридического равноправия, политической и персональной субъектности людей. В постимперский (*постсюзеренный*) период истории это был также путь от *суверенитета государства* к *суверенитету общества* и далее к *персональному суверенитету* как предельной политической реальности – маршрут, отмеченный Биллем о правах (Великобритания, 1689; США, 1791), Декларацией прав человека и гражданина (Франция, 1789), Всеобщей декларацией прав человека (ООН, 1948). Пять «д» гуманизации общества в прошлом и нынешнем веке – ступени его эмансипации: демократизация – деколонизация – десегрегация – право на разнообразие, легитимация инакости (*diversity*) – утверждение личного достоинства (*dignity*). Проблема, однако, в моральной уязвимости человека и в субъективно вероятностном (байесовском) характере многоликого строя.

История между тем расширяется и «разбегается». Просторность вселенского театра действий, пережив этап рамочной глобализации, усложняет симфонию взаимодействий, заполняясь оригинальным системно-модульным контентом (транснациональные АСС-структуры) [Неклесса 2021]. Ускоряется постсовременная/постколониальная динамика, умножаются миграции, инициируя инклюзивный неорегионализм, происходит смешение культур, смещение стандартов, растет ветвистость коммуникаций с различной длинной орбит, плотность насыщения практики, ее манипулятивность, виртуализация и цифровизация. В результате увеличивается пространство состояний, эволюционное разнообразие, интенсивность жизни, рождая пробегающие по миру и преобразующие его волны сложности.

Что привнесет в этот глобальный водоворот миллиардный интернациональный прилив, изменяющий современные параметры, разграничения и саму размерность Ойкумены? Сугубый предмет постколониальности – не политический или экономический национализм, но трансграничное бегство от люмпенизации, избавление от искушений коллаборационизма и прочих оскопляющих достоинство обстоятельств, ревитализация и самостояние личности, деформированной социокультурной селекцией в отчуждающей и отчуждаемой среде. Цель – обретение авторской позиции, пытаясь в условиях «радикальной неопределенности» (Франк Найт, Джон Мейнард Кейнс) утвердить идентичность и определить стезю в русле истории. Дальняя же осмысленная граница (*high frontier*) исхода – слияние многочисленного глобального племени с ренессансными токами воссоздания человека, замыслом его трансмутации (*homo virtuoso*), а в социальном аспекте – продвижение от экспансии идей наподобие синтетического мигритьюда (Шэйлджа Патель) или размытой колористики афрополитизма (Тайе Селаси, Ашиль Мбембе) к молекулярному стилю интеграции: планетарному деколонизированному космополитизму.

Технологии трансформации органичны, «телеологичны» и результативны в лоне породившей и отладившей их культуры, то есть сохраняя связь с соответствующей онтологией, выбор же меморандума и протокола реальности остается в компетенции субъекта. Декополиты, заселяя землю в атмосфере нахлынувшей новизны, изменяя сложившиеся этнические и социокультурные профили наций, влияют на становление постсовременности, ее смыслообразующую субстанцию – начала политической и экономической организации, темперамент общественных и культурных связей, декларируя нетерпимость к расизму, супремасизму, шовинизму, патернализму, другим формам насилия уничижающих господств и тиранствующих властей, проблематизируя наличные ценности и творя экспрессивные инструменты перемен (*e. g.* культура отмены, убийство репутации, «деньги все-таки пахнут», «другой имеет значение», #МеТоо, *etc*). В конечном счете, постколониальность сквозь оптику глобальной деколонизации суть фрактальный извод постсовременности, иначе говоря, постсовременность – это и есть универсальная постколониальность (точнее, они когерентны) [Неклесса 2022].

«История импровизируется» (Александр Герцен), в разбухающей, растекающейся по планете интерлюдии растут возможности психополитической/социокультурной конкуренции и взаимодействия, сложной кооперации обитателей локализованных в земном пространстве географически/политически разделенных территорий и диахронных трансграничных сообществ различного толка. В этой новой «новой нормальности» прогрессирует самоорганизация и самореализация, усиливается субъективизм и волюнтаризм распределенного множества размытых источников информации и действия, многоголосие идей и разнообразие методов их воплощения. Жизнь сосредотачивается на кромке истории, создавая портал в глубины внутренних мер и весов, повышая риски поисковой активности, роль нравственных ориентаций и моральной нормативности.

Предчувствие подвижного, «запутанного» миропорядка (*элевтерия*) актуализирует проблему дисперсной власти и тему коэволюции, стимулируя переоценку роли мобилизирующего инструментария, социальную капитализацию толерантности, эмпатии подобно уже произошедшей ревальвации интеллекта и таланта. Ставка делается на присущий сложившейся личности потенциал динамической упорядоченности как средства сдерживания энтропии численно растущего, массового общества. Внутренний, «образовавшийся», человек трансцендирует внешние обстоятельства (*sapiens dominabitur astris*), доминантное же состояние душ (вариант *wisdom of the crowd*) влияет на характер обитаемого мира, определяя меру и форму: архитектонику социума как контрапункта космополитичной глобализации – комплексной целостности на основе персонального и соборного суверенитета.

Преобразование внутренней Ойкумены может быть более сложным процессом, чем освоение внешних пространств. Инкубация, становление общества открытой проектности, сгустки («звездные туманности») универсальной общественной власти, ориентированной на персонализированную сложность (взаимно-субъектные/суверенные отношения), динамизм и гуманизацию (аутопоэтизм) практики, ее сетевую организацию, предполагают вызревание антропологического конфликта между носителями национального и космополитичного мировидения – людьми, которым свойственен перманентно обновляемый, принципиально неоднозначный стиль жизни (ср. «открытое произведение» Умберто Эко). Линии горизонта в этой эластичной системе координат: трансгрессивная индивидуация, освобождение особенного от гнета всеобщего, уникального от коллективного, личного от публичного. Постсовременный транзит стимулирует развитие синергийных человеческих коалиций – сгустков эволюционного разнообразия конструктивного и деструктивного толка, которые оказываются генетическим материалом нового вселенского организма.

Атлантическая хартия… б/г. Атлантическая хартия. – *История США в документах*. – Доступно: http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/atlanticheskaya-hartiya.php. – Проверено: 09.05.2022.

Декларация независимости… б/г. Декларация независимости. – *Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. – Доступно: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm. – Проверено: 09.05.2022.

Декларация о предоставлении… б/г. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. – *Российский правовой портал: Библиотека Пашкова*. – Доступно: https://constitutions.ru/?p=5924. – Проверено: 09.05.2022.

Доктрина Монро… б/г. Доктрина Монро. – *ХРОНОС: ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ИНТЕРНЕТЕ*. – Доступно: http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1823monro.php. – Проверено: 09.05.2022.

Мейфлауэрское соглашение… б/г. Мейфлауэрское соглашение. – *История США в документах*. – Доступно: http://www.grinchevskiy.ru/17-18/meyflauerskoe-soglashenie.php. – Проверено: 09.05.2022.

Неклесса А.И. 2013a. Прыжок лягушки. Кризис мировидения. – *СИНЛА/ИНТЕЛРОС.* – № 1 (18). – 44 с.

Неклесса А.И. 2013b. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества. – *Полис. Политические исследования.* – № 2. – С. 24–39.

Неклесса А.И. 2015. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике – *Актуальные проблемы экономики и права.* – Т. 9. – № 1 (33). – С. 93–107.

Неклесса А.И. 2019. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – *Полис. Политические исследования.* – № 4. – С. 149–164. – DOI: 10.17976/jpps/2019.04.11.

Неклесса А.И. 2020. Цивилизационный транзит: методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). – *Экономическая наука современной России*. – № 4 (91). – С. 132–146. – DOI**:** 10.33293/1609–1442–2020–4(91).

Неклесса А.И. 2021. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна. – *Полис. Политические исследования.* – № 5. – С. 39–55. – DOI: 10.17976/jpps/2021.05.04.

Неклесса А.И. 2022. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности: предмет, методология, прогноз. К 70-летию статьи Альфреда Сови «Три мира, одна планета». – *Полис. Политические исследования.* – № 2. – С. 130–144. – DOI: 10.17976/jpps/2022.02.10.

Послание Конгрессу США… б/г. Послание Конгрессу США об объявлении войны Германии. – *История США в документах*. – Доступно: http://www.grinchevskiy.ru/1900-19 45/war-message.php. – Проверено: 09.05.2022.

Пригожин И. 1991. Философия нестабильности. – *Вопросы философии*. – № 6. – С. 46–57.

Четырнадцать пунктов… б/г. Четырнадцать пунктов Вильсона. – *История США в документах*. – Доступно: http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/chetirnadcat-punktov.php. – Проверено: 09.05.2022.

Интеллектуальное событие

От редакции

В подборке публикуются статьи авторов, принадлежащих к философскому поколению 1970–1980-х годов.

В.П. Макаренко

«РОЖДЁННЫЕ В ГОДА ГЛУХИЕ…»[1]

А.Л. Доброхотов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аннотация: *В статье на фоне судьбы поколения, чье акме совпало с 70–90-ми гг., идет речь о возможности связать распавшиеся времена даже тогда, когда «на разрыв» работала машина мощной и, как тогда казалось многим, вечной империи. Особенности «философского поколения» последней трети XX в. освещаются в контексте личного опыта автора, куль- турной характеристики позднесоветской эпохи, функционирования культурных ин- ститутов, диалога и взаимодействия поколений. Характерной чертой этого поколения видится доминанта истории философии, под эгидой которой зачастую шли процессы осмысления острых проблем современности. Утверждается, что межпоколенческий диалог может состояться даже в созданных государственной идеологической политикой условиях целенаправленной изоляции индивидуумов и групп как друг от друга, так и от современной международной общественности. Особое внимание уделяется феномену «культурологии»: науке, которая была, с одной стороны, искусственным продуктом «перестройки», но с другой – результатом плодотворных попыток преодолеть выпадение из мировой культуры, интегрировать накопленное в предыдущих эпохах гуманитарное знание в некую целостность. В зеркале культурологии отразилась вся динамика поколений конца XX в.*

Ключевые слова: *динамика поколений, межпоколенческий диалог, позднесоветская эпоха, рождение культурологии, книги и люди 70–90-х гг.*

Что такое – поколение в культуре? Правомерно ли говорить о «философском поколении»? Пожалуй, неправомерно. Поколение людей, чья профессия – философия, это не слиш-

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Доброхотов А.Л. «Рождённые в года глухие…». – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 491–502.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.6674

ком показательное социальное явление. Настоящее «философское поколение» – это призванные и востребованные временем мыслители. Но такое бывает редко. Перечислить эти поколения не составляет труда: плюс-минус 200 лет в трех версиях – в античности, средневековье и модернитете. В России – примерно 70 лет от Вл. Соловьева до «философского парохода» (1922). Анализировать морфологию этих поколений действительно интересно.

Но вообще понятие поколения для культурологии довольно важный инструмент. Дело в том, что здесь совпадает ритм природного развития индивидуума и чередование волн развития культурной эпохи. Культура – это информационный процесс, и она как бы стремится использовать самые информационно эффективные состояния общества. Таков, в частности, диалог поколений. Формирование личности подростка и молодого человека предполагает критическое отношение к действительности; это период конфликта, скепсиса, ориентации в мире, своего рода перезагрузки традиций, и культура пользуется этой экзистенциальной энергией молодости для того, чтобы решить назревшие проблемы. Но чтобы поколение стало значимым, необходима активность того, что Тойнби (Arnold Joseph Toynbee) назвал системой «Вызов – Ответ» (challenge and response). Может длиться череда «молчащих» поколений, и может появиться поколение, которое становится исторически значимым, если оно получило вызов истории. В 90-е гг. была популярна теория Штрауса (William Strauss) и Хау (Neil Howe), описывающая повторяющиеся циклы поколений в истории США. При всей ее яркости и остроумии, она изображала взлеты и упадки творческой энергии поколения так, словно они проходили с фатальностью смены времен года. Однако у культуры нет такой детерминации, как у природы. Культура создает своего рода символическую среду со своим определенным ландшафтом, со своими – если угодно – «полями», в которых действуют силовые линии, но сказать этим силам «да» или «нет» может только субъект воли (в том числе и коллективный – такой, как поколение). Поэтому не стоит искать автоматизм в динамике поколений.

В концепте поколения соединяются факторы личного возраста и диалога возрастных групп. Причем «поколение» это не только конфликт отцов и детей. На самом деле это диалог дедов, отцов и детей. Типична ситуация, при которой дети конфликтуют с отцами, но обретают солидарность с дедами. И это «рифмуется» с устройством смены эпох, в котором видна культурно-информационная мудрость истории. Дело в том, что состояние конфликта позволяет обозначить экстремумы – предельно далеко отстоящие друг от друга точки мировоззрений, идеалов, ценностей; и неслучайным образом оказывается что от идеала вчерашнего дня эпоха отталкивается, но идеалы позавчерашние оказываются ближе. Так чередование эпох позволяет сохранять связность сюжета и в то же время обозначить крайние точки колебания исторического маятника, а результате – находить ту самую золотую середину, которая, по Аристотелю, является искомой нормой и целью. Важно, чтобы поколение ощутило призвание, миссию, и тогда оно становится осью, вокруг которой кристаллизуются разные возрастные группы. Так, в 1968 г. молодежь притянула к себе – как магнит – не только близких по возрасту интеллектуалов, но и таких «стариков», как Маркузе (Herbert Marcuse). Энергетика поколения в этих случаях бывает столь сильной, что она плодотворно проявляет себя в разных эпохах, как это было с поколением Французской революции или с нашими «шестидесятниками», которые и в девяностые зачастую оказывались профессиональным ядром инноваций.

Если сделать предметом рефлексии мое вхождение в «философское поколение», то выглядеть это будет примерно так. В школе я интересовался в основном литературой, много читал. Естественные для подростков мировоззренческие вопросы существовали как-то отдельно. Но в девятом классе я открыл для себя книги по философии и увлекся. К 1964 г. вышло три тома «Философской энциклопедии». Уже тогда она была затронута духом времени, не

совсем совпадала с казенной идеологией. (А два тома, вышедшие после 1967 г., в ряде статей и вовсе были прорывом в альтернативность). Листая эту энциклопедию, я сообразил: это то, что мне нужно. Попадавшиеся книги были довольно случайные, потому что это была библиотека военной части. Но были любопытные вещи: книги по индийской философии, Руссо; заглянул и в Энгельса. Последние школьные 2,5 года я жил в Германии, по месту военной службы отца, и – скажем с улыбкой – философские флюиды должны были в меня проникнуть. Как бы там ни было, я поступил на философский факультет МГУ и до сегодняшнего дня так и занимаюсь философией. О книгах надо сказать особо. Мой читательский опыт – с пяти лет до сегодняшних семидесяти – это 65 лет интенсивного чтения, поэтому трудно выделить какие-то эпохи или главные книги. Круг чтения у всех детей советского времени был примерно одинаковым – это в первую очередь приключения, путешествия, фантастика. Я читал довольно бессистемно и был ограничен фондами библиотек, поэтому мне в руки часто попадали книги взрослого круга чтения. Но в поздних классах начал читать и философию. Так, в библиотеке военной части я нашел «Индийскую философию» Радхакришнана, и она меня потрясла. В шестидесятые в моду вошел французский экзистенциальный стиль; их много переводили, потому что они были левые, друзья СССР. Со всякими экивоками и комментариями, но переводили. Поэтому современную философию можно было как-то извлекать из литературы. Но для меня лично русская литература всё-таки была главным источником философских идей. Например, Толстой и Чехов. Достоевский – намного позже. Наверное, мой тогдашний путь к философии можно так описать – через литературу. Но кого это может удивить? И сейчас, пожалуй, русская литература остается для всех возрастов преимущественным источником философской мудрости.

С темой поколений тесно связана тема «Учитель и ученик». Если и возможна оптимальная межпоколенческая трансляция культурного опыта, то это – ученичество, Lehrjahre. Для меня оно началось в Московском университете. Я попал в ту историческую волну, когда шестидесятники еще не были разогнаны, а контакты с Западом были более-менее спокойные, да и репрессий почти не было. Получалось, что можно было довольно уютно существовать в каких-то «пещерках». Собственно, они оказались «катакомбами» с весьма разветвленной сетью. И я попал на философский факультет, где были такие места. Это кафедра истории зарубежной философии – и по сей день одна из лучших кафедр на факультете. Я бы сказал, что это была аристократическая кафедра: там нельзя было работать, если ты не знал нескольких языков. Поэтому туда приходили не совсем случайные и преимущественно интересные люди. Там был такой цветник учителей, какого сейчас, наверное, и не может быть. В том числе люди, которых факультет приглашал читать спецкурсы. Их нельзя было взять в штат, потому что они были неортодоксальны, но можно было пригласить читать студентам курсы. Например, нам читал спецкурсы Мераб Константинович Мамардашвили: «Феноменологию духа» Гегеля в 1970 г. и «Экзистенциализм» в 1971-м – темы были не совсем обычные для того времени. И это, конечно, произвело на меня огромное впечатление. Надо учесть, что у него и стиль был особенный: стиль свободного разговора. Он писал не так блестяще, как преподавал. Он включал диктофон, набивал табаком трубку и начинал неспешно рассуждать. Для тех времен такой европейский стиль размышления был непривычен. Нашему поколению повезло, потому что на наших глазах Мамардашвили как бы «исполнял» философию: так сам он говорил. Это было очень интересно – невероятной интенсивности мысль, обращенная к ученикам. Правда, было трудно, потому что он не делал скидок для студентов. Потом – увы – у него был конфликт с руководством, и он ушел, но я до сих пор помню эти лекции. Позже у нас преподавал Александр Моисеевич Пятигорский. Он читал лекции по индийской философии – это тоже было потрясение. Мы даже плохо понимали, что он здешний, наш, московский: у него была смуглая восточная внешность, браслет на руке, глаз косил немножко.

Он ходил в свитере, рассуждал об индийской духовности – мы были почти загипнотизированы. Нелли Васильевна Мотрошилова читала лекции и вела семинары – тогда было активное начало ее преподавательской деятельности, и мы были ее первыми учениками. Она была и остается блестящим педагогом. Я думаю, что в то время почти все более-менее заметные мыслители Москвы так или иначе присутствовали на факультете. Это продолжалось до начала 70-х, когда режим стал более суровым. А нам повезло – мы попали в последние дни оттепели, когда можно было безнаказанно заниматься тем, что нам было интересно.

Сама кафедра истории зарубежной философии тоже была очень сильной. Ею тогда руководил Юрий Константинович Мельвиль, человек очень необычный. Внешне он был такой аристократический, западный, и он придерживался европейского стиля мышления. Не устарела его капитальная книга о Пирсе (Charles Sanders Peirce) [Мельвиль 1968]. Интересным было не столько его педагогическое мастерство, сколько сам тип личности. На сером советском фоне это производило впечатление. К тому же он был виртуозный администратор. Ю.К. Мельвиль был человеком известным и уважаемым в советских верхах, поэтому он так сумел отгородить свою кафедру, что ему не мешали подбирать себе интересных сотрудников. Он умел их защитить и встроить в систему. До этого, кстати, кафедрой руководил Теодор Ильич Ойзерман. Интересно, что самые свои любопытные вещи он написал в годы перестройки. Он тоже был очень нетипичным персонажем эпохи. Вошел в советский истеблишмент очень высокого ранга, дружил с Косыгиным и был настроен на определенную модернизацию. Это был такой стиль «социализма с человеческим лицом». Не скажу, что здесь присутствовал либерализм, но профессионализм – безусловно.

На этой кафедре работали мои непосредственные учителя. Сначала я увлекся индийской, а потом античной философией. Античности меня учил Арсений Николаевич Чанышев – он меня вел со студенческих до аспирантских лет. Очень необычный был человек. Он уже стоял на грани диссидентства, общался с соответствующими кругами. Чанышев был поэт, писал стихи под псевдонимом Арсений Прохожий. И вообще, он был фигурой полубогемной, что тоже студентов привлекало. Внешне он был немножко похож на Эйнштейна – растрепанный, в свитере, поэт, участник всяких кружков необычных, большой донжуан. Он не столько непосредственно учил, сколько позволял заниматься своими делами. Помогал с литературой, конечно, советовал, что почитать. Хотя можно сказать, что прямое учительство тоже было, потому что – повторяю – шла еще и другая, параллельная жизнь. Одно дело – лекции, а другое дело – кружок студентов. Мы – нас человек пять было – собирались, Чанышев нас сажал вокруг себя, читал вслух «Метафизику» Аристотеля, комментировал, обсуждал ее с нами. И вот это было реальное образование. Я сейчас думаю, что надо бы поменьше поточных лекций читать, но побольше маленьких конкретных групп создавать, которые работают на определенную задачу. Тут важно, чтобы учеников был какой-то кворум – «не меньше числа граций, не больше числа муз». Это было бы оптимально. И вот этот семинар длился, наверное, года полтора. Он очень много дал мне, гораздо больше, чем многие лекции.

Хотя лекторы у нас были блестящие. Например, Василий Васильевич Соколов. Он читал нам очень интересные и темпераментные лекции. Соколов – человек с невероятной памятью. От 30-х гг. и Института красной профессуры до сегодняшнего дня он помнил всё: события, имена, отношения людей и т. д. (Стоит обратить внимание на его опубликованные воспоминания «Философские страдания и просветления…» [Соколов 2014]) Соколов тоже «вываливался» из общей среды. Он не очень боялся идеологических начальников, с экрана телевизора мог сказать, что борьба идеализма и материализма – сомнительная схема. После этого разные лица несколько месяцев писали в «контору» докладные письма. И – кстати о поколениях – Соколов очень внимательно относился к молодежи: у него был редкий талант

находить молодые дарования и энергично их поддерживать. Совершенно восхитительным педагогом и лектором был Геннадий Георгиевич Майоров, тогда еще молодой ученый, который написал знаменитую книгу про Лейбница [Майоров 1973].

Моя первая курсовая была про Марка Аврелия. До сих пор не могу понять, почему я ее писал у выдающегося индолога Владислава Сергеевича Костюченко. А вторая работа была по Упанишадам, по индийской философии, и ее я почему-то писал у античника Чанышева. Видимо, так просто распределили курсовые. Потом я увлекся Плотином, потом понял, что нет Плотина без Платона, потом понял, что Платона нет без досократиков – и тут застрял на Парменида, от которого дальше обратное движение пошло. В общем, я все это время увлекался античной философией. И тут грех не сказать про второго моего учителя, неофициального. Ю.К. Мельвиль сделал так – и это был настоящий прорыв в образовании, – что можно было неофициально создавать языковые группы. Если студенты заинтересуются, например, арабской философией, то приглашают преподавателя арабского языка. Они учат с ним арабский и под его присмотром специализируются по арабской философии. Была группа арабского, испанского и китайского языков, откуда, между прочим, вышли мощные современные востоковеды. И получалось очень хорошо, потому что люди приходили туда не из формальных соображений, а увлекшись именно этим направлением. Кроме того, была группа греческого и латыни. Вести ее пригласили выпускника классической кафедры филологического факультета (тогда ею руководила Аза Алибековна Тахо-Годи) молодого аспиранта Льва Абрамовича Финкельберга. Сначала это были занятия официальные, потом группа развалилась, потому что языки были трудные. Отсеялись почти все, и в конечном счете нас осталось только двое, я и Валерий Воробьев, известный ныне логик. Но мы продолжали работать у Финкельберга дома, в такой домашней атмосфере. Это были абсолютно бесплатные занятия, более того, нас еще и чаем с тортом угощали. И там мы действительно вгрызались в античную культуру. Сами понимаете, что язык нельзя изучать без культурного контекста: там была и литература, и философия. Сейчас он и его жена Рита уехали в Израиль, и там они – известные ученые. Лев Абрамович, насколько я понимаю, занимается досократиками, а Рита (Маргалит Финкельберг, Margalit Finkelberg) – специалист по Гомеру, по архаической Греции, работы ее получили мировую известность. Если говорить об отношениях «учитель – ученик», то здесь они действительно были классическими.

После окончания университета я остался в аспирантуре, руководитель у меня был прежний, и все вроде бы шло по накатанному пути. Времена были трудные: я лет на десять застрял в должности ассистента. Пытался поехать на стажировку в ГДР, прошел все казенные круги оформления, но оказалось (вот неожиданность!), что беспартийному нельзя. К тому времени у меня уже расширился круг интересов – я преподавал немецкую классическую и античную философию, у меня был спецкурс по романтизму, по Хайдеггеру, Гераклиту. Но главная область интересов – это все-таки античная и немецкая классическая философия. Потом и русская философия Серебряного века добавилась.

Я описал три модуса учительства: приглашенные светила, мои преподаватели на кафедре истории зарубежной философии и параллельный домашний семинар Финкельберга. Но на самом деле советская система строго запрещала еще один возможный модус – это реальное создание гуманитарной научной школы. По моим наблюдениям, это отслеживалось и тут же пресекалось, потому что это уже был бы социальный субъект, не вписывающийся в систему. Разрешали существовать только каким-то кружкам – например, методологическим. Это не очень было опасно. Поэтому многие мои сверстники прошли через кружки типа кружка Щедровицкого. И таких кружков было немало. Я считаю, что в них люди тоже получали альтернативное образование. Я немножко в таком кружке тоже поучаствовал. Это был кружок нашего ровесника, Александра Васильевича Антонова. Он просто собрал людей, интересую-

щихся русской философией и связанными с этим религиозными вопросами и т. д. Это был даже не кружок, а почти салон, который собирался у студентки (в будущем – профессора) из Литвы Гражины Миниотайте, тоже нашей ровесницы. Она была как бы хозяйкой салона, такая умная красивая дама, вокруг которой собирались интеллектуалы, рассуждавшие о философии. Но мотором всего этого был Антонов – человек сократического склада, который умел одним вопросом кого-то зажечь, кого-то сбить с толку. Сей- час он довольно крупный деятель старообрядческой церкви, известный в этих кругах человек. Для меня это тоже определенный тип образования был. Потому что я человек кабинетный, диалоги вообще не очень люблю, а этот кружок меня вбросил в атмосферу острых сократовских диалогов.

Отсутствие «школы» до некоторой степени возмещалось той самой «символической средой» поколения, о которой я говорил в самом начале. Театр на Таганке, «Новый мир», не слишком громкие кинопоказы и выставки, самиздат, «бардовская» песня… Все это интегрировало поколение в некое сообщество без единого мировоззрения, но с единым фондом идей, тем, конфликтов, цитат и т. п. Стоит особо упомянуть большую роль открытых лекций, возможность которых давали вузы и различные конференции. На таких лекциях я впервые услышал Алексея Федоровича Лосева и Сергея Сергеевича Аверинцева. Это было нечто большее, чем лекции; скорее – окно в другие миры. Влияние этих мыслителей не ослабевало и позже.

Вторая половина 1970-х – это, конечно, тоска. Да и заря перестройки тоже: там уже почти ничего не было, кроме болтовни. Но зато началась эра «культурологии». Каким факультет был тогда? Аспирантские годы, конечно, уже были скучнее, потому что кто-то уехал, кто-то ушел в подполье. Вторая волна ученичества для меня, уже вроде бы сложившегося ученого, неожиданно началась в 90-е гг. Произошло вот что: рухнул марксизм, и получилось, что свято место оказалось пусто. Я точно знаю, что верхушка Министерства образования этим была весьма озабочена. Поняли, что эту лакуну надо заполнить какой-нибудь мировоззренческой дисциплиной. Но философия – это слишком сложно. Идеологические инстанции решили, что на этом месте должна быть культурология. Нужно было изобрести что-то такое гуманистическое, позволяющее мирно войти в семью народов – и придумали культурологию. Я немножко участвовал в этих организационных процессах. На Западе нет такой науки «культурологии» – там есть или культурная антропология, или история цивилизаций, или философия культуры. Но культурология – это наш продукт 90-х гг., это как бы мировоззренческая интегральная дисциплина. На Западе к нему до сих пор скептически относятся, считают, что это просто трансформировавшийся истмат-диамат, хотя это неверно.

Я тогда попал в два интересных образовательных пространства. В МГУ на философском факультете была создана культурологическая кафедра, но она была в России, кажется, второй по счету. Первая, как ни странно, была создана в МВТУ им. Баумана. Тогда модной была идея несколько огуманитарить технические вузы, и в этом смысле самый мощный проект был в Физтехе. Я туда тоже попал и заведовал соответствующей кафедрой, наверное, лет семь. Тогдашний ректор – Николай Васильевич Карлов, человек большой гуманитарной эрудиции и, что называется, «государственного» мышления – загорелся идеей создать синтез гуманитарного и естественного образования; «перебросить мостик между полушариями мозга», как он выражался. Физтех – это такая гвардия, элита, куда отбирали студентов по всему Советскому Союзу. Карлов решил, что однобокое воспитание – это не просто плохо, но даже опасно: все-таки у этих людей в руках потом будет не только наука, но и оборонка. И он придумал довольно остроумную модель: создали факультет гуманитарных наук. Были приглашены люди, которые кое-что сделали в гуманитарных науках. На моих глазах студенты под их руководством учили древние языки, богословие, писали стихи, изучали историю музыки

и семиотику кинематографа. И делали это всерьез. Преподаватели были блестящие, конечно. С помощью Карлова мы там собрали настоящий букет интеллектуалов.

Культурологическую кафедру захотели создать и на философском факультете МГУ. Если говорить о настоящей выпускающей кафедре, то она была, пожалуй, первой в стране: кафедра истории и теории мировой культуры (ИТМК). Удивительно уже то, что ее главным создателем был студент второго курса Валерий Яковлевич Саврей. У него была идея, даже миссия: он решил, что должен собрать великих ученых вокруг проекта культурологии. Саврей увлекался гуманитарными науками, увидел, сколько в России таких разрозненных звезд, и попытался создать из них созвездие. Но самое удивительное, что он сделал это. Он лично пообщался со всеми учеными, увлек наше начальство своим замыслом. Невероятной энергии был этот молодой человек (он сейчас профессор в университете). Он даже с Раисой Максимовной Горбачевой поговорил и заручился ее поддержкой. Правда, очень помогали тогдашние декан Александр Владимирович Панин и замдекана Владимир Васильевич Миронов: им эта идея тоже понравилась. В.В. Миронов и далее все долгие годы своего деканства всемерно поддерживал ИТМК. Ректор был совсем не против, он понял, что для университета это будет очень престижно. В начале 90-го это был просто лекторий, а с 1991 г. – уже самостоятельно работающая кафедра. Собралось невероятное созвездие: Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, С.С. Аверинцев, Г.С. Кнабе, Е.М. Мелетинский, А.Я. Гуревич, М.Л. Гаспаров, Б.А. Успенский, Н.И. Толстой, Н.В. Брагинская, В.В. Бибихин, М.И. Свидерская, В.В. Вертоградова, В. Н. Романов и др. (всегда неловко прерывать такие перечни: заранее прошу коллег и учителей меня извинить). С 1991-го по 1993-й там была констелляция звезд международного масштаба. Характерно, что никаких межпоколенческих проблем не было. Напротив, возникла на короткое время как бы надвременная Касталия, «туннель» между 30-ми и 90-ми, в котором все друг другу были интересны и важны. И конечно, я у них учился.

Я тогда тоже перешел на эту кафедру и помогал в ее организации. Был создан свой журнал («Мировое древо»), шли формальные и неформальные семинары, проводились публичные лекции. Это был гуманитарный центр с мощнейшим духовным излучением. Потом, правда, этот формат изменился, потому что в 93-м Афанасьев «переманил» ядро группы ученых в РГГУ. Им создали должные условия, и они дружно туда ушли. И вот, если говорить об учителях, то не только студенты, но и я тоже, – все мы увидели, что такое настоящие ученые, которые с вами общаются на равных, думают при вас и с вами. Характеры и темпераменты у них были разные, но не было никакого снобизма. Кафедра, получившая такой импульс, и сейчас успешно существует. И она – одна из лучших в стране.

Первый шаг, который необходимо было сделать, – наладить междисциплинарный диалог, что тоже было непросто. Но на самом деле ученые уже работали в таком режиме. В 60–70-е годы московская и тартуская школа семиотики двигались именно в этом направлении. Они уже протоптали своего рода тропинки от филологии и истории к математике, нейрофизиологии, космологии. Философия меньше всего там участвовала, но были люди философски подкованные, такие как В.Вс. Иванов, Г.С. Кнабе или С.С. Аверинцев. Поэтому первая стадия была фактически реализована уже до создания кафедры: было создано пространство междисциплинарной коммуникации.

Потом культурологию захлестнула волна популярности. Она заменила собой диамат в вузах, и преподавать ее, соответственно, стали бывшие преподаватели истории КПСС и т. п. В результате получилось, что настрогали множество книг – полки сейчас забиты учебниками по культурологии, которые невозможно читать, – и как-то в культурологии разочаровались. Ее потеснили более традиционные науки. Философия, например, в начале нулевых годов переживает какой-то реванш. И все-таки культурология состоялась как наука.

В формуле «учитель – ученик», о которой шла речь, оба элемента равноценны. Поэтому – несколько слов об учениках. Рискну признаться, я не был идеальным учителем. Мне было интересно читать лекции: их слушатели, надеюсь, могли чему-то научиться. Но как научный руководитель, я предпочитал предоставлять полную свободу ученикам, лишь ориентируя в литературе и помогая с редактурой текстов. Поэтому достижениями мои ученики обязаны своим собственным усилиям. Правда, мне везло на учеников, и поэтому «метод» обычно оправдывал себя. Стоит напомнить, что власти не любили, когда у гуманитариев формировалось что-то вроде научной школы; но полноценное ученичество возможно лишь в пространстве «школы» с ее преемством, традицией, авторитетом и дискуссиями. Поэтому я не могу составить список учеников и не уверен, что те, чьи имена я мог бы назвать, согласятся считать себя моими учениками. Как бы там ни было, меня очень радуют успехи бывших студентов. Упомяну лишь некоторых: создатель и руководитель современного формата философского факультета МГУ, серьезный исследователь и блестящий публицист В.В. Миронов; замечательные историки философии (и руководители подразделений МГУ) В.В. Васильев, А.А. Кротов, Д.А. Лунгина; знатоки немецкой философии, вошедшие в международную научную элиту, Н.С. Плотников, П.В. Резвых, И.А. Болдырев… С интересом слежу за успехами А.В. Хитрова. Замечу, что сравнительно молодое поколение учеников отличается широким спектром интересов и сфер деятельности. Иван Болдырев – философ, экономист, литературовед, переводчик. Арсений Хитров – философ, культуролог, социолог, киновед, публицист. Оба – социально активны. Что это – печать времени или склад личности? Это же замечаю у своих еще более молодых учеников в НИУ ВШЭ. Вот где для ответа нужна культурология поколений.

Еще один важный элемент в системе «учитель – ученик» – среда общения: это медиум, позволяющий (или мешающий) поколенческим отношениям быть культурно плодотворными. Об МГУ я уже говорил, но нельзя забыть и Институт философии РАН. Всегда активно сотрудничал с Институтом философии. Да и вряд ли могло быть по-другому: институт был тесно связан с философским факультетом и людьми, и профессиональными задачами. В Институте философии работали мои учителя; в секторе Н.В. Мотрошиловой я чувствовал себя не гостем, а членом сообщества; именно в Совете ИФАНа, в зале, где когда-то на голицынских балах танцевал Пушкин, я защищал докторскую. В 90-е даже собирался перейти в сектор А.А. Гусейнова: сейчас уже точно не скажу почему. Кажется, захотелось пожить без преподавательской нагрузки, что-то написать.

Духовная атмосфера – как и всякая атмосфера – это субстанция деликатная и изменчивая. Но если отважиться на сравнение, то заметно, что различия логично следуют из характера самих корпораций. Институт философии был и остается центром теоретических исследований, генератором главных текстов нашей современной философии. Так получилось, что в советские времена степень академической свободы была в ИФАНе чуть выше, чем в вузах, да и свободолюбивое поколение 60-х было лучше представлено. Поэтому там сложилась собственно философская атмосфера с ее неотъемлемыми особенностями: поиски, дискуссии, авторская самобытность, быстрый отклик на вызовы современности, некоторая фронда, если угодно. МГУ находился под более плотной опекой властей, и атмосфера казенного заведения была там достаточно густой. Но было и то, что нельзя отнять у университета: удивительный креативный эффект встречи поколений, интересных друг другу, готовых учиться друг у друга. Энергия молодости пробивалась сквозь «асфальт» даже в худшие времена. Особенность же Вышки (НИУ ВШЭ, официально говоря) в том, что это было дитя больших перемен (и больших инвестиций), экспериментальный университет, осознающий свою миссию синтеза западных образовательных моделей и традиций российской интеллигенции. В свое время эта «алхимия» давала поразительные результаты: хороший пример – создание А.М. Руткеви-

чем (кадровым сотрудником ИФРАНа) философского факультета, который быстро стал вровень с лучшими философскими центрами страны. Сейчас Вышка переживает некоторый кризис, и именно «атмосфера» стала одной из его жертв, но, надеюсь, что это не навсегда.

Можно ли обобщенно говорить об основных чертах моего философского поколения? Ответить на этот вопрос по существу – совсем не тривиальная задача. Финальной границы поколения еще – к счастью – нет. Но также не очень ясно, где провести во времени начальную границу? Возможно, 1968 г. Год, который для западной молодежи был карнавалом Мая, а для нас Августом, с его операцией «Дунай». Так оно дальше и пошло – в застой 70-х и 80-х. (Впрочем – post festum – и для западных ровесников похмелье было тяжелым.) 90-е, конечно, – это совсем другая эпоха. Но к тому времени мое поколение уже, как мне кажется, выдохлось, потеряло пассионарность.

Специфика его «проблемного поля» была, видимо, в доминанте истории философии. «Шестидесятники» не расставались с мечтой о марксизме «с человеческим лицом». Люди же «девяностых» уже могли напрямую подключиться и к западным дискурсам, и к отечественным социальным дискуссиям. Наше же поколение все эти проблемы пропускало через призму истории философии. Даже современная философия, которую положено было «критически» анализировать, рассматривалась тогда скорее в историко-философской оптике. При этом были неизбежны аберрации, но зато обреталась связь с мировой культурой, по которой ностальгически тосковали послевоенные поколения. По Блоку, рожденные в «глухие года» не должны помнить своего пути, но для нас парадоксальным образом именно память о путях мировой культуры стала спасительной почвой.

Мне «изнутри» представляется, что наше поколение было «lost generation». Но когда я читаю книги сверстников, то понимаю, что это все же не так: сделано немало. Скажем, был ведь В. Подорога с его неслучайной славой и влиянием. Международное признание получили наши востоковеды (среди которых было много философов) и логики. В 2017 г. вышла книга голландского исследователя Эверта ван дер Звейрде «Взгляд со стороны» [Звейрде 2017], в которой он дал панорамную картину позднесоветской и постсоветской философии. Оказалось, что назвать это время бесплодным и неинтересным никак нельзя. И все же для «включенного наблюдателя» стать судьей поколения непросто. Ведь для этого нужен именно «взгляд со стороны», а для него надо выйти из живой еще среды. Пусть время дает ответ на этот вопрос. Или же – другие поколения.

Звейрде Э. ван дер. 2017. *Взгляд со стороны на историю русской и советской философии*. – СПб.: Алетейя.

Майоров Г.Г. 1973. *Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница*. – М.: Изд-во МГУ, 1973.

Мельвиль Ю.К. 1968. *Чарлз Пирс и прагматизм*. – М.: Изд-во МГУ.

Соколов В.В. 2014. *Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. Воспоминания и мысли запоздалого современника*. – М.: Центр стратегической конъюнктуры.

«ЧЕЛОВЕКА НИКТО НЕ МОЖЕТ ОСВОБОДИТЬ»[1]

В.Г. Лысенко
Институт философии РАН

Аннотация: *Автор размышляет о судьбе своего поколения – поколения выпускников философского факультета 1976 года, на фоне своей личной истории, пытаясь понять и объяснить, почему почти через 30 лет после крушения советской власти, после открытия чудовищной правды о ее преступлениях, после падения железного занавеса и освобождения от диктата «единственно правильной» идеологии люди разных поколений, жившие при «совке», и даже совсем молодые люди, родившиеся после распада СССР, ностальгируют по советскому строю? Как возможно: знать про ГУЛАГ и всё равно возводить памятники Сталину? Почему после опыта свободы и недолгого, но всё же опыта нормальной человеческой жизни опять приходится защищать свою свободу и человеческое достоинство? И как случилось, что страна не смогла воспользоваться уникальным шансом измениться и стать частью мира, а вернулась на рельсы изоляции и ксенофобии? Одной из важных причин случившегося автор считает превалирование в современной России социального инфантилизма, ставшего следствием генетического наследия крепостного рабства, и «дикого» индивидуализма, не сопряженного с осознанием ответственности перед «другими».*

Ключевые слова: *философское поколение, философия советского периода, индийская философия, философский факультет МГУ, Институт философии.*

> Человек может работать над свободой и в свободе только один. Человека никто не может освободить. Если его освобождали, то он вольноотпущенник, освобожденный раб.
>
> Он – холоп, которому дали передышку.
>
> *Александр Пятигорский*

«Философское поколение» объединяет людей не по их философским убеждениям, а по обстоятельствам, по условиям, в которых эти убеждения формировались. Речь идет о системе более-менее формальных параметров, которые могут вмещать в себя многообразные и даже полярные философские взгляды и самые разные философские личности. Неважно,

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Лысенко В.Г. «Человека никто не может освободить». – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 503–539.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.75102

философ ли ты «милостью божьей» по призванию или преподаватель философии, для которого вне профессиональной сферы, вне лекций и семинаров, статей и монографий философия не представляет никакой собственной ценности. Поколение – статистическая категория, в которой индивиды теряются из виду; из принадлежности ему личность никак не выводится. Если определять «философские поколения» по каким-то историческим вехам, то мы неизбежно придем к поколениям «оттепели», «застоя», «перестройки»: «шестидесятникам», «семидесятникам», «восьмидесятникам», поколениям девяностых, нулевых и далее.

Каждое из этих поколений формировалось в «своих» обстоятельствах, но это не значит, что именно те или иные «поколенческие» обстоятельства одинаково формировали философов. Кто-то выражал свое время, а кто-то выражал только себя и был абсолютно «неформатным» для своего времени именно потому, что через свою экзистенциальную позицию и свое мышление преодолевал эти обстоятельства. К какому поколению относятся Мераб Мамардашвили или Александр Пятигорский, получившие философское образование и сложившиеся как личности в пятидесятые-шестидесятые годы? Для Мераба жизнь в условиях советской власти, которую он ощущал как давление на свободу и достоинство человека, обладала «остротой бытия», позволяющей видеть «суть вещей», поэтому он не хотел эмигрировать, даже когда это стало возможным. Для Пятигорского советский опыт, похоже, не представлял никакой, даже отрицательной ценности. Говорить о влиянии на них внешних обстоятельств можно только в одном смысле – в смысле экзистенциальных вызовов как той крайней ситуации (как тюрьма у Сартра), в которой свобода выявляется в своем самом химически чистом виде. Я бы добавила к этому прекрасную иллюстрацию Грегори Дэвида Робертса, автора знаменитого романа «Шантарам», который, находясь в тюрьме, понял, что у него есть выбор: ненавидеть своих мучителей или не ненавидеть, и выбрал последнее. Это помогло ему выжить.

Не знаю, помогло ли бы это в ГУЛАГе, особенно в ситуации, пережитой и описанной Варламом Шаламовым, когда холод, голод, систематические унижения и издевательства просто дегуманизировали людей, делали их абсолютно апатичными, аморфными, безразличными даже к собственной жизни.

К чему я это говорю? К тому, что у каждого человека своя собственная конфигурация «поколенческих» факторов, которая к тому же в течение жизни может много раз меняться.

Главным водоразделом между поколениями мне представляется «советский» и «постсоветский» опыт. В советский период черты поколений шестидесятников, семидесятников и восьмидесятников сосуществовали в одном пространстве-времени и часто пересекались в одних и тех же индивидах. Что их объединяло? Назову только самое важное: необходимость так или иначе взаимодействовать с официальной, доминантной марскистско-ленинской идеологией; отсутствие доступа к источникам современной мировой философской мысли (они мало переводились на русский язык, а то, что переводилось, находилось в спецхране, куда надо было получать специальный допуск); обязательное требование критиковать и разоблачать «буржуазную сущность» западной философии[2]; неучастие на регулярной основе в мировой философской жизни (на международные конгрессы и конференции ездили в основном не специалисты, которых приглашали, а проверенные партийные товарищи и кураторы из КГБ); ограничение исследований лишь набором идеологически допустимых тем (нельзя было касаться религии, идеализма, буржуазных «прав человека» и т. п.); обязательная партийность для сотрудников вузов и академических институтов; коллективное осу-

[2] Доходило до смешного: помню, как на одном из семинаров Института истории естествознания и техники философ из Пущина делал доклад о Башляре. Рассказав с большим энтузиазмом о взглядах Башляра, он в завершение произнес: «К сожалению, это все неправильно». «Почему же?» – спросили мы. Он ничего толком не смог ответить, пробормотав, что это буржуазная философия…

ждение и «проработка» инакомыслящих и т. д. Со всеми этими явлениями в большей или меньшей степени сталкивались все «советские» поколения. Мой собственный опыт, о котором я расскажу, это подтверждает.

Я не отношусь к людям, которые живут воспоминаниями, я существую только в оптике настоящего и себя прошлую ощущаю как другого человека, который ко мне сегодняшней имеет мало отношения. В этом я солидарна с буддийским учением о «не-я» (анатман), которое утверждает, что мы меняемся буквально каждое мгновение, оттого никакого неизменного, постоянного «я» не существует, есть только поток моментов нашего опыта, который мы конструируем как наше «я». Воспоминания для меня – это некое насилие над собственным сознанием из-за сложности представить прошлое, каким оно виделось с позиции того «я», которого больше нет.

Могу сразу сказать, что я никогда не ностальгировала по советской власти и даже всё хорошее, что было в моей советской жизни, не хотела бы перенести в свое «сегодня». Предпочитаю оставить это хорошее в том времени, которым оно было рождено. Я вышла из «советского поколения», но стала собой сегодняшней только благодаря крушению советской власти в 90-е годы. Если бы она продолжалась, у меня не было бы шанса (далее по списку): работать по специальности, и тем более в Институте философии (вершиной моей карьеры при советской власти была работа редактором в «Большой советской энциклопедии»), я никогда не побывала бы в Индии (меня туда не выпустили даже в турпоездку), не принимала бы участия в международной научной жизни, никогда не смогла бы путешествовать по всему миру (была «невыездной») и вообще не получила бы никакого представления о том, как живут люди за священными границами «одной шестой части суши». Могу сказать про себя с полной уверенностью: я – дитя развала СССР. Падение советской власти разрушило барьеры для моего нормального развития и как специалиста, и как личности.

«Нормальное развитие» состояло в движении через разные культурные миры, в открытии себя через другое. Впервые я осознала себя русской, когда пожила во Франции, человеком западной цивилизации, когда пожила в Индии. Однако в результате постоянного перемещения между разными культурами и цивилизациями я осознала себя космополитом. Когда во время одной из последних переписей населения девчонки-переписчицы спросили про национальность, я не задумываясь ответила: «космополит». Поразительно, они даже не знали значения этого слова (жили бы они в 50-е годы, то пришли бы в ужас от такого признания). Когда я объяснила, что это «человек мира», они хором воскликнули: «Это круто!» И тут я с ними совершенно согласна: я тоже так считаю и так чувствую!

За свою долгую жизнь я была свидетелем шести переломных эпох в истории нашей страны: (1) от «сталинизма» к «оттепели», (2) от «оттепели» к «застою», (3) от «застоя» к «перестройке», (4) от «перестройки» – к «крушению советской власти», (5) от ее крушения к попыткам построить современную демократическую страну, открытую миру (1990–2012), (6) постепенное установление авторитарного режима, а с 2014 года, после «Крымнаш», поворот к тоталитаризму, который мы сейчас и переживаем.

В первом классе кишиневской школы (это был 1961-й год) под диктовку учительницы я прямо в учебнике старательно вычеркивала имя Сталина, название Сталинград. Помню, как в Кишиневе демонтировали бюсты Сталина. Потом «развенчали» и Хрущева… Помню, как с прилавков исчез хлеб и перед булочными стояли огромные очереди. Это тоже связывали с Хрущевым, с его «волюнтаристским» стилем руководства. Родители пытались слушать нещадно заглушаемый «Голос Америки», чтобы иметь хоть какую-то информацию о том, что на самом деле произошло. Помню, как прерывающийся «Голос» рассказывал о танках на улицах Москвы, об аресте Хрущева. От этого стыла кровь, мир моего детства трещал по швам. Я почувствовала, что есть опасное знание, о котором лучше молчать.

«Оттепель» и «романтизм» шестидесятых застали меня в старших классах школы, когда я еще не была способна это оценить. Взрослая жизнь началась с «застоя» – цинизма и прагматизма семидесятых. Это был опыт моего поколения. «Оттепель» открыла для многих людей сферу частной жизни – любви, ревности, справедливости, честности и подлости. Это был опыт человеческих чувств вне всякой идеологии, и многие со всем пылом юности ринулись переживать его вместе с героями фильмов «новой волны» советского кино. Однако «застой» и здесь поставил жирную точку, определив место для таких фильмов («Комиссар» Аскольдова, «Проверки на дорогах» Германа, фильмы Тарковского и др.) на пыльных полках спецхрана – «человеческое» не должно быть выше советской идеологии.

У социализма не может быть «человеческого лица»! Это доказали советские танки, раздавившие Пражскую весну 1968 года. В десятом классе моей кишиневской школы мне посчастливилось слушать замечательные лекции по литературе поэта Александра Бродского (не путать с Иосифом Бродским). У него дома на стене висела инсталляция: карта Чехословакии, над ней топор с изображением серпа и молота, а над топором фотография писающего мальчика…

Этот писающий мальчик, как я думаю сейчас, в каком-то смысле символизирует наше поколение. Мы не пытались изменить мир, не пытались бороться с режимом, не искали справедливости, не клали голову на плаху, мы, скорее, просто жили, принимая существующее примерно так, как принимают сегодня климатические изменения. С самого начала для многих из нас вопрос стоял именно так – приспособиться к порядку вещей, который мы застали уже сложившимся. Приспособление могло означать разные вещи, например партийную карьеру, академическую или университетскую карьеру. У меня же, и, думаю, не только у меня, приспособление вылилось в стремление найти «экологическую нишу», достаточно защищенную, например своей экзотикой, от бдительного идеологического ока, чтобы можно было свободно делать что-то «для души».

Индийской философией я заинтересовалась еще в школе, познакомившись с Упанишадами, практически повторив опыт Шопенгауэра. Случайно найденная в дедушкиной библиотеке книга – дореволюционная антология текстов по истории философии, составленная знаменитым немецким философом Виндельбандом, – открылась на страничке Упанишад. Я была совершенно околдована этим текстом, его простым и ясным посланием: «ты есть то», утверждавшим универсальность и единство духовной основы мира и моего собственного «я». Это был первый опыт трансценденции, преодоления обыденности, приоткрывший горизонт иного способа существования, наполненного живым духовным смыслом. Но тогда, как и великий немецкий философ, я не знала, что это были не «настоящие» Упанишады, а некая выжимка, прошедшая многократную обработку: перевод на латинский Анкетиля Дюперрона (1731–1805) вольного пересказа на персидском языке санскритского оригинала «Упнекхат» («упанишады» по-персидски), автором которого был могольский император Дара Шукох. Именно перевод Дюперрона Шопенгауэр назвал «самым большим утешением не только в своей жизни, но и в своей смерти». По его признанию, он вдохновлялся им при создании своей философии. Когда же вышел первый перевод Упанишад с языка оригинала – санскрита, Шопенгауэр не проявил к нему ни малейшего интереса. Ему важны были сами идеи, а не их историческое или культурное измерение.

У меня все сложилось прямо наоборот: интерес к универсальной духовной стороне, к philosophia perennis индийской культуры постепенно уступил место интересу к культурной и мыслительной специфике, к локальному, частному – всему, что составляет барьер в понимании Индии для европейского человека. Повторю вслед за моим французским коллегой Шарлем Маламудом (кстати, внешне очень похожим на Шопенгауэра): «В Индии меня интересует не ее мудрость, а ее безумие». Интерес к санскритским «духовным текстам», пона-

чалу вдохновлявшим меня именно тем, что я могла извлечь из них лично для себя, как сейчас говорят, для личностного духовного роста, постепенно отошел на второй план. Я не стремилась «практиковать», искать учителя и т. п. Меня больше захватила интеллектуальная сторона вопроса, захотелось разобраться с историей идей, с историей проблем, особенно тех, которые я ощущала как недоступные моему пониманию, как вызов моим культурным стереотипам. Я не пыталась найти в индийских мыслителях единомышленников или свою собственную ипостась (как это делал Шопенгауэр, когда писал, что Будда выражал «его» идеи, и что до сих пор свойственно некоторым моим коллегам). Эти мыслители были мне интересны как совершенные незнакомцы, как инопланетяне. Мне захотелось вникнуть в их «внутреннюю» логику, а не придумывать ее по принципу «как бы я сама решила вопрос». Короче, не открывать в этих экзотических текстах «себя любимую», а ухватить «другого» именно в инаковости.

Реальный путь, который в конце концов привел меня в Индию, начался с поступления на философский факультет в 1971 году и с выбора кафедры истории зарубежной философии прямо на первом курсе. Мне импонировало то, что на этой кафедре акцент делался на изучение текстов, на знание иностранных языков (как минимум двух), что надо было пройти специальный отбор, и особенно то, что «история философии» признавалась самой трудной специализацией на философском факультете после логики. Через месяц после начала учебы наше кафедральное начальство (кафедрой тогда заведовал Юрий Константинович Мельвиль) вдобавок к трем важнейшим европейским языкам (английский, французский и немецкий) предложило на выбор еще три «экзотических» – санскрит, арабский и испанский. Мой выбор был предрешен: санскрит, и только санскрит! И это был выбор также и дела всей моей жизни. Я подумала, что такая специальность будет моей защитой от официальной идеологии, к которой у меня еще в школьные годы сложилось собственное непростое отношение.

Когда мне исполнилось 16 лет, мама поведала страшную историю нашей семьи, сосланной из Бессарабии в Среднюю Азию (где я, кстати, родилась), а мой латышский дядя, муж сестры моей мамы, – свою семейную драму: его маму на его глазах изнасиловали советские офицеры, после чего ее парализовало, а он на всю жизнь остался заикой. Я часто проводила летние каникулы в Риге и видела его маму: она издавала нечленораздельные звуки и передвигалась как механическая кукла. Это меня пугало, и я старалась избегать ее. После дядиного рассказа я преодолела страх и стала выказывать ей внимание. Помню, как она показала мне свои старые фотографии, с которых на меня смотрела прекрасная девушка, элегантно одетая по моде тех лет. Трагедия этой женщины потрясла меня до глубины души. Дядя както повел меня на экскурсию на кладбище и показал памятник матери-родине Латвии, воздвигнутый в период независимости страны – женщину с обнаженной грудью. Эта грудь была вся в дырках от выстрелов – наши военные выбрали ее мишенью для упражнений в стрельбе. Потом мы подошли к памятнику первому президенту Латвии, который был засажен со всех сторон кустами, чтоб его не было видно. Узнала я и о ссылках огромного числа латышей в Сибирь. После этих рассказов у меня возникло множество вопросов. Я вступила в спор с дядей о том, в системе ли дело или в «отдельных недостатках»? Мой путь от «отдельных недостатков» к «системе в целом» занял немало времени.

Учиться на философском факультете оказалось легко, особенно в сравнении с моей кишиневской школой № 37[3]. Не имея друзей первые два курса, я всё свободное время проводила в библиотеке: приходила к открытию и уходила перед закрытием; послеобеденный сон

[3] Выпускники нашей школы поступали в ведущие московские вузы. Одновременно со мной в МГУ училось 6–7 выпускников нашей школы моего и предыдущего выпуска. За несколько лет до меня нашу школу окончил будущий многолетний посол России в Индии Александр Михайлович Кадакин, с которым я подружилась уже в Индии.

был особенно сладок на «подушке», сооруженной из томов собрания сочинений Ленина. Я тщательно готовилась ко всем занятиям, в результате чего в моей зачетке образовались только оценки «отлично». Потом, когда у меня началась своя московская жизнь и появился круг друзей, я перестала дневать и ночевать в библиотеке, но задел (зачетка с пятерками) стал «работать» на меня.

Уже на первом курсе я поняла, что на нашем факультете есть и «живое» и «мертвое», но это не обязательно совпадало с делением на «идеологическое» и «неидеологическое». Помню потрясающие семинары по истории КПСС слепого преподавателя-фронтовика Рахманова (к сожалению, не помню имени и отчества), интересные лекции по марксистской философии Виктора Алексеевича Вазюлина. Наше образование на первых двух курсах давало широкую гуманитарную и даже некоторую естественно-научную подготовку: мы изучали мировую историю (были курсы по античности, средним векам, Новому времени, читаемые прекрасными специалистами с исторического факультета), историю искусств, психологию (два года как завороженная я слушала великолепные лекции Петра Яковлевича Гальперина), математику, философию естествознания.

О том, что это идеологический факультет, говорило очень многое: комсомольские мероприятия, множество лекционных часов по истории КПСС, марксизму-ленинизму и научному коммунизму; обязательные спецкурсы, например о «фальсификаторах марксизма», который мы называли «под кепочкой марксизма». Было известно, что на каждом курсе имелись свои «кураторы из органов»[4]. Меня по какой-то нелепой случайности (возможно, как отличницу) сделали комсоргом нашей группы ИЗФ. Помню, в каком гневе был комсорг курса, когда узнал, что комсомольский урок под девизом «В жизни всегда есть место подвигу» я провела как семинар по категорическому императиву Канта, поставив вопрос, является ли исполнение долга подвигом. После этого меня, к счастью, переизбрали.

Ростки «живого» были слишком хрупкими: идеологическая «почва» не позволяла им укорениться. Так случилось и с замечательной инициативой кафедры ИЗФ – ввести преподавание санскрита как «иностранного языка». Узнав, что преподаватель – женщина, я стала с тревогой ожидать первого занятия. Какая она, эта носительница сакрального знания? Я мысленно рисовала себе разные женские образы: пожилую тетеньку, замученную домашним хозяйством, или важную ученую даму, и очень боялась, что исчезнет тот волшебный ореол, которым уже был окружен в моем сознании язык священных индийских текстов. Но Татьяна Яковлевна Елизаренкова, наш преподаватель, не была ни «тетенькой», ни «дамой», она излучала силу личности и мощь интеллекта, вне категорий пола и возраста. На первых занятиях Татьяна Яковлевна не скупилась на живописание трудностей, которые нас ожидают: чрезвычайную сложность санскритской грамматики, невероятное богатство лексики, необходимость постоянной зубрежки грамматических форм. Она настолько преуспела в «запугивании», что из 20 человек, пришедших на первое занятие, нас осталось только четверо – самых мотивированных. Этого она и добивалась, как потом выяснилось. Трое из нас стали индологами, это Володя Шохин, Наташа Исаева и автор этих строк. У нашего четвертого коллеги – Володи Танчука – судьба совсем другая, гораздо более удивительная: он отправился завоевывать Индию и стал знаменитым индийским астрологом.

На втором курсе, перед началом четвертого семестра нам объявили, что санскрита больше не будет. Никаких объяснений не последовало, по нашим каналам мы выяснили, что Татьяне Яковлевне КГБ запретил иметь дело со студентами по причине ее «неблагонадежности». Для нас это был настоящий удар, и нанесен он был в самом начале пути. Мы не понимали, ни почему нас лишили такого прекрасного преподавателя, ни почему даже не попыта-

[4] Судя по некоторым публикациям, эта практика возобновилась.

лись найти ей замену… Пришлось самим заняться поисками преподавателя-санскритолога. К счастью, удалось уговорить Всеволода Сергеевича Семенцова, который стал идеальным наставником, настоящим гуру в чтении нашего первого санскритского текста – «Бхагавадгиты». Разумеется, с ним, а потом с замечательным преподавателем санскрита Октябриной Федоровной Волковой, которую нам рекомендовала Татьяна Яковлевна, – мы занимались частным образом.

На философском факультете индийскую философию время от времени преподавал Владислав Сергеевич Костюченко (он стал руководителем наших с Наташей Исаевой дипломных работ), но во время нашей учебы и потом он его больше не читал. Единственным ярким индологическим событием на факультете были лекции по буддийской философии Александра Моисеевича Пятигорского в 1972 или 1973 году, незадолго до его вынужденной эмиграции. Аудитория ломилась от слушателей, и было понятно почему. Мы видели перед собой совершенно свободного человека! Всё в нем поражало – от манеры расхаживать взад-вперед перед кафедрой, куря трубку и размахивая руками, до совершенно свободной мысли, которая рождалась здесь и сейчас, а не была «озвучена» по «заготовкам», как у большинства наших преподавателей. Возможность просто оказаться в радиусе «излучения» харизмы Александра Моисеевича, зарядиться его энергией, ухватить искорку его божественного мышления ощущалась как невероятное счастье. Знаете, как бывает, когда слушаешь музыку, которая поднимает тебя до небес, и хочешь, чтоб это состояние длилось и длилось… Он говорил о буддизме и индийской мысли так интересно, так захватывающе, что я окончательно утвердилась в намерении посвятить свою жизнь этому «освобождающему» знанию.

Возрождение индологии в 60-е годы стало одним из ярких проявлений хрущевской «оттепели». Оно произошло благодаря возвращению в 1957 году в Россию из Индии замечательного ученого-буддолога, сына знаменитого художника Николая Рериха, Юрия Николаевича Рериха. При поддержке Хрущева он создал в Институте востоковедения Отдел культуры и религии Индии, где началось активное изучение самых разных индийских языков, а также тибетского и пали. Вокруг Юрия Николаевича образовалась группа блестящих молодых людей, будущих знаменитых индологов и буддологов. Однако отдел просуществовал недолго. Всё сошло на нет из-за неожиданной смерти Юрия Николаевича в 1960 году. Он умер от инфаркта после того, как на него хамски наорал чиновник из ЦК (некий Ульяновский) за публикацию знаменитого буддийского текста «Дхаммапада», переведенного Владимиром Николаевичем Топоровым, в возрожденной Рерихом знаменитой серии Bibliotheca Buddhica[5].

В середине шестидесятых застойные метастазы разрастались особенно быстро. Из-за подписывания писем в защиту диссидентов многие ученики Юрия Николаевича лишились работы и вынуждены были эмигрировать. Оставшиеся находились под наблюдением «органов». Особенно это касалось буддологов, которых обвиняли в связях с буддийским учителем и буддологом Дандароном («дело Дандарона»)[6]. Я жила в постоянном страхе за мою любимую Октябрину Федоровну Волкову, ученицу Дандарона, буддистку, которая была бесстрашным, даже бесшабашным и абсолютно бескомпромиссным человеком. В Институте востоковедения ее выставили на пенсию в 54 года в должности младшего научного сотрудника, хотя в то время в Москве никто лучше нее не разбирался в санскритских текстах[7].

[5] Серия переводных и оригинальных буддийских текстов, основанная в 1897 году академиком С.Ф. Ольденбургом в Санкт-Петербурге при Российской академии наук.

[6] Дандарон Бидия Дандарович (1914–1974) – буддист, буддолог, тибетолог, неоднократно судимый советскими властями и погибший в лагере. Был обвинен в организации «буддийской секты». По этому делу проходили свидетелями О.Ф. Волкова и А.М. Пятигорский, Линнарт Мялль (из Эстонии), тибетологи Ю.М. Парфионович, Б.И. Кузнецов, санскритолог В.И. Рудой.

[7] См. мою статью о ней в сборнике ее памяти: Смаранам. Памяти Октябрины Федоровны Волковой: Лысенко 2006.

Человек многому научается «по образцам», осознанно или неосознанно копируя их в своем собственном опыте. Думаю, что мой выбор индийской философии был выбором «образцов» человеческого достоинства и свободы, равных которым было трудно найти в то время.

Самой большой проблемой во время учебы на философском факультете была для меня сдача зачетов и экзаменов по «матчасти» – догматичным и токсичным предметам, таким как история КПСС, научный коммунизм, атеизм и т. п. Было трудно сделать эти совершенно чужие и чуждые моему словарю мысли и слова «своими». Сознание противилось этому, и я постепенно научилась его отключать. Особенно успешный эксперимент по отключке сознания мы придумали и осуществили с моей подругой Наташей Исаевой при сдаче итогового экзамена по истории КПСС у преподавателя с говорящей фамилией Рубайло. Эта худая и «запакованная» в серый пиджачный костюм женщина «без возраста» была начисто лишена человеческих черт и больше напоминала робота. Спрашивала она строго, и интересовали ее в основном формальные знания, типа резолюций съездов КПСС «по пунктам».

Прогуляв шесть дней, выделенных на подготовку, мы с Наташей встретились лишь в день экзамена, пораньше, чтобы настроиться на нужную волну. С этой целью мы с подобающими партийными интонациями прочли друг другу краткий учебник по истории КПСС. Расчет был на кратковременную память. И она не подвела! Закончив читать учебник, мы встали из-за стола и неверными шагами направились сдаваться на милость Рубайло. Она уже заканчивала принимать экзамен, когда мы, как тени, медленно вплыли в аудиторию. Она стала кричать, что мы опоздали, но до окончания официального времени оставалось еще 15 минут, поэтому мы были в своем праве. Давно мечтавшая свести со мной счеты за ехидство на ее семинаре[8], Рубайло стала гонять меня по решениям съездов. И произошло чудо. Как только я открыла рот, мое сознание отключилось, и какой-то чужой голос стал монотонно перечислять пункты партийных резолюций. Этот противный голос существовал как бы отдельно от меня, он и произносил все эти слова, мое же собственное сознание с некоторым удивлением наблюдало со стороны. Рубайло была повержена: мы ответили на все вопросы, даже на самые «коварные». С пятерками в зачетке, мы вышли в коридор, переглянулись, рассмеялись, и в это же мгновение вся партийная премудрость начисто испарилась из нашей памяти.

Но случались ситуации и другого рода. Мне дали почитать – «на одну ночь» – машинописную копию книги воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам как раз накануне экзамена по марксистской философии. Какой уж там сон! На экзамен я пришла в глубоком шоке от прочитанного. Увидев в билете вопрос об общих чертах марксистско-ленинской философии, я облегченно вздохнула. Уж это я знала. Надо было назвать всего-то три характеристики: партийность, научность и, кажется, народность (сейчас, слава богу, точно не помню). Но, открыв рот, я не смогла выдавить из себя ни слова. Преподаватель предложила воды, я – стакан за стаканом – выпила весь графин. Она разрешила мне выйти в туалет за очередной порцией воды… Всё было бесполезно: я могла извлечь из глубин себя только что-то нечленораздельное. Удивительно, что при этом я легко произносила все другие слова, кроме тех, будто заколдованных… Преподавательница поинтересовалась моим самочувствием, но мне не на что было жаловаться, и я ей об этом честно сказала. К сожалению, я не помню имя этой милой дамы, которая отнеслась ко мне с таким пониманием. Предложив какое-то свое объяснение, которое я с благодарностью приняла (что-то типа «вы переутомились»), она отпусти-

[8] Она любила рассказывать о замечательных достижениях СССР. Как-то раз я не выдержала и вставила: «А еще мы на первом месте по количеству чугуна на душу населения». На следующем семинаре Рубайло обратилась ко мне: «Лысенко, я проверила все справочники и такой информации не нашла». Аудитория взорвалась от смеха. Она поняла, что я ее высмеяла, и затаила обиду (для несведущих – я процитировала фразу из известной песни Высоцкого, Рубайло как проверенный партийный товарищ Высоцкого, конечно, не слушала).

ла меня и даже поставила «отлично» за работу на семинарах. Столкновение с правдой физически перекрыло путь для лжи… Вряд ли из меня получился бы преподаватель научного коммунизма.

Самый прекрасный период студенчества начался на третьем курсе с переезда в Высотку – так тогда называли главное здание МГУ. Какая же студенческая жизнь без общежития! В типовом общежитии, на Мичуринском, я жила два года пятой в комнате для четверых, в Высотке нас было трое в комнате для двоих и двое в комнате для одного. Было всегда тесно, но мы привыкли. У меня образовалось несколько дружеских компаний – наша группа ИЗФ, которая всё больше и больше сплачивалась, особенно после перевода с вечернего отделения замечательных студентов Иры Блауберг и Натальи Сидоровой, ставших душой нашей компании. Мы начали встречаться и помимо занятий по самым разным поводам. Сегодняшним молодым людям будет любопытно узнать, что во время этих встреч мы непременно пели под гитару и танцевали, танцевали… И вообще в наше время танцевали все и везде – в кафе, ресторанах, даже в столовых во время банкетов или праздников. Мы также путешествовали, но не на специальных экскурсионных автобусах, а своим ходом, в самых дешевых плацкартных вагонах. Особо запомнились поездка в Углич, а еще в Вологду в темном вагоне поезда, забитом до отказа пьяными рыбаками с их снастями.

Кроме того, у меня образовалась и общежитская компания: однокурсники, соседи по общежитию, среди них было много иностранцев. У нас на факультете учились ребята из соцстран и трое финских коммунистов. Самой большой была группа из Чехословакии, где после 1968 года закрыли философские факультеты. Были еще поляки и болгары. С польками я жила в одной комнате на втором курсе. Они держались только своей группы, не особо усердствовали в учебе и даже не пытались выучить русский язык. С болгарами я сталкивалась мало, помню только, что и девушки, и юноши были очень хороши собой. Из финнов я сблизилась с Рииттой Ниэминнен, умницей и отличницей, которая очень серьезно относилась к учебе. Супружеская пара Аймо и Леа Минкинен тоже ответственно относилась к своему образованию. Леа была логиком; на чем специализировался Аймо, я точно не помню, но после возвращения домой, в Финляндию, он стал основателем и директором музея Ленина в городе Тампере.

Я дружила с Аленой Крейчевой из Чехословакии. Она попала в Москву случайно, не поступив в театральный институт. Алена была прирожденной артисткой и скоро начала выступать на сцене с интернациональным коллективом «Венсеремос». Все тогда переживали за чилийцев, жертв диктатуры Пиночета. Песни Виктора О’Хары, замученного на стадионе в Сантьяго, звучали на концертах «Венсеремоса» в разных исполнениях, в том числе и знаменитого тогда ансамбля «Гренада». Благодаря Алене я познакомилась и с «Гренадой», и со множеством талантливых ребят из разных стран мира, особенно из Латинской Америки. Помню, как в нашу с Аленой маленькую комнатушку на одного человека набивалась шумная интернациональная компания с гитарами. Песни были нашим главным языком общения.

О «железном занавесе» следует рассказать особо, ведь большинство молодых людей сегодня даже не могут себе вообразить, что это значит на практике. Мало кто тогда ездил за границу, особенно на Запад. Среди ровесников я даже не знала никого, кто побывал бы в «капиталистической стране». Но существовала и ближняя заграница – социалистические страны. На пятом курсе нас послали на стажировку в ГДР. Группа была небольшая, всего 6 человек, но с двумя «надзирателями» с нашего факультета: преподавателем диамата и методистом (очень строгой партийной Шапокляк). Конечно, было интересно в стране с таким богатым культурным прошлым, но постоянный надзор и проработка за «недостойное поведение», обязанность посещать лекции по марксизмусу-ленинизмусу на немецком языке, который мы почти не знали (я начала изучать его за три месяца до поездки), общение с немецки-

ми «товарищами» за обязательным вечерним распитием водки (мы, как было принято на этих стажировках, привезли с собой ящик водки) – остались в памяти как бесконечная пытка.

Из этой поездки я вынесла ощущение, что немцам пришлось гораздо хуже, чем нам. Они учились по нашим сталинистским учебникам 50-х годов, были запуганы до крайности: их могли выгнать с факультета за анекдот, за просмотр или прослушивание программ из Западного Берлина. Бедолаги, они приходили к нам, просто чтобы послушать наши анекдоты, напиться и забыться. Помню, как немецкий «куратор» нашей группы в Эрфурте отговаривал нас от посещения знаменитого собора во время очень красивого церковного праздника, ссылаясь на опасность «религиозной пропаганды».

Любопытная деталь. У меня в Берлине был знакомый парень – музыкант из знаменитой тогда гэдээровской рок-группы политической песни «Октоберклуб», он пригласил меня в гости, и я принесла ему в подарок пластинку Жанны Бичевской. Пластинка понравилась и ему, и всем музыкантам группы, они пригласили Бичевскую на какой-то международный фестиваль. Так я невольно послужила международной карьере Жанны Бичевской. Квартира моего друга находилась в той части Берлина, которая примыкала к знаменитой стене. Какое же удручающее зрелище представляли эти кварталы – полуразрушенные дома, мусор, который годами не убирался, вонь и разруха! Конечно же, меня сильно «проработали» за этот визит.

Однажды вечером я стояла на платформе какой-то берлинской центральной станции и вдруг увидела совсем рядом отблески моря огней – это был Западный Берлин за стеной. Там бурлила яркая ночная жизнь. Близость другой реальности, которая казалась такой прекрасной и свободной, еще больше подчеркивала убожество по эту сторону стены. Я подумала, как, должно быть, тяжко восточным берлинцам иметь перед собой это постоянное свидетельство о возможности «другой жизни».

Немецкие хозяева любезно предложили организовать для меня встречу с коллегой по моей специальности. И я выбрала самого знаменитого тогда гэдээровского индолога профессора Вальтера Рубена. Меня привезли к нему домой, на улицу Рабиндраната Тагора, 23 (улицу назвали так по его просьбе). Мы сразу нашли общий язык и вдохновенно проговорили полдня. Он вспоминал о своей дружбе с Ясперсом, рассказывал о своих санскритских штудиях. Мы выяснили, что на некоторые вещи смотрим одинаково. Он жаловался на отсутствие интереса к индологии, а я рассказала ему о своей ситуации в Москве. Потом он предложил мне стать его ученицей, и мы даже обговорили возможную тему работы. Я уехала в Москву, окрыленная такой перспективой, но из этого ничего не вышло. По какой причине – мне неизвестно.

Но вернемся к заграница. На самом деле государственная граница проходила не где-то далеко, а там же у нас, на философском факультете. И этой границей был факультетский комитет ВЛКСМ. Алена пригласила меня к себе в гости, под Братиславу, но для получения разрешения на выезд нужно было пройти собеседование у комсомольских начальников. Наш разговор помню до сих пор дословно. Студент старшего курса, преисполненный сознания важности своей роли и миссии, начал издалека: «Вот вы будете пересекать границу с Чехословакией (предполагалось, что я поеду на поезде), и вас спросят, какие решения были приняты на последнем съезде комсомола?» Идиотизм вопроса сразил меня наповал. Я стала отвечать в таком же духе: «Думаю, что меня никто об этом не спросит». «А если спросят?» – продолжал упорствовать он. Я: «Даю голову на отсечение, что не спросит…» Разговор продолжался в таком же духе, и мне конечно же отказали, предложив лучше подготовиться и прийти еще раз. Омерзительность этого произвола, когда тебя могут спросить о чем угодно и всё равно отказать, отвратила меня от желания куда-нибудь ездить.

Через несколько лет, будучи уже в аспирантуре, я легко получила разрешение поехать в Польшу от комитета комсомола Института истории естествознания и техники, без всякого собеседования, из чего заключила, что на самом деле все зависело от конкретных людей.

К слову сказать, в 1978 году Польша была куда более свободной страной, чем ГДР и мы. Поляки могли ездить на Запад, и в компании друзей моих друзей, которые меня пригласили, многие проводили каникулы за границей. Это был на тот момент мой самый близкий контакт с людьми, побывавшими на Западе. По сути, Польша и была для нас «Западом»: там продавали отличные современные шмотки, за которыми у нас, если их «выбрасывали», стояли огромные очереди, существовала относительная свобода передвижения и не было перманентного страха перед всесильной партией. Поляки сохранили частное сельское хозяйство, религиозность и цивилизованные манеры (обращались друг к другу: «пан», «пани», «панове»). Мужчины были чрезвычайно куртуазны: целовали ручки, уступали место, всячески подчеркивали свое почтение. Для меня это был совершенно новый опыт гендерных отношений. Почему-то не могу забыть одного эпизода. На Рыночной площади в историческом центре Варшавы (Старе Място), по которой я прогуливалась ярким солнечным днем, ко мне неожиданно подошел молодой человек и протянул мороженое. Видимо, на моем лице отразилась моя первая паническая мысль («вот сейчас начнет приставать»), потому как он с ужасом от меня отшатнулся и, как бы извиняясь, сказал: «Я просто хотел сделать вам приятное, чтобы вы не грустили». Я взяла мороженое, и он тут же ушел. Мне стало стыдно за эту свою жлобскую реакцию, а еще до боли горько – за свою органическую неспособность вписаться в атмосферу беспечного веселья, которая там царила.

Вернемся к МГУ. Преподавателей кафедры ИЗФ я бы поделила на две категории: высокопрофессиональных историков философии и философов как свободных мыслителей. К первой категории относились лекторы и «семинаристы»: Василий Васильевич Соколов, Виталий Николаевич Кузнецов, Геннадий Георгиевич Майоров, Галина Яковлевна Стрельцова. Им я обязана своими знаниями в области истории философии. Но были и такие преподаватели, которые больше запомнились своим мышлением. К их числу я отношу прежде всего Бориса Семеновича Грязнова, поражавшего экзистенциальным и эмоциональным накалом своей мысли. Запомнился харизматичный, увлеченный мыслитель Анатолий Федорович Зотов. А Тамара Андреевна Кузьмина запечатлелась в памяти своей какой-то своей «нездешнестью», красотой, обаянием, а главное, изящной, я бы даже сказала – изысканной манерой знакомить нас с экзистенциализмом без советских штампов. Она была единственной преподавательницей кафедры, которая работала в Институте философии.

Нашу группу ИЗФ особенно сплотил спецкурс по Канту Валентина Фердинандовича Асмуса – самого знаменитого историка философии в то время. Из-за почтенного возраста он больше не мог самостоятельно приезжать на факультет, поэтому мы ездили к нему в Переделкино. Мы были его последним курсом. Запомнились не лекции, которые Валентин Фердинандович читал нам по своим старым записям, а посиделки и чаепития после. За столом жена Валентина Фердинандовича, замечательная Ариадна Борисовна, душа этого большого гостеприимного дома, называла его «Люшечкой», и это было так трогательно, так «подомашнему», что мы чувствовали себя частью этой семьи. К нашему приезду она обязательно пекла вкуснейшие пироги. Мы, как правило, очень голодные, проглатывали их в одно мгновение, с тем чтобы ничто не мешало слушать рассказы Валентина Фердинандовича о его дружбе с Павлом Флоренским, Пастернаком, Бахтиным, Евтушенко, Кавериным и другими обитателями Переделкина. Нам повезло прикоснуться к истории через реального исторического персонажа.

Ариадна Борисовна организовала для нашей группы экскурсию в дом Бориса Пастернака, который тогда не был и по понятным причинам не мог быть музеем (роман «Доктор Жи-

ваго» был еще запрещен). Нас сопровождала Наталья Анисимовна – жена младшего сына поэта, Леонида. На первом этаже жил Станислав Нейгауз, пианист, концерты которого я старалась не пропускать, сын легендарного Генриха Нейгауза, мужа второй жены Бориса Леонидовича (вот такая была семья). Меня глубоко поразил аскетизм всей обстановки дома и особенно комнаты самого поэта. Так мог жить схимник или садху – человек, не придававший никакого значения внешней стороне жизни. Нас хотели повести и в гости к Михаилу Бахтину, но, увы, не успели. Он умер.

Во время одной из наших «посиделок» я рассказала Валентину Фердинандовичу о том, что моя бабушка, Зинаида Александровна Лысенко (в девичестве Рубановская), окончившая филологический факультет Киевского университета в 1914 году, работала вместе с ним и Михаилом Дынником (который за ней ухаживал и называл «товарищ Зиночка») в Киеве, в советском учреждении, название которого бабушкина память не сохранила. В это время бабушка была еще жива, и я передала Валентину Фердинандовичу привет от нее[9]. Он не помнил ни ее, ни этого эпизода, но после моего рассказа подписал для нее свою книгу о Канте: «Товарищу Лысенко». Меня тогда резанул этот официоз, но теперь я понимаю, что это было проявление осторожности, привычное для «пуганого» человека того времени.

Домашние семинары – это особая примета семидесятых. Хотя в наше время уже не было таких массовых спонтанных мероприятий, как поэтические вечера в Политехническом музее, собиравшие толпы молодых людей эпохи «оттепели», у нас были свои маленькие, но тем не менее вполне реальные лазейки в свободу – «домашние семинары». С этих семинаров началась моя настоящая интеллектуальная жизнь в Москве. Мой однокурсник и друг Володя Амелин привел меня в кружок харизматичного старшекурсника Саши Антонова. Мы собирались в ГЗ (главном здании МГУ), там я познакомилась с Аликом Казаряном, Сашей Доброхотовым и, кроме того, встретила свою будущую очень близкую литовскую подругу – Гражину Миниотайте, аспирантку Юрия Константиновича Мельвиля.

Это было на третьем курсе, а на четвертом я попала на домашний щедровитянский методологический семинар, который вела одна из учениц и близких друзей Георгия Петровича Щедровицкого – Наташа (Наталья Ивановна) Кузнецова. Именно там, под Наташиным крылом и при активном содействии Бориса Семеновича Грязнова, и решилось мое будущее – поступление в аспирантуру Института истории естествознания и техники (ИИЕТ). На пятом курсе я уже ходила на семинары в ИИЕТ и даже побывала на Звенигородской конференции института. Я впервые наблюдала философов в таких острых дискуссиях.

По прошествии лет могу констатировать, что аспирантура в ИИЕТе в гораздо большей степени, чем философский факультет МГУ, была «моими университетами». Мне просто повезло оказаться в нужное время в нужном место. Своим блестящим философским составом институт был обязан академику Бонифатию Михайловичу Кедрову, директору института с 1962 по 1974 год. Бонифатий Михайлович брал на работу тех, кто по идеологическим при-

[9] Как впоследствии оказалось, он и моя бабушка были косвенно связаны еще и через Гизбар – так называлась масонская ложа, оккультистская организация, называвшая себя орденом тамплиеров, к которому принадлежала моя бабушка и сестра первой жены Валентина Фердинандовича. Членом этого общества был и знаменитый врач-онколог, переводчик с санскрита Махабхараты Борис Леонидович Смирнов. Бабушка никогда не рассказывала о Гизбаре, но на смертном одре призналась мне, что всю жизнь любила Евгения Владимировича Крамаренко, выпускника факультета египтологии Киевского университета, который, как я потом выяснила, был магистром Гизбара. Он считал себя реинкарнатом (перевоплощением) Жака де Моле. Бабушка передала мне рукопись его стихов, его фотографию в гробу (он умер от тифа в 1921-м) и рисунок его матери, с которой она была хорошо знакома. Вместе с другими гизбаровцами бабушка бежала из Киева в Ташкент, а оттуда в Пржевальск (Киргизской ССР). Тогда, в Переделкине, я не знала подробностей всей этой истории, а просто рассказала о жизни бабушки в самых общих чертах.

чинам либо был подвергнут репрессиям, либо просто не вписывался в формат «советского философа». В бытность мою в институте директорствовал Семен Романович Микулинский[10].

Благодаря «кадровой политике», начатой Кедровым, в наш философский сектор попали Мераб Мамардашвили, Вадим Рабинович, Пиама Гайденко, а потом и ее сестра Виола, Анатолий Ахутин, Виктор Визгин (его брат Владимир работал в секторе истории физики), Иван Дмитриевич Рожанский, Илья Семенович Тимофеев. Последний, как начальник, умело лавировал между администрацией и нашими «звездами». В соседнем философском секторе, возглавляемом тогда самим Бонифатием Михайловичем, работали Наталья Кузнецова, Георгий Гачев, Николай Федорович Овчинников, физик Игорь Алексеев, знакомый с самим Нильсом Бором, Александр Огурцов, Борис Юдин, Александр Печенкин, Людмила Артемьевна Маркова, Юрий Чайковский и всеми любимая секретарь Кедрова Лера Арутюнян. Моим сотоварищем по аспирантуре и другом стал ученик Мераба Володя Калиниченко, «единственный философ в России, с которым можно поговорить», по признанию Александра Моисеевича Пятигорского, который, много лет спустя, выбрал Володю себе в собеседники для участия в популярной в то время передаче «Гордон» [Гордон… б/г].

Профессиональная жизнь и личные дружеские отношения связаны далеко не всегда, но в ИИЕТе это совпало и слилось, как более никогда в последующей жизни.

Это была лучшая школа свободной философской мысли, тем более свободной, что она существовала в условиях тотальной несвободы. Семинары наших двух философских секторов никогда не были формальными, всегда находились поводы для серьезного научного обсуждения и экзистенциального разговора. Мы не упоминали ни политику, ни идеологию, общая сторона баррикад принималась «по умолчанию». Это удивительное чувство, что ты находишься среди единомышленников, которым можешь полностью доверять, согревало и поддерживало ощущение института как «общего дома». Мы вместе справляли праздники и дни рождения, вместе горевали и напивались, когда случалось что-то плохое, а поводов для этого было предостаточно.

В начале 80-х жертвой новой волны идеологического давления оказался и Мераб Мамардашвили. Его уволили как «не выполнившего индивидуальный план». Формулировка и сегодня звучит актуально, не так ли? Некоторое время Мераб читал лекции: сначала его пригласил Василий Давыдов в Институт психологии, потом Паола Волкова во ВГИК. Мы посещали эти лекции небольшой институтской группой, иногда после лекций устраивали Мерабу дружеские обеды. Но вскоре и лекции запретили. Мераб остался без работы и был вынужден уехать в Тбилиси. Там его прекрасно встретили, дали работу и он прочитал свои знаменитые лекции о Прусте. Некоторое время он был совершенно счастлив[11].

Жизнь в ИИЕТе в мои аспирантские годы и наше общение были именно тем, что Мераб называл «трагическим весельем», «незаконной радостью», которая случается «вопреки», пробивается как чистый стоический акт воли через железную толщу обстоятельств. Приведу только один, но очень яркий пример.

В тот год (1979) я решила не праздновать свой день рождения, но судьба распорядилась иначе. Ко мне в общежитие нагрянула целая компания сотрудников нашего института – Наташа Кузнецова, Николай Федорович Овчинников, Мераб Мамардашвили, Толя Ахутин,

[10] Из стенгазеты одной из звенигородских конференций: «Семен Романович неистов искал вокруг интерналистов, искамши, сбился бедный с ног, но тут Грязнов ему помог, признавший честно, как марксист, что он и есть интерналист». Авторы: Вадим Рабинович и Толя Ахутин.

[11] Заехав как-то раз в Москву, он пришел ко мне в гости. В малюсенькую комнатушку съемной квартиры набилось человек десять. Мы очень сердечно поговорили. Тогда-то он и сказал: «У каждого человека должен быть свой Тбилиси!» Как горько это звучит сейчас, когда мы знаем, чем все кончилось: в Грузии пришел к власти националист Гамсахурдиа и объявил Мераба «врагом народа». Травля привела к смерти Мераба от инфаркта в душном «отстойнике» аэропорта Внуково в 1990 году, в возрасте 60 лет.

Юлик Шрейдер (друг Наташи), кажется, там была и Лера Арутюнян, и, возможно, Витя Визгин. Их появление привело меня в замешательство, я не ждала гостей и не готовила угощения… Чтобы я не «дергалась» и не «суетилась», меня «нейтрализовали», заставив выпить водки (никогда не жаловала этот напиток, предпочитая сухое вино, поэтому с непривычки меня просто «вырубило»). Гости пришли со своим «харчем». Они быстро освоились и без моей помощи (я пребывала в божественном безделье) нашли у соседей и посуду, и столовые приборы. Стол быстро покрылся тарелками с едой и напитками. После веселого застолья начались танцы. Меня, сбитую с ног водкой, «танцевал» Мераб, держа на руках. Помню, что я торжественно объявила присутствующим свое решение: посвятить свою жизнь науке! Компания встретила это дружным хохотом, но ведь, господа, это оказалось правдой! Из соседних комнат набежали девчонки и присоединились к танцам. В самый разгар вечеринки появились представители администрации общежития и попросили «посторонних» удалиться, сославшись на слишком позднее время. Расходились с огромной неохотой, с ощущением какой-то огромной потери – будто у нас отняли ценнейшие мгновения чистого счастья.

Представьте мои смешанные чувства, когда я узнала, чему я обязана таким фантастическим днем рождения. Оказалось, что как раз накануне, 21 марта, покончил жизнь самоубийством философ Эвальд Ильенков. Коллеги, оказавшиеся в секторе 22 марта, были раздавлены этой новостью. Всё закончилось бы просто жесткой пьянкой, но кто-то вспомнил о моем дне рождения, и они решили поехать в общежитие, чтобы устроить мне праздник.

Вспоминаю и звенигородские семинары ИИЕТа. Днем шла интенсивная интеллектуальная работа, а ночами мы гуляли, пели, читали стихи. Поэтический обзор конференции, созданный тандемом Ахутин – Рабинович, долго ходил в списках, поскольку стенгазета с ним провисела в институте, как помнится, совсем недолго. В вечернее время образовывались группы «по интересам». «Интересы» были разные: некоторым хотелось просто «выпить», некоторым – послушать «неофициальную» поэзию, и тогда они шли на «огонек» нашего любимого минского гостя – Славы Стёпина (Вячеслава Семеновича). Он мог всю ночь напролет декламировать наизусть Цветаеву, Мандельштама, Пастернака. Молодые читатели моих мемуаров могут и не знать, что эти поэты считались тогда «неблагонадежными», их даже не упоминали в школьных программах. Популярностью пользовались комнаты, где пели под гитару. Я в то время исполняла Окуджаву и Джоан Баэз. Иногда все три «группы интересантов» встречались на одном пространстве (в одном номере гостиницы), и это было прекрасно!

Вторым домом после ИИЕТа стал для меня Институт востоковедения, Отдел Древнего Востока, где работал Григорий Максимович Бонгард-Левин, мой научный руководитель, и училась в аспирантуре близкая подруга Наташа Исаева. Востоковеды тоже жили интересно и весело. Помню праздники, во время которых устраивали спектакли и танцы. Шампанское и водка лились рекою, столы ломились от закусок. Пили безудержно, после каждого такого праздника кто-то обязательно оказывался в нокдауне или даже попадал в вытрезвитель. К пьянству везде относились терпимо, с пониманием.

Но еще была отдельная и очень яркая жизнь вне институтов. Какое-то время я увлеклась семинарами Георгия Петровича Щедровицкого, отца-основателя Московского методологического кружка (ММК), которого все называли просто ГэПэ. Самой памятной была встреча с ним на «мальчишнике» у физика Игоря Алексеева, друга по ИИЕТу. Нас было всего четверо. Помню не разговоры, а то, как мы проникновенно слушали «Коней привередливых» Высоцкого под аккомпанемент оркестра Гараняна. Когда пластинка заканчивалась, ее ставили снова, и так три раза подряд. Эта надрывная песня точно передавала наше настроение и состояние души в тот незабываемый вечер. ГП пригласил меня в свой ближний

круг – так называемый математический семинар[12]. Надо признать, что в работу семинара я так и не втянулась. Но даже общее, достаточно поверхностное знакомство с методологией ГП помогло мне развить в себе методологическую и герменевтическую рефлексию (помню, что это называлось «перпендикулярный взгляд»), что очень пригодилось в дальнейшей работе с инокультурными текстами.

Толя Ахутин открыл для меня семинар Владимира Соломоновича Библера. Это была отдельная вселенная, где царил блестящий Владимир Соломонович. А еще были лекции московских антропософов на домашнем семинаре у моей подруги Люси Косаревой, которая увлеченно занималась герметизмом, алхимией и другими «неформатными» эпизодами истории науки (издала два сборника по герметизму и алхимии, оба под грифом спецхрана); домашний семинар у другой подруги – физика Оли Кузнецовой, которая привечала оригинальных людей с оригинальными теориями[13]; мистические путешествия по Москве «на корабле дураков» с Володей Степановым, известным московским эзотериком, последователем Г.И. Гурджиева. Можно вспомнить и много «разовых событий», например встречу Рустама Хамдамова и Мераба Мамардашвили на квартире приятельницы из ИИЕТа Наташи Вдовиченко в великолепном доме стиля модерн в Гнездниковском переулке, там, где располагался учебный театр ГИТИС. Оба были «молчунами», и поначалу разговор не клеился, но постепенно они разговорились. В результате два великих человека «открыли друг друга» и получилось теплое и содержательное общение[14].

Каждая из этих форм «домашней» интеллектуальной жизни заслуживает отдельного рассказа, но, за неимением места, ограничусь общим впечатлением: Москва жила интереснейшей и крайне разнообразной «неофициальной» интеллектуальной жизнью главным образом потому (нет худа без добра!), что многие пласты культуры и научной деятельности были вытеснены в подполье – исследования религии и мистицизма вне парадигмы атеизма, изучение истории страны, изучение современной западной философии вне марксистской критики и так далее и тому подобное. В этих областях нельзя было ни проводить исследования, ни защитить диссертации, ни сделать академическую карьеру, но это никого не смущало, скорее даже вдохновляло перспективой полной свободы.

Между тем период с конца 1960-х и до начала 1980-х отмечен еще одним ярким явлением – Московско-Тартуской школой по семиотике. Индологи и буддологи, их коллеги лингвисты и культурологи оказались среди ключевых фигур семиотического, структуралистского движения (А.М. Пятигорский, Б.Л. Огибенин, В.Н. Топоров, А.Я. Сыркин, Вяч.Вс. Иванов (совместно с Топоровым они выпустили в 1960-м книгу «Санскрит»)). К началу 80-х это начинание стало беспокоить начальство и было отчасти прикрыто, отчасти само себя исчерпало. В 1976–1977 годах от Октябрины Федоровны Волковой я услышала восторженный рассказ о конференциях в Тарту как о чем-то случившемся в совершенно другую эпоху, которая к тому времени уже закончилась.

А как же Индия, индология, диссертация, наконец? Здесь была своя история. Для дипломной работы в МГУ я перевела в качестве приложения два больших куска из самого главного философского труда великого индийского философа Шанкары – «Брахма-сутра-бхашья». Моя работа была посвящена понятию «высшего» и «низшего» знания в этом тексте.

[12] Как отметил в своих мемуарных заметках Паша Малиновский, кружок ставил перед собой амбициозную программу разработки структурной математики как методологической альтернативы школе Н. Бурбаки [Малиновский б/г].

[13] Мне запомнились выступления физика-теоретика Жоры Рязанова с чем-то непонятным, но завораживающим, Вадима Розина с чем-то эзотерическим и Саши Раппапорта, которого я была готова слушать, о чем бы он ни говорил – настолько свежими и вкусными мне казались (и до сих пор кажутся) его мысли.

[14] Мои попытки познакомить Мераба с Володей Степановым и с Сашей Раппапортом оказались не слишком удачными. Что-то не сошлось.

Шанкару и его философскую школу адвайта принято считать вершиной индийской философской мысли. Это самая яркая и последовательная система философского монизма (адвайта означает «недвойственность») в мировой философии. Однако продолжать эту тему в аспирантуре ИИЕТа было невозможно, необходимо было найти что-то близкое к истории науки. Я остановилась на школе вайшешика и ее атомизме.

После захватывающих дух, глубоких мыслей Шанкары рассуждения вайшешиков казались мне скучными и плоскими, я не находила в них ничего интересного, такого, за что могла бы зацепиться. Но философски «раскручивая» идею атома, я осознала ее близость таким философским понятиям, как индивид и свобода… И это «сладкое слово свобода» открыло иные горизонты мысли! У меня появилась масса вопросов к вайшешикам, захотелось понять, как они пришли к идее атома, как они ее обосновывали и есть ли связь между греческим и индийским атомизмом?

Занудство текстов вайшешики перестало раздражать, а стало, наоборот, источником вдохновения. Легко писать о духовных материях, когда о них говорит своим ясным языком Шанкара, но, когда перед тобой ребус, набор слов, смысл которых находится где-то далеко, это совсем другая ситуация. Я стала с ней разбираться и написала диссертацию, в которой показала всю сложность атомистической доктрины вайшешики, которая не поддается материалистическому толкованию, а скорее соответствует западному понятию метафизики.

Окончание аспирантуры совпало с Олимпиадой 1980 года, и это отразилось на мне самым роковым образом. У меня закончилась московская прописка, и возобновить ее не было никакой возможности. Тем не менее я решила остаться в Москве, поскольку только здесь могла хотя бы надеяться найти работу по специальности. При советской власти прописка в Москве была под особым государственным контролем. Ее могли сравнительно легко получить только представители «рабочего класса». На работу не брали из-за отсутствия прописки, прописку же не давали из-за наличия высшего образования. И выхода из этого «порочного круга» не было.

Мне повезло найти загаженную квартиру у алкоголиков, достигших полного дна, – им единственным было наплевать на отсутствие у меня московской прописки. Но, как только я закончила разгребать «авгиевы конюшни», появился милиционер (наверное, его вызвали соседи) и дал мне 24 часа на то, чтобы я «убралась из Москвы». Так я оказалась персоной нон грата, философом-отщепенцем «вне закона». Помню, как бродила по ночным улицам, чтобы как можно позже, тихонько прокрасться в свою ночлежку, жила не включая света и не проявляя признаков своего присутствия, чтобы соседи не заметили и не донесли.

К счастью, через знакомых моего отчима нашлась работа воспитателя в ЖЭК общежития рабочих, привезенных на строительство олимпийских объектов. У меня появилось законное спальное место в Бескудникове. Так я попала в совершенно другую Москву, в новую для меня социальную реальность. Пришлось сильно измениться, интеллигентские манеры не действовали на моих подопечных, а если и действовали, то как красный цвет на быка, только раздражали. Некоторые молодые ребята к 16 годам уже страдали алкоголизмом, многие не знали никакого иного языка, кроме мата. Встречались и светлые люди, но их было меньшинство. В основном, подопечные состояли из агрессивных, невежественных мальчишек, которым было совершенно наплевать на Москву, на культурную жизнь, на всё, что было дорого мне, но находилось за горизонтом их мира. Благодаря общению с ними, я поняла, что значит «классовое чутье» – это было то, что они испытывали в отношении меня. Я была для них нестерпимо «чужой», средоточием всего того, что они не понимали и потому ненавидели.

С момента, когда я осознала всю безнадежность своего положения, мне стало всё безразлично, даже собственная жизнь. Я лезла на рожон, вмешивалась в драки, однажды даже

пришлось разнимать поножовщину. В этом был свой кураж. Я подходила к дерущимся и строгим начальственным голосом спрашивала: «Что здесь происходит? Немедленно прекратить!» И как ни странно, этот начальственный, уверенный тон действовал. Ко мне стали приходить, чтобы разрешать конфликты.

Однажды я повела группу ребят на экскурсию в МГУ на Ленгорах. Тогда еще можно было войти в Высотку. Там с ними случилась настоящая истерика, это была «ломка» от встречи с чем-то совершенно чуждым, враждебным и непонятным. Как они матерились, как пытались высмеять всё, что видели, как вызывающе себя вели, чтобы опозорить меня! Но вдруг в какой-то момент произошел перелом, все успокоились и даже умиротворились. Мы вернулись в общежитие как дружная компания. Мне стало чуть легче жить.

Большинство моих подопечных получили комнаты в Москве и прописку, но не я. Решающим фактором «против» оказалась именно аспирантура. На высшее образование, учитывая мою работу воспитателя, были даже готовы посмотреть «сквозь пальцы», но аспирантура – это уже слишком! Когда приходила милиция проверять паспортный режим, я присоединялась к обходу в качестве воспитателя, объясняя, что мой паспорт «на прописке», но вскоре это перестало работать[15].

Олимпиада, смерть Высоцкого – всё это прошло мимо меня, будто происходило в другой, параллельной реальности. Я больше не встречалась с друзьями по аспирантуре и университету – их жизнь, их проблемы были от меня слишком далеки, равно как и мои от них. А еще было нестерпимо возвращаться из «моей» Москвы в унылое серое Бескудниково с его обитателями.

История с диссертацией возобновилась через два года после окончания аспирантуры. Я встретила человека, за которого вышла замуж. Благодаря прописке устроилась на работу в ИНИОН. Самый подходящий совет по истории философии, в котором я могла защититься, работал в Институте философии. Однако для защиты нужно было, чтобы соответствующий сектор обсудил диссертацию и рекомендовал ее. Сектор, который тогда назывался «Сектор актуальных проблем современной философии стран Азии и Африки», представлял в этот момент Давид Викторович Джохадзе. Он обещал прочитать мою работу и сообщить свое решение.

Оно было отрицательным. Я спросила: почему? Его слова врезались мне в память (передаю точно, сохраняя даже характерный грузинский акцент): «Представьте, приходит зарубэжный враг в ленинский библиотэк, возьмет ваш диссертаций и не поймет: кто такой вайшешик – материалист или идеалист?» Он также искренне возмущался тем, что ни в диссертации, ни в автореферате нет ссылок на классиков марксизма и партийные документы.

После разговора с Джохадзе у меня опустились руки, и я решила вообще отказаться от защиты. Но Григорий Максимович Бонгард-Левин, услышав эту историю, рассмеялся и сказал: «Приезжайте ко мне, и мы всё обсудим». Уютный кабинет, коньяк, шоколад, юмор и очаровательный цинизм Григория Максимовича помогли мне расслабиться, дистанцироваться и занять более прагматичную позицию. Мой научный руководитель, будучи сам членом Ученого совета, со знанием дела сказал, что Ученый совет не читает рефераты и диссертации дальше третьей страницы и что всё требуемое можно поместить на первых трех страницах. И мы, потягивая коньячок, тут же приступили к делу. Сначала нашли брошюру с ре-

[15] Кстати, о милиции. Как-то подопечные пожаловались на кражу, я зашла в их комнату и под кроватью обнаружила вора с украденными вещами: он напился и заснул прямо на месте преступления. Я вызвала милицию, и его забрали. Потом я узнала, что в милиции его отпустили за бутылку водки. Но ненадолго. Вскоре меня вызвали в суд в качестве свидетеля: пойманного мною вора судили за убийство таксиста, и к этому приплюсовали ту самую кражу. Коррупция персонала того отделения милиции не была для меня секретом, но это была настолько обычная ситуация, что она меня нисколько не шокировала.

шениями последнего съезда КПСС, а там – цитату про необходимость укрепления дружбы с Индией, ее мы вставили на первую страницу и диссертации, и автореферата. Для второй страницы нашлась цитата из Маркса и Энгельса, а для третьей – из Ленина (совершенно «по делу»: про атом как «перерыв постепенности»). Таким образом, и волки были сыты, и овцы целы (я не поступилась принципами и не сделала ничего постыдного).

Через некоторое время я вернулась в Институт философии с этой более «проходной» версией диссертации, но оказалось, что Джохадзе больше не возглавлял сектор, а Мариэтта Тиграновна Степанянц оказалась человеком совершенно другой закваски и приняла диссертацию к обсуждению без каких бы то ни было «идеологических условий». На предзащите с положительным отзывом выступила Татьяна Яковлевна Елизаренкова. Сектор рекомендовал диссертацию к защите.

С оппонентами тогда была большая проблема – нужен был хотя бы один доктор философских наук по истории индийской философии. Это сейчас можно выбрать из некоторого количества людей, а тогда был лишь один-единственный доктор наук, назовем его Оппонент-1, философ-марксист и конечно же крупный специалист по «материалистической линии» в философии. Второй оппонент мог быть кандидатом и не обязательно индологом. Им стал мой добрый знакомый по ИНИОН, где мы вместе работали, замечательный ученый-арабист Артур Сагадеев. Основанием выбора его на эту роль были его работы по арабскому атомизму. Моя диссертация была тоже посвящена атомизму, ему это было интересно, и он написал прекрасный отзыв.

Чтобы понять, в какой ситуации я защищалась, нужны еще некоторые детали о реалиях советского времени. В год защиты, 1982-й, я жила в съемной квартире в Текстильщиках, а сдача квартиры считалась, по определению, противозаконным нетрудовым доходом. В такой ситуации о правах квартиросъемщика вообще не было речи. Хотя мы и договорились с хозяйкой квартиры на три года, через несколько месяцев она поссорилась с мужем и захотела вернуться в свою квартиру. И надо же – именно в момент моей защиты! Мольбы об отсрочке пролетали мимо. Накануне дня защиты она позвонила и потребовала, чтобы я завтра же «выметалась». Я же предпочла пойти на защиту.

Кворум членов Ученого совета кое-как собрался, только Оппонент-1 запаздывал. Мне объяснили, что он склонен к запоям, поэтому может и вообще не прийти, но, спасибо ему, он всё-таки появился! В своем отзыве он упрекнул меня в том, что я не ставлю «основной вопрос философии» (тогда считалось, что это вопрос о том, что первично: материя или сознание?). В иные времена этого было бы достаточно, чтобы получить «волчий билет», но мой благородный оппонент «рубить» меня не стал, признав диссертацию «отвечающей требованиям ВАК», «несмотря на указанные недостатки».

Вместо того чтобы «покаяться», я стала объяснять, почему вопрос о материализме-идеализме не является «основным» для индийской философии и почему учение вайшешики не следует считать вполне материалистическим. Никогда не забуду наполненные ужасом глаза Татьяны Яковлевны Елизаренковой, пришедшей меня морально поддержать. Это был 1982 год, никакой перестройкой еще не пахло. Я была уверена, что меня провалят, но решила держать удар до конца. Но тут, о чудо, слово взяла незнакомая красивая женщина (это была Нелли Васильевна Мотрошилова) и стала хвалить мою работу, и это, как я понимаю, переломило ход защиты в мою пользу.

Друзья и моя мама (она приехала из Кишинева и привезла продукты и вино) устроили банкет в полуразрушенной коммуналке, в комнате, откуда выселили жильцов из-за ее аварийного состояния. Я слушала тосты в свою честь и думала, что попала на собственные похороны. В тот вечер я зачитала поэму, написанную мной накануне защиты. Она называлась «Горе от Вайшешики: драма одной молодой жизни». Действующими лицами были ИИЕТ,

ИФ РАН, ИНИОН, а также Хор вайшешиков. Речь в поэме шла о моих мытарствах с поиском работы «по специальности». Начиналась она так: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Вайшешике в ИИЕТе».

Ночью, когда мы с мамой вернулась в квартиру, мы нашли мои вещи разбросанными по полу, мебель демонтированной (нам пришлось спать на полу), а записка хозяйки гласила, что завтра, в 2 часа дня, она приедет и всё, что найдет в квартире, в том числе и меня, просто выбросит на улицу.

Передо мной встала немыслимая задача: найти пристанище в течение нескольких часов и переехать туда. Мои современники, думаю, помнят, как трудно было снять квартиру. Я обзвонила всех друзей и нашла комнату в коммуналке. Переехать помог Саша Раппапорт, мой друг по щедровитянской компании. Он сумел быстро поймать машину, загрузить вещи и перевезти нас с мамой и вещами (в основном со множеством ящиков книг) на новое место до приезда хозяйки. Это было настоящее рукотворное чудо!

Хозяева квартиры, в которой я сняла комнату, были диссидентами, хозяйка – сестрой известного писателя Феликса Светова, а ее муж – политзаключенным с двадцатилетним стажем. В это время как раз усилились репрессии, и хозяева со дня на день ждали ареста Феликса и его жены Зои Крахмальниковой. Однажды зазвонил телефон, я подняла трубку. На проводе был Булат Окуджава, он интересовался новостями. Я описала ситуацию. В то время в квартиру часто наведывались с обысками сотрудники КГБ, искали что-то запрещенное, в том числе и в моих книгах и бумагах. К счастью, я отдала пару зарубежных изданий на хранение друзьям.

Потом, когда я переехала в другую съемную квартиру, меня навестил в ИНИОН майор из «органов» и попытался убедить дать показания против прежних хозяев. Я была готова к разговору (следуя рекомендации: отвечать только на вопросы, не врать и никому не навредить). Он ушел ни с чем, я даже отказала ему в просьбе «никому не говорить об этой встрече», сославшись на то, что я слабая женщина и просто органически не могу «хранить секреты». Вернувшись после разговора в свой сектор, я позвала всех пить чай и всё рассказала коллегам. В отместку мне не разрешили поехать в турпоездку в Индию и постоянно прослушивали мой телефон. Иногда, когда куратору надоедали мои долгие разговоры по телефону, он включал автомат, сообщавший «московское время».

Мечты о работе по специальности еще очень долго оставались мечтами. Сначала я работала в ИНИОН, в секторе библиографии, писала аннотации к статьям по философии на русском языке (тогда это делали не авторы, а мы – библиографы). Потом перешла на работу в редакцию философии «Большой советской энциклопедии». В деятельности энциклопедического редактора было значительно больше интеллектуального и творческого содержания. В этот момент наша редакция находилась под критическим обстрелом «высоких инстанций» из-за публикации-доноса двух профессоров МГУ, бдительных партийных товарищей Виталия Николаевича Кузнецова, моего преподавателя с кафедры ИЗФ, и воинствующей атеистки Зульфии Абдулхаковны Тажуризиной с кафедры атеизма МГУ[16]. Наш «Энциклопедический философский словарь» (1983) казался им недостаточно идеологически выдержанным. Помню, как нам приходилось отвечать на дурацкие обвинения в «тенденции вытеснения философии теологией», в «замалчивании или затушевывании атеистической направленности и материализма» в античной и средневековой философии, обвинения в том, что «объем ключевых статей атеистического раздела недопустимо мал», а «Атеизм» занимает вдвое меньше места, чем «Христианство». Вся редакция была обязана аргументированно реагировать на каждую подобную инвективу, объясняя свою позицию так, чтобы не навлечь еще более тя-

[16] Обсуждение «Философского энциклопедического словаря» см.: Бибихин 1985.

желых обвинений с «оргвыводами» (так называлось увольнение «виновных»). Проработав в редакции шесть лет, я «по энциклопедической линии» была переведена в Институт философии. Проект энциклопедии тогда не состоялся, и меня взяла к себе в сектор Мариэтта Тиграновна Степанянц, которой я полностью обязана всей моей долгой и счастливой профессиональной жизнью историка индийской философии. Это как раз и совпало с кончиной Софьи Власьевны, как конспирологически называли советскую власть.

В 90-е годы, когда нищета достигла критического предела (зарплата составляла 50 долларов в месяц), я неожиданно получила приглашение во Францию на стажировку по линии «Дома наук о человеке» (Maison des Sciences de l'homme). Меня пригласил индолог и антрополог Франсис Зиммерман, с которым я познакомилась в Москве на международной конференции по сравнительной философии, организованной Мариэттой Тиграновной в 1990 году.

У меня был маленький ребенок, денег на билеты не хватало, и я решила отказаться. В этот момент появился человек, который сказал слова, резко изменившие ход моей жизни. Когда я пыталась объяснить ему, что «не могу себе этого позволить по своим средствам», он ответил, что если бы он жил «по средствам», то не смог бы выехать за пределы Москвы и Московской области. А он к тому времени уже объездил полмира. Деньги на билеты собирали «всем миром», одевали меня тоже «всем миром». И эта поездка действительно изменила мой взгляд на вещи. Я перестала жить по логике «выживания» и стала просто «жить».

Очутившись в запретной для советского человека «капиталистической стране» в возрасте почти сорока лет, я, конечно, испытала культурный шок: от изобилия продуктов, товаров, магазинов, кафе, ресторанов, от этноразнообразия французского населения, от транспортных пробок (мы тогда еще не знали этого явления), от открытости границ в Европе и переездов из страны в страну без предъявления паспорта (например, я ездила на экскурсию в Германию). На первых порах проблема состояла в том, что я просто не могла понять, что значит выбирать. Как советский человек я не сталкивалась с проблемой выбора в ситуации, когда все товары одинаково прекрасны. Мы привыкли «брать», что «дают» или «выбрасывают», как тогда говорили. Из всех продуктов я смогла «опознать» только бананы, которые в моей советской жизни были супердефицитом и которыми я ни разу в жизни не наедалась досыта.

Поражала высокая культура быта – невероятной красоты подъезды, уютные и чистые автобусы, убранство квартир, общественные туалеты, в которых не воняет[17], отсутствие очередей и вообще более рациональная организация жизни. Тогда всё это было немыслимо у нас, но ведь появилось же! И за очень небольшой исторический отрезок времени. Теперь по части быта и устройства жизни мы не отличаемся, а если отличаемся, то даже в лучшую сторону. Мне гораздо комфортнее жить в Москве, чем во Франции с очень многих точек зрения: большее разнообразие товаров, более высокий уровень общепита, более вкусная и дешевая еда в кафе и ресторанах, возможность обедать там не только с 12 до 14, как во Франции, а именно тогда, когда тебе хочется. Дешевизна такси, общественного транспорта. Более интенсивная и разнообразная интеллектуальная и культурная жизнь: театры, музеи, выставки…

Но вернемся во Францию 1993 года и еще раз посмотрим на нее моими глазами «советского человека». Были вещи, которые не просто удивляли, но и вызывали недоумение: зачем столько товаров, столько магазинов, кафе, ресторанов? Я наблюдала и некоторые гендерные аномалии, с моей точки зрения: специальные магазины мужской одежды, мужской косметики и прочих атрибутов сильного пола, притом что мужчины не уступали женщинам место, не помогали им и даже не «ухаживали», как это было принято у нас. Простота и скромность, с которой одевались французы и особенно француженки, явно контрастировала с репутацией

[17] Мне казалось, что вонь – это сущностный признак туалетов. В СССР не вонял только туалет Дворца Съездов. Вот уж поистине, «два мира – два сортира»…

мировой столицы моды. Вспоминалось, как я читала лекции в МГУ в полуразрушенных аудиториях, в которых подчас не было даже дверей и окон, но при этом многие студентки дефилировали в роскошных шубах и всячески афишировали свое богатство, равно как и презрение к «лузерам»-преподавателям, получающим жалкие гроши. Эта ситуация тоже «выправилась» за прошедшие годы. В Москве по-прежнему одеваются лучше, чем в Париже, но не «кичатся» своим богатством, по крайней мере в университете.

Во Франции я впервые встретилась с таким явлением, как социальная чувствительность. Помню, как меня, приехавшую из России 90-х, поразило то, что французы искренне реагировали на бедственное положение людей и особенно детей в нашей стране и других странах бывшего соцлагеря, как организовывали помощь, как стремились усыновлять / удочерять русских детей. Пожив во Франции, я поняла, что это нормально для западного общества: помощь другим не государства, которое без твоего ведома отправляет миллиарды долларов насквозь коррумпированным диктаторам «дружественных режимов», а инициатива самих людей, которые создают свои общественные организации, чтобы помогать адресно тем, кто в этом действительно нуждается. Но с этим у нас по-прежнему проблемы, особенно сейчас. Участие в международных организациях грозит статусом «иностранного агента», а на создание российских благотворительных организаций и волонтерских движений власть смотрит с пристрастием и строит всяческие препятствия.

Еще одно «открытие», которое я совершила для себя во Франции, это Patrimoine – концепция культурного наследия. Государство бдительно охраняет культурное наследие, поощряет его частную реставрацию значительным снижением налогов и другими способами. Следит за тем, чтобы памятники реставрировались только по утвержденной технологии. Там немыслимо снести историческое здание, заплатив взятку, или снести, а потом на его месте построить такое же, только «еще лучше».

Я долго не могла себе объяснить, почему наше постсоветское общество столь безразлично и инертно, почему социальная чувствительность в нем, что называется, «ниже плинтуса», почему уровень терпимости к злу, насилию, обману, коррупции, преступлениям, напротив, так высок, что они воспринимаются как норма, естественное положение дел. Было бы достаточно и сотой доли чего-нибудь из этого, чтобы вывести на улицу миллионы французов. И другая сторона той же проблемы: почему в нашей стране политики не могут по-настоящему объединиться даже ради самого благого дела?

На эти вопросы я нашла для себя ответ не в «социалистической» Франции, а через много лет, побывав в Америке. Ответ этот состоит в том, что мы, бывшие хомо советикус, самые большие индивидуалисты, однако этот наш индивидуализм – дикий, нецивилизованный, выражающий не свободу, а «вольницу», когда каждый руководствуется только сугубо личными интересами и совершенно невосприимчив и даже показательно глух к интересам других людей.

Чем дикий индивидуализм отличается от «цивилизованного»? Цивилизованный свободный индивидуум принимает свободу «в одном пакете» с ответственностью – и прежде всего ответственностью перед другими. Аргумент про интересы «других» в нашем предельно атомизированном обществе не находит отзыва, а многими соотечественниками воспринимается просто как демагогия.

Почему для того, чтобы понять, что мы – самая индивидуалистическая страна, где индивидуализм ничем практически не ограничен, надо было побывать в Америке? Америка, начав с того же, что и мы, то есть «с вольницы», прошла долгий путь до законопослушности. Я узнала, как первопроходцы на «Диком Западе» сами создавали и принимали законы, которые отвечали их интересам, – законы, которые их защищали и помогали выжить. А когда

инициатива общественных уложений и правил общежития исходит «снизу», от индивидов, они их и соблюдают. Их коллективизм вырос из частных интересов.

У нас же законы – что в царской России, что в советской, были спущены сверху, навязаны внешней волей, интересами власти, бюрократии, которая во многом противоречила здравому смыслу и нашей жизни, поэтому естественная реакция на законы в России – поиски «обходных путей» («закон что дышло»). Неслучайно эмигранты из России в США, не привыкшие соблюдать законы у себя дома, продолжали так же вести себя и в эмиграции и поэтому очень легко обогащались – они находили лазейки и обходные пути, которые бедным законопослушным американцам даже не приходили в голову. «Русская мафия», «русская преступность» стали мемами.

То же и с коллективизмом, с защитой профессиональных интересов – нет у нас настоящих профсоюзов, которые имели бы реальный авторитет в обществе и могли защищать чьи-то интересы. В последние годы, особенно среди молодых людей, начинают возникать разные волонтерские сообщества, и это очень важный признак, первые ростки становления нового коллективистского сознания. Однако такая самоорганизация «снизу», как и любая неконтролируемая инициатива, очень пугает власть и может быть легко задушена всяческими регламентациями, запретами и штрафами, что, собственно, уже и происходит.

Мой опыт жизни на Западе привел меня еще к одному наблюдению: у нас считается, что «естественное», «нутряное» лучше «искусственного». Многие соотечественники, побывав «за бугром», возмущаются «лживыми» тамошними улыбками. Я много раз замечала, что территория вне «дома» или «работы» у нас часто воспринимается как зона полного морального отчуждения, как пустыня, даже если это битком набитое метро. Ты толкаешь, тебя толкают, люди легко оскорбляют друг друга, ссоры вспыхивают «на пустом месте» и начинаются взаимные оскорбления. Попадая в замкнутое пространство, например в лифт, соседи, незнакомые друг с другом, редко здороваются, даже если живут в одном подъезде. Повернутся друг к другу спиной и молча напряженно стоят (я живу на 12-м этаже и часто имею возможность это наблюдать). Люди не улыбаются друг другу, случайно встретившись глазами, к чему так легко привыкаешь за границей. Моральное отчуждение за пределами круга близких или знакомых людей особенно проявляется в социальных сетях – в царящем там хамстве. Конечно, в Сети много троллей, но далеко не только тролли пишут хамские посты совершенно незнакомым людям. Волосы дыбом встают, когда читаешь оскорбительные комментарии по любому поводу; люди изливают на окружающих весь репертуар своих «естественных чувств». Мысль о возможности воспитания эмоций и культивирования социального поведения некоторые воспринимают как посягательство на свое священное право «естественности» и «искренности».

Мне кажется, что в социальных сетях, как и в самом обществе, это порождает очень нездоровую, токсичную атмосферу. Дело в том, что эмоциональный «полуфабрикат», не пропущенный через фильтры морали, культуры, религии и цивилизации, всегда равен самому себе «на входе» и «на выходе». Если внутри человека доброта, свет, всепрощение, то и «на выходе» будет свет и святость, если внутри эмоциональные помои, то и «на выходе» не получится пирожное. Думаю, что сомнительный закон об «оскорблении религиозных чувств», принятый в нашей стране, ориентирован как раз на эмоциональную сферу. «Сомнительный», поскольку непонятно, что такое «религиозные чувства» и как они могут быть «оскорблены»? Если верить тому, что говорят о себе мировые религии, то они проповедуют исключительно прекрасные чувства: любовь и сострадание, а христианство – еще и всепрощение. Это ведь и есть «религиозные чувства», не так ли? Можно ли чем-то оскорбить любовь? А сострадание? То, что «ведется» на оскорбление, то, что «оскорбляется», – никак не может быть религиозным чувством! Через этот закон легитимируются не любовь и сострадание, а ненависть,

зависть, подозрительность, нетерпимость к тому, что отличается от «своего». Если говорить по существу, и это доказывает опыт не только России, но и Индии, то данный закон есть инструмент диктатуры консерватизма, обскурантизма и ксенофобии, какой бы религиозной оболочкой это ни прикрывалось (индийские оскорбленные чувства изгнали из культуры страны Салмана Рушди, например, а мы можем вспомнить показательную историю постановки «Тангейзера» в Новосибирске, раскритикованной РПЦ). Пример этих самых «оскорбленных чувств» мы недавно наблюдали и во Франции. «Оскорбляющие» рисуют карикатуру, «оскорбленные» отрезают голову, отнимают жизнь.

Когда над «природой» надстраивается сдерживающая конструкция морали, религии, культуры и цивилизации, то есть шанс, что человек будет вести себя «культурно», если и не по естественной склонности, то хотя бы в силу знания норм социального поведения. Даже не чувствуя эмпатии (ну, скажем, у него мало зеркальных нейронов), человек может относиться к другому гуманно, поскольку так воспитан и таковы ценности общества (такие, например, как уважение человеческого достоинства, соблюдение законов), в котором он сформировался. Людьми с твердо укорененной рациональной структурой сложнее манипулировать.

Лично мне комфортнее среди улыбающихся людей, а не среди насупленных и враждебно подозрительных, от которых можно ожидать всё что угодно, ведь доказано, что даже если улыбающийся человек неискренен, сама по себе улыбка, которую вы видите, запускает в действие положительные эмоции (так действуют зеркальные нейроны). Но это комфорт для внешнего социального пространства, что же касается внутреннего состояния души, то здесь всё сложнее. Я почувствовала себя русской во Франции главным образом по той причине, что столкнулась на первых порах с очень формальным поверхностным общением между людьми. На Западе не принято «грузить» кого бы то ни было, кроме «специалистов» (психологов, психиатров, психоаналитиков), своими психологическими проблемами, не приняты «разговоры по душам». Постепенно я приучила своих французских друзей к такому стилю общения. Но не во всех странах это было возможно. Например, в Голландии, где я провела почти полгода, мне так и не удалось никого «приручить». Более глубокого и разрушительного одиночества я не чувствовала ни в одной стране.

Для меня невозможно рассуждать о прошлом вне оптики настоящего. Не могу не задавать себе вопрос: каким образом почти через 30 лет после крушения советской власти, после открытия чудовищной правды о ее преступлениях, после падения «железного занавеса» и освобождения от диктата «единственно правильной» идеологии, люди разных поколений, живших при «совке», и даже совсем молодые люди, родившиеся после распада СССР, ностальгируют по советскому строю? Как это возможно: знать про ГУЛАГ и всё равно возводить памятники Сталину? Почему после опыта свободы и недолгого, но всё же опыта нормальной человеческой жизни перед нашим поколением опять стоят те же проблемы защиты свободы и человеческого достоинства? И как случилось, что мы не сумели воспользоваться уникальным шансом изменить участь своей страны и стать частью мира? Неужели всё вернулось на «круги своя» – на привычную колею изоляции и ксенофобии? Почему движение вперед привело нас назад, к дурному повторению? Этот вопрос я задаю и себе, и всему «советскому» поколению.

Как понять это явление? Как очередное крушение просветительских иллюзий, новое прозрение о том, что знание, просвещение бессильны изменить сознание людей, и сколько им ни «открывай глаза» на преступления, они всё равно будут прославлять режим, при котором эти преступления стали нормой, и тирана, создавшего самую изощренную и циничную систему уничтожения собственного народа? Каким же образом современным наследникам «эффективного менеджера» удалось тихой сапой повернуть такую огромную страну назад на рельсы прошлого?

Меня когда-то потрясла одна история про Столыпина. Вспыхнул бунт в каком-то полку, и Столыпин поехал его усмирять. Представьте себе сцену: навстречу ему выходят делегаты бунтовщиков. Они кипят от возмущения и готовы решительно отстаивать свои права. Что делает Столыпин? Он привычным барским жестом сбрасывает с себя шинель… и лидер переговорщиков привычным жестом ее подхватывает. Не нужно было слов: господин привел в действие инстинкт раба.

Мне кажется, что с нами, с населением России, произошло нечто подобное: умелой рукой была выбрана и акупунктирована какая-то важная точка, приводящая в действие наработанные поколениями рабские инстинкты покорности ради выживания: «Не до жиру, быть бы живу». «Жиром» оказывается свобода, она первая приносится в жертву. Советская власть умело поддерживала модус «выживания» – нищенскими зарплатами и пенсиями, всеобщим дефицитом, очередями, тотальным контролем умов, манипуляцией угрозами войны, голода, нищеты, которые якобы исходят от Запада.

Нас, советских людей, легко было убедить, что главное счастье заключается в вере в завтрашний день, в стабильности. Хоть это и стабильность в бедности («жили бы мы богато, но враги мешают»). Понятно, что людям, привыкшим к тому, что их существование полностью «окаймляется» государством, девяностые годы нанесли тяжелую травму. Понятно, что они бы предпочли равенство в бедности – свободе, крылышко государства – свободному предпринимательству.

Сейчас мы видим, что власть снова прибегает к искусственному поддержанию нищеты большинства населения (себя любимых они не обижают, как мы знаем) как эффективному рычагу управления. Чтоб выживали, не поднимая головы, чтобы любая ничтожнейшая подачка – например, ежегодная прибавка 1000 рублей к пенсии – воспринималась как щедрая «забота» государства.

Умело выстроенная манипуляция под громким названием «вставание с колен» и была обращена к тем, кто в результате краха СССР чувствовал себя униженным, обиженным, потерянным. Короче говоря, она была обращена к эмоциям, а эмоции – самая легкая добыча манипуляций (голосуем сердцем, товарищи!)

Однако к вполне объяснимой и рациональной сделке: лояльность в обмен на посулы стабильности – «лишь бы не майдан», в нашей современной ситуации добавилось еще нечто иррациональное, почти фатальное – общее ощущение безысходности, обреченности всегда наступать на одни и те же грабли. Россия предстает каким-то особым пространством, на котором не действуют законы общественного развития и все более-менее рациональные конструкции рано или поздно растворяет и поглощает какая-то примордиальная хтоническая магма, глубинная народная «душа», утопающая в эмоциях. И действительно, эмоции и с научной, эволюционной точки зрения являются самым древним пластом психики. Кто-то скажет, что это архаическая, языческая «душа» – «проклятие» и «тормоз», а кто-то, напротив, найдет в ней истоки «соборности», «всечеловечности» и «святости» русского народа, нашу главную «скрепу». Как бы то ни было, архаика по самой своей природе «заточена» под цикличность, повторение и самовоспроизведение. Этому «подкультурному», «подкладочному» слою не свойственно развитие. То, что туда «записалось» искоренить трудно.

Из песни слова не выкинешь, как из нашей истории не выкинешь крепостничества, ведь оно не окончилось с победой советской власти. Крестьянам начали выдавать паспорта лишь с 28 августа 1974 года, а до этого они были прикреплены к своим колхозам («Всё вокруг колхозное, всё вокруг мое»). Крепостной раб не имеет собственности, и поэтому у него нет и не может быть понятия «чужой собственности». В советское время была злая шутка: «Наш народ вынесет все». И действительно, воровство процветало повсюду и воспринималось как вполне естественное явление. Каждый воровал на своем уровне, а «начальству», как счита-

лось, воровать было просто положено «по статусу», и «глубинный народ» относился к этому с полным пониманием. До сих пор любая новость о коррупции воспринимается по-житейски примирительно: мол, «начальству положено воровать». Оттого-то так трудно смутить нашего человека стремительно растущим неравенством доходов и коррупционными скандалами.

Социализм в своей советской форме пестовал социальный инфантилизм, взращивал в людях паразитическую психологию нахлебников государства, поэтому к свободе, которая наступила после падения советской власти, подавляющее большинство людей было не готово. Инфантильное сознание воспринимает свободу как вольницу – «что хочу, то и ворочу», без сопровождающей настоящую свободу социальной ответственности. Нет ничего удивительного, что инфантильное постсоветское общество оказалось в ситуации дарвиновского естественного отбора: выживает сильнейший, диктовавший законы всех последующих «лихих» десятилетий.

«Если бога нет, то всё позволено». У Ницше это накладывает на человека огромные обязательства: свобода есть ответственность. «Если Крым наш, то всё позволено», напротив, освобождает от каких бы то ни было обязательств. Был дан сигнал: «То, что нам хочется, это и есть закон!», и он был принят с огромным удовлетворением и облегчением. Вот она, наконец, вожделенная вольница! Зачем участвовать в реальной и сложной конкурентной борьбе? Проще объявить всех конкурентов «врагами», а себя назначить победителями. Именно так Россия «встала с колен». Поэтому не будем пенять на Путина, он лишь инкарнация, порождение этой примордиальной стихии народной вольницы, а современная Россия – его портрет.

Но тем не менее хочется верить, что постсоветское время не прошло даром, по крайней мере для нашей философии. Сомневаюсь, что ее удастся снова загнать в русло какой-нибудь новой идеологии, если, конечно, мы, философы, сами ее не создадим. Всем философским поколениям советского периода это время принесло много разных новых возможностей. Удивительно то, как быстро «переобулись» и «переоделись» многочисленные истматчики (специалисты по историческому материализму) и диаматчики (специалисты по диалектическому материализму). Кто-то, потому что давно вырос из старой одежды, а кто-то напялил новую одежду поверх старой. Так или иначе, довольно быстро в нашей философии марксизм из ведущей и обязательной идеологии стал предметом скорее исторического интереса. За десять лет после падения всяческих запретов и спецхранов был переведен огромный пласт зарубежной философской литературы, которая стала постепенно вливаться в круг чтения наших философов. Появились новые звезды, например Валерий Подорога, по-новому засияли некоторые философы советских времен – Вячеслав Стёпин, Вадим Межуев… И тот и другой список можно продолжать.

Что касается поколения моего выпуска 1976 года, оно сейчас на пике активности и в вузовской и в академической философии. В нашем институте 6 человек, практически все они заведуют секторами. В выпуске две страшные истории – Сережи Исаева, ректора ГИТИСа, сделавшего его крупнейшим российским и международным театральным вузом, но подло убитого, как тогда говорили, в результате «спора хозяйствующих субъектов». Преступление осталось нераскрытым. Как и убийство Толи Афанасьева, заведующего отделом культуры МГК КПСС, поднявшего тему русского зарубежья, руководителя серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия».

Если говорить о других, не столь печальных историях, то, наверное, интереснее всего судьбы тех однокурсников, которым философия помогла преуспеть в других профессиях. Мне известно несколько случаев: Володя Амелин, который стал политтехнологом, Лена Федорова, уехавшая жить в Канаду и работавшая там психотерапевтом, Наташа Исаева, ставшая известным европейским театральным критиком и получившая за свою театральную дея-

тельность французский орден Почетного легиона, Риитта Ниэминнен, финская подруга, сделавшая карьеру в медицинской торговой компании, и, наконец, Алена Крейчева (в замужестве Канюкова), создатель и директор четырех театральных школ для детей в Словакии. Она написала и поставила 10 мюзиклов и в каждый, по ее словам, вложила какое-то философское послание. Думаю, что если провести опрос курса, то интересных судеб будет гораздо больше, ведь наше философское образование давало прекрасную стартовую площадку в любой сфере деятельности, так или иначе связанной с мышлением.

Мой собственный постсоветский опыт был целиком связан с моей специальностью, выбранной еще в студенческие годы. В Индию я впервые попала как турист в 1990 году, работая в издательстве «Большая советская энциклопедия» на самом излете советской эпохи. Брать меня не хотели из-за отсутствия необходимого профсоюзного стажа, но Наум Моисеевич Ланда, мой начальник, пошел к директору издательства и потребовал, чтобы меня как единственного специалиста по Индии включили в эту группу. За 25 дней мы побывали в пяти странах: Индии, Непале, Таиланде, Сингапуре и Малайзии. Волею судьбы я впервые познакомилась с достижениями суперсовременной западной цивилизации не на Западе (поездка во Францию состоялась только в 1993 году), а на Востоке – в Сингапуре и Малайзии. Это был настоящий шок: небоскребы, утопающие в зелени и цветах, электронные ключи в гостинице, футуристические многоэтажные дорожные развязки, идеальная чистота. Такое мы видели только в фильмах о далеком будущем.

С нами в группе были «блатные»: племянница Брежнева Галина и сын всесильного тогда министра среднего машиностроения (имени не помню, но его помятая физиономия изобличала явное пристрастие к алкоголю) со своим личным гидом и переводчиком. Они подчеркнуто держались от нас на дистанции и всячески выражали свое презрение, особенно по поводу натурального товарообмена, которым многим из нашей группы приходилось там заниматься. Нам поменяли всего по 50 долларов на человека[18], они же даже не прятали свои пачки долларов. Поездка была сказочная, и жили мы в таких условиях, которые и представить себе не могли по опыту своей советской жизни.

Мой первый самостоятельный выезд в Индию в 1991 году на конференцию, организованную американским журналом «Философия Востока и Запада», был отягощен наследием советских времен. В индийском посольстве знали только «выездных» индологов, я же в качестве индолога им была неизвестна, поэтому надо мной издевались по полной программе (три дня я ходила в посольство как на работу, а меня просто «отфутболивали», ночами я безуспешно пыталась дозвониться до организаторов конференции). Мой самолет уже улетел, когда в ситуацию вмешался знакомый индиец, после его разговора с послом мне сразу дали визу. В самой Индии тоже всё было непросто: из-за трехдневной задержки с визой я добралась до конференции только в последний день. Моя ситуация была настолько неопределенной и тревожной (пришлось продлевать визу, тайно выселиться из гостиницы из-за отсутствия денег и искать жилье самостоятельно[19]), что я напрочь потеряла сон и существовала «в автоматическом режиме». В этом состоянии я случайно выбросила в мусорную корзину свой обратный билет в Москву. Потом мне пришлось взять такси и на последние деньги ехать в другой конец Дели, чтобы забрать его. После этого опыта я 15 лет боялась ездить в Индию.

[18] В те времена рядовым гражданам иметь валюту было запрещено.

[19] К счастью, я случайно встретила в Дели своих университетских индийских друзей, которые только что вернулись в Индию после многолетней работы на Западе и в Канаде (это был знаменитый ныне индийский астрофизик Варун Сахни и его жена Рохини, профессор экономики). Они еще не успели обзавестись собственным жильем, поэтому пригласили меня сначала к своим родителям (отец Варуна – знаменитый индийский писатель Бхишам Сахни), а потом и к сестре Варуна – известной русистке Кальпане Сахни. В этой замечательной семье, которая сердечно пригрела меня, русский был одним из языков общения.

Но всё же эта первая самостоятельная поездка была очень важной. В Дели я встретила Вильгельма Хальбфасса, самого выдающегося философа-индолога конца XX века, с которым была уже знакома по переписке. Это отдельная история.

В советское время я подрабатывала рефератами и рецензиями на разные иностранные издания (статьи и книги). Однажды в издательстве «Прогресс» мне дали на рецензию книгу Хальбфасса «Индия и Европа: перспективы их духовной встречи»[20]. Мое восхищение этой книгой отразилось в рецензии, которая была отвергнута из-за отсутствия критики «буржуазной» концепции автора. Тогда я опубликовала ее в журнале «Народы Азии и Африки». Оттиск этой рецензии я послала Хальфассу с оказией в Берлин. В этот момент он жил там по стипендии Берлинской научной коллегии. Каково же было мое удивление, когда при нашей встрече в Индии он рассказал, что ознакомился с содержанием рецензии благодаря переводу композитора Альфреда Шнитке, его соседа по общежитию в Берлине! Хальбфасс пригласил меня на стажировку к себе, в Пенсильванский университет, но из-за войны в Персидском заливе университет отменил мою стипендию. С Хальбфассом я встретилась через четыре года в Вене, где мы общались в течение двух недель. К сожалению, он скоропостижно скончался от инфаркта в 2000 году, едва достигнув 60 лет. Как странно, два главных моих философских авторитета умирают в 60 лет, а я, пишущая эти строки, уже старше их.

С 2005 года я начала ездить в Индию регулярно, практически каждый год, и работать с местными индийскими учеными (пандитами) над переводом санскритских текстов, в основном по проблемам восприятия. После вайшешики я занялась индийской философией грамматики (вьякарана), потом открыла для себя буддизм, прежде всего ранний, потом от буддийской эпистемологии перешла к проблемам восприятия в более общем контексте индийской философии. Эта последняя тема сблизила меня, с одной стороны, с буддистами, с другой – с российскими нейроучеными. Я приняла участие в организации и проведении двух встреч и конференций между российскими учеными и философами, с одной стороны, и Далай-ламой и буддийскими монахами – с другой[21].

Помимо Франции и Индии, куда меня звали «приглашенным профессором», я побывала «по индологической линии» на стажировках в Англии (была стипендиатом фонда Велкома), Голландии (как стипендиат фонда Гонды) и Австрии (как стипендиат фонда Смит Хо фэмили). Индия (я имею в виду индологические конференции) привела меня и в другие страны: Литву, Латвию, Германию, Польшу, Финляндию и даже Австралию.

Однако самый интересный постсоветский философский опыт произошел со мной именно в России. С 2006 по 2015 год мне выпало счастье работать в уникальном коллективе, созданном академиком Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, – Русской антропологической школе при РГГУ. Это был междисциплинарный коллектив, объединивший филологов, лингвистов, психологов и философов. Скрещивание разных дисциплинарных перспектив на одной теме показалось мне чрезвычайно плодотворным прежде всего своей эвристической потенцией – возможностью посмотреть на предмет своего исследования со стороны, со «смотровой площадки» разных специальностей. Вместе с Вячеславом Всеволодовичем мы реализовали в РАШ два проекта – круглый стол по проблемам восприятия: Восток – Запад, и конференцию по атомизму. Позднее Вячеслав Всеволодович принял самое активное участие в проекте «Атомизм и мировая культура», поддержанном РГНФ.

Когда в РАШ была открыта магистратура, я придумала и много лет читала спецкурс по «Основам ксенологии», в котором знакомила магистрантов с конструкцией «чужого» в истории отношения к Индии на разных стадиях развития европейской цивилизации. Более заин-

[20] См.: Halbfass 1981. Позднее книга вышла в английском переводе, который получил гораздо большее распространение: Halbfass 1988.

[21] Материалы первой конференции были опубликованы в журнале «Философские науки». 2018. № 3.

тересованных и внимательных слушателей у меня никогда не было. Магистратура РАШ, возможность учиться у наших ярких преподавателей[22], а особенно у самого Вячеслава Всеволодовича, лекции которого были глубоким потрясением для каждого, кто их слушал, привлекала очень интересную, талантливую молодежь. Это были люди, некоторые из них уже со степенью кандидатов наук, поступившие в РАШ не для «корочки», а для собственного интеллектуального развития. Многие наши выпускники уехали за границу, не найдя своего места в стране. Русская антропологическая школа, как и другие оригинальные институты при РГГУ, созданные при ректорстве Юрия Афанасьева, была закрыта при «оптимизации» этого вуза.

Мы живем в уникальное время – эпоху глубоких тектонических цивилизационных сдвигов. То, что происходит в нашей стране при несменяемой уже 20 лет власти, на мой взгляд, демонстрирует миру сценарий «тупикового пути», но, увы, это не единственный в мире «тупик»… Большинство стран, в той или иной мере, переживают культурный или цивилизационный кризис, вызванный или, точнее, проявленный пандемией. Какими они выйдут из него? Ясно, что послековидный мир не будет прежним: произойдет ли изоляция, капсулирование существующих государственных образований или возникнут какие-то новые, более прозрачные структуры? Сумеет ли человечество удержаться от саморазрушительных войн? В такой поворотный для всей земной цивилизации момент возрастает роль философии. Почему? Поскольку важно не потерять из виду уровень высших антропологических, гуманистических ценностей, не скатиться к логике «выживания» существующих государств любой человеческой ценой! Осмыслить прошлое и извлечь из него уроки для настоящего становится как никогда насущной задачей. Но чтобы эту задачу выполнить, философия не должна быть цивилизационно или культурно ангажированной – то есть западной, восточной, русской, французской и т. п.… Ее единственным условием, ее «воздухом», может быть только свобода – внутренняя свобода философа, его открытость всему миру философских смыслов – в пределах и за пределами горизонтов его собственной культуры… По моему мнению, будущее философии – это межкультурная философия.

Бибихин В.В. 1985. Письмо в редакцию «Вестника Московского университета». – *Сайт Владимира Бибихина*. – Доступно: http://bibikhin.ru/pismo_v_redaktsiu_vestnika_moskovskogo_universiteta. – Проверено: 12.11.2022.

Гордон… б/г. Гордон – Диалоги: Мышление о мышлении. – *Видеохостинг Youtube*. – Доступно: https://www.youtube.com/watch?v=W85EBJc4Ajc. – Проверено: 12.11.2022.

Лысенко В.Г. 2006. Октябрина Федоровна Волкова (23.01.1926-22.10.1988). – *Smaranam: Памяти Октябрины Федоровны Волковой*. – М.: Восточная литература. – С. 4–14.

Малиновский П.В. б/г. Малиновский Павел Владимирович. – *Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»*. –Доступно: https://www.fondgp.ru/mmk/persons/малиновский-павел-владимирович/. – Проверено: 12.11.2022.

Halbfass W. 1981. *Indien und Europa: Perspektiven ihrer geistigen Begegnung*. – Basel; Stuttgart: Schwabe Verlag.

Halbfass W. 1988. *India and Europe: An Essay in Understanding*. – Albany, NY: State University of New York Press.

[22] Таких, например, как философы Олег Аронсон, Елена Петровская, Юлия Синеокая, историки Евгений Пчелов, Екатерина Болтунова, психолог Александр Сосланд, блестящий философ античности Ирина Протопопова, историк средневековой философии Константин Бандуровский, культуролог Наталья Полтавцева, историк Андрей Олейников, полонист Алексей Васильев и др.

МОИ 1970-е[1]

В.К. Шохин
Институт философии РАН

Аннотация: *Автор делится личными впечатлениями об обстановке философского факультета МГУ 1970-х годов, выделяет такие знаковые фигуры, как А.М. Пятигорский, В.С. Семенцов, О.Ф. Волкова, С.С. Аверинцев. Подвергается критике расхожее представление об этой эпохе как об эпохе застоя: в официальной государственной идеологии наблюдался не застой, а распад, а в гуманитарном знании – не застой, а расцвет. Затрагиваются и такие темы, как условия, при которых можно говорить уже о философском поколении или только еще об определенной атмосфере в среде тех, кто занимается философией или изучает ее, а также осмысляются причины того, почему в современном российском философском сообществе в целом очень дистантное отношение к аналитической традиции и гораздо более рецептивное к различной «постметафизике».*

Ключевые слова: *философия, философское поколение, идеология, советское общество, гуманитарное знание, индология, санскрит, религия, консерватизм, революционаризм.*

– Что для Вас означает понятие «философское поколение», каковы, на Ваш взгляд, его критерии?

– Здесь, как и во всех вопросах, предполагающих сколько-нибудь рациональный ответ, целесообразно обратиться к рациональным же процедурам. Самая известная из них – когда хотят что-то определить или, по крайней мере, параметризировать (сейчас не любят давать определения, это слишком ответственно), то обсуждаемый экземпляр возводят к виду и далее к роду. А потому и «философское поколение» следует считать разновидностью «поколения» как такового. Это предмет социологии, и первым, кто его тематизировал, притом с философским уклоном, был известный немецко-американский социолог Карл Маннгейм (он иногда считается родоначальником социологии знания). В 1928 году появилась его статья «Проблема поколения», но только после ее перевода на английский в 1952 году его идеи стали оцениваться и начали образовывать дискуссионное поле. Маннгейм разрабатывал теорию социального изменения. Но в чем же состояла его философская концептуальность? В том, что он не редуцировал поколения к простым биологическо-социальным популяциям (и четко высказался по этому поводу), но считал, что для того, чтобы та или иная человеческая генерация была поколением, она должна быть причастной и к определенному «эйдосу». Он активно использовал популярный термин Gestalt и сам ввел понятие социальной энтелехии.

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Шохин В.К. Мои 1970-е. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 540–552.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.103112

Группа, которая опирается в своей самоидентификации на определенные исторические события (перемены) и способна направлять приоритеты общества, должна быть конкурентоспособна и для выработки «духа времени» (Zeitgeist). Маннгейма неоднократно корректировали, предлагали собственные критерии поколения, так была запущена целая теория поколения (generation theory).

Мне бы для ответа на этот вопрос вполне хватило бы только что изложенного подхода. Генерация индивидов, занимающихся философией, тех, кто учит ей и учит ее, могла бы считаться в определенном смысле философским поколением (это словосочетание представляется менее самоочевидным, чем, например, поколение политиков, журналистов, менеджеров и т. д.), если можно было бы выявить ее энтелехию, соотнести ее приоритеты с определенными событиями и идеалами, удостовериться в ее способности формировать (или хотя бы оформлять) «дух времени». То, что мне приходит в голову сразу – это не только философское, но и философское, несомненно, направление ранних («йенских») романтиков. Как писал их подробнейший летописец Рудольф Гайм (хороший фолиант – он меньше писать не умел – «Романтическая школа», 1870), три приоритета направляли ценности братьев Шлегелей и тех, кем они очень быстро в 1790-е «обрастали» (а тут, не забудем, не только Тик и Гёльдерлин с Новалисом, но и Шлейермахер с Шеллингом): Французская революция, «Наукоучение» Фихте и «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте. Была тут и «смена энтелехий»: все они начинали с инфантильного (я бы сказал – и патетическо-навязчивого) культа греков, а многие завершали обращением к мистическому, а то и к более-менее ортодоксальному религиозному средневековью (которое мыслилось и как эстетическая, и как политическая парадигма, например во «влюбленном монархизме» Новалиса). Ну а то, что влияние романтиков на «дух времени» было очень значительным, не стоит даже и уточнять. Разумеется, можно говорить и о философских поколениях в более узком смысле, например о поколениях кантианцев или аналитических философов, что очень удобно для периодизации и инвентаризации философских достижений. Здесь присутствуют и «энтелехии», а не просто лица, объединяемые публикациями в общих журналах. В центре внимания проблема того, чем, собственно, должна заниматься философия, дабы иметь свой домен, не сводимый к таковым частных наук. Баденцы стояли на том, что таковым является область ценностного, противопоставляемая фактическому, аналитики первой половины XX века – на том, что философия должна «сидеть на диете» и брать на себя метанаучные функции (заниматься сущностью и границами научного языка) и металингвистические (критика естественного языка). Если же нет ни энтелехий, ни канонизированных приоритетов, ни влияния на «дух времени», то можно говорить самое большее о философской атмосфере определенного хронологического отрезка.

– Какие события в социальной и интеллектуальной действительности времен Вашей юности определили Ваш путь в философию?

– События скорее «внутренней действительности». И тогда надо начинать прямо с детства. Мой отец, Кирилл Владимирович Шохин (1923–1965), был философом и преподавал философию в ГИТИСе. Он был одним из первых, кто занимался древнерусской эстетикой, но круг его увлечений и занятий был шире. Он мне охотно рассказывал о философской педагогике Локка, опираясь на его знаменитый трактат о воспитании джентльмена. Помимо этого он содействовал моему интересу к политэкономии Адама Смита. Вообще я как-то воспитывался в семье немножко в духе англомании отечественной словесности ее золотого века. К сожалению, из меня, как из многих детей советского времени, пытались делать вундеркинда, заставляя много декламировать перед гостями. Не без поощрения отца я с большим удовольствием зачитывал те строфы из «Евгения Онегина», где Евгений «Бранил Гомера, Феокрита; / Зато читал Адама Смита / И был глубокий эконом, / То есть умел судить о том, /

Как государство богатеет…», а также монолог Репетилова из «Горя от ума», где описываются и члены Английского клуба. Но если Грибоедов писал о них однозначно иронически, я воспринимал атрибутику этих героев («Век с англичанами, вся английская складка, / И так же он сквозь зубы говорит / И так же коротко обстрижен для порядка…») как нечто совершенно положительное. Меня даже (как «специалиста» по Смиту) познакомили с профессиональным политэкономом, который, конечно, поощрял меня заниматься этим дальше. Вообще у отца в библиотеке была неплохая по тем скудным временам философская библиотека, в частности «Наука логики» Гегеля. Меня там завораживала самостоятельная жизнь понятий, и я, конечно, далеко не все понимал и из-за этого расстраивался (если бы я в те времена был знаком с мнением Шопенгауэра о Гегеле, я бы знал, что дело не только в моей умственной незрелости, но и в том, что сам автор отнюдь не всегда хотел быть понятным). Разумеется, мой интерес к философии был очень поверхностным, но весьма упорным, и когда мне пошла пора после школы выбирать дальнейшую стезю, вопрос о том, куда идти, был для меня риторическим. Помимо того что я сохранил детский интерес к англичанам, я усердно конспектировал «Круг чтения» Л.Н. Толстого, с которого начался мой интерес к религиозной мысли и, может быть, уже тогда к Востоку, так как я убедился из его выписок, что мудрость браминов и Будды была никак не менее глубокой, чем Сенеки, Эпиктета и других философов, имена которых мне кое о чем говорили.

Но вот когда я начал сдавать вступительные экзамены на философский факультет МГУ в 1968 году, мое детское «вундеркиндство» меня подвело. Вытянув билет по истории, в котором был первый вопрос о монголо-татарском нашествии, я решил показать эрудицию и заметил по ходу дела, что тогда в Китае правила династия Сун. Экзаментор меня «тут же поставил на место» тем, что то была скорее династия Тан, и посоветовал впредь не выступать со своими познаниями, если я в них не уверен. Много позже я проверил и убедился в том, что прав-то был я, а не он, но дело было сделано. Мне не хватило балла для поступления на дневное отделение и два года пришлось учиться на вечернем. Все попытки перейти туда раньше ничем не закончились, и их, кажется, завершил тогдашний замдекана П.С. Шкуринов, который меня предупредил, что такого рода «телодвижения» могут меня привести и в ряды Советской армии, что меня (хотя не совсем понятна здесь была связь причин и следствий) и «успокоило». На дневное отделение я попал только в самом начале 1970-х. Мест на самой элитной кафедре – кафедре истории зарубежной философии (ИЗФ) – уже не было, и мне пришлось выбирать между эстетикой и этикой, из которых я предпочел вторую.

– Чем проблемное поле философии семидесятников отличается от проблемного поля шестидесятников?

– А вот на этот вопрос мне ответить трудно. Он, собственно, является частью более общего: можно ли говорить вообще о поколении философов-«семидесятников» как о некоем историческом поколении, которое отличалось от предыдущего? Я уже говорил, что для меня является критерием наличия философского поколения. Энтелехий я не заметил (это не значит, что их не было – просто я, может быть, их не фиксирую), влияния на «дух времени» также, а вот что касается приоритетов, то если говорить о студентах философского факультета, то я бы скорее ответил так, что они представляли собой достаточно плюралистичную картину и этим, вероятно, отличались от «шестидесятников». Были студенты, которые следовали за наиболее «верующими» профессорами, такими, которые цитировали классиков марксизма-ленинизма наизусть (как лютеране – Писание), восхищались отечественной послеоктябрьской историей, разоблачали религию и космополитизм. Антропологические представления этих профессоров и их студентов были одноэтажными. Достаточно сказать, что немалой популярностью пользовался учебник Ю.К. Плетникова «О природе социальной формы движения» – так небогато определялся человек (учебник был премирован

в 1971 году). Мне довелось еще застать преподавательницу с кафедры исторического материализма, которая на семинарских занятиях (по базису и надстройке) настаивала на том, что любая наука, даже математика, была, есть и будет классовой, и брала на заметку тех студентов, которые в этом как-то сомневались. При этом среди них (как преподавателей, так и студентов) были те, что считали сталинизм органическим, а потому и совершенно законным, правильным развитием ленинизма, и те, кто видел в нем нарушение так называемых ленинских норм. Были и те, правда очень немногочисленные, кто относился к социалистической действительности настолько всерьез, что ломали себе голову над тем, как саму эту действительность исправить до соответствия истинному «эйдосу» социализма (как, скажем, сделать общенародную собственность подлинно народной из партийно-элитной – за что были поставлены на заметку). Большинство из них специализировались в том, что сейчас называется социальной философией. Были и те, кто занимался «теоретической философией», например пытаясь восполнить диамат из недовостребованных ресурсов гегелевской диалектики и аристотелевской логики. Были и другие – те, кто искал возможность избавиться от идеологического бремени и сосредотачивался на сильной кафедре логики (на диамате было направление философии естественных наук). О том, что кафедра ИЗФ была элитной, я уже говорил. Здесь были студенты, увлекавшиеся философией Хайдеггера, Кассирера, французским экзистенциализмом, не говоря уже об античности (отмечу по ходу дела, что по крайней мере с 2000-х, после окончательного завершения периода идеологического давления, она уже не была такой искомой). Были и студенты кафедры отечественной философии, увлекавшиеся Достоевским, Соловьевым и Бердяевым (хотя это не поощрялось). Кафедра этики, на которую я попал, была менее престижной, но и здесь студенты имели возможность последовать за разными преподавателями. Так, В.Ф. Зыбковец, основной специалист по происхождению морали, отстаивал безумный тезис о том, что этика исторически первична по отношению к религии (скорее всего, он представлял себе древнейшего человека в виде философа-кантианца или фихтеанца), тогда как к А.А. Гусейнову приходили те, кто интересовался императивами у Канта, философией ненасилия Махатмы Ганди (как я), да и вообще разного рода «абстрактным гуманизмом».

– Кого Вы считаете своими учителями? Общение с кем было определяющим? Кто из Вашего философского поколения повлиял на Вас больше всего? Кем из Ваших учеников Вы гордитесь?

– Прежде чем обратиться к «учителям», хотелось бы еще ненадолго задержаться на факультете, так как мои «учителя» к нему имели лишь весьма опосредованное отношение. Так вот, всё из той же элитной тогда кафедры ИЗФ, где читали лекции некоторые интересные и эрудированные люди, мне удалось еще застать В.Ф. Асмуса (уже, правда, довольно усталого), который читал философию Нового времени; твердые знания в нас внедрял Г.Е. Майоров; да и А.Н. Чанышев по-своему вдохновенно читал древнюю философию, в которой он отдавал предпочтение индийской (недаром он был поклонником Шопенгауэра), и немного юродствовал в своем стиле, зная, что это производит эффект. Но больше мне запомнился А.С. Богомолов, читавший экзистенциализм Хайдеггера: после одной из его лекций я, во всяком случае, твердо усвоил, что «Смерть Ивана Ильича» Толстого является одним из самых выдающихся экзистенциалистских текстов. Вообще это была личность героическая, исходя уже из того, с каким мужеством (вероятно и как бывший летчик) он переносил тяжелую болезнь, безвременно унесшую его в мир иной, и какая мощь от него исходила (недаром партком факультета заблокировал его выборы в деканы). Помню, кстати, как одна простая душа на факультете восхищалась тем, что он читает американских философов… в подлиннике.

И все же более всего я благодарен той кафедре за то, что в 1970-е годы она приглашала читать еженедельные лекции по индийской философии Александра Моисеевича Пятигорско-

го (1929–2009), выпускника, отмечу, того же философского факультета. Поточная аудитория была полна, человек почти с одним глазом, бабочкой вместо галстука и трубкой проходил ее у доски десятки раз за пару, а слова его, произносимые, казалось бы, только в воздух, захватывали внимание. Я был уверен тогда в том, что великий йогин Арада Калама, первый учитель будущего Будды, о котором он вдохновенно рассказывал, что тот во время медитации не заметил 500 промчавшихся мимо него повозок, должен был выглядеть в точности как Александр Моисеевич (только за вычетом бабочки), а когда он рассказывал о том, как сознание героя Арджуны было «йогизировано» одним только присутствием Кришны перед битвой при Курукшетре (чему и была посвящена знаменитая «Бхагавадгита»), мне казалось, что я вижу, как весной распускается множество цветов, хотя на дворе стояла зима. Да и о самой йоге он говорил твердо и ясно: он дал ей апофатическую дефиницию, предупредив, что люди, привыкшие к европейским ассоциациям, не могут представить себе что это такое, а именно, что йога – это не Шеллинг, не Шопенгауэр и не Чаадаев, а только сама йога, целью которой является «успокоение флюктуаций сознания» (я до сих пор так и перевожу вводную сутру из «Йога-сутр» Патанджали). То, что он рассказывал, было настолько необычно и держался он настолько свободно, что едва ли не после второй лекции я незаметно оказался совершенно инфицированным индийской философией. И далеко не только я. Разница лишь в том, что если большинство слышавших его лишь обогатились философскими впечатлениями, я и несколько других студентов решили с тем, что они слышали, связать и свою судьбу, начав изучать санскрит, что также является однозначной заслугой все той же кафедры.

В результате образовалась небольшая санскритская группа, прослушавшая осенне-весенне-осенний курс 1971–1972 годов у Татьяны Яковлевны Елизаренковой в Институте стран Азии и Африки при МГУ. Она прошла с нами курс грамматики по знаменитому учебнику Г. Бюлера, подготовив нас к чтению текстов, которое мы начали уже с другим учителем. Так я, Виктория Лысенко, Наталья Исаева и Владимир Танчук оказались в Институте востоковедения у Всеволода Сергеевича Семенцова (1941–1986), который не стал проверять, как мы знаем склонения и спряжения (я их знал, вероятно, хуже, чем другие, еще и потому, что никак не мог понять значимость их изучения вне чтения текстов), а так и сел читать с нами свою любимую «Бхагавадгиту» (комментарии к которой он изучал и в Индии под руководством местных традиционных ученых-пандитов), а грамматика, пройденная и непройденная, усваивалась нами по ходу чтения. И тут мы прочувствовали, что такое «настоящая Индия».

Семенцов, собственно, и был единственным человеком, которого я мог бы назвать своим учителем в двух смыслах. Во-первых, в плане специализации: он был фактическим руководителем моей дипломной работы «Дхарма царя в “Панчатантре”» (1974), и опыт работы с ним был в значительном смысле учтен и в моей кандидатской диссертации «Источниковедческие проблемы истории санкхьи: древнейший период» (1981). А во-вторых, и это главное, в смысле духовной авторитетности. Наши отношения с ним отчасти напоминали отношения «искателя» и «старца» в христианской письменности, особенно на начальных стадиях нашего общения, всё в те же 1970-е годы. То он мне что-то говорил после чтения санскритского текста, то по другому поводу, и между этими «речениями» проходило иногда больше месяца. С теми из них, которые, на мой взгляд, могут быть полезны и для современного читателя, я и хочу немного поделиться.

Вначале он мою острую реакцию на «презентацию» Пятигорским общения Арджуны с Кришной (о ней выше) определил как религиозность – внутреннюю способность души, которая типологически сопоставима с музыкальностью (он сам был пианист по своему начальному образованию, до того как стал индологом) и которая дается человеку изначально. Это важно учесть для понимания того, что с людьми, у которых данное чувство находится в спя-

щем состоянии, говорить о религии или тем более спорить о ней бесполезно – как доказывать тому, кто, допустим, не воспринимает классическую музыку, ее совершенство. Далее, он стал наносить завершающие удары по моему юношескому «вундеркиндству»: когда я не без кокетства замечал, что не совсем доволен своей дипломной работой или статьей (публиковаться я начал в те же 1970-е), он выливал на меня ледяную воду, отмечая, что еще не хватало того, чтобы я был доволен тем, что сделал… Это тоже очень актуально для настоящего времени, когда молодые люди почти поголовно исходят из презумпции собственной гениальности и считают себя подарками для всех, кто с ними работает. Семенцов мне иронически замечал, что если эта гениальность у меня каким-то образом даже и есть, то мысль о ней лет до 40 означает лишь то, что меня диавол искушает, так как мне и при ее наличии совершенно нечего с ней делать, пока я не стану хорошим «ремесленником». Наконец, он, сам пройдя искушение серьезным увлечением восточными религиями, твердо констатировал, что мы не можем по самому своему ментально-культурному складу обращаться в них всерьез, ибо все корни у нас совсем другие. Это повлияло на мое обращение в христианство после романтических колебаний между буддизмом и индуизмом, которое также наступило в самом конце тех же 1970-х. Но также и на скептическое отношение к возможности «научной интериоризации» инокультурных традиций, позволяя балансировать, при константном интересе к индийской мысли, в пределах рационального универсализма и не пытаясь, исследуя ее, «становиться индийцем». Это очень облегчило мне в будущем собственно научное ее изучение.

В том же 1979 году, когда со мной происходили определяющие «духовные события», состоялась и первая моя поездка за границу – на международный конгресс по санскритологии в Берлине, об организации которой нельзя не рассказать, так как те, кто не застал это время, пожалуй, сейчас и не поверят, что такое было возможно. Большинство наших делегатов, как и я, проходили беседу в Институте востоковедения АН СССР (в который я поступил сразу по окончании МГУ в 1974 году). Семенцова, кажется, на этом собеседовании не было, так как он не считал себя связанным обязательствами с партийными чиновниками. И вот во время этого инструктажа «куратор поездки» (которому нас представил «освобожденный секретарь») предупредил, чтобы во время конгресса, во избежание «провокаций», мы старались не общаться с иностранцами. Один из нас тихонько задал вполне рациональный вопрос о том, зачем же мы тогда туда едем как не за этим, на что последовал ответ: «Кто спросил?!» Разлилось молчание, он спросил снова, и на повторное молчание был ответ: «Вот так-то лучше!» Но это было еще не всё. Надо было проходить собеседование в райкоме партии. Секретарь комсомольской организации института собрал молодых людей и просил не подводить институт, а хорошо подготовиться, например выучить, сколько орденов к этому времени получил комсомол ГДР (и за что). Он оказался «провидцем»: в райкоме меня (и не только) спрашивали и об этом, но также и о том (то был самый сложный для ответа вопрос), подал ли я хотя бы заявление о приеме в партию (если мне доверено участвовать в таком значительном мероприятии), а когда выяснилось, что не подал, то почему. После того как я «провалился», в институте пришлось оправдываться, почему я не выучил хотя бы один орден комсомола ГДР, но каким-то образом меня всё-таки пустили. В Берлине, правда, все «как с цепи сорвались», а Семенцов «перекрыл» всех: он не просто общался с иностранцами, но даже взял на себя (о ужас!) переводческое посредничество между англо- и франкоговорящими (Бог наделил его «даром языков» наряду с прочими) и даже пил пиво с местными протестантскими пасторами (дальше чего идти было, конечно, по тем временам уже просто некуда). И, видимо, только то, что это был уже «период лености», такое сходило с рук.

Как я говорил уже, только одного человека я могу считать своим учителем без оговорок. Но это не значит, что у меня не было встреч с другими яркими людьми.

К ним бесспорно принадлежала Октябрина Федоровна Волкова (1926–1988), с которой наша крепкая санскритская группа продолжила чтение текстов после Семенцова. То была личность неповторимая своими глубочайшими интуициями в санскритской литературе (которые она материализовала лишь в нескольких всего научных публикациях), а ее квартира на первом этаже на улице Вавилова, где всегда стоял плотнейший табачный дым и жили огромные собаки, была центром притяжения для жаждавших мудрости Востока. Притянутый обаянием ее ума, я, однако, не мог уже испытать ее духовное влияние: она была практиковавшей буддисткой, а я к тому времени в своих духовных поисках уже переопределился (об этом выше), о чем она очень сожалела, беспокоясь, как бы я не растратил тщательно собранный мною духовный капитал в предыдущих рождениях.

Но мне довелось немного общаться и с таким уникумом, как Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004). Уникальность его заключалась в констелляции всесторонней эрудиции, поразительной гуманитарной культуры, литературного дара, проницательного философско-богословского разума и очень острого и цепкого практического ума. Это сочетание гофмановского студента Ансельма и фольклорного Райнеке-Лиса производило очень сильное впечатление, а проницательнейший взгляд из-под очков вкупе с неизменным и очень характерным грассированием довершал дело. Я застал один связанный с ним комический эпизод, кажется уже начала 1980-х. Когда его пригласили в Институт востоковедения на лекцию, институтский комсомольский секретарь (уже не тот, который краснел за мое невежество в истории комсомола ГДР, а, как ни удивительно, крупный ученый-лингвист) предупредил аудиторию, чтобы она отнеслась к Аверинцеву осторожно. Ведь, с одной стороны, он лауреат премии Ленинского комсомола (за книжку «Плутарх и античная биография»), а с другой – верующий… Секретарь не говорил, чтобы с ним не вступали в контакт, но со вздохом отмечал, что положение складывается очень непростое и надо проявлять осторожность… Аверинцев был явлением эпохи. На его статьях для знаменитого «диссидентского» пятого тома пятитомной «Философской энциклопедии» (1970) воспитывалось не одно поколение чаявших мысли, а на его лекциях народ стоял и сидел в проходах (помню, например, толпу в ГМИИ). Он изобрел свою форму изложения богословия в эпоху официального атеизма – в виде сравнительно-культурологических опусов (например, при сопоставлении литературных стилей Греции и Израиля), и нам только в настоящее время может показаться, что то было чем-то само собой разумеющимся. У него было много завистников, и многих он, конечно, не устраивал. Маленький эпизод, но как сейчас помню, в серии передач «Философские беседы с академиком И.Т. Фроловым» (1986–1989) М.К. Мамардашвили был крайне недоволен тем, что пригласили и Аверинцева, так как «тихая речь филолога» нарушала его «сартровские права» в элитной философской тусовке.

Что же касается моих учеников, то я бы выделил среди них Рузану Владимировну Псху, которая занималась под моим руководством вишнуитской ведантой, а также Игоря Александровича Кошелева, написавшего диссертацию по естественной теологии Роберта Бойля и других английских религиозных философов XVII–XVIII веков (я не называю всех тех, кто просто что-то писал или пишет под моим руководством). Моя «руководительская стратегия» сводится к предположению о том, что людей следует усердно учить, но только тому, чему учить можно. А это и есть как раз та ремесленная деятельность, которой требовал от меня мой учитель. Это значит, что начинающий гуманитарий обязан владеть прежде всего литературой по своему предмету в максимальном объеме, уметь на нее правильно ссылаться (почему-то эта наука осваивается очень тяжело) и отделять собственные мысли от таковых изучаемого автора и тех, кто о нем писал. А дальше должны идти требования к работе с первоисточниками, умению ставить проблемы и делать выводы. А вот какие это уже будут вы-

воды, есть дело только ученика, а не учителя, если он, конечно, не хочет брать на себя функцию гуру.

Прощаясь теперь с эпохой 1970-х, хочу заметить, что она часто превратно идентифицируется. Так, неправильно называть ее эпохой застоя, поскольку не конкретизируется, о застое в чем конкретно идет речь. Действительно, не было никакой политической конкуренции и никакой ответственности власти перед народом, как и реального разделения самих властей (исполнительной, законодательной, судебной), чего нет и сейчас (потому мы имеем дело с очевидной континуальностью), как не было и стремления и развивать экономику страны в направлении не только военно-сырьевом (снова континуальность). Но приведенные мною выше примеры **идеологического идиотизма** (их можно было бы и множить) свидетельствовали не о застое, а о глубокой дегенерации моноидеологической системы страны, которая становилась все более не соответствующей сознанию большинства людей. Что же касается гуманитарной культуры, то здесь не может идти речи ни о каком застое, но скорее уже о ее расцвете. И это касается не только творческих индивидуальностей в гуманитарной науке (которых в настоящее время несопоставимо меньше) – достаточно упомянуть одну только московско-тартускую школу семиотических исследований, в которую входили Ю.М. Лотман, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров, Б.А. Успенский, Б.Л. Огибенин, тот же Пятигорский и многие другие. Но то же можно сказать и об общем «производстве культуры» – в области образования, организации науки, в составлении словарей, энциклопедий, учебников по иностранным языкам, атласов и чего угодно. Никакого застоя не было и в религиозной жизни: была уже скорее духовная весна, и люди приходили к религии в подавляющем большинстве исходя из внутренних мотиваций (тогда как немало тех, кто сейчас занимает хорошие церковные позиции, в те годы прекрасно делали бы комсомольско-партийную карьеру), а не из прагматическо-корпоративных, которые неотделимы от процесса огосударствления института церкви (акцентирую, что Церковь не сводится к институту). Правда, те же московско-тартуские «семиотики» в той или иной мере стояли в оппозиции к политическому режиму, а диссиденты церковные (которых сейчас уже практически нет) – и к идеологическому, но сама возможность стоять в оппозиции также дорогого стоит. И потому когда говорится, что всё хорошее тогда «делалось вопреки», то этого «вопреки» оказывается слишком много, чтобы считать саму среду сопротивления этому хорошему чистым негативом. А то, что безусловно относилось к негативу, правильнее понимать и в терминах гегелевской «хитрости мирового разума» (как он называл по-философски Провидение). Разумеется, несопоставимы «технические показатели» той эпохи и современной эпохи трансляции и хранения информации средствами электроники, но культура и цивилизация – понятия хотя и близкие, но не синонимические.

– Как Вы пришли к занятиям философией религии?

– Прежде всего вследствие внутренних потребностей. Я уже говорил о том, что религиями я стал интересоваться еще с юности – после «Круга чтения» Толстого, а далее получил сильный импульс от лекций Пятигорского. Затем занятия индологией стали для меня определяющими, поскольку вели и к выбору религии в рамках индийских традиций. Однако после прочтения «Трех разговоров» Соловьева моя вера в то, что именно среди индийских религий мне следует ограничить свои поиски, пошатнулась, а там и «вердикт» Семенцова, о котором я также рассказал, упал на уже отчасти подготовленную почву. Когда же я смог заниматься индийскими реалиями уже с дистанции, меня всё более стало увлекать сравнение религий. А вот решающий импульс извне пришелся на 2005 год, когда после кончины Л.Н. Митрохина Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов очень настойчиво предложил мне возглавить сектор философии религии в Институте философии. Институт наш всегда относился к религии дистанцированно, а потому и от меня хотели, мне кажется, всё-таки немного, так сказать, ра-

зумно-формального отношения к моим новым обязанностям – даже предлагалось сохранить прежнее название сектора культуры и религии, но это противоречило бы самой моей «неформальной натуре» – недаром я не один раз отказывался от этого предложения. Я отнесся к своему назначению в своем духе: счел своей обязанностью всерьез начать штудии по философии религии как философской дисциплине, то есть по ее предмету, методу и истории. Без раскачки я решил начать и издательскую деятельность. Когда в 2006 году в институт приехали такие видные представители «Общества христианских философов», как Ричард Суинберн и Майкл Мюррей, с которыми я начал сотрудничество уже в самом начале 2000-х, мы решили основать международное издание «Философия религии: Альманах», и эта идея была активно поддержана дирекцией института. Так философия религии в Институте философии начала потихоньку и институциализироваться.

– *Могли бы Вы сравнить атмосферу в МГУ и Институте философии?*

– Мне тут трудно быть объективным, поскольку в МГУ я учился и два года работал, а Институт философии (куда меня взяла в 1986 году Мариэтта Тиграновна Степанянц, за что я ей пожизненно благодарен) – родной дом. Но всё-таки, по-моему, эти атмосферы очень разные. Мне довелось сравнительно недавно два года совмещать работу здесь и там, и когда я возвращался в институт с факультета, у меня было ощущение, что после высоковольтных линий попадаешь в спокойнейший горный отель. Тут разные виды деятельности и разные формы адаптации к окружающей среде. Там заведующий кафедрой должен приспосабливаться к студентам, «завоевывать» их, конкурировать с другими преподавателями и нравиться своим сотрудникам, которые могут диктовать ему свои условия и достаточно часто это делают. Среди них могут быть (и часто бывают) «неформальные лидеры», от которых зависит, изберут заведующего дальше или нет. В институте всё наоборот: здесь очень четко прочерченные вертикальные отношения, и руководитель сектора определяет всю его «политику», подчиняясь только дирекции. Второе, по-моему, значительно для всех удобнее, устраняет заранее множество конфликтных ситуаций и позволяет всем спокойно работать. Да и сама деятельность совершенно иная, и при современной поступательной бюрократизации учебного процесса каждый может сравнить ее «расходность» для человека. Есть, правда, люди, у которых потребность в учебном процесса органическая, но совмещать ее реализацию, включая то, что этот процесс необходимо сопровождает (приемные комиссии, олимпиады, школы и т. д.), с исследовательской работой, мягко говоря, крайне трудно. В институте же для этой работы оптимальные условия, и это надо очень ценить, а не относиться к этому как к чему-то само собой разумеющемуся.

«Горный отель», однако, не должен становиться «музеем». Так, мои неоднократные попытки поставить вопрос о включении в конкурсную комиссию института (у нас есть ежегодный конкурс на лучшие книги – в разных номинациях) коллег из других учреждений (прежде всего с того же философского факультета МГУ) столкнулись с непреодолимым сопротивлением. Почему? Потому что нет уверенности, что коллеги придут в восторг от качества нашего «производства»? Или от самого нашего «репертуара»? Но такой режим «добровольной самоизоляции» не следует ничем оправдывать, если мы хотим быть на уровне, и мне искренне непонятно само отсутствие потребности во взгляде на то, что ты делаешь, извне. Или другой пример. В следующем году будет 100-летие (при «расширенной хронологии») института, и было решено к дате создать его виртуальный музей. Идея хорошая и во всех отношениях правильная, но она вызвала такой энтузиазм, что кое у кого возникла даже идея сделать историю института одной из его мегатем. Понятно, что заниматься «историей себя» много легче, чем актуальными философскими темами, но от института ожидают (и имеют право ожидать) все же большего.

– *Ваши главные философские темы.*

– Здесь, как и во всем, удобнее идти по хронологии. Почти до конца 1990-х я писал только по индийской философии и издавал переводы соответствующих текстов, самым крупным из которых было издание «Ньяя-сутры» с базовым комментарием «Ньяя-бхашья» Ватсьяяны (2000) – основоположных текстов профильной индийской школы эпистемологии и теории аргументации (совсем недавно я с интересом узнал, что издание цитируется специалистами по искусственному интеллекту). В начале 2000-х я издал также книгу по истории аксиологической мысли (от античных истоков до конца XVIII века), в которой выяснял становление понятия «ценности», а заодно и причину его современного «обесценивания». Начиная со второй половины 2000-х я занялся философией религии как философской дисциплиной, с уклоном в методологические проблемы: прежде всего как отделить философию-о-религии (философия религии) от философии-в-религии (философская теология) и какова должна быть основная карта предметностей первой. Результатом этих стараний стали две монографии. Но и по философской теологии я в 2010-х также выпустил две книги. Прежде всего я и здесь углубился в проблему демаркации, пытаясь отделить философскую теологию от других разновидностей рациональной теологии (прежде всего от естественной теологии, с которой ее нередко «сливают»), а также в то, чтобы разобраться с фактурой основных теистических утверждений. Здесь я пришел к выводу, что обоснования существования Бога правильнее всего считать не доказательствами (они, на мой взгляд, не проходят ни по одной их разновидности), но абдуктивными аргументами (суждения от лучшего объяснения среди альтернативных).

Обращение к философской теологии (сделанной англосаксами) бессознательно повернуло меня к моему юношескому интересу к англоязычной философии. В результате я договорился до полной «ереси»: до того, что аналитическая философия восходит не к эпохе Рассела и Витгенштейна, а в конечном счете к истокам классической философии, определяемой практикой критики мировоззренческих суждений и систематизации соответствующих понятий в Греции, Индии и Китае. Мне за это, конечно, как следует досталось, но скорее всего потому, что критики не поняли главного: что аналитический тип философии определяется не предметами и не доктринами, а методом, то есть опять-таки является именно определенной практикой. Заодно я размышляю и над тем, почему английская и – шире – аналитическая философия была и остается очень мало востребованной в России. Я прихожу к предположению, что дело в том, что у нас «философ больше, чем философ», а вот эта философия не хотела и не хочет быть «больше себя», да и потому, что нам всегда ближе какой-нибудь авангард, чем классика (то есть «вершки», а не «корешки»): отсюда у нас так привечают «постметафизику», не изучив как следует самой метафизики.

Во второй половине 2010-х я вернулся к аксиологии, но под новым углом зрения: мне хотелось разобраться в том, почему смежное учение о благах (агатология) так и не получило статуса хотя бы какой-то философской субдисциплины, хотя уже у Аристотеля это учение эксплицитно фундирует всю этику. Следовало также рассмотреть структуру значимостей человека и как в ней координируются такие разновидности (отнюдь не синонимичные), как ценности, преференции и блага. Этим темам были посвящены две монографии, вторая из которых имеет название «Философия практического разума: агатологический проект» (2020), чья историческая часть включает учения о благом и благах от древнего Востока до Гегеля включительно. Но одновременно я ощутил новую волну интереса к индийской философии, начав переводить преимущественно отдельные сегменты комментария Шанкары к «Брахма-сутрам» и параллельные тексты. В качестве своего рода синтеза индологии и религиологии можно рассматривать и предложенную мною стратификацию версий индийского теизма.

ЛОГИКА. ЛОГИКИ. СУДЬБА[1]

Г.В. Сорина
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: *В статье рассматриваются особенности коммуникативных процессов, общественных и личностных, в судьбе двух поколений логиков Московского университета: шестидесятников и семидесятников. Показывается, что в общем системном движении шестидесятников в нашей стране свое особое место занимали логики и методологи науки. В работе подчеркивается, что логики-шестидесятники фактически боролись за право существования в стране классической формальной логики и в то же время за право соответствовать мировому уровню развития логики. Демонстрируется влияние шестидесятников на формирование интеллектуальных биографий логиков-семидесятников, которые, в частности, занялись научно-теоретическим исследованием и преподаванием трех внешне разных направлений логики, сформировавшихся в семидесятые годы на Западе: критическое мышление, неформальная логика, теория аргументации. Показывается, что небольшая университетская группа друзей-логиков как бы разделилась в своих исследованиях по этим трем направлениям развития логики, в то же время присутствуя, в той или иной степени, в каждом из них. Представляется особая система человеческих отношений, которые сложились между шестидесятниками и семидесятниками, между учителями и учениками и внутри каждой из подгрупп в общей атмосфере философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 70-х годов.*

Ключевые слова: *логика, логики, судьба, шестидесятники, семидесятники, отчуждение, критическое мышление, неформальная логика, аргументация.*

Автор идеи данного проекта «Философские поколения», направленного, в частности, на написание определенной летописи московской философской традиции, Ю.В. Синеокая, предложила своеобразную классификацию философских поколений. Если подумать, то такая классификация вполне обоснована и рациональна: расположить каждое поколение в клеточке центрального десятилетия получения образования. Так я, как известный герой Мольера, впервые осознала, что принадлежу к поколению семидесятников. В самом деле: поступила на философский факультет Московского университета в 1972 году, окончила его в 1977 году

[1] Статья подготовлена в рамках деятельности Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия». Первая публикация была осуществлена в издании: Сорина Г.В. Логика. Логики. Судьба. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 553–582.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.113135

в качестве специалиста с дипломом, в котором написано: «Философ. Преподаватель философии». В этом же году поступила в аспирантуру философского факультета, которую и окончила в том же десятилетии. Да, получается – семидесятница. Нашими учителями были шестидесятники. Можно сформулировать вполне законные вопросы. В чем основное отличие семидесятников от шестидесятников? Чем определяется их сходство? Есть ли оно вообще? Начну с общей характеристики понятий.

«Шестидесятники» – это понятие, которое в истории культуры России нагружено яркими коннотациями. В отличие от семидесятников и последующих философских поколений XX века, если принять предложенную выше классификацию, шестидесятники представляют собой исключение из предложенной классификации. Это поколение занимает особое место в истории культуры страны. Оно начало формироваться в качестве отдельного поколения до того центрального десятилетия, по имени которого было названо. Понятие «шестидесятники» представляет известные имена в истории России, в данном случае XX века. Нечасто обращают внимание на то, что само понятие «шестидесятники» пришло в историю прошлого века из истории XIX века, где шестидесятниками называли разночинцев, представителей народничества. В XX веке – это, прежде всего, интеллигенция, представители культуры. Список известных советских шестидесятников из таких областей, как литература, живопись, архитектура, театр, кино, других сфер культуры может занять несколько страниц. Мне в данном случае хотелось бы только подчеркнуть, что *движение шестидесятников в XX веке – это системное движение интеллектуалов*, которые застали Великую Отечественную войну, но по возрасту в своей основной части не приняли участия в боевых действиях. В этом общем системном движении шестидесятников свое особое место заняли представители философии, включая философию в целом, логику и методологию науки в частности. Мои учителя, в первую очередь логики и методологи науки, как раз были шестидесятниками. Это – Елена Дмитриевна Смирнова, Владимир Александрович Смирнов, Евгений Казимирович Войшвилло, Борис Семенович Грязнов, Дмитрий Павлович Горский. Да, это люди разного возраста, но ко всем ним, на мой взгляд, может быть применено общее имя «шестидесятники».

Как же ответить на исходно сформулированные вопросы? *Первый вариант ответа на оба вопроса один: мы их ученики. Это во многом определяет и сходство, и различие*. Если придать современный смысл знаменитой фразе «стоя на плечах гигантов», уходящей своими корнями в средневековье, а может быть, и в более древние слои культуры, и сказать, что каждое поколение учителей расширяет горизонт своих учеников, то это как раз и будет о наших учителях и о нас. Мне кажется, что эта идея расширения горизонта, формирования другого горизонта видения у учеников однажды была очень точно сформулирована В.А. Смирновым. Он закончил читать нам, студентам, специализирующимся по кафедре логики, третью и последнюю лекцию по проблемам натурального вывода в общем курсе «Основы теории доказательства» и произнес фразу, которая врезалась в память. Эта фраза стала как бы показателем другого движения в пространстве логических дисциплин. Он сказал: «Мы с Софьей Александровной Яновской изучали натуральное исчисление в течение целого семестра. А с вами мы это прошли за три пары». У В.А. Смирнова, благодаря, в частности, С.А. Яновской, был иной горизонт видения проблем логики. Именно С.А. Яновская, центральная фигура в линии учителей для шестидесятников-логиков, стала организатором переводов на русский язык классических трудов по логике XX века, которые потом изучали последующие поколения логиков, специализировавшихся по кафедре логики. Это были переводы работ Д. Гильберта и В. Аккермана (1947), А. Тарского (1948), С.К. Клини (1957), Д. Пойя (1957), Р. Карнапа (1959). Е.Д. Смирнова и В.А. Смирнов с улыбкой рассказывали нам, ученикам, что над детской кроваткой их сына Алексея (А.В. Смирнова) висели формулы «из Клини». Вообще про семью Смирновых, про дом Смирновых, который был для нас и нашим домом, и нашим филиалом

университета, можно рассказывать много. Дом Смирновых на Гоголевском бульваре – это отдельная страница в профессиональном и личностном становлении логиков-семидесятников, как, впрочем, и других поколений их учеников. Но, возвращаясь к лекционному курсу В.А. Смирнова, хотела бы подчеркнуть, что результаты, включая педагогические практики, полученные С.А. Яновской, позволили ее ученику В.А. Смирнову «сжать семестр» в три пары уже для его учеников. Он, в свою очередь, открыл нам (вместе с другими нашими учителями) иной горизонт видения проблем логики и методологии науки.

Второе важнейшее отличие семидесятников от шестидесятников, наших учителей логиков и методологов науки, на мой взгляд, заключается в следующем. Они вернулись с войны и никогда о ней не забывали. Нарратив о войне часто присутствовал в их рассказах. В нашей стране такая фраза традиционно прочитывается как фраза о Великой Отечественной войне. В данном случае – нет. Войны бывают разные. Их, метафорически говоря, собственная война была войной за право существования в нашей стране классической формальной логики, за представленность множества вариантов современной символической логики, за право самостоятельно думать и самостоятельно выбирать исследовательские темы. И! За право соответствовать мировому уровню развития логики.

Преданность наших учителей логике, убежденность в ее особой роли в культуре, в том, что это должно быть главным делом жизни не только их самих, но и их учеников, иногда оборачивалась различными забавными эпизодами. На 5-м курсе у И.Н. Грифцовой родилась дочь, она в это время писала диплом, и месяца через три после рождения дочери пришла домой к Е.Д. Смирновой, которая была ее научным руководителем, обсудить текст, его структуру. Дверь открыл В.А. Смирнов, поздоровался и с порога задал Ирине Николаевне вопрос: «Ну что, начали уже учить дочку логике?» Самое удивительное, что задавал он этот вопрос, скорее всего, серьезно.

Сейчас слова о войне, борьбе за свободу развивать логику, преподавать логику звучат странно и непонятно. Но тогда, в 70-е годы, всё было очевидно. Мы профессионально сформировались в том числе в рассказах о той прошедшей войне. Любопытно, что наши коллеги-логики, которые закончили философский факультет в начале 80-х годов, О.В. Малюкова и Л.А. Демина, случайно в 2013 году нашли в старых кафедральных шкафах кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина текст стенограммы Всесоюзного совещания по логике за 1948 год. Общий объем этой стенограммы, которую О.В. Малюкова набрала на компьютере 14-м кеглем, – 450 страниц. Оказывается, это было важное совещание в контексте официальной борьбы с формализмом, в данном случае с логикой. Основной пафос этого заседания был направлен на то, чтобы доказать недопустимость преподавания классической формальной логики в вузах страны. Я приведу в качестве примера той прошедшей идеологической войны только одну цитату из первого выступления на совещании. Это было выступление заместителя министра высшего образования СССР профессора В.И. Светлова: «Ведь для всех нас очевидно, что логика не является безыдейной наукой, не есть убежище какого-то абстрактного академизма и формализма, а есть партийная, философская наука, которую нужно излагать страстным языком большевика, а не суконным, сухим языком педанта» [Стенограмма… 1948: 5]. Подобными и более жесткими высказываниями, направленными как против учебников по логике, так и против преподавателей логики, переполнены 450 страниц стенограммы. Наши учителя, в свою очередь, как раз и представляли то общее направление движения шестидесятников, которые были не согласны с такой официальной политикой борьбы с формализмом, в данном случае по отношению к логике.

Одно из направлений официальной политики в целом в разных сферах культуры того исторического периода было нацелено на исключение «формализма» из культуры (это и вто-

рая половина сороковых годов, и пятидесятые годы, и шестидесятые). Декларировалось недопущение формализма в логику, лингвистику, литературоведение, другие направления не только гуманитарного, но и естественнонаучного знания. «Формализм» почему-то не совпадал с «генеральной линией партии», которая обвиняла в специальных постановлениях ЦК ВКП(б) в формализме композиторов В.И. Мурадели, Д.Д. Шостаковича, писателя М.М. Зощенко, поэта А.А. Ахматову, этот список гениев и талантов, обвиненных в формализме, может быть продолжен. В список формалистов, с которыми надо бороться, были внесены художники, театроведы, литературоведы, критики из самых разных областей культуры. Это были громкие, резонансные истории, которые не забыты и просто не могут быть забыты и в настоящее время. С точки зрения общественного резонанса борьба с формализмом в логике не была широко представлена за пределами профессионального сообщества философов и логиков.

Однако для наших учителей-шестидесятников «борьба с формализмом» отнюдь не была пустым звуком, метафорой. Официальная идеология оборачивалась к ним в качестве инструмента, нацеленного на исключение формальной, символической логики из образовательного и научного пространств. Шестидесятники, логики и методологи науки как в своих теоретических исследованиях, так и в своей личностной позиции противостояли такой официальной установке. Они боролись за другие идеалы, за свободу в интеллектуальной деятельности, им необходимо было «взяться за руки, чтоб не пропасть поодиночке», как пел Б.Ш. Окуджава. Нас, логиков-семидесятников, в процессе обучения на кафедре логики философского факультета Московского университета всегда сопровождало «эхо прошедшей войны». Но все-таки для нас это было только историческое эхо. Мы, как это станет ясно из последующего текста статьи, были свободны в своем выборе направлений научных исследований в пространстве логики и методологии науки. Вместе с тем это не исключало и того, что однажды мы тоже приняли участие в написании опровержения в журнал «Коммунист» на очередную статью, обвиняющую логику в буржуазности. Тем не менее эпоха борьбы в целом уже была отчуждена от нас.

Это пространство свободы выбора в научной работе сформировали наши учителя-шестидесятники, используя для этого разные инструменты, а не только критику представителей официальной позиции борьбы с формальной логикой, например через противопоставление логике формальной логики диалектической. Одним из таких важнейших инструментов формирования этого пространства были конференции по логике, методологии и философии науки. Так, уже в первый год шестидесятых, в 1960 году, благодаря усилиям в первую очередь В.А. Смирнова, при непосредственной поддержке Е.Д. Смирновой, в Томске была проведена первая Всесоюзная конференция по логике и методологии науки. Все последующие годы В.А. Смирнов принимал активное участие в организации в Советском Союзе таких конференций как всесоюзного, так и международного уровня. В семидесятые и восьмидесятые они уже стали, кроме всего прочего, важным инструментом, во многом определяющим выбор направлений исследований их учеников.

Семидесятники, в свою очередь, – это люди, которые в 70-е годы профессионально еще только формировались. Искали свои темы, свои направления развития. Но все-таки профессионально они состоялись в последующие годы. Нам уже не надо было находиться в состоянии постоянной борьбы. Для нас логика во множестве ее направлений уже существовала как данность. Но «высокую планку исследований» (так любила говорить Е.Д. Смирнова) задавали наши учителя-шестидесятники. Они фактически *определили нашу профессиональную судьбу*, правда, после того, как мы выбрали в качестве специализации кафедру логики философского факультета Московского университета. Этот основополагающий выбор для формирования наших последующих интеллектуальных биографий открыл нам возможность сво-

бодного выбора в пространстве научно-исследовательской деятельности. Кроме права на свободный выбор тем научно-исследовательской деятельности мы получили от наших учителей и право на свободное общение с нашими западными коллегами в рамках международного сотрудничества.

Роль наших учителей в организации такого сотрудничества в области логики и методологии науки была велика. Несомненно, что лидером этого международного движения вновь был В.А. Смирнов. Это благодаря ему мы, студенты и аспиранты – семидесятники, не только читали работы и знали имена Я. Хинтикки[2], И. Ниинилуоты, Е. Сааринена, Р. Туомелы, других звезд финской и мировой логики, но были лично с ними знакомы. В.А. Смирнов в глубоко застойные годы сумел организовать постоянно действующий Советско-финский коллоквиум по логике и методологии науки. Этот коллоквиум работал один раз в два года: поочередно в Москве и Хельсинки. В одной из последних бесед с Е.Д. Смирновой, которая ушла из жизни в феврале 2017 года, она рассказала мне о своих «поездках» на финскую часть коллоквиума. Многие помнят эту чрезвычайно длинную и сложную процедуру оформления документов на право выехать за границу. Разрешение получено. Звонок на домашний телефон. Представитель компетентных органов (так это раньше называлось) задает ряд вопросов Елене Дмитриевне. Один из них о том, является ли Владимир Александрович Смирнов ее мужем. После получения положительного ответа, вывод /предложение представителя компетентных органов прозвучал так: «Решите, пожалуйста, сама, кто из вас поедет. Вдвоем мы вас не выпустим». Думаю, решение Е.Д. Смирновой очевидно. Ездил на коллоквиумы только В.А. Смирнов. Но вот в московской части коллоквиума, которая проводилась и в других городах Союза, могли принимать участие все логики.

Так, благодаря работе этих коллоквиумов на IV Советско-финском коллоквиуме, который проходил в мае 1985 года в г. Телави, мы познакомились с Г.Х. фон Вригтом и его женой. Вместе они являли собой образец высоких человеческих отношений. Тогда возникший образ восприятия этой пары сохранился у меня до сих пор. Психологически для нас, молодых исследователей, это была очень важная встреча. В то же время она была очень важной не только психологически, но и теоретически, в частности, лично для меня. Доклад фон Вригта был посвящен проблемам концептуализации, особенностям работы с понятием, столь важной для меня теме во все годы моей самостоятельной научно-исследовательской работы. Когда он начал выступать со своим докладом, я подумала: «Как же так: мы ведь это всё знаем. Это есть в учебниках по логике. А ведь это – фон Вригт». Когда он заканчивал свое выступление, я уже понимала, как много неизвестного в этой кажимости известного, как по-другому может быть представлена глубина исследования по теме, которая представлена в любом учебнике по логике, как важен новый уровень возвращения к внешне известным темам и новый уровень представления их. Этот опыт работы на Советско-финском коллоквиуме в г. Телави оказался значим для меня и в моей последующей теоретической деятельности, и в педагогической практике (к ней я вернусь ниже). Но такое личностное общение и личностное восприятие стало возможным благодаря В.А. Смирнову. Это его приглашение приехать в Советский Союз принял крупнейший логик и философ XX века, ученик Л. Витгенштейна, Г.Х. фон Вригт.

Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что свобода в сфере интеллектуальной деятельности, включая преподавательскую деятельность, в пространстве логики и методологии науки нам, семидесятникам, была дана как факт нашего бытия. Конечно, это не было общезна-

[2] Наша последняя встреча с крупнейшим логиком и философом XX и XXI веков состоялась в 2015 году в Хельсинки на XV Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки. При прощании Я. Хинтикка обратился к нам с И.Н. Грифцовой с просьбой передать привет Елене Смирновой. Через несколько дней его не стало. Привет передать мы успели.

чимое пространство свободы интеллектуальной деятельности в сфере, например, философии в целом. Речь идет только о логике и методологии науки. В отличие от наших учителей, для нас уже в этом пространстве остро стоял вопрос не только о том, что преподавать, но и как. Конечно, преподавательские манеры у наших учителей были разные в силу различия их личностных качеств. Но все-таки сама проблема как их мало волновала. Очень точно, например, преподавательскую манеру В.А. Смирнова описал В.И. Маркин:

> Владимир Александрович не обладал каким-то особым ораторским даром, читал лекции близко к жанру научного доклада – достаточно сухо, всегда по существу, в жестком интеллектуальном темпе, без информационных пауз, не используя при этом никаких специальных педагогических и риторических приемов и относясь к студентам скорее как к коллегам, нежели к ученикам [Маркин 2010: 227].

Ситуация «ученик-коллега» возможна только тогда, когда речь идет о студентах, которые специализируются по твоей кафедре. Очевидно, что такая ситуация не распространяется на всех студентов, в первую очередь на студентов, которые пришли на твой курс как один из курсов общей программы по соответствующей специальности.

Именно поэтому для нас вопрос о том, как преподавать нелогикам и даже нефилософам, стоял очень остро. Причем в данном случае вновь вопрос стоял не о личностных особенностях преподавателя, а о поиске методологических оснований процесса преподавания. Это был вопрос, который мы часто обсуждали в нашем небольшом кругу друзей – логиков-семидесятников. Это были В.Н. Брюшинкин, И.Н. Грифцова и я. Мы понимали, что как раз нам предстоит преподавать логику нелогикам и нефилософам. Нас уже волновал тот образ логики [Грифцова 1995], который мы будем транслировать нашим студентам. Было очевидно, что классическая формальная логика, для которой, по Фреге, неважно, кто рассуждает – «люди или чудовища, ангелы или боги», была не очень пригодна для преподавания логики нелогикам. Мы искали другой контент преподавания, в рамках которого можно было бы учитывать рассуждающего субъекта и контекст, в котором проходит рассуждение. Это – старая проблема, о которой писали еще представители логики Пор-Рояля [Сорина, Грифцова 2007: 451–469]. Это всегда актуальная проблема, она была очень актуальна для нас. Проблема преподавания логики для нелогиков и для нефилософов нас волновала и потому, что *классическая формальная логика не способствует созданию свободного коммуникативного пространства, в частности, даже для образовательного процесса по изучению самой логики*, в том случае, когда речь не идет об узком круге людей, профессионально изучающих логику.

На Западе к этому времени сформировалось фактически три внешне разных образа логики, включенной в систему преподавания. Это были: теория аргументации, неформальная логика и критическое мышление. В нашей стране неформальной логикой и критическим мышлением как самостоятельными исследовательскими теоретическими направлениями, а тем более их преподаванием еще никто не занимался. Теория аргументации была представлена, но в основном просто как часть учебного курса логики. Между тем в мире эти направления активно развивались и на теоретическом уровне, и в практике преподавания.

В конце XX века в США, в Бостоне, состоялся XX Всемирный философский конгресс «Paideia: Философия в воспитании человечества» (Бостон, 10–16 августа 1998 года). Я подала тезисы на секцию философии права[3]. На ней был представлен мой доклад «Логика и право

[3] Из этого интереса к проблемам взаимоотношения между логикой и правом в последующие годы вырос курс «Римское право», который я читала в начале двухтысячных в Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации в качестве профессора кафедры гражданского, финансового и банковского права (по совместительству).

в системах культуры России и Запада» [Sorina 1998]. В то же время для меня особенно важными в рамках работы конгресса стали два симпозиума, организованные одним и тем же научным сообществом, а именно «Международной ассоциацией неформальной логики и критического мышления». Очевидно, что в рамках обоих симпозиумов обсуждались проблемы критического мышления и неформальной логики. Мое участие в работе этих заседаний не было случайным. Оно было обусловлено непосредственным профессиональным интересом, как научным, так и педагогическим.

В моем лице впервые в заседаниях этой ассоциации принял участие российский представитель. Состав участников обоих заседаний конгресса явным образом пересекался, практически совпадал. В обоих заседаниях принимали участие Р. Еннис (R. Ennis), Х. Сигэл (H. Siegel), А. Блэр (A. Blair), Дж. Фриман (J. Freeman), другие представители нового направления в логике и методологии науки. Когда в конце первого заседания по критическому мышлению я задала Дж. Фриману вопрос о том, чем же отличаются друг от друга критическое мышление и неформальная логика, то в ответ после некоторой паузы услышала: «А Вы просто приходите на следующее заседание». Я посетила все заседания этих двух симпозиумов. Обсудила свой исходный вопрос с разными участниками и поняла, что отличие носит только административный и контекстный характер. *Административный* – ибо зависит от того, какую дисциплину (в условиях борьбы за рынок образовательных услуг) удается ввести в качестве основной логической дисциплины в учебный план соответствующего вуза. *Контекстный* – ибо каждый раз способы преподавания и представления материалов для анализа оказывались зависимыми от конкретного учебного заведения и специализации тех, кому читаются эти курсы. Там же я впервые столкнулась с тем, что в рамках курса по критическому мышлению в качестве текстов для анализа может быть рассмотрен видеоряд, в данном конкретном случае на конгрессе анализировались результаты студенческих обсуждений документальных кадров Нюрнбергского процесса. Так, в частности, студентов учили аналитической деятельности и критическому анализу в одном из английских университетов. После возвращения из Бостона мой рассказ об участии в работе «Международной ассоциации неформальной логики и критического мышления» только укрепил решение нашей небольшой группы в необходимости развития этих новых направлений в логике и методологии науки.

Если в западных вузах учебные курсы по критическому мышлению и неформальной логике к этому времени давно читались, то наш опыт начался позже. В частности, И.Н. Грифцова и я разработали курс «Критическое мышление». Этот курс впервые в нашей стране начал нами читаться в конце 90-х годов прошлого века в трех российских университетах: Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова на философском факультете (это был небольшой спецкурс на кафедре философии и методологии науки. За предложение прочесть такой курс я до сих пор благодарна В.Г. Кузнецову), Московском педагогическом государственном университете на факультете социологии, экономики и права (тоже в рамках спецкурсов, при поддержке Л.А. Микешиной) и Калининградском государственном университете в рамках программы «Интеграция» для студентов, специализирующихся в области логики и философии. Чтение такого курса в Калининграде было инициировано В.Н. Брюшинкиным.

Бостонский конгресс через доклады участников заседаний и через те материалы по неформальной логике и критическому мышлению, которые были привезены из Бостона, самым непосредственным образом повлиял на разработку нашей собственной концепции курса. В основу этой концепции вошло представление о критическом мышлении как о регулярном учебном курсе и как об определенной методологической концепции. Основные идеи этой методологической концепции могут быть представлены следующим образом:

- методология критического мышления является одним из важнейших элементов рациональной культуры общества;

- основой критического мышления является практически и антропологически ориентированная классическая формальная логика;

- методология критического мышления, укорененная в правовой и политической культурах, культуре повседневности, во многом определяет как понятийные стратегии, господствующие в обществе, так и непосредственно концептуальные изменения, происходящие в развивающемся социокультурном пространстве.

Чтение учебных курсов в рамках каких-то образовательных программ с необходимостью предполагает теоретические исследования в соответствующих областях. По-другому было нельзя. Так был задан основной вектор профессиональной позиции учителями-шестидесятниками. Наша небольшая университетская группа друзей-логиков как бы разделилась в своих исследованиях по трем направлениям, в то же время присутствуя, в той или иной степени, в каждом из них. В.Н. Брюшинкин сосредоточился на исследованиях в области теории аргументации, И.Н. Грифцова – неформальной логики, я – на исследованиях в области критического мышления.

В силу того, что курс по критическому мышлению стал первым учебным курсом из выделенных трех областей, которые мы читали студентам, то я и начну с обсуждения проблем критического мышления. В частности, для меня в рамках этого направления было важно проследить историко-философские основания критического мышления и уже на этой базе достраивать какие-то современные сюжеты.

При рассмотрении проблем критического мышления мне было важно показать, что, с одной стороны, история становления философского знания неотделима от формирования «критической техники», теории и практики вопросно-ответных процедур (ВОП), умения работать с понятием. С другой стороны, важно было показать, что фундамент современного учебного курса «Критическое мышление» был сформирован еще в античной критической традиции, что в рамках курса по критическому мышлению важно было проанализировать проблемы взаимоотношений между критическим и догматическим мышлением в истории и современности. Такая работа и была проведена мною вначале в статье «Критическое мышление: история и современный статус» [Сорина 2003: 98–111], потом в других статьях и в рамках моих учебных курсов, включая римское право. Оказалось, что без критического мышления невозможно себе представить становление и последующее развитие ни одной учебной и научной дисциплины. В частности, вне критического мышления трудно себе представить историю становления философии.

Философская проблема становления философии, как и любая иная, принадлежащая области философского знания, является дискуссионной. Не вступая в полемику по этому вопросу, я хотела бы заметить следующее. Если мы говорим о европейской философской традиции, опирающейся на письменные источники, то мы имеем полное право утверждать, что история формирования философского знания в своей «технически-формальной» части неотделима от «критической техники», от проблем концептуализации, теории и практики вопросно-ответных процедур. Именно античная «критическая техника» фактически становится, на мой взгляд, основанием того, что в XX веке определится под названием «Критическое мышление».

Дошедшие до нас тексты философов-досократиков не только свидетельствуют о том, что все они обсуждали космогонические проблемы, занимались поиском ответа на центральный вопрос древнегреческой философии: «Что есть все?» [Рожанский 1989: 10], но и соотносили свои позиции между собой, критиковали друг друга. Вместе с тем, в соответствии с дошедшими до нас письменными источниками, наиболее четко критическая линия отрицания

исходного тезиса аргументатора и противопоставления ему антитезиса реципиента проявилась в онтологических спорах между Парменидом и Горгием. Этим спорам я уделяю специальное внимание при рассмотрении истоков формирования идей критического мышления [Сорина 2003].

При рассмотрении проблем становления идей критического мышления мне было важно проследить и обосновать тот факт, что *критика базисных онтологических идей* еще в античности не только становится основанием для развития философского дискурса, но и порождает внутри него ряд самостоятельных поддискурсов, в том числе лингвистический и политический. В свою очередь, способность суждения становится «наиболее политической из человеческих способностей», а Сократ оказывается тем, «кто заставляет перейти от мысли к суждению, используя освобождающее действие критики» [Кассен 2000: 130].

Для меня было важно показать и то, что античная практика критического философствования находит свое образцовое выражение в стиле вопрошающего философствования (собственно говоря, именно для этого я и конструирую само понятие «вопрошающее философствование»), представленного, в первую очередь, в диалогах Платона. Сократовско-платоновский стиль вопрошающего философствования становится во многом образцом для всей последующей западной философской мысли. Этот стиль философствования не просто демонстрирует фактическую значимость критики, системы вопросно-ответных процедур для проведения и рационального обоснования выдвинутой позиции, но и содержит в себе образцы общей стратегии вопрошания в рамках любой иной области рассуждения. Вместе с тем критический стиль философствования проявляется не только в вопросительной установке. В нем представлены все возможные способы получения выводов, особая техника критического анализа понятий, способы формулировки суждений и «воздержания» от них, как заметил еще Диоген Лаэртский.

При рассмотрении историко-философских оснований критического мышления для меня было важно проследить и кантовскую позицию в этом вопросе. С точки зрения Канта, метод рассуждения, предложенный Сократом, позволяет как доказывать незнание собеседника-оппонента, так и отклонять его возражения. Кант считал, что именно этим методом он построил свою «Критику чистого разума» [Кант 1964: 96]. Этот же метод, с его точки зрения, лежит в основе творческой системы образования. По Канту оказывается, что становление философии и становление личности происходит на базе одних и тех же способов вопрошания. Хотела бы заметить, что анализ кантовского отношения к вопросам, вопросно-ответным процедурам (ВОП), в частности, в системе образования, насколько мне известно, впервые в виде специальной задачи был проанализирован именно в моих работах [Сорина 1991: 139–147].

В этом же контексте анализа вопросно-ответных процедур для меня было важно проследить отношение к вопросам Х.-Г. Гадамера. Как известно, из его размышлений следовало, что «структура вопроса предполагается всяким опытом», что «активность вопрошания» всегда позволяет охарактеризовать то, как происходит дело, что «логическая форма вопроса» присутствует в форме любого опыта [Гадамер 1988]. В силу того, что ВОП были важной частью критического мышления, я в своих теоретических исследованиях уделяла специальное внимание теории вопросно-ответных процедур, анализу практики вопрошания в различных формах рассуждения и аргументации. В моих исследованиях была предложена специальная классификация уровней вопрошания, были выделены вопросы объектного и метауровней. Если кратко представить основные идеи этой классификации, то можно провести следующую аналогию. Вопросы объектного уровня фактически соответствуют вопросам нормальной науки Т. Куна, а вопросы метауровня, точнее множество таких вопросов, могут привести к научной революции [Сорина 2009].

Для меня было важно показать, что техника ВОП еще в античности стала основанием критической техники и одновременно основанием того, что Аристотель исходно назвал органоном, а затем в истории культуры закрепилась под именем «Логика». Эта же критическая техника, расширенная и закрепленная за счет результатов, полученных в рамках формальной логики, фактически стала основой того, что во второй половине XX века определилось под названием «Критическое мышление».

Критическое мышление – важнейшие характеристики. В качестве рабочей я вначале предложила, а затем использовала в ряде работ следующую характеристику, стремящуюся к определению критического мышления. Критическое мышление (Critical Thinking) – это способ мышления, направленный на выявление структурных особенностей рассуждения, проверку корреляции между обоснованно выдвинутыми тезисами и соответствующими им аргументами, оценку выдвинутых тезисов, характеристику контекстов рассуждений с учетом особенностей автора и читателя, оппонента и пропонента», т. е. рассуждающего субъекта [Сорина 2016: 22].

Мне было важно показать, что в реальном учебно-педагогическом процессе *под рубрикой «Критическое мышление» представлена новая учебная дисциплина*, в фундамент которой положена современная интерпретация классической формальной логики. Критическое мышление стало вполне самостоятельной областью теоретического знания и столь же самостоятельной учебной дисциплиной. В этом качестве в западной системе образования критическое мышление изучается как студентами, еще только получающими образование, так и профессионалами, повышающими свою квалификацию в самых разных областях, в том числе: права и экономики, менеджмента и делового администрирования, государственного и муниципального управления, социологии и политологии, связей с общественностью, других областях.

Обзор литературы по проблемам критического мышления может занять несколько страниц. В то же время, думаю, для понимания практической значимости критического мышления в западной системе образования важно подчеркнуть следующее. Разделы по критическому мышлению включены в различные варианты западных тестов для поступления в магистратуру и аспирантуру. Например, любой вариант GMAT (Graduate Management Admission Test) включает в себя, в качестве обязательных, разделы «Critical Thinking» или «Critical Reasoning».

В рамках критического мышления исследуется то, «как мыслит человек», принимая решения, планируя свою жизнедеятельность и фактически реализовывая свои практические планы. Эта линия критического мышления постепенно привела меня к исследованиям в области теории принятия решений [Сорина 2009]. Одна из задач критического мышления как раз и заключается в том, чтобы влиять на уровень «практической рациональности» общества, в том числе в вопросах принятия и реализации решений.

История формирования критического мышления как учебной дисциплины, в свою очередь, неотделима от истории зарождения неформальной логики. Исследования в области неформальной логики в нашей стране первой начала И.Н. Грифцова. Сравнительный анализ содержания как учебных курсов «Критическое мышление» и «Неформальная логика», так и теоретических исследований показывает их множественные пересечения. Все это проявилось и в рамках XX Всемирного философского конгресса, как было показано выше и, конечно, в нашей исследовательской деятельности. Тем не менее можно указать и, условно говоря, реперные точки отличия и развития обоих направлений развития современных вариантов классической логики.

Если говорить о судьбе неформальной логики в нашей стране, то именно И.Н. Грифцова первой представила собственную концепцию взаимоотношений между формальной и не-

формальной логикой, построила свой собственный образ неформальной логики [Грифцова 1995; Грифцова 1998]. В своих работах И.Н. Грифцова показывает значение неформальной логики как регулятивного инструмента коммуникации в отличие от классической логики, которая перестала «участвовать в жизни общества, в жизни отдельного человека» [Грифцова 1998: 5] и которая исторически провозглашает свой принципиальный отказ от ориентации на исследование обыденных рассуждений, того, «как мыслит человек». Такая установка способствует развитию логики в качестве теоретической науки, но эта же установка способствует тому, что логика теряет свою практическую значимость. Конечно, этот процесс начался отнюдь не только в два последних столетия. Еще Г. Лейбниц писал о логике, что «толпа либо вообще не замечает предмета, либо оставляет его без внимания» [Лейбниц 1984: 74]. Но если в начале XX века на первом месте стояла проблема теоретического обоснования логики (эта задача стояла и перед нашими учителями-шестидесятниками), то в конце XX века и в начале XXI века уже явным образом стоял вопрос о применимости того, что сделано в логике, к различным практическим сферам, включая практику рассуждений. Мы, семидесятники, уже обсуждали вопрос о «прагматическом повороте» в исследованиях логики второй половины XX века, когда проявился интерес к анализу обыденного языка и мышления, коммуникации, когда сформировался спрос на исследования повседневной жизни. В этих условиях стало особенно важным понять, насколько эффективно логика может принять участие в современных когнитивных исследованиях, насколько реально она может повлиять на уровень практической рациональности общества [Грифцова 1995].

И.Н. Грифцова провела специальное исследование истории становления неформальной логики, которая в качестве самостоятельной области знания начинает формироваться в 70-е годы XX века и первоначально предстает в качестве учебной дисциплины (главным образом, в Канаде, США, Голландии, Бельгии, затем в Великобритании). В своих работах она представляет анализ философских, в первую очередь, теоретико-познавательных установок, принципов, влияющих на ту или иную трактовку логики, ее основных понятий и методов, которые в конечном счете и формируют соответствующий образ логики [Грифцова 1998], в данном случае ориентированный на анализ коммуникативных процессов. В то же время она показывает, что неформальная логика в коммуникативном пространстве культуры проявляется, в частности, в качестве логики языка (языка науки в том числе). Логика, в лице неформальной логики, словно оборачивается к проблемам бытия человека в мире. При этом в самом факте бытия человека в мире как бы переплетаются креативность, а значит, произвольность мышления и его аподиктичность. Но если проблемы креативности можно обсуждать, используя средства неформальной логики, вместе с тем ей же под силу и анализ проблем аподиктичности, то в рамках формальной логики можно говорить только о проблемах доказательности, т. е. аподиктичности. Свобода творческого мышления никак не может обсуждаться в рамках формальной логики. Однако без такой свободы невозможно создать коммуникативное пространство культуры и образования. В силу этого как раз и оказываются в широком контексте культуры востребованными неформальная логика, критическое мышление, аргументация.

Уже в XX веке становится очевидным, что использование формализованных искусственных языков и исчислений приводит, с одной стороны, к «превращению логики в довольно специализированную область знания, самодостаточную, занимающуюся, главным образом, разработкой собственных внутрилогических проблем» [Там же: 4], с другой – происходит процесс исчезновения логики из коммуникативного пространства культуры. Именно в таком контексте И.Н. Грифцова приходит к выводу о том, что логика, «…озабоченная обоснованием собственной теоретической самостоятельности, постепенно теряет свою практическую значимость» [Там же: 5], свое коммуникативное начало. Она делает вывод, с кото-

рым трудно не согласиться, что в XX веке доминирующим оказался тот образ логики, который создавался усилиями Г. Фреге, Б. Рассела, Д. Гильберта, логическими позитивистами, аналитической философией.

Именно в этом контексте И.Н. Грифцова обосновывает необходимость поворота философии логики к анализу проблем обыденного языка. И.Н. Грифцова занимает позицию, в соответствии с которой логика может принять участие в обсуждении множества проблем, формирующихся в современном коммуникативном пространстве, понимание которого, в свою очередь, требует анализа обыденного языка. Рационально выстроенное коммуникативное пространство призвано влиять на общий уровень «практической рациональности» общества. Эта классическая проблема в истории логики сформировалась отнюдь не только в логике XX века, она, как показывает И.Н. Грифцова, фактически уже была представлена у Аристотеля. «Трансдискурсивная» позиция Аристотеля, если следовать классификации авторов, предложенной М. Фуко, позволяет обосновать точку зрения, в соответствии с которой уже у Аристотеля представлены начала как формальной, так и неформальной логики [Там же: 200–201. Если трактовка логики Аристотеля как формальной, начиная со средневековья, стала общим местом, то обращение к логике Аристотеля в контексте ее «практической» составляющей позволяет предъявить ее неформальные аспекты, что и делает в своих работах И.Н. Грифцова.

Она подчеркивает, что в работах Аристотеля, в первую очередь в «Риторике», фактически рассматриваются различные формы живого и аффективного обращения людей к сомыслию, сочувствию и содействию. Фактически для определения границ исследуемого коммуникативного пространства бытия логики в системе культуры И.Н. Грифцова вводит понятие «образ логики» [Там же]. Так, образ практической логики она связывает с проблемой интенциональности. Оказывается, что суждения, содержащие интенциональные термины, определяют интенцию и последующих действий: их мотив, цель, желание, намерение и т. п. В своих исследованиях она, в частности, опирается на анализ историко-философских контекстов формирования того, что в XX веке будет названо неформальной логикой.

Обращение к разным образам логики в истории культуры позволяет показать, что логика в истории своего развития оказывается неразрывно связанной с проблемами коммуникации. Она с момента своего возникновения в трудах Аристотеля становится важнейшим инструментом проведения в жизнь политических, а затем, начиная со средневековья, и теологических идей. Постепенно она становится важнейшим регулятивным инструментом разных форм коммуникаций, включая коммуникацию в сферах теологии и политики. В истории мировой культуры отношение к логике все время менялось. Оно никогда не было однозначным. Но даже в периоды полного отвержения логики как науки она оставалась инструментом для доказательства и опровержения, формой для «публичного использования разума» как регулятивного инструмента коммуникации.

Особенно четко и последовательно это проявилось в той части современного поворота в логике, который оказался связан с теорией аргументации.

Отдельное место в этом движении заняли исследования по теории аргументации В.Н. Брюшинкина, его системная модель аргументации. Но прежде, чем рассказать о результатах В.Н. Брюшинкина в области теории аргументации, мне хотелось бы рассказать о его теоретических исследованиях проблем психологизма, без которых, на мой взгляд, не возник бы его постоянно действующий научно-исследовательский международный семинар «Модели рассуждений». Его докторская диссертация «Логическое моделирование процессов мышления» (1990) посвящена в том числе анализу проблем психологизма. В диссертации он, в частности, представляет свою концепцию метапсихологизма.

Еще в книге, написанной мною в 1993 году, «Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре» я уже в первом очерке посвятила специальный параграф концепции В.Н. Брюшинкина. Параграф называется «“Новый психологизм” в программе метапсихологизма В.Н. Брюшинкина» [Сорина 1993]. Помню, что этому параграфу удивлялись мои коллеги как из поколения учителей, так и поколения друзей. Теперь я понимаю, что успела написать сразу, при жизни В.Н. Брюшинкина в рамках той исследовательской области в конце прошедшего столетия, в которой мы оба работали, о его собственных результатах[4].

Уже в концепции нового психологизма В.Н. Брюшинкина, на мой взгляд, как бы просвечивает концепция разных моделей рассуждения в целом и в психологизме – антипсихологизме в частности.

Если очень кратко, то спор между психологизмом и антипсихологизмом, представленный в достаточно обширной литературе XX века, можно рассмотреть, используя современную терминологию, как длящийся сквозь века проект, о котором писали как в различных областях гуманитарной культуры, включая конкретные гуманитарные дисциплины, так и на метатеоретическом уровне. Как показали наши исследования, спор между психологизмом и антипсихологизмом в качестве важной пресуппозиции присутствует: во фрегевской концепции логики, определившей во многом современное состояние логики; в гуссерлевской феноменологии; в некоторых принципиальных положениях семиотики; в программных установках неопозитивизма; в концепциях раннего и позднего Витгенштейна; в попперовской методологии; в соссюровской лингвистической концепции; в бахтинской теории полифонии и диалогизма; в психологии искусства Выготского. Это – незавершенный список, ибо в той или иной форме спор между психологизмом и антипсихологизмом присутствует и в других пластах гуманитарного знания.

Можно выделить своеобразные миры психологизма и антипсихологизма в разных областях культуры. Даже в мире одной конкретной науки психологизм может проявляться в разных формах. Например, классификация только логического психологизма, предложенная В.Н. Брюшинкиным, выглядит следующим образом: «редукционистский психологизм – наивный психологизм – крайний психологизм…» [Брюшинкин 1988: 47]. Вместе с тем, я думаю, можно сказать, что то, что делает теорию психологистической в самых разных науках, определяется следующими тремя основными установками: (1) утверждение методологического и теоретического превосходства психологии над всеми другими науками; (2) декларация необходимости построения других наук на базе психологии; (3) выделение решающей роли субъекта в науке и культуре.

Отношение к субъекту, выявление его места в процессах, исследуемых в конкретных науках, сферах культуры, подчеркивание основополагающей роли субъекта или полное отрицание его значения в каждой конкретной сфере является важнейшей линией противостояния между психологизмом и антипсихологизмом.

В свою очередь, три основных тезиса антипсихологизма в комплексе гуманитарных наук прямо противостоят трем основным тезисам психологизма. Антипсихологизм исходит из следующих установок: (1) содержание ни одной науки, включая психологию, не может быть объяснено и обосновано в психологистических терминах, оно никак не связано с психическими процессами. В силу этого у психологии нет методологического и теоретического превосходства над всеми другими науками; (2) любая наука должна выстраиваться на соб-

[4] В.Н. Брюшинкин на три года раньше меня защитил докторскую диссертацию. Однако исторически случилось так, что я занималась антитезой «психологизм – антипсихологизм», начиная со своей первой курсовой работы и заканчивая докторской диссертацией. В.Н. Брюшинкин начал исследование данной антитезы именно в рамках своей докторской диссертации.

ственных основаниях, ориентироваться на исследование своих собственных форм, определяющих ее содержание; (3) в науке не просто недопустимо все сводить к психическим процессам познающего субъекта, субъект вообще должен быть выведен за рамки науки. «Машина науки» выдает результаты без вмешательства человека. Человек же лишь должен знать метод, позволяющий ему использовать эту машину.

Соответственно разным установкам, образ гуманитарного мира по-разному выстраивался и по-разному выглядел в рамках психологизма и антипсихологизма. Можно выделить этапы подъема и спада интереса к проблемам данной антитезы. Причем я хотела бы специально подчеркнуть, что современные этапы такого интереса проявляются уже после того, как в 30-е годы XX столетия была провозглашена полная победа антипсихологизма над психологизмом [Сорина 1993]. В качестве только одного из примеров актуальности данной проблематики я хотела бы привести исследования современного австрийского профессора М. Куша, который дает социологическую интерпретацию проблем данной антитезы [Kusch 2000].

В конце 80-х годов XX века этот интерес был очевиден. Так, именно в это время В.Н. Брюшинкин *предложил программу возрождения психологизма в логике*. Он назвал свою программу программой метапсихологизма. «Психологизм» Брюшинкина я считаю возможным охарактеризовать как анти-антипсихологизм, что нетождественно классическому психологизму. Аналогичным образом, на мой взгляд, могут быть представлены некоторые идеи Выготского, позднего Витгенштейна, Бахтина [Сорина 2013].

В чем же суть метапсихологизма В.Н. Брюшинкина? Проблему возвращения психологизма в логику Брюшинкин «встраивает» в общую концепцию философских взглядов на логику, связывая между собой «гуманитарную установку» в логике и возвращение в нее «человеческого фактора». Такое возвращение он рассматривает в рамках философии логики, где он анализирует проблему соотношения формализованных логических процедур и *естественного мышления, которое*, в частности, *проявляется в процессах рассуждения и аргументации*. В.Н. Брюшинкин писал, что «…философия логики начинается с разделения логических процедур, совершаемых при помощи формализованных языков, и естественного мышления, не пользующегося формализованными языками» [Брюшинкин 1988: 13].

Понятие «естественное мышление» используется им для характеристики ежедневных «массовидных» процессов рассуждения, зависимых от запаса знаний, навыков субъекта, его психологических особенностей. Совершенно очевидно, что вводить «психологизм» в процессы «естественных рассуждений» нет никакой необходимости, ибо его просто невозможно «вынуть» оттуда.

Программа метапсихологизма Брюшинкина направлена на возвращение психологизма именно в логику. Формулировка такой задачи в общей форме, без детализации, внешне практически ничем не отличается от традиционного психологизма. Тем не менее различия между классическим психологизмом и психологизмом (метапсихологизмом) Брюшинкина носят принципиальный характер. В чем они заключаются?

Эти различия начинаются с дифференциации области логических исследований. В качестве объекта, служащего основанием для философских обобщений в логике, Брюшинкин выделяет новую и еще не вполне сформировавшуюся область символической логики – теорию поиска вывода. Эта теория начинает формироваться с конца 50-х годов и получает свое развитие в середине 70-х годов в работах С.Ю. Маслова. Брюшинкин ставит задачу возвращения психологизма в логические процедуры, но при этом сама логическая процедура понимается им как сложная система, состоящая из двух подсистем: поиска вывода и вывода.

Возвращение психологизма в логику, как показывает автор программы метапсихологизма, возможно только в рамках одной из этих подсистем: в поиске вывода, который ведется на метауровне исследования и позволяет в процессе поиска конкретного варианта вывода

моделировать некоторые процессы естественного мышления. В терминах психологизма и антипсихологизма анализируемая программа может быть изложена следующим образом. Для данной концепции «нового психологизма» характерны непсихологистическое истолкование процедуры логического вывода (сохранение основополагающего тезиса антипсихологизма в логике) и одновременно представление о логических процедурах (на уровне поиска вывода, осуществляемого субъектом) как некоторых моделях естественного мышления. Этот тезис уже, в свою очередь, является модификацией важнейшего тезиса логического психологизма, в соответствии с которым логика представляет процессы человеческого мышления. Фактически «новый психологизм», метапсихологизм Брюшинкина предусматривает синтез некоторых идей психологизма и антипсихологизма в логике. В начале XX века подобный путь синтеза по отношению к психологизму и антипсихологизму в эстетике был предложен Л.С. Выготским [Сорина 2013]. Такой синтез позволяет вернуть познающего субъекта в разные формы научного знания.

Различение в рамках логической процедуры вывода и поиска вывода позволяет Брюшинкину утверждать (а затем и показать на конкретных примерах анализа психологистической трактовки дедукции в секвенциальных системах Дж. Робинсона, концепции Ж. Пиаже, модели мышления С.Л. Рубинштейна и так далее), что символическая логика, не занимаясь эмпирическим исследованием мышления, «способна давать нам информацию (по крайней мере) о некоторых аспектах процесса мышления» [Брюшинкин 1988: 37]. Мне представляется важным подчеркнуть, что такая постановка вопроса не ведет к возвращению классического психологизма с его тремя основными признаками. Речь не идет о том, чтобы представить логический вывод как отражение какой-либо психической реальности. Важнейшая идея «нового психологизма» заключается в том, что в процедуре поиска вывода есть место для «человеческого фактора», для познающего субъекта.

Анализ, проведенный Брюшинкиным на логическом и психологическом материале, направлен на доказательство возможности и необходимости логического моделирования некоторых аспектов естественного мышления. В этой форме «нового психологизма» не реставрируются редукционистские идеи «старого психологизма» о необходимости построения и объяснения всех других наук на базе психологии. Как я уже отмечала, в этой концепции синтезируются некоторые идеи психологизма и антипсихологизма, а «человеческий фактор», рассуждающий субъект, оказывается существенным элементом символической логики.

В этом смысле, как я думаю, исследования в области психологизма стали одним из важнейших оснований для организации В.Н. Брюшинкиным в Калининграде его научно-исследовательского семинара по проблемам моделей рассуждений. Правда, этому семинару предшествовал еще и другой постоянно действующий научно-исследовательский международный семинар: «Логическое кантоведение» («Logical Kant Studies»). На мой взгляд, этот семинар позволяет еще раз подчеркнуть особое значение взаимодействия между учителями и учениками: шестидесятниками и семидесятниками. Семинар по логическому кантоведению первоначально был очень небольшим и четко объединял между собой учителей и учеников. Этот семинар задал, как говорил сам В.Н. Брюшинкин, новое направление логических и историко-философских исследований. Это направление «нашло признание со стороны одного из самых строгих наших логических авторитетов», В.А. Смирнова [Брюшинкин 1998: 10]. Вначале В.А. Смирнов отнесся с некоторой осторожностью к идее такого семинара. Но потом активно его поддержал, выступал с докладами. Главное – он поддержал саму идею проведения логических и историко-философских исследований.

Первый семинар состоялся в ноябре 1987 года. Он назывался «Философия Канта и современные логико-лингвистические исследования». В работе первого семинара участвовали: В.А. Смирнов, Е.Д. Смирнова, В.Н. Брюшинкин, И.Н. Грифцова, Г.В. Сорина,

В.С. Меськов, В.А. Бочаров, А.Ф. Грязнов, а также калининградские философы и логики: Л.А. Калинников, А.Н. Троепольский.

В.А. Смирнов выступил на нем с главным докладом «Иммануил Кант и современная логика». Позже доклад был опубликован в «Кантовском сборнике». С точки зрения В.А. Смирнова, внимательное изучение кантовских работ позволяет, с одной стороны, проанализировать кантовские идеи с помощью логических средств, с другой – позволяет найти новые пути развития логики как науки. Эти идеи стали основной установкой для развития всего направления логического кантоведения. Лично для меня этот семинар стал толчком к исследованию кантовского отношения к вопросу, вопросно-ответным процедурам в трудах Канта.

Конечно, уже первый семинар по логическому кантоведению, как потом и все последующие, создавал особую систему человеческих отношений. Так, первый семинар, в отличие от последующих, которые проводились в Светлогорске, проходил в Калининграде. Но все-таки в один из дней В.Н. Брюшинкин организовал для участников семинара поездку в Светлогорск. В этот день была настоящая ноябрьская погода: «временами не дождило», но в основном целый день устойчиво «дождило». Иногда дождь был очень сильный, иногда – не столь сильный. Туфли Владимира Александровича промокли, гулять в них было просто нельзя, и мы все пошли искать магазин, где можно было бы купить обувь. 1987 год. Эпоха дефицита. Небольшой курортной город после закрытия курортного сезона. Нынешний Светлогорск очень отличается от Светлогорска той эпохи. Но! Владимиру Александровичу, а значит, и всем нам повезло: была ровно одна пара осенней обуви, именно того размера, который был нужен. Потом в автобусе долго шутили о том, как удачно был выполнен в Светлогорске «спецзаказ», определивший возможность прогулки. Пожалуй, есть еще одно очень яркое впечатление, сохранившееся на всю жизнь, с того первого семинара. Мы спустились к морю, и все, кроме Елены Дмитриевны, спрятались под навес. Елена Дмитриевна одна очень долго стояла у самой кромки моря и смотрела вдаль. Вернулась она к нам промокшая до нитки (на ней было осеннее пальто с утеплителем), но какая-то тихо счастливая. Все последующие годы наших семинаров в Светлогорске беседа с морем, ведомая только ей одной, продолжалась у Елены Дмитриевны каждый год. В эти минуты ей никто не мешал. Это была личная беседа.

В 1989 году состоялся следующий семинар, «Логическое кантоведение – 2: Логика практического разума». На нем В.А. Смирнов также выступил с основным докладом: «О перспективах анализа учения И. Канта о праве и морали средствами современной логики». Этот доклад был опубликован в пятнадцатом выпуске «Кантовского сборника». К сожалению, в третьем семинаре В.А. Смирнов уже не смог принять участие. «Логическое кантоведение – 4» (сентябрь 1997 года) было посвящено памяти Владимира Александровича Смирнова. По договоренности, поддержанной участниками семинара, между В.А. Смирновым и В.Н. Брюшинкиным на 4-м семинаре планировалось рассмотреть проблемы психологизма и антипсихологизма в логике. Такое обсуждение состоялось. В частности, В.Н. Брюшинкин и я смогли представить свои концепции этого комплекса проблем на примерах из логики. Кроме того, свои доклады на этом семинаре представили Е.Д. Смирнова и Марк Наттурно (попперианец, один из крупнейших западных специалистов в области проблем психологизма – антипсихологизма в истории философии), который прилетел на семинар из Лондона [Notturno 1988: 100–118].

Семинар по логическому кантоведению фактически перешел, вместе со своими участниками, в семинар под общей рубрикой «Модели рассуждений» (МР). Вот как причины создания этого семинара прокомментировал В.Н. Брюшинкин в предисловии к сборнику науч-

ных статей, вышедших по результатам работы первого семинара. Сборник статей открывался следующей фразой:

> Рациональность связана со способностью человека рассуждать и сообщать результаты своих рассуждений другим людям. На протяжении многих веков признанной теорией рассуждений была логика… В XX веке появились альтернативные модели рассуждений в рамках когнитивных наук, искусственного интеллекта, теории аргументации, новой риторики, ставящие перед собой задачу приближения моделей к реальным рассуждениям. Возникла задача исследования многообразия моделей рассуждений и их соотношения с логикой. Решению этой проблемы посвящена серия семинаров «Модели рассуждений»… являющееся продолжением семинаров по логическому кантоведению, регулярно проводимых в Калининграде / Светлогорске с 1987 г. На семинаре 2006 г. «Модели рассуждений –1: Логика и аргументация», состоявшемуся 3–5 октября 2006 г. в Светлогорске, обсуждалась проблема соотношения логики и теории аргументации в историческом и теоретическом аспектах [Брюшинкин 2007: 7].

Этому семинару и работам, подготовленным в его рамках, его результатам можно посвятить отдельную книгу.

Инвариантное название «Модели рассуждений» каждый раз конкретизировалось

> …в виде подзаголовка: логика и аргументация; когнитивный подход; аргументация и риторика; аргументация, коммуникация, общество; теории и технологии аргументации; принятие решений: теория, методология, практика; модели рассуждений в междисциплинарных и трансдисциплинарных пространствах; аргументация в современной мировой общественной, политической и образовательной деятельности; логика и философия [Грифцова 2016].

Но все вместе они работали на один общий результат: обсуждения и анализа теории и практики способов рассуждения, выявления их рациональных оснований. У этого семинара были очень важные результаты. Непосредственно сам В. Н. Брюшинкин в рамках работы МР предложил свою собственную системную модель аргументации [Брюшинкин 2000: 133–155; Брюшинкин 2005: 11–17; Брюшинкин 2008: 7–19].

Можно отметить еще два наиболее заметных и наиболее значимых в рамках академического сообщества результата: защиты докторских диссертаций по логике. Насколько я знаю, в настоящий момент это последние две докторские диссертации, защищенные по логике в нашей стране. Не буду заниматься прогнозом того, когда появятся следующие. Думаю, они появятся. Скажу несколько слов о тех, которые были написаны непосредственно под влиянием работы семинара по моделям рассуждений. Так как это достаточно смелое утверждение по поводу результатов других, то прежде, чем сформулировать его в рамках данной статьи, я позвонила коллегам, защитившим в 2012 и в 2016 годах докторские диссертации по логике, и спросила, могу ли я написать о влиянии МР на подготовку и защиту их диссертаций. В обоих случаях я получила утвердительный ответ. При этом Д.В. Зайцев (профессор Московского университета) попросил меня подчеркнуть, что даже название его диссертации «Обобщенная релевантная логика и модели рассуждений» (2012) сформировалось под влиянием МР, что В.Н. Брюшинкин должен был быть его оппонентом, но, к сожалению, уже не успел[5]. В свою очередь, Е.Н. Лисанюк (профессор Санкт-Петербургского государственного университета) попросила отметить, что она занялась проблемами своего исследования, которые затем переросли в докторскую диссертацию «Логико-когнитивная теория аргументации»

[5] В.Н. Брюшинкин ушел из жизни 7 июня 2012 года.

(2016), исходно для того, чтобы разобраться, что понимает В.Н. Брюшинкин под системной моделью аргументации. Не думаю, что можно привести еще один подобный пример, когда научно-исследовательский семинар стал бы основанием для подготовки и защиты двух докторских диссертаций. Я, в свою очередь, искренне благодарна коллегам, которые разрешили мне это написать.

Кроме того, хотела подчеркнуть, что этот семинар стал очень важной коммуникационной площадкой для логиков как нашей страны, так и зарубежных логиков. В его постоянном составе были участники из ведущих образовательных и научных учреждений России: МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Московского городского педагогического университета, НИУ «Высшая школа экономики», Института философии РАН, Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), МГЮА им. О.Е. Кутафина, Всероссийской академии внешней торговли, СПбГУ, Казанского (Приволжского) и Уральского федеральных университетов, НИУ «Новосибирский государственный университет», ведущих университетов стран СНГ и, конечно, коллеги, друзья В.Н. Брюшинкина из Балтийского федерального университета, без организационного и творческого участия которых семинар просто не мог бы работать. Это: В.А. Чалый (принявший на себя руководство кафедрой после В.Н. Брюшинкина), А.Г. Пушкарский, Ю.Ю. Лёвкина (Мазур), И.А. Горьков, Д.В. Хизанишвили, Н.А. Глебова, в разные годы – еще многие преподаватели и аспиранты кафедры [Грифцова 2016].

Конечно, международные семинары, организованные В.Н. Брюшинкиным, носили самостоятельный характер, и всё-таки, на мой взгляд, в них нашли свое отражение не только автономная исследовательская деятельность, аналогичный опыт В.А. Смирнова, но и тот небольшой домашний семинар по И. Канту, который проводил с нами, студентами философского факультета МГУ, в 1976–1977 годах Б.С. Грязнов. Думаю, опыт этого семинара отразился, в частности, в идеях логического кантоведения.

Борис Семенович Грязнов – это *отдельная линия судьбы* в истории нашей небольшой группы логиков-семидесятников. Б.С. Грязнов официально не проходил «по ведомству логики», скорее, он относился к категории историков философии и методологов науки. В нашу группу он пришел как доцент кафедры истории зарубежной философии. Мы были его последней университетской группой. Потом он переехал в Обнинск, куда мы к нему ездили на семинары и конференции. Но его посмертная книга называется «Логика. Рациональность. Творчество» [Грязнов 1982]. Очень емкое и точное название книги, отражающее весь творческий путь Б.С. Грязнова. Это название книге дали его коллеги и друзья. Он дружил со всеми ведущими логиками нашей страны и, конечно, с кафедрой логики философского факультета МГУ как отдельным и специальным институтом философского факультета Московского университета. Он часто выступал в качестве оппонента на диссертационном совете по логике. Роль Б.С. Грязнова в моей личной интеллектуальной биографии трудно переоценить. Именно он благословил меня на диплом по проблемам психологизма. «Благословляю» – именно так он произнес в коридоре 1-го ГУМа, когда я изложила ему основные идеи и структуру своего диплома по проблемам психологизма – антипсихологизма в логике и методологии науки. Это был февраль 1977 года. В тот день у него не было времени подробно обсуждать со мной какие-то детали моего диплома. Кроме того, он уже выразил свое отношение к плану моего диплома одним словом. Я сумела изложить ему этот план «за один коридор», как и было предложено: от парткома до кафедры логики[6], где он должен был выступить в качестве оппонента на защите диссертации З.А. Сокулер. Она защищала диссертацию на тему «Проблема квантификации в модальной логике». В том же 1977 году, но уже весной Борис

[6] Те, кто учился и работал в 1-м ГУМе (Первый гуманитарный корпус МГУ), хорошо помнят этот коридор.

Семенович задал мне вопрос: «Каково место логики в системе культуры?» Этот вопрос стал для меня важнейшим вопросом на долгие годы. Свой вариант ответа на этот вопрос я смогла предложить лишь спустя годы, в 1996 году, в совместной статье с В.С. Меськовым «Логика в системе культуры» [Сорина, Меськов 1996: 93–103].

В первой фразе этой статьи мы называем авторов ее центральных вопросов. Фраза звучит следующим образом:

> Фактически у этой статьи есть еще два соавтора. Это наши учителя: Борис Семенович Грязнов и Будимир Николаевич Пятницын. В 1977 году Борис Семенович Грязнов сформулировал вопрос: «Каково место логики в системе культуры?» – и подарил его в качестве темы научно-исследовательской работы одному из нас. В то же время Будимир Николаевич Пятницын сформулировал похожий вопрос: «Что будет с культурой, если из нее убрать логику?» – и предложил другому из нас написать совместную работу на эту тему. В данной статье мы хотим поделиться нашим осмыслением ответов на эти вопросы [Там же: 93].

Именно Б.С. Грязнов познакомил меня с Н.В. Мотрошиловой. Это знакомство стало для меня важнейшей частью моей интеллектуальной биографии. Неля Васильевна никогда ничего не читала на моем курсе. Но я уходила со спецкурса по модальной логике, чтобы пойти на ее спецкурс по Гуссерлю. В те годы для меня очень важной была книга Н.В. Мотрошиловой «Принципы и противоречия феноменологической философии» [Мотрошилова 1968]. В последующие годы важны были и другие книги Н.В. Мотрошиловой. Главное – ее книги всегда были нужны и в педагогической практике (в своем курсе по истории философии я всегда учитывала работы Нели Васильевны, рекомендовала их моим студентам), и в теоретической работе. Отношение к учителям. Здесь Н.В. Мотрошилова тоже однажды как бы задала для меня образец такого отношения. Она сказала мне, что является ученицей К.С. Бакрадзе, что гордится этим, что К.С. Бакрадзе, в свою очередь, был учеником Э. Гуссерля, что он, в свою очередь, тоже гордился этим. Думаю, что такая цепочка «учитель – ученик – ученик» – это очень важная линия развития культуры в любой области. Мои Учителя всегда говорили о своих Учителях. Когда я написала докторскую диссертацию «Логико-культурная доминанта. Философско-методологические проблемы» (1993) и Н.В. Мотрошилова дала свое согласие быть моим оппонентом, то всё в моем мире как бы остановилось в ожидании ее вердикта. Ее вывод был позитивным, что, в частности, для меня создало внутренние условия возможности защиты. Никогда не забуду одну фразу Нели Васильевны, которую она произнесла, когда отдавала мне подписанный и заверенный отзыв. Она сказала: «Раньше историю философии рассматривали без проблем психологизма. Но можно и так». «Можно» – для меня это было ключевое слово.

Однажды (это был 2004 год) Неля Васильевна пришла ко мне на семинар, который проходил просто в рамках учебного расписания по философии на психологическом факультете МГУ. Семинар был посвящен И. Канту и проводился в контексте Методологии экспертного анализа текста (МЭАТ). После окончания работы семинара она пригласила студентов в ИФ РАН и там наградила каждого из приглашенных студентов томом двуязычного Канта. Уже в 2005 году в книге «Форум молодых кантоведов» (по материалам Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти И. Канта) были опубликованы четыре статьи студентов филологического и психологического факультетов МГУ, которые работали со мной в контексте МЭАТ. Мои студенты в этом сборнике оказались единственными молодыми кантоведами, которые учились не на философском факультете.

Возвращаюсь к проблемам влияния Б.С. Грязнова на своих учеников. Б.С. Грязнов выдвинул поризматическую теорию развития науки [Грязнов 1982]. В.Н. Брюшинкин, высоко оценивая ее эвристический потенциал, в дальнейшем в ряде своих работ развивал предложенный Б.С. Грязновым подход. Так, уже после ухода В.Н. Брюшинкина его калининградскими коллегами была издана написанная Владимиром Никифоровичем в соавторстве с его бывшей аспиранткой Ниной Ходиковой монография «Теория поиска вывода. Происхождение и философские приложения» [Брюшинкин, Ходикова 2012], в которой проведена историко-логическая реконструкция происхождения теории поиска вывода из гильбертовской теории доказательств на основе поризматической модели происхождения теорий, предложенной Б.С. Грязновым, рассмотрены философские приложения теории поиска вывода, а в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья, посвященная применению поризматической модели к исследованиям в области истории логики [Брюшинкин 2013: 41–45].

Конечно, основное влияние на меня и моих друзей-коллег с кафедры логики оказали наши учителя логики и методологи. В то же время разные «ниточки влияния», как любила говорить Е.Д. Смирнова, на философском факультете проявлялись в разных ситуациях. Это могли быть совершенно неожиданные формы влияния представителей разных кафедр факультета. Более того, такое влияние может проявиться и просто сегодня, что называется, «здесь и сейчас». Расскажу только об одном эпизоде, который чрезвычайно важен для моей современной научно-исследовательской деятельности. Сам же эпизод относится к третьему курсу, к семинарским занятиям по немецкой классической философии. В этом эпизоде, на мой взгляд, как бы сошлись разные «ниточки развития» времени, эпохи и личной интеллектуальной биографии. Семинары по Гегелю у нас вел молодой преподаватель кафедры ИЗФ Г.В. Березовский. Он только что защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пьер Бейль: к характеристике мировоззрения и метода», был успешен и востребован. К нам на первую пару семинара он приходил на следующий день после семинаров в Высшей партийной школе (ВПШ). И, как бы не успев отдышаться от последней пары в ВПШ, достаточно долго и саркастически рассказывал о своих занятиях в этой школе. Потом мы переходили к обсуждению докладов. Так, мне Геннадий Васильевич дал доклад на тему «Проблема отчуждения в “Феноменологии духа” Гегеля». Эмоции третьекурсницы я даже не сумею описать. Но к этим эмоциям трепета, бесконечных сомнений по отношению к предложенной теме и возможности ее раскрыть добавлялись эмоции, связанные с тем, что в результате необходимости присутствия на семинаре в 9.00 (невозможно пропустить свой, хоть и совершенно неожиданный доклад) наша маленькая группа не сможет пойти в 8.00 в кинотеатр «Литва» на Мичуринском проспекте на фильм А. Тарковского «Зеркало». Это был фильм эпохи. Как известно, он вышел в прокат ограниченным тиражом, шел только в некоторых кинотеатрах и только в восемь утра[7]. В результате мы не попали в этот день на фильм, но, к счастью, сходили на другой день. Доклад я сделала в назначенный день. Весь последующий семестр Г.В. Березовский ссылался на мой доклад как пример того, как надо делать доклады. Конечно, студентке это было приятно. Но главное в той теме для меня заключается в том, что я с тех пор не расставалась с проблемой отчуждения. Она была в моем дипломе, в обеих диссертациях. Сейчас я работаю над проектом, где эта тема является определяющей. Мой

[7] Потом, спустя годы В.В. Казютинский, который принимал меня в члены Дома ученых, поделился своими воспоминаниями о роли этого фильма в его жизни. Когда «Зеркало» уже перестали показывать в Москве, он узнавал, где его показывают в Питере, и ехал туда на поезде, чтобы еще и еще раз посмотреть фильм А. Тарковского.

научно-исследовательский проект называется «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)»[8].

Трудно в одной статье рассмотреть историю поколения, даже если в рамках поколения в качестве частного примера рассматривается только узкий круг друзей-логиков. Проблемы преподавания, которые мы обсуждали в аспирантские и последующие годы, остались для нас важными на всю последующую жизнь. В частности, я в контексте решения проблем преподавания разработала Методологию экспертного анализа текста (МЭАТ). Мое авторское право на эту методологию подтверждено патентом, авторским свидетельством. На эту тему я написала ряд статей и опубликовала два учебных пособия [Сорина 2016; Сорина 2017].

В первом примечании к первому из этих пособий, изданному в 2016 году, я отмечала, что

> …для меня как логика было важно заложить именно логические основания экспертной работы. Здесь, конечно, сказалось то, что метафорически можно назвать «методологической выучкой», которую формировала у студентов, аспирантов, специализирующихся по кафедре логики, Е.Д. Смирнова, профессор кафедры логики философского факультета. Именно благодаря ей формировался у нас, выпускников кафедры логики, логически ориентированный образ методологии исследовательской деятельности. Этот образ отнюдь не выстраивался в системе какой-то жесткой логической формализации, но предполагал умение работать с понятиями, вопросами, суждениями, умение делать выводы и выстраивать свою аргументацию. Все это и заложено в основание работы с аналитическими таблицами в рамках МЭАТ.

Так случилось, что последняя книга, которую читала Е.Д. Смирнова, было мое учебное пособие. Она успела его прочесть и позвонила мне, чтобы обсудить и поддержать. Конечно, я всегда буду очень благодарна Елене Дмитриевне и судьбе за этот звонок.

Думаю, что логико-аналитическое начало присутствует и в работах моих учеников – как аспирантов, которые приходили в философию из разных других предметных областей (среди моих аспирантов, успешно защитившихся, были специалисты, которые пришли в философию из истории, социологии, журналистики, связей с общественностью), так и дипломников, включая бакалавров и магистров. Линии учеников и учителей, где ты выступаешь как бы в качестве медиума, всегда пересекаются.

Невозможно в небольшой работе рассказать о логике и логиках, учителях и учениках, которые влияли друг на друга. В то же время, надеюсь, определенный набросок образа логики, логиков, судьбы, их объединившей, мне удалось представить.

Брюшинкин В.Н. 1988. *Логика, мышление, информация*. – Л.: Изд-во ЛГУ.

Брюшинкин В.Н. 1998. В.А. Смирнов и логическое кантоведение в Калининграде. – *Логическое кантоведение – 4. Труды междунар. семинара*. – Калининград: Калининградский ун-т. – С. 10–15.

Брюшинкин В.Н. 2000. Системная модель аргументации. – *Трансцендентальная антропология и логика. Труды междунар. семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений*. – Калининград: Калининградский ун-т. – С. 133–155.

[8] Исследование проблем отчужденных форм научных коммуникаций ведется при поддержке РФФИ, проект «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», № 20-011-00710 А.

Брюшинкин В.Н. 2005. Обобщенная системная модель аргументации. – *Аргументация и интерпретация. Исследования по логике, аргументации и истории философии*. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. – С. 11–17.

Брюшинкин В.Н. 2007. *Предисловие. Модели рассуждений – 1. Логика и аргументация. Сб. науч. статей* / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград. – С. 7–8.

Брюшинкин В.Н. 2008. Аргументорика: исходная абстракция и методология. – *Модели рассуждений –2. Аргументация и рациональность* / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. – С. 7–19.

Брюшинкин В.Н. 2013. Поризматическая модель происхождения научных теорий и ее применение к исследованию истории логики. – *Вопросы философии*. – № 6. – С. 41–45.

Брюшинкин В.Н., Ходикова Н.А. 2012. *Теория поиска вывода. Происхождение и философские приложения*. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта.

Гадамер Х.-Г. 1988. *Истина и метод*. – М.: Прогресс.

Грифцова И.Н. 1995. Заметки к программе построения неформальной логики. – *Научные труды Московского пед. гос. ун-та им. В.И. Ленина. Сер.: Социально-исторические науки*. – М.: Прометей.

Грифцова И.Н. 1997. О соотношении формальной и неформальной логики. – *Научные труды Московского пед. гос. ун-та им. В.И. Ленина. Сер.: Социально-исторические науки*. – М.: Прометей.

Грифцова И.Н. 1998. *Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики*. – М.: Эдиториал УРСС.

Грифцова И.Н. 2016. Рассуждали в десятый раз (о 10-м Международном научно-исследовательском семинаре «Модели рассуждений»). – *Проблемы современного образования*. – № 6. – Доступно: http://www.pmedu.ru. – Проверено: 12.11.2022.

Грязнов Б.С. 1982. *Логика. Рациональность. Творчество*. – М.

Кант И. 1964. *Сочинения: в 6 т.* Т. 3. – М.: Мысль.

Кассен Б. 2000. *Эффект софистики*. – М.; СПб.: Университетская книга.

Лейбниц Г.В. 1984. *Сочинения*. Т. 3. – М.: Мысль.

Маркин В.И. 2010. Владимир Александрович Смирнов: педагог и учитель. – *Владимир Александрович Смирнов. Сер.: Философия России второй половины XX века*. – М.: РОССПЭН. – С. 225–238.

Мотрошилова Н.В. 1968. *Принципы и противоречия феноменологической философии*. – М.: Высшая школа.

Рожанский И.Д. 1989. Ранняя греческая философия. – *Фрагменты ранних греческих философов*. Ч. 1. – М.: Наука.

Сорина Г.В. 1991. Кантовские типы вопрошания и проблемы образования. – *Кантовский сборник*. – Калининград. – С. 139–147.

Сорина Г.В. 1993. *Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре. Монография (лауреат премии А.Ф. Лосева)*. – М.: Прометей.

Сорина Г.В. 2003. Критическое мышление: история и современный статус. – *Вестник МГУ. Сер. 7: Философия*. – № 6. – С. 98–111.

Сорина Г.В. 2009. *Принятие решений как интеллектуальная деятельность*. – М.: Канон +.

Сорина Г.В. 2013. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект. – *Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время»*. – Т. 3. – Вып. 2. – Доступно: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t3v2/index.php. – Проверено: 12.11.2022.

Сорина Г.В. 2016. *Экспертный анализ текста: методология и практика. Учеб. пос*. – М.: Изд. центр АНОО «ИЭТ».

Сорина Г.В. 2017. *Методология экспертного анализа текста (МЭАТ) в образовательном процессе*. – М. – Доступно: https://www.litres.ru/g-v-sorina/metodologiya-ekspertnogoanaliza-teksta-meat-v-obrazovatelnom-processe/. – Проверено: 12.11.2022.

Сорина Г.В., Грифцова И.Н. 2007. Философские идеи Канта в контексте логики и педагогики. – *Иммануил Кант: наследие и проект*. – М.: Канон+. – С. 451–469.

Сорина Г.В., Меськов В.С. 1996. Логика в системе культуры. – *Вопросы философии*. – № 2. – С. 93–103.

Стенограмма… 1948. *Стенограмма Всесоюзного совещания преподавателей логики высших учебных заведений 21–26 июня 1948 года*. – [Рукопись].

Kusch M. 2000. The Sociology of Philosophical Knowledge: A Case Study and a Defense. – *The Sociology of Philosophical Knowledge* / Ed. by M. Kusch. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Notturno M. 1988. The basic confusion of psychologism. – *Логическое кантоведение – 4*. – Калининград. – С. 100–118.

Sorina G. 1998. Logic and Law in Russian and Western Culture. – *Twentieth Word Congress of Philosophy*. – Boston.

ПОЯВИЛАСЬ ВОЗМОЖНОСТЬ УЗНАТЬ, КАК НА САМОМ ДЕЛЕ УСТРОЕНА ЖИЗНЬ… (О себе как части поколения, жившего в середине 80-х – середине 90-х годов прошлого века)[1]

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: *Прекрасный и многообразный мир Института философии Академии наук СССР, а затем – РАН, каким он был в середине 80-х – середине 90-х годов прошлого века, показан глазами аспиранта, а затем научного сотрудника. Поступив в аспирантуру сектора критики современной буржуазной философии стран Запада, автор сочетал учебу и подготовку кандидатской диссертации в нем с заинтересованной работой в секторе философских вопросов биологии, поскольку занимался темой биологических основ поведения человека на примере философии американского натурализма. Автор учился, сотрудничал и дружил с Р.С. Карпинской, Т.А. Кузьминой, Н.С. Юлиной, В.М. Межуевым, Г.С. Батищевым, А.И. Алешиным, Э.Ю. Соловьевым. В дальнейшем работа над диссертацией расширилась, распространившись на тему отношений человека и природы, в том числе в практической аграрной деятельности советского человека. В этом, в соответствии с духом времени, существенную роль сыграли центральные партийные органы и инициатива народного академика Т.С. Мальцева. Работа с экономистами – Е.Ф. Сабуровым, А.В. Чернявским и другими, с аграрными историками и экологами – В.П. Даниловым, Т. Шаниным, В.И. Кирюшиным привела к тому, что автор в 1994 году в качестве министра был приглашен в правительство Автономной Республики Крым (Украина), работая в котором имел возможность подробно ознакомиться с состоянием и перспективами развития аграрно-промышленного комплекса полуострова. На этой основе им была подготовлена для Крыма программа аграрных реформ, к сожалению, из-за кризиса президентской власти и последовавшей отставки «московского правительства» не состоявшаяся. О том, как это видится в четвертьвековом временном интервале, притом что многих друзей и коллег уже нет в живых, настоящий текст.*

Ключевые слова: *человек, общество, природа, биология, история, культура, аграрная сфера, практика.*

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Никольский С.А. Появилась возможность узнать, как на самом деле устроена жизнь… (О себе как части поколения, жившего в середине 80-х – начале 90-х годов прошлого века). – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 583–596.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.136146

Настоящий текст – не мемуары, не эссе. И поскольку ничего подобного ранее я не делал и в ближайшем будущем более делать не намерен, то и серьезно прорабатывать жанровые особенности не стану. Пусть это будут памятные заметки, не более того. Возможно, они будут любопытны молодым людям, чей взгляд на мир еще не приобрел свойства застывшего бетона. Со сверстниками и старшими современниками я их не обсуждаю: у каждого из них свое восприятие мира, свои надежды, своя правда. А пытаться понуждать принять мою позицию – дело затратное и пустое. Заметки будут состоять из двух отдельных сюжетов, как и по мере того они располагаются во времени и всплывают в памяти. Круги на воде. Итак…

В круге первом…

Он возник через несколько лет после того, как после аспирантуры и защиты кандидатской я был принят в Институт философии АН СССР в сектор философских вопросов биологии. Заведующей была моя фактическая научная руководительница кандидатской диссертации Регина Семеновна Карпинская. (Земля ей пухом). Ее стиль работы – привлечение к диалогу широкого круга ученых-биологов (в том числе известных – Н. Воронцова, А. Яблокова, Ю. Шрейдера) – надолго стал и моим стилем тоже. Мы занимались тем, что именовалось биологией человека, и тема моей кандидатской была посвящена философии американского натурализма, а также возникшей в то время в США социобиологии.

Институт в моем восприятии был тем местом, входя в которое я задерживал дыхание на вдохе, и как оно потом восстанавливалось, не контролировал. Вообще, мой выбор и мечта заниматься философией были подготовлены и, что важнее, оплачены отказом от других, Богом данных и лично значимых жизненных событий. Ведь СССР в определенных отношениях продолжал оставаться формой закрепощения человека, в том числе – прикрепления его к месту жительства. Пословица «где родился, там и пригодился» действовала беспощадно и буквально. Это сегодня человек сделался более свободным – житель региона может приехать в столицу, снять жилье и поступить на работу. В советское время это было невозможно. Свободно можно было сменить место жительства, лишь завербовавшись куда-нибудь в зону освоения новых территорий, например на стройку, или поступив, к примеру, после армии на работу в милицию. К этому часто прибегали жители сел. Но мотив – заниматься философией – в этой системе не существовал. Но вернусь ко времени реализации мечты.

В здании все еще было несколько учреждений – Институт экономики, журнал «Вопросы философии», «Палестинское общество». Философы жили на последнем, пятом этаже. По коридорам ходили люди с крайне разнообразными лицами. Они не были такими, как усредненные лица пассажиров метро. Все обладали своими повадками, и, как мне казалось, никто не подстраивался под другого. Некоторые, как, например, Вадим Михайлович Межуев, этим бравировали и любую тему старались свести к обсуждению именно его лица – его позиции, за которой на первом плане стояло собственное Я при полном отсутствии интереса к собеседнику. «Меня знают? Обо мне говорят?» – это то, что вполне искренне я часто слышал от него позднее, когда мы стали товарищами.

Последнему сопутствовало и то, что его жена, Наташа, была лучшей подругой Тамары Кузьминой, вдовы погибшего большого этика Олега Григорьевича Дробницкого. С Тамарой мы подружились всерьез и настолько, что своего сына Митю она отпускала со мной отдыхать к моим друзьям в Одессу. Из Одессы я звонил и сообщал, что Митька отказывается вставать ежедневно в 6 утра, чтобы идти на море. Но зато ел он за троих, тем более что еврейская мама Рима не только превосходно готовила, но и не разрешала вставать из-за сто-

ла, пока всё не будет съедено. На вопрос «Какого черта я тогда все это делала?» – ответа у меня не было. Сама мама Рима – мать моего детского друга Миши Фрейдлина – работала на двух ставках в парикмахерской, спала по 5 часов и готовила на семью и многочисленных друзей сына.

Тамара работала в секторе «Критики современной буржуазной философии» – единственном месте, где можно было всерьез заниматься западной философией. И поскольку моим номинальным руководителем была сотрудница этого сектора, то я пребывал там на законных основаниях. Руководил сектором интеллигентнейший Борис Тигранович Григорян, никогда не повышавший голоса и не менявший доброжелательного тона. Вообще интеллигентность в секторе выходила на необъяснимые уровни. Так, однажды в нем выступала польская ученая дама, которая, перечисляя дамский состав участников какой-то посиделки, сообщила, что среди прочих там были и б..ди. Сидевшая в конце комнаты Гаяне Михайловна Тавризян, специалист по французской философии, недослышала и обратилась к своей соседке – Азе Борисовне Зыковой, специалисту по испанской философии: «Азочка, дама только что в отношении женщин произнесла одно слово. Я недослышала, как она их назвала». Интеллигентная Зыкова ответила: «Гаяне, дорогая, ну, это слово, которое обозначает дам определенного поведения, которое начинается на букву “б”». Тавризян минуту подумала, а потом спросила: «А на какую оканчивается?»

Конечно, не стоит думать, что весь сектор и впрямь состоял из «дам-одуванчиков», ничего не знающих о жизни. Жизнь они знали отлично. Но умели вести себя так, как будто все злое и низкое существует где-то отдельно, и не пускали его в свой круг. Часто это к тому же сопровождалось откровенной самоиронией.

К примеру, позднее, проводя последний под эгидой ЮНЕСКО Международный день философии в Москве, я оказался в зале Дома ученых в кресле рядом с Ниной Степановной Юлиной, в то время уже достаточно пожилой и переживавшей не лучшие семейные времена после смерти мужа. В свое время она тоже была в секторе Григоряна. За кафедрой делал доклад Юрген Хабермас, и Юлина, несколько сомлев от его монотонного голоса, шепнула мне: «Сережа, я сейчас посплю, а потом буду выглядеть хорошо и ты подведешь меня к Хабермасу. Я за него замуж пойду».

Ироничное приятие жизни сопровождалось свободой, причем от рангов это не зависело. Когда к нам из аппарата ЦК КПСС (!) пришел директорствовать Георгий Лукич Смирнов, он с удивлением обнаружил, что все, включая лаборантов, в полной мере используют библиотечные дни, присутствуя на рабочих местах (столы в спину друг другу, поскольку, как говорил, институт располагался на одном этаже) только с 15 до 18 дважды в неделю. Как-то, зачем-то оказавшись в институте утром, я наблюдал картину: по пустому и полутемному коридору идет, заложив руки за спину, Георгий Лукич. Он поочередно подходит к каждой из секторских дверей, смотрит на табличку (у него, кажется, видел только один глаз), трогает ручку запертой двери и отходит. Следствием было распоряжение (недолго, правда, просуществовавшее), обязывавшее лаборантов ходить ежедневно и при этом расписываться в специальном журнале в отделе кадров. Георгий Лукич решил исполнение нововведения проверить. (Далее – из секторского фольклора.) Георгий Лукич открывает дверь в сектор Григоряна и видит: на длинном столе для заседаний, свесив ноги в сторону двери, лежит лаборантка Аня. На звук она поднимается, садится, некоторое время смотрит на директора и певучим голосом сообщает: «Никого нет». После чего снова ложится.

* * *

В аспирантские годы у меня не было друзей среди аспирантов. Наверное, потому, что аспирантура была заочной. Впрочем, и среди них устойчивых привязанностей я не наблю-

дал. Хорошими товарищами были Галя Горохова, специалист по китайской философии, впоследствии, как слышал, ушедшая в православие, и Володя Филатов, сегодня известный философ, профессор РГГУ. Моим настоящим институтским другом, во многом повлиявшим на мое профессиональное становление, стал вначале кандидат, а потом доктор философии Альберт Иванович Алешин. Поменяв прекрасную трехкомнатную квартиру в центре Горького (Нижнего Новгорода) на однушку у подмосковной станции в Щелкове, они с женой и дочкой перебрались в Москву. Дочка Наташа поступила на философский факультет в МГУ, а Алик вначале преподавал, а потом все же стал работать в секторе Карпинской, в котором после защиты осел и я. Скрытый диссидент и знаток-книгочей, Алешин стал моим настоящим старшим другом, с которым мы вместе радовались появлению в конце 80-х текстов Андрея Платонова. Вот пример одного из шедевров, который вызвал наш общий восторг:

> В Москве он явился в Кремль и постучал рукой в какую-то дверь. Ему открыл красноармеец и спросил: «Что надо?»
> – О Ленине тоскую, – отвечал Упоев, – хочу свою политику рассказать.
> Постепенно Упоева допустили к Владимиру Ильичу.
> Маленький человек сидел за столом, выставив вперед большую голову, похожую на смертоносное ядро для буржуазии.
> – Чего, товарищ? – спросил Ленин. – Говорите мне, как умеете, я буду вас слушать и делать другое дело – я так могу.
> Упоев, увидев Ленина, заскрипел зубами от радости и, не сдержавшись, закапал слезами вниз. Он готов был размолоть себя под жерновом, лишь бы этот небольшой человек, думающий две мысли враз, сидел за своим столом и чертил для вечности, для всех безрадостных и погибающих свои скрижали на бумаге.
> – Владимир Ильич, товарищ Ленин, – обратился Упоев, стараясь быть мужественным и железным, а не оловянным. – Дозволь мне совершить коммунизм в своей местности! Ведь зажиточный гад опять хочет бушевать, а по дорогам снова объявились люди, которые не только что имущества, а и пачпорта не имеют! Дозволь мне опереться на пешеходные нищие массы!..
> Ленин поднял свое лицо на Упоева, и здесь между двумя людьми произошло собеседование, оставшееся навсегда в классовой тайне, ибо Упоев договаривал только до этого места, а дальше плакал и стонал от тоски по скончавшемуся.
> – Поезжай в деревню, – произнес Владимир Ильич на прощанье, – мы тебя снарядим – дадим одежду и пищу на дорогу, а ты объединяй бедноту и пиши мне письма: как у тебя выходит.
> – Ладно, Владимир Ильич, через неделю все бедные и средние будут чтить тебя и коммунизм!
> – Живи, товарищ, – сказал Ленин еще один раз. – Будем тратить свою жизнь для счастья работающих и погибающих: ведь целые десятки и сотни миллионов умерли напрасно!
>
> *(Андрей Платонов.* Впрок*)*

К сожалению, Альберт Иванович Алешин умер несколько лет назад от тромба в сердечном сосуде, и из прежних старших моих друзей со мной по-прежнему Эрих Юрьевич Соловьев и более близкие мне по возрасту Владимир Натанович Порус и Светлана Сергеевна Неретина. Конечно, в институте есть еще старшие коллеги, чье отношение для меня важно. Это Салам Керимович Гусейнов, с которым мы подружились в бытность его директором института, когда я был его заместителем. Это также принимавший меня в аспирантуру Владислав Александрович Лекторский, а также Мариэтта Тиграновна Степанянц. Но я, не преуменьшая их значимости, все же назвал бы их добрыми товарищами.

Если говорить о том, какие художественные произведения того времени оказали на меня особо сильное влияние, то назову следующие. Это проза Андрея Платонова, ранний

Михаил Шолохов («Тихий Дон» и «Донские рассказы»), вся проза Варлама Шаламова и Виктора Астафьева. (Собственно, эти трое, на мой взгляд, могут считаться величайшими отечественными писателями XX века.) Также – военная проза В. Быкова, В. Гроссмана, В. Кондратьева, К. Воробьева, деревенская проза В. Распутина и Ф. Абрамова. Без них моя жизнь была бы много беднее. И конечно, кинематограф (Алексей Герман, Лариса Шепитько, Сергей Бондарчук, Василий Шукшин, Андрей Тарковский, Георгий Данелия, Анджей Вайда, Марлен Хуциев) и театр того времени – Анатолий Эфрос, Георгий Товстоногов, Юрий Любимов.

* * *

Несколько слов о так называемой проблеме «философских поколений». Думаю, что их существование связано прежде всего с наличным самосознанием исследователей, по каким-то причинам желающих сознавать себя в такого рода контексте. У меня такого самосознания нет. Более того. Я думаю, что объективно мы внутри философского сообщества можем фиксировать такое деление лишь при наличии большого общественного события или процесса, который затрагивает многих ученых и уже этим провоцирует их определенную сходную реакцию на него. И такая реакция может быть метафорически названа самосознанием «философского поколения». Так, событием второй половины 50-х годов прошлого века был XX съезд КПСС, развенчавший «культ личности» Сталина. К тому же для его оценки именно определенным, а не разрозненным философским сообществом было наличие в таковом центрального ядра с общей судьбой – философов-фронтовиков. Думаю, без них «поколение» бы не сложилось. При этом не важно, что XX съезд был всего лишь малой и неадекватной попыткой пробиться к глобальному феномену «советского». Попыткой ограниченной, предполагающей на том этапе всего лишь замену главной фигуры времени – Сталина, о котором многое было справедливо сказано как о «злодее», фигурой Ленина, и точнее, Ленина не времен «военного коммунизма», когда он мало чем уступал «зрелому Сталину», а Ленина «позднего», когда он весной 1921 года все же согласился на поворот к НЭПу. Сами они, как мне представляется, формулировали это так: нужно вернуться к раннему Марксу и позднему Ленину. Наследниками XX съезда ленинский «поворот» подавался как его мудрость, хотя на самом деле, на мой взгляд, это был шаг вынужденный, на который политик шел, опасаясь потерять власть под давлением непрекращающихся крестьянских восстаний. (Кстати, первым эту опасность почувствовал Троцкий, предложивший НЭП весной 1920 года, то есть годом раньше. Но тогда Ленин на это не пошел, еще веря в силу большевистского строя и успешно топя в крови сопротивляющуюся деревню.) Более подробно этот исторический момент был мной исследован в книге «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября» [Никольский 1990]. Книжка была результатом работы в «спецхране» Ленинки. Примечательно, что один из наиболее знающих специалистов в этой области – профессор Виктор Петрович Данилов, с которым мы были товарищами, отметил мою работу как наиболее обоснованное в то время высказывание по этому сюжету.

Завершая тему «философских поколений», скажу. В силу того, что после события «десталинизации» в стране не было соразмерного общественного явления, то и о «философских поколениях» других времен речь, насколько могу судить, не возникает.

Конечно, сильным общественным событием было развенчание гегемонистской роли КПСС в жизни общества, равно как и последующий распад СССР. Однако в силу того, что процессы эти не получили в общественном сознании явного консенсуса, то и реакции в форме целостности – в частности, «философского поколения» – на них не последовало. Примеров того, что представители последующих поколений философов не были солидарны по поводу распада КПСС и СССР и не могли образовать нечто похожее на «философское поколение» как отклика на XX съезд и пересмотр отношения к марксизму и ленинизму, можно при-

вести много. Назову только один – показательную реакцию знающего специалиста, достойного человека и профессионала – Валентина Ивановича Толстых, недавно ушедшего. Свое самосознание он выразил, в частности, во многом автобиографической книгой под названием «Мы были». И главное, с говорящим подзаголовком: «Советский человек как он есть». На мой взгляд, в понятие «советский человек» Валентин Иванович вложил только то личное и, несомненно, позитивное, что советскому человеку и в самом деле было свойственно. Однако он ничего не сказал о том безобразном и даже ужасном, что тоже в советском человеке, к сожалению, было. И конечно, я об этом знаю, равно как и знаю многих философов из поколения Толстых, для которых определение «советский» звучит не так однозначно и даже скорее негативно.

Не думаю, что в означенное время середины 80-х – середины 90^{-x} годов у многих исследователей появились какие-то особые проблемы для исследования, которых не было раньше. Наверное, в основном все продолжали заниматься тем же самым, но теперь делать это стало свободнее. Осмысление происходящих общественных сдвигов еще не начиналось, поскольку сами сдвиги едва наметились.

Параллельно с жизнью в институте я старался вникнуть в исследования интересовавших меня ученых – в МГУ на Ленинских горах слушал, на мой взгляд, революционный спецкурс по Гуссерлю Нели Васильевны Мотрошиловой, а в МФТИ (физтехе) в Долгопрудном – лекции Генриха Степановича Батищева о деятельностном подходе у Маркса. Генрих Степанович настолько высоко ценил свои мысли и авторство, что категорически запрещал что-либо записывать. Также я сделал попытку посетить семинар Георгия Петровича Щедровицкого, но сразу же должен был от этой затеи отказаться. Георгий Петрович, выяснив, что я из Иинститута философии, не стесняясь в выражениях стал тут же на семинаре, мягко говоря, распекать его работников, а заодно и меня, потому как я в нем работал. Загадка такого способа общения так и осталась для меня неразрешимой. Однако, прочитав недавно его книгу «Я всегда был идеалистом», ответ, который не слишком понравился бы автору, я все же нашел.

Слушал я и публичные лекции Александра Александровича Зиновьева, который поразил меня способностью подавать себя как единственный и исключительный центр понимания и толкования советского мироздания, вокруг которого, как вокруг солнца, вращалось все. Платой за эту систему миропорядка стали многочисленные книги Александра Александровича, в которых «все» с неизбежностью сопрягается с «обо всем», то есть со скольжением по верхам. Но все же иногда, надо отдать должное, представленным занимательно. Впрочем, о мертвых…

Большое эмоциональное воздействие на меня оказывала театральная и кинематографическая Москва. Это было то, что, за исключением Ленинграда, почти полностью отсутствовало в советской и, позднее, в российской провинции. Театры на Малой Бронной с постановками А. Эфроса, на Таганке, со спектаклями Ю. Любимова, гастроли Ленинградского Большого драматического театра Г. Товстоногова, «Иллюзион» и московские кинофестивали – если и не слишком развивали концептуальное мышление, то развивали безошибочный эмоциональный камертон на правду и ложь. Любовь к кино у меня была давно, еще со времен школьной учебы в Луганске. У меня были прекрасные учителя – Нонна Николаевна по русской литературе и Борис Натанович Порус по физике. (Кстати, Борис Натанович как-то на уроке говорил о своем брате – Владимире Натановиче, сотруднике Института философии. И потом, через несколько десятков лет, мы с Володей стали друзьями, а Борис Натанович год назад умер у своего сына в Подмосковье.) В одном классе со мной учился ныне известный киновед, а по должности – главный киновед Госфильмофонда России – кандидат искусствоведения Женя Марголит. С ним мы разбирались в «Затмении» Антониони, смотрели фильмы

итальянского неореализма, польские фильмы – «Пепел и алмаз» со Збигневом Цыбульским и «Пепел» с Даниэлем Ольбрыхским.

По итогам кандидатской мы в соавторстве с Р.С. Карпинской опубликовали в 1981 году в «Науке» мою первую монографию «Социобиология. Критический анализ». Но тут на нас «свалился» народный академик агроном-сибиряк Терентий Мальцев, и жизнь взяла новый курс. Терентию Семеновичу в то время было более восьмидесяти, и он, усвоив верное понимание, что если в СССР что-то и делается, то лишь с санкции начальства, будучи дважды Героем Социалистического Труда, зачастил по высоким кабинетам ЦК партии. Тогда, после смерти Брежнева, генеральные секретари долго не засиживались, и потому Мальцев на Старой площади, где располагался аппарат руководства КПСС, был гостем частым. Смысл его идеи был прост: всегда отстававшее от передовых стран сельское хозяйство страны нельзя «поднять» без марксистско-ленинской философии.

На первый взгляд было смешно. Но за первой мыслью стояла вторая, серьезная. И когда спустя десять лет на брифинге в Крыму у меня, тамошнего министра сельского хозяйства, одна местная звездная журналистка спросила: «Какая связь между философией и навозом?», я ответил: «Человек».

Вот и Мальцев чуял, что глубокая яма отечественного сельского хозяйства не столько от отставания в технологиях и сортах, сколько от несвободы и скованности ума и рук работника. (Сам он, говорят, еще в 1947 году ухитрился получить лично от Сталина бумагу, разрешающую ему сеять – убирать не по приказам из райкома-обкома, а по личному усмотрению.) Но допустить, что советский человек не свободен, а в его голове есть нечто не совпадающее с «верным и потому всесильным учением Маркса и Энгельса» в интерпретации Ленина, Сталина и, далее по списку, генеральных секретарей и решений съездов и пленумов ЦК КПСС, он, конечно, не мог. По незнанию прежде всего. А если б и знал, то, наверное, не допустил бы по инстинкту выживания.

Так вот, после очередного похода агронома в ЦК КПСС в Институт философии была «спущена» директива – идеи народного академика поддержать и оформить. И эта директива плавно легла на мою голову – м.н.с., к.ф.н.

Начинать, как я понимал, надо было с истории. Но в какое время и что именно в ней следовало искать в первую очередь, мне подсказали те, кто давно этой проблематикой занимался, а иногда и жил – историки-аграрники, аграрникиэкономисты, географы, почвоведы.

Когда я говорю «жил», то имею в виду специалистов, сидевших в архивах, либо работавших на земле, либо проводивших полевые исследования на почвах хозяйств. То есть это в любом случае были люди, имевшие дело с реальностью непосредственно, потому что было очень много «интерпретаторов» – тех, кто брал в руки материалы, полученные учеными и специалистами «первого ряда», и далее вводил в научное знание свое интерпретированное видение реальности. А поскольку интерпретации обязаны были быть согласованы с идеологическими установками, то, например, не допуская изгнанного из реальности марксизмом-ленинизмом-сталинизмом понятия «собственность», работников села интерпретаторы именовали не хозяевами земли, а «хозяевами на земле».

Знание о реальности было искажено разного рода идеологическими пристрастиями, мировоззренческой зацикленностью, «правильным» или, как сегодня предпочитают говорить, «патриотичным», российским видением истории. В особенности в этой проблематике преуспевали «народолюбцы» – славянофилы и евразийцы, которых медом не корми, а дай поругать либералов и «зловредный» Запад. И в истории «защитников народа» в качестве столпов были не только незначительные современные, но и особо значимые фигуры. Как, например, православный националист Федор Михайлович Достоевский, постоянно кусавший либерала Ивана Сергеевича Тургенева за его описание России из французского далека «через

подзорную трубу», что не мешало «патриоту» Федору Михайловичу регулярно у Ивана Сергеевича одалживаться после очередного рулеточного проигрыша.

Среди моих старших товарищей, а потом и друзей, открывших для меня видение реальности такой, какой она была, были наш крупнейший историк-аграрник Виктор Петрович Данилов, специалист по доколхозной деревне и коллективизации; знаток сельского хозяйства – почвовед Дмитрий Николаевич Дурманов; аграрник-экономист Гелий Иванович Шмелев, все ныне покойные; а также здравствующий эколог и почвовед академик Валерий Иванович Кирюшин.

Отдельно нужно сказать о приехавшем из Манчестера в Москву социологе крестьянства Теодоре Шанине, с которым Данилов познакомил меня в конце 80-х. Теодор на свои деньги сразу собрал из москвичей и молодых ученых регионов группу, с которыми мы начали долговременное включенное исследование мировоззрения сельских жителей ряда областей и республик СССР. Одновременно он был увлечен идеей создания годичного вуза – российско-британского негосударственного университета для молодежи с высшим образованием, с 1995 года ставшего известным как Московская высшая школа социальных и экономических наук, а впоследствии именуемого «шанинкой». В первый год накануне вступительных экзаменов Теодор позвонил мне: «Сергей, мои московские друзья просят меня о содействии при зачислении в Школу их детей. По английским правилам я тут же должен исключить их из состава абитуриентов. Что делать?» Это тоже была советская реальность.

Виктор Петрович и Теодор ввели меня в мир аграрной истории и социологии, в крестьяноведение. К сожалению, в феврале нынешнего года, немного не дожив до 90 лет, Теодор умер. Виктор Петрович трагически погиб еще раньше.

Параллельно среди моих товарищей и знакомых было много публицистов, писавших о прошлой советской и современной деревне. Среди наиболее знаменитых были Юрий Дмитриевич Черниченко и Анатолий Иванович Стреляный. Юрий Дмитриевич был на творческом пике не только потому, что много писал о деревне, но и потому что был бессменным ведущим еженедельной единственной в то время, да и сегодня тоже, аграрной телевизионной передачи «Сельский час».

Анатолий Иванович запомнился мне не только как блестящий публицист, но и как автор документального фильма «Архангельский мужик» о крестьянине Сивкове. В перестроечное время этот персонаж олицетворял отечественное единоличное хозяйство, на которое Анатолий Иванович, как и Юрий Дмитриевич, возлагал большие надежды как на альтернативу неэффективным колхозам и совхозам. Убежденный либерал, Анатолий Иванович с 1995 года в течение почти двадцати пяти лет успешно вел на Радио «Свобода» в Австрии передачу «Ваши письма». А Юрий Дмитриевич на заре перестройки был избран председателем «Крестьянской партии», пребывал депутатом Верховного Совета СССР и членом Совета Федерации. Он умер в 2010 году. Анатолий Иванович, слава Богу, жив и, насколько могу судить по его интересным постам в «Фейсбуке», сейчас живет в Полтавской области Украины.

Экономистом-аграрником, энтузиастом развития в СССР крестьянских (фермерских) хозяйств был работник ЦК партии Владимир Федорович Башмачников. От него, примерно на рубеже 90-х, я впервые услышал термин «приватизация». Он был первым президентом созданной Ассоциации крестьянских хозяйств и кооперативов России (АККОР), которая поднялась на волне создания фермерских производств, но потом отошла в тень под давлением задавивших фермерство аграрных монополий.

Среди моих товарищей-друзей нужно назвать и тогдашнего сотрудника нашего института Юрия Мефодиевича Бородая. Так же как и я, он был увлечен аграрной проблематикой, но в первую очередь искал, находил и акцентировал марксистские основания для утвержде-

ния в этом способе хозяйствования приоритета труда индивидуального товаропроизводителя над коллективным.

Вместе с Бородаем, Башмачниковым и сотрудницей Института И.И. Мюрберг (в то время – Ирой Ершовой) в 1991 году в партийном издательстве «Политиздат» мы коллективно выпустили книгу «Пути аграрного возрождения». Впрочем, механизм насильственной деколлективизации в то время был уже на полную мощность запущен, и книга прошла незамеченной.

Но, наверное, первым шагом на этом научно-государственном направлении понимания советской аграрной реальности была организованная мной в 1986 году в Полтаве, под неизменным руководством Р.С. Карпинской, Первая Всесоюзная конференция философов, ученых-аграрников и руководителей колхозов-совхозов под названием «Мировоззрение и сельскохозяйственая практика». Именно Полтава была избрана местом проведения, потому что тогдашним первым секретарем областного комитета Компартии Украины – фактического областного хозяина, был известный аграрник, сторонник и пропагандист так называемой безотвальной системы земледелия Федор Трофимович Моргун. Вот на эту конференцию и приехали многие из названных ранее моих товарищей-друзей.

Проходила она в здании областного комитета партии при закрытых для прессы дверях, вход в которое был по двум видам внутренних пропусков. Как говорили ее участники, таких речей они не слышали с 17-го года. Я тогда начал готовить монографию «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября», которую уже упомянул ранее, и потому мой доклад был посвящен теме бюрократии.

В 1989 году продолжением полтавской конференции стала конференция по экологической проблематике в Одессе, а позднее еще одна – в 1990 году в Москве с участием тогдашнего президента ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина) академика А.А. Никонова и Теодора Шанина и приглашенных с помощью Теодора ряда иностранных специалистов, занимающихся тематикой аграрного производства и сельскими сообществами. Называлась она «Перестройка аграрного производства в СССР: проблемы и перспективы». Само собой, накануне и после конференций были изданы книги, а на основе материалов моей монографии «Власть и земля» в 1991 году по предложению одного из тогдашних ведущих «истматчиков» института, Юрия Константиновича Плетникова, я защитил в Институте философии докторскую.

В круге втором…

Еще одна встреча с реальностью случилась в начале 1994 года. В Автономной Республике Крым – тогда части Украины, на выборах президентом стал крымчанин, практик-юрист Юрий Александрович Мешков. Не желая иметь правительство, связанное с местными элитарно-криминальными сообществами, он обратился также к крымчанину по рождению, экономисту, а в это время москвичу Евгению Федоровичу Сабурову, бывшему в недавнем прошлом вице-премьером российского правительства Ивана Силаева, с предложением приехать и проводить реформы на полуострове. Мое знакомство с Евгением Федоровичем состоялось незадолго до того, но его положительного обо мне впечатления хватило, чтобы пригласить меня поехать с ним и его командой ранней весной 1994 года в Крым в составе экспертной группы.

В Крыму в течение недели тогдашний аграрный министр знакомил меня с сельскохозяйственными и перерабатывающими предприятиями. Было их более сотни, поскольку они решали задачу обеспечения всеми продуктами порядка 10 миллионов ежегодно отдыхающих во Всесоюзной здравнице с мая по октябрь. После ознакомительных поездок мне нужно

было делать сообщение на заключительной встрече с президентом Крыма о реформе отрасли. Присутствующие, вероятно, ожидали, что я, по аналогии с тогдашним российским опытом деколлективизации, предложу нечто подобное.

В этой связи надо отметить, что, несмотря на, кажется, достаточно квалифицированный состав тогдашних российских ученых-аграрников, почти все они были увлечены идеей дробления неэффективных колхозов-совхозов на мелкие фермерские (крестьянские) предприятия, которые, возможно, начали бы кооперироваться на свободной основе. Но случиться это могло, естественно, далеко не сразу. А отсутствие инфраструктуры, опыта и готовности у самих реформируемых их не смущало. В этой связи точно в дату годовщины начала сталинской коллективизации (Бог или сатана решили посмеяться), то есть спустя 62 года, но тоже 27 декабря 1991 года, Б.Н. Ельцин подписал указ о принудительном роспуске колхозов-совхозов в течение 12 месяцев начиная с 1 января 1992 года. При наличии у них задолженности перед государством им предписывалось продать имеющуюся технику и покрыть долги. То, что в условиях диспаритета цен (социалистическое государство в интересах народа назначало низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию) три четверти предприятий были должниками, а кроме того, что некому было продавать технику для покрытия долгов, радикал-реформаторов не волновало. Им мнилось, что крестьяне тут же из колхозов побегут и станут эффективными индивидуальными производителями, как их раскулаченные деды или ныне живущие в США фермеры.

В результате колхозы-совхозы в массе своей рухнули, лишившиеся работы крестьяне – кто мог подались на городские заработки или в «челноки» (так назывались люди, закупавшие дешевый китайский ширпотреб и продававшие его в России). Процесс этот охватил более двадцати миллионов вчерашних работников и жителей деревни. Аграрное производство еще сильнее упало. А в стране, никем не замеченная, случилась социальная катастрофа.

Пойти по этому пути в Крыму я не хотел. Было очевидно, что естественный рынок мог сложиться неизвестно когда и только на развалинах и обнищании производителей. К тому же их «рыночное» мышление характеризовалось, например, таким представлением. Когда я им говорил, что вместо того, чтобы клянчить дотации в министерстве, им нужно обращаться в банки, они отвечали: «Кредит должен быть беспроцентным и безвозвратным».

Поэтому в разработанной программе реформ я сделал акцент не на собственности, а на долгосрочной аренде земли с правом ее банковского залога под кредиты, а также на номинальном оформлении прав собственности на средства производства через имущественные паи, которые могли свободно обращаться между работниками на первом этапе только в пределах хозяйства (производства). Я рассчитывал на постепенное эволюционное возникновение больших и малых собственников за счет перераспределения паев между ними. И на это ориентировал в первую очередь руководителей и специалистов хозяйств районов, в которые регулярно по субботам выезжал для личного знакомства, поскольку в остальные дни они приезжали ко мне.

Но реальность открылась не только с хозяйственной стороны. Активно заселенный русскими переселенцами после Отечественной войны Крым (в начале 90-х они составляли более 70 процентов населения) был нацелен на возврат в Россию. Преобладающее настроение было «Назад в СССР!». В то же время начавшие возвращаться после военной депортации крымские татары в своей наиболее агрессивной части были настроены на вытеснение русских с полуострова, что сразу же вылилось в произвольные захваты земель и конфликты. Часть украинцев, живших в основном в северных районах, были против русификации и за более тесное сближение с материковой Украиной. К этому нужно добавить и активность бандитских крымских группировок, постоянно пополняемых за счет контингента, мигрирующего на «морской отдых» и для новых захватов собственности. Реформа и приватизация земли долж-

ны были, по мнению этих этнических и «профессиональных» групп, идти по их сценариям. Вряд ли мирным. Мои попытки наладить хозяйственные контакты с крымскими татарами в самом начале были пресечены тогдашним руководством меджлиса. В то же время их старания «приручить» меня и навязать свою логику преобразований тоже оказались безрезультатными.

Тупиковый характер ситуации усугублялся еще и тем, что наше «московское» правительство было бельмом на глазу у киевской власти. Им, в частности, сильно не понравился мой проект аграрных реформ и начальные меры руководства, когда я за бездеятельность и хозяйственную бестолковость уволил шестерых руководителей, систематически не выполнявших планы рисоводческих совхозов. (Вообще же, нужно было додуматься организовывать производство риса в дефицитном по воде Крыму!)

Кроме того, и руководство России в это время свято блюло позицию невмешательства в крымские дела. Наши проекты реформ, в том числе строительства крымского моста, возведенного Россией недавно, в то время никому не были нужны.

Таким образом, когда президент Мешков осознал невозможность реформ из-за их блокирования Верховным Советом Крыма, в котором означенные социальные группы в полной мере были представлены, он не нашел ничего лучшего, как сделать попытку по примеру России распустить Верховный Совет. Однако в России за этим решением стояли вооруженные силы, в то время как в Крыму все было под контролем и в руках Службы безопасности Украины. Роспуск Верховного Совета кончился тем, что в отставку было отправлено детище крымского президента – «московское» правительство, а забаррикадировавшийся в своем кабинете Мешков в конце концов через несколько месяцев был отравлен и тем самым извлечен. Таким образом, попытка независимости Республики Крым в 1994 году завершилась ничем, и полуостров вслед за материковой Украиной ступил на путь постепенной экономической деградации при все большем распространении криминала, усиливающихся националистических игр руководства крымских татар и возрастающем личном обогащении коррумпированного киевского и крымского чиновничества.

* * *

Конечно, время второй половины 80-х – первой половины 90-х годов было и временем, когда подлинная действительность открывалась через возвращение (публикацию) ранее неизвестных великих литературных текстов – художественной философии. Для чтения, коему мое поколение с упоением предавалось, стали доступны романы и повести Андрея Платоновича Платонова – «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море», «Джан»; полный текст романа «Жизнь и судьба» Василия Семеновича Гроссмана; нашел в себе силы написать «Прокляты и убиты» Виктор Петрович Астафьев. Это были произведения из «первых рук» – современников, участников, страдальцев. Это также было непосредственное выражение времени, документы эпохи. И если вообще говорить об адекватном понимании времени и жизни в нем особого философского поколения, то нужно отдавать себе отчет, что без такого рода пластов художественного знания (художественной философии) вряд ли можно что-либо понять в действительности, осознать ее «как она есть», а внутри нее и самих себя. Но это предмет уже другого разговора.

Никольский С.А. 1990. *Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября*. – М.: Агропромиздат.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ВЫБОР И ПУТЬ[1]

И.И. Блауберг
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье описаны обстоятельства, повлиявшие на выбор автором философии в качестве профессии. Историко-философская специализация, избранная на философском факультете, определила всю дальнейшую деятельность автора в журналах «Вопросы философии» и «Путь», а позже – в Институте философии РАН. В статье показано, какую роль играли «Вопросы философии» в советский период, как строилась работа в журнале, какие перемены произошли к концу 1980-х гг. Автор рассказывает об этапах своей научной работы – исследования философии А. Бергсона и концепций его предшественников – представителей французского спиритуализма XIX в.*

Ключевые слова: *история философии, философский факультет МГУ, журнал «Вопросы философии», журнал «Путь», Институт философии РАН, концепция А. Бергсона.*

Эта статья – не портрет поколения, а просто впечатления, воспоминания, субъективные заметки о тех формах бытования философии в нашей стране, которые сыграли большую роль в моей жизни. Выделю три плана, или ракурса: учебу на философском факультете МГУ, редакторскую работу в философских журналах («Вопросах философии» и «Пути») и, наконец, научную работу в Институте философии. Это, собственно, три главных этапа моей «философской жизни». Если относить мое поколение к «семидесятникам» в соответствии со временем получения высшего образования, то период, когда я училась на философском факультете, точно вписывается в эти временные рамки: поступила в 1971 г., окончила аспирантуру в 1979 г. Я далеко не сразу решила поступать именно туда: в школе вначале мечтала быть геологом, потом учительницей, подумывала о филологическом факультете. В итоге победила семейная традиция: влияние родителей, связавших свою судьбу с философией, конечно, сказалось на моем решении. С конца 1960-х гг. наш дом стал одним из главных центров разработки системного подхода: Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский и И.В. Блауберг, мой отец, получили там кооперативные квартиры и часто собирались вместе для работы. Постепенно системный анализ пробивал себе дорогу, хотя вначале «в верхах» был встречен в штыки: ведь существовал диалектико-материалистический метод, при чем тут еще какой-то системный? Теперь все это хорошо известно, описано в воспоминаниях самих участников тех событий. Конечно, все это обсуждалось и переживалось дома, чему я бывала свидетелем. В нашей квартире порой появлялись неизвестные мне люди: как потом выяснялось, это были А.П. Огурцов, М.К. Пет-

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Блауберг И.И. История философии как выбор и путь. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 597–611.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.147158

ров и другие коллеги и знакомые родителей. От мамы я много слышала о перипетиях преподавательской работы, о том, какие сложности возникали с преподаванием философии в техническом вузе. Так или иначе, философия незримо присутствовала в нашей жизни.

Но были и другие обстоятельства, которые способствовали моему выбору профессии. Так, в школе, когда я училась в 10-м классе, наш историк Георгий Львович Никоноров вел для нас факультативно кружок по изучению «Капитала» Маркса. Кажется, «Капитал» был его любимой книгой. Мне сразу понравился этот процесс. Содержание занятий оказалось гораздо шире заявленного названия: например, вечерами в классе, после обсуждения «Капитала», речь вдруг заходила о Солженицыне. Тогда я впервые услышала названия некоторых его книг. Георгий Львович по договоренности с руководством Театра на Таганке (он был знаком с Ю. Любимовым) организовывал туда культпоходы, с тем условием, чтобы мы после просмотра писали свои отзывы о спектаклях. Довольно много мы тогда посмотрели, а ведь это был 1970 год, попасть на Таганку было очень сложно. Сильное впечатление произвел на меня, помимо прочих, спектакль «Что делать?». Чернышевский предстал там совершенно по-новому: это было настолько живо и интересно, что я ловила себя на желании оказаться не в зале, а на сцене, быть не внешним наблюдателем, а участником действия.

Теперь я иногда думаю, что в 17 лет поступать на философский рановато. Здесь действительно нужен какой-то жизненный опыт – ведь именно из него вырастают вопросы, которые становится необходимым обдумать, прояснить для себя. На нашем курсе учились студенты, старше меня лет на 10, чей выбор был, очевидно, более осознанным, чем у меня. Но время показало, что я все же не ошиблась: ни разу в жизни потом не пожалела, что пришла именно на философский факультет. Там нам давали полноценное образование: помимо собственно философских дисциплин, мы изучали основы высшей математики, всеобщую историю, психологию, историю искусств. Лекции по всеобщей истории создавали необходимую «канву», на которую потом накладывались сведения о соответствующих эпохах философской мысли. На третьем курсе, когда началась специализация, я выбрала кафедру истории зарубежной философии. Она считалась тогда одной из лучших, а на мой взгляд, была лучшей на факультете. Сейчас я понимаю, насколько важно было то, что мы изучали историю философии последовательно, от предфилософии и философии Античности до концепций XX столетия. Позже, когда я узнала, что на Западе студенты выбирают себе интересующие их курсы, причем они могут быть не особенно связаны между собой, меня это очень удивило. В нашей памяти выстраивался и закреплялся весь многовековой процесс движения философской мысли. И общие знания о нем остались на всю жизнь, пусть что-то со временем уже и забылось. Такой способ преподавания создавал прочную основу, на которой могли размещаться потом специальные знания, связанные уже с самостоятельной научной работой. Мне, кстати, рассказывали, что сравнительно недавно бывали случаи, когда на философский факультет приезжали учиться иностранцы – специально для того, чтобы пройти историко-философский курс целиком. Эта особенность нашего образования помогала, думаю, нашим известным историкам философии писать обобщающие книги, посвященные проблеме, проходящей через века (приведу в качестве примера книгу П.П. Гайденко «Время. Длительность. Вечность», 2006). Жаль только, что в тот период, когда я училась, мы не изучали древние языки. Можно было освоить, например, санскрит, что с успехом сделали некоторые из моих сокурсников, но древнегреческий и латынь не входили в программу. Этот пробел я так никогда и не восполнила, хотя давно поняла, как такое знание важно для историка философии.

В нашем историко-философском образовании делался акцент на работу с источниками. Кафедра уделяла этому особое внимание. Мы сидели в библиотеке, писали конспекты, потом на семинарах обсуждали все прочитанное. Здесь, в отличие, скажем, от поколения «пятиде-

сятников», в том числе моих родителей, нам повезло. С 1963 г. издавалась серия «Философское наследие», и к 1970-м г. мы получили возможность читать в переводе Платона, Бэкона, Канта, Гегеля… Использовали и издания прежних лет – учебная программа была довольно насыщенной. В нашей библиотеке гуманитарного корпуса на Ленинских горах были доступны и дореволюционные издания, например книги Ницше и Фрейда, первый том «Логических исследований» Гуссерля и др. Опора на первоисточники – один из главных принципов, который запомнился на всю жизнь. Из учебников читали, конечно, знаменитую трехтомную «Историю философии» («Серую лошадь»); вызывали интерес и регулярно публиковавшиеся тогда монографии из серии «Мыслители прошлого». В начале 1970-х гг. вышло объемное учебное пособие «Современная буржуазная философия». Разумеется, время с его идеологическими ограничениями оставило на нем свою печать, как и на многих других изданиях, особенно посвященных философским учениям XX в. Но в этой книге были главы, которые я и сейчас вспоминаю с удовольствием: они были так четко написаны и логически выстроены, что очень подходили для подготовки студентов. С большим интересом читали мы и коллективные труды по исследованию зарубежной мысли XX столетия, подготовленные в Институте философии, такие как «Современный экзистенциализм», «Проблема человека в современной философии» и др.

Запомнились и спецкурсы, которые вели в нашей группе В.И. Гараджа (по неотомизму), Б.С. Грязнов (по философии науки), Т.А. Кузьмина (по проблеме субъекта в западной философии). Преподавателей нашей кафедры всегда буду помнить всех, большинство из них – с благодарностью. Кафедра и сейчас сохраняет, насколько могу судить, тот дух интеллигентности и доброжелательности, который мы чувствовали и ценили. На втором курсе мы познакомились с человеком, которого можно назвать легендой философского факультета, – Василием Васильевичем Соколовым. Я слышала о нем от родителей, у них он тоже преподавал, и после нас успел поведать об античной философии многим поколениям студентов. До сих пор у меня хранятся конспекты его лекций. Нам он был особенно близок, ведь в одной группе с нами учился его сын – Алексей (теперь он тоже преподает на философском факультете). Из работ наших преподавателей мне вспоминается прежде всего книга Геннадия Георгиевича Майорова «Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница» (1973). Я прочла ее, кажется, на одном дыхании: прежде не встречала так написанных книг.

Г.Г. Майорову я признательна и за то, что благодаря его посредничеству Валентин Фердинандович Асмус прочел нам спецкурс о Канте. Наша группа несколько раз ездила в Переделкино, чтобы его послушать. Это тоже было впечатлением, оставшимся в душе на всю жизнь. Не буду повторяться, я уже писала об этом в сборнике, посвященном В.Ф. Асмусу [Блауберг 2010: 203–206]. Но эта история имела продолжение: 30 лет потом, после кончины Валентина Фердинандовича, мы, несколько человек из нашей группы, ездили в Переделкино к его вдове, Ариадне Борисовне, продолжаем ездить и теперь, уже к их дочери. Этой традиции мы остались верны.

Куратором нашей группы была тогда Галина Яковлевна Стрельцова, с ней мы довольно много общались. Единственная женщина-преподаватель на нашей кафедре, она была уже автором книги о Сартре и начинала изучать философию Паскаля, которая стала позже главной темой ее исследований. Разработка ею в историко-философском ключе «метафизики сердца», стремление посмотреть на философские концепции с экзистенциально-антропологической точки зрения всегда привлекали меня. Но в те годы идеи Паскаля, как оказалось, еще были опасной темой, его порой могли назвать (и называли) «реакционным» философом, и на этой почве возникали разногласия (вспоминаю более позднее, уже из аспирантских времен, заседание кафедры, где по этому поводу развернулась настоящая дискуссия).

Как и мои родители, я никогда не относилась к «внутренней оппозиции». Тогдашнюю идеологическую ситуацию в стране многие из нас, и я в том числе, воспринимали как данность, стремясь найти – в этих условиях – возможности для собственной работы. Конечно, в сознании это оставляло след, что сказывалось на отношении к теме собственных философских занятий, особенно когда речь шла о современной «буржуазной» философии: необходимо было соблюдать принятые «ритуалы» в написании курсовых и дипломных работ. При этом к власти не было никакого пиетета, в своем кругу без всякой опаски рассказывались «политические» анекдоты. Я особо не задумывалась о скрытых течениях на нашем факультете, но они подчас давали себя знать. Так, однажды с подготовкой стенной газеты нашего курса, в чем я тоже принимала участие, случилась история, похожая на ту, которую я гораздо позже прочла в «Детях Арбата» А. Рыбакова. Кто-то из соответствующих лиц слишком внимательно и предвзято прочел нашу газету и сделал надлежащие выводы, не имевшие, правда, никакого отношения к реальности. Началось разбирательство, и для некоторых наших товарищей это создало неожиданные сложности в дальнейшей их судьбе.

Поскольку существование наше отнюдь не сводилось к учебе, стоит упомянуть об иных его сторонах. На третьем-четвертом курсах сложился определенный круг общения, в который входили и мои «одногруппники», и студенты из других групп. Мы жили своей студенческой жизнью, отмечали праздники, дни рождения, сдачу экзаменов, собирались порой просто так, пели песни. Нельзя не вспомнить и привычные для тогдашних поколений студентов поездки на сельхозработы («на картошку»), и опыт работы в стройотрядах. Много путешествовали: кроме обычных ближних, подмосковных походов, запомнились еще поездки в Углич, Вологду, Таллин, Львов. (Тогда, кстати, существовала возможность посетить и социалистические страны в рамках т.н. производственно-ознакомительной практики. Так в 1974 г. я впервые побывала в Польше.) До сих пор мы общаемся. Некоторые из выпускников нашего курса успешно работают сегодня в Институте философии: Рубен Апресян, Ирина Бескова, Виктория Лысенко, Марина Киселёва, Наталья Смирнова. Многие преподавали и продолжают преподавать в московских вузах, в том числе в МГУ. Назову еще трех известных наших сокурсников: Федора Гиренка, возглавляющего сегодня кафедру философской антропологии в МГУ, Александра Разина, руководящего там же кафедрой этики, и Семёна Экштута, который еще в годы учения заинтересовался историей, а позже связал свою научную карьеру с этой дисциплиной, стал автором целого ряда книг по истории России.

Расскажу о впечатлениях, связанных с чтением, восприятием явлений культуры и порой тоже философски насыщенных. В те годы удавалось много читать; среди моих любимых авторов были Хемингуэй, Ремарк, Бёлль, Пруст, а особенно Фолкнер – в 1973 г. как раз вышел в «Иностранной литературе» его роман «Шум и ярость». Его я читала тогда запоем, в том числе на тех лекциях, которые казались мне не очень интересными (потом порой об этом жалела). В доме у нас была неплохая библиотека. Выписывали, кроме «Вопросов философии», толстые литературные журналы – «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Иностранную литературу». В университете бывали интересные лекции по истории музыки и др. Стоит вспомнить и знаменитые выставки художников-графиков, представителей неофициального искусства, проходившие со второй половины 70-х гг. на Малой Грузинской. Разумеется, большое место в жизни занимал театр. Я увлекалась тогда Юджином О'Нилом, читала его пьесы и, если что-то появлялось в наших театрах, старалась посмотреть (помню, его пьесу «Душа поэта» поставили в театре им. Пушкина). А потом началась эпоха театра на Юго-Западе, и все другие театры как-то отступили в сторону. Конечно, не потому, что этот театр находится в непосредственной близости от моего дома, а потому, что подбор пьес, камерная обстановка, способность актеров к столь искреннему, живому исполнению производили очень сильное впечатление. Я видела там много спектаклей, поражалась тому, как непрофес-

сиональные актеры смогли так увлечь зрителей. Мне кажется, Валерий Белякович и его театр – свидетельство того, как много можно сделать в непростых условиях существования. Подняться практически на одном энтузиазме (помнится, артисты ходили по окрестным домам в поисках какого-нибудь реквизита, костюмов и пр.) и создать свою труппу, на спектакли которой зрители буквально ломились, – это дорогого стоит. Гоголь, Чехов, Шекспир, Ионеско (после постановки «Носорогов» театр на несколько месяцев был закрыт), Олби, Булгаков… До сих пор я уверена, что поставленный Беляковичем спектакль по пьесе Э. Олби «Что случилось в зоопарке» – один из лучших, которые я видела в жизни.

Возвращусь к делам учебным. Моим научным руководителем по диплому и кандидатской диссертации был Алексей Сергеевич Богомолов. Ему я фактически обязана выбором направления научной работы, которому продолжаю следовать и теперь. Еще на первых курсах меня заинтересовала проблема интуиции и ее значения в истории философии. Здесь сыграла роль и книга В.Ф. Асмуса «Проблема интуиции в философии и математике», и монография Ю.М. Бородая «Воображение и теория познания», которую я увлеченно читала как своего рода философский детектив, и многое другое. Обе курсовые работы я писала по этим вопросам, рассматривая проблему интуиции в рационализме Нового времени; в дипломе присоединились учения немецкого классического идеализма и – по контрасту – Бергсона. (Кстати, подробное исследование интуиции в историко-философском плане – интереснейшая и очень плодотворная тема. Я давно надеюсь, что кто-то из молодых философов заинтересуется ею и сможет осилить эту сложную задачу.) Но самой концепцией Бергсона я дальше не собиралась заниматься, а присматривалась к французскому персонализму. И тут Алексей Сергеевич сказал свое веское слово: «Бери кого-нибудь одного. Вот, например, Бергсона. Его этико-социальную теорию у нас еще не исследовали». Я поняла его опасения, ведь обширную тему можно было и не «вытянуть» за три года, такие примеры известны. Скрепя сердце я согласилась, поскольку иначе пришлось бы искать другого руководителя. И это решение оказалось судьбоносным, хотя уже гораздо позже я полностью осознала, насколько интересно и важно было то, над чем я только начала работать при подготовке диссертации, и как об этом нужно писать (вначале все время вторгались – в качестве «критики» – какие-то привычные штампы). Именно это я, среди прочего, имела в виду, говоря, что в философию рано идти в 17 лет. Ближе к 30 годам я посмотрела на то, чем занималась, совсем другими глазами.

Утвердив тему кандидатской, я показала А.С. Богомолову ее план, получила рекомендации насчет того, что стоит прочесть. Это были следующие книги: «Романтическая школа» Р. Гайма, «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» И. Ильина, «Этика Фихте» Б. Вышеславцева и некоторые другие. Так произошла первая моя серьезная встреча с русской философией – ведь в ту пору на факультете вовсе не приветствовались такие авторы, как Ильин и Вышеславцев, их время пришло гораздо позже. Эти и многие другие книги, уже французских авторов, я начала осваивать, все больше погружаясь в мир Бергсона и бергсоноведения и тогда еще не подозревая, что творчество тех писателей, которых я с удовольствием читала в юности – Пруста, Фолкнера, – окажется довольно тесно связанным с темами моей научной работы.

Со студенческих лет я очень любила библиотеки. Занималась в Ленинке (теперь РГБ), Научной библиотеке МГУ, Иностранке, ИНИОНе, позже записалась в Историчку. Наиболее богатый фонд по моей теме был в ИНИОНе, куда я впоследствии ходила регулярно (последний раз была там недели за две до пожара). Это был особый мир, с его бесценными редкими книгами, отсутствие которых сейчас сильно изменило мои научные планы. Какие-то книги я держала на примете, но откладывала на потом: мол, еще успею, – а теперь уже неясно, где их искать. Интернет далеко не всегда может в этом помочь.

Завершая работу над диссертацией, я задумалась о дальнейших жизненных планах. Карьерные вопросы никогда меня не волновали. Хотя я окончила факультет с красным дипломом, понимала, что особого выбора нет. Большинство моих сокурсников стали после окончания факультета преподавателями, но преподавать я не хотела. Понимала, что в Институт философии не попасть, тогда это было очень сложно. Поэтому предполагала, что смогу устроиться в ИНИОН и вести там реферативную работу. Но тут в моей судьбе произошел неожиданный поворот: Леонид Иванович Греков, бывший тогда ответственным секретарем журнала «Вопросы философии», предложил мне место редактора (тогда это называлось «научный консультант») в отделе критики современной буржуазной философии. Место оказалось вакантным, поскольку занимавшему его до меня В.Ф. Кормеру пришлось уволиться после того, как его роман «Крот истории» был опубликован за рубежом. Я согласилась, и это определило мою жизнь на долгие годы: вот уже больше 40 лет не расстаюсь с редактированием (сейчас веду журнал «История философии» в нашем институте).

Журнал тогда занимал свое место в сложной иерархии: он был тесно связан с Институтом философии и выходил под его грифом, по производственной линии относился к издательству «Правда», а еще курировался непосредственно ЦК КПСС. В этом положении были свои преимущества: например, нас не посылали на овощебазу (чтобы не нарушать производственный процесс), что в те времена было большой редкостью. А если какой-то автор принимался немилосердно править верстку, можно было указать, что это «конъюнктурная правка» (для издательства «Правда» это было обычной ситуацией). В определенном смысле «Вопросы философии» были тогда центром философской жизни. В этот ведущий философский журнал стекались статьи авторов со всей страны, и публикация на его страницах могла радикально изменить судьбу человека (мне известны несколько таких случаев). Соответственно, журнал при тогдашнем немалом тираже расходился по всей стране, на него подписывались, его читали в библиотеках и даже в местах заключения, откуда в редакцию часто приходили письма. Философия шла в массы, и массы эти на нее откликались, как могли. Во время конференций в других городах, куда я ездила как представитель журнала, на встречах с читателями становилось ясно, как внимательно его читают в других городах, как умеют находить между строк то, что авторы не могли сказать открыто. Особое внимание привлекали передовые статьи, которые мастерски сочиняли наши сотрудники, с гордостью воспроизводившие потом в редакции свои языковые находки: «инвалиды холодной войны», «как мог бы сказать Маркс» и пр.

В «Вопросах философии» я проработала 12 лет (с 1979 до 1991 г.). Журнал располагался тогда в уютном двухэтажном особняке на Смоленском бульваре, во дворе многоэтажного дома, рядом с музеем скульптора А.С. Голубкиной. Часть второго этажа занимало Философское общество, что породило шутку: на первом этаже – вопросы, на втором – ответы. Небольшой коллектив, общее дело, которое ежемесячно выражалось в выходе очередного номера журнала (это нередко служило поводом для проводимого экспромтом редакционного торжества). При мне еще работала заведующая редакцией, Ольга Яковлевна Фридлянд, которая пришла в журнал практически сразу после его создания в 1947 г. Устная традиция передавала историю журнала, описывала разные ее этапы, особенно то время, когда главным редактором был И.Т. Фролов, а его заместителем – М.К. Мамардашвили. Период моей работы был иным, журнал тогда возглавлял В.С. Семенов, человек довольно далекий от философии, что сказывалось, конечно, на политике журнала и его содержании. Мои бывшие сотрудники – В.К. Кантор и А.Е. Разумов – яркими красками описали тогдашнюю ситуацию[2]. «Нервом» редакционной жизни, как я со временем поняла, было подспудное, а порой и явное про-

[2] Отсылаю к роману В.К. Кантора «Крокодил» [Кантор 2002; см.: также: Разумов 2017: 123–129]. О прошлом и настоящем «Вопросов философии» можно узнать из коллективной монографии: Философский журнал…2017.

тивостояние коллектива главному редактору. А мне журнал представлялся тогда каким-то островком свободы, что, конечно, звучит странно, если учесть контроль со стороны ЦК КПСС, но люди, близкие к журналу, меня поймут. Такое впечатление было связано прежде всего с атмосферой, которая в нем царила. Он был не только местом работы, но – для меня – школой самообразования, а для многих философов – особым центром притяжения, клубом, где можно было вполне свободно обсудить философские, политические и иные проблемы, сыграть в шахматы или нарды. Для части научных редакторов журнал был своеобразным «мужским братством», основанным на общих интересах. Поскольку мои интересы были несколько иными, я держалась ближе к редакторам старшего поколения – Армену Георгиевичу (так он себя именовал, хотя на самом деле звали его Цолак Геворкович) Арзаканяну и Геннадию Сардионовичу Гургенидзе, – которые вели отделы соответственно истории философии и философии психологии. Оба они были участниками Великой Отечественной войны: Г.С. Гургенидзе воевал на Малой земле, а А.Г. Арзаканян в начале войны был контужен, попал в плен, позже организовывал сопротивление в концлагере в Дахау… [Горохов 2007: 153–159]. Их очень уважали в коллективе как профессионалов своего дела. Тематически ко мне ближе всего был А.Г. Арзаканян – человек очень знающий, полиглот, я у него многому старалась учиться. Он прекрасно знал немецкий язык (собственно, это его и спасло во время пребывания в плену), интересовался немецкой и итальянской философией, философией культуры. Работа в журнале, которая вообще дала мне немало уроков, укрепила и мое равнодушие к карьерным делам: ведь оба наши «аксакала» не имели никаких степеней.

Моим отделом руководил вначале Ю.Н. Семенов, потом – Б.Т. Григорьян, который заведовал тогда соответствующим сектором в Институте философии. Понятие «критика современной буржуазной философии» охватывало разные типы статей – и чисто идеологические, и общетеоретические, и аналитические, посвященные конкретным направлениям и проблемам зарубежной философской мысли. Статьи третьего типа регулярно публиковались на страницах журнала, особенно под рубрикой «Философия за рубежом». Появлялись новые перспективные темы, молодые авторы, среди которых назову В.И. Молчанова, Б.Л. Губмана, А.М. Мигранян, А.И. Пигалева. Все они и сейчас продолжают плодотворную деятельность в своих областях. Работа над статьями была многоступенчатой: вначале этим занимался научный редактор, потом свое мнение высказывала редколлегия и, если оно было положительным, статья проходила «шлифовку» у литературного редактора. В тот период вообще существовала довольно высокая культура подготовки рукописей, среди прочего – переводов с иностранных языков: проводилась сверка, редактирование, в том числе литературное. Сегодня в этой области, на мой взгляд, какой-то разброд: в одних издательствах стараются «держать марку», в других же, как иногда кажется, не обращают внимания на качество переводов, да и вообще не обременяют себя редактурой, которая требует дополнительных финансовых затрат.

Заседания редколлегии длились порой по несколько часов. В нее входили и убежденные борцы с враждебными влияниями, такие как Ф.В. Константинов (правда, в здании редакции он появлялся редко), и философы-профессионалы, хорошо известные в своих сферах знания, – Т.И. Ойзерман, И.Т. Фролов, В.Ж. Келле, В.А. Лекторский, А.С. Богомолов. Порой вспыхивали дискуссии, некоторые из них запомнились надолго. Многих сотрудников Института философии – авторов статей – я увидела впервые именно на этих заседаниях (тогда на них приглашались авторы).

Для повышения научной квалификации редакторов в журнале существовали хорошие возможности (дважды в неделю – библиотечные дни), и я ими постаралась воспользоваться, чтобы определить дальнейшие планы работы. В этом мне помог, в частности, давний интерес к польскому языку. В моей семье все его знали, и я в свое время освоила его по самоучите-

лю. В Польше существовала сильная историко-философская школа, и в наших библиотеках можно было прочесть книги одной из наиболее известных тогда представительниц этой школы – Барбары Скарги. Она занималась французской философией как раз того периода, который меня интересовал. Я имею в виду XIX век – время философской деятельности предшественников Бергсона. Б. Скарга была автором прекрасной монографии и о самом Бергсоне. Я проштудировала в Иностранке эти книги, и они очень хорошо сориентировали меня и при подготовке к защите кандидатской диссертации, и после нее, когда стало ясно, что нужно продвигаться в XIX век, искать истоки бергсонизма. Я много читала в тот период и Мен де Бирана, который считается основоположником французского спиритуализма XIX в., и впоследствии это сыграло в моей научной работе очень важную роль.

Раз в несколько месяцев сотрудники редакции ездили в Госфильмофонд, расположенный недалеко от станции «Белые Столбы» по Павелецкой дороге. Эти поездки организовывал В. Кантор при содействии К. Разлогова. Обычно это мероприятие занимало целый день, за который мы успевали посмотреть несколько фильмов. Именно тогда мы увидели «Полет над гнездом кукушки», «Однажды на Диком Западе», «Крестного отца», некоторые фильмы Херцога и Фассбиндера и др. Теперешним юным поколениям трудно себе представить, что за теми фильмами, которые они без труда могут увидеть сейчас с помощью Интернета, прежде приходилось – и то лишь по особому разрешению руководства Госфильмофонда – ездить в такую даль. Но впечатления, полученные там и долго сохранявшиеся, стоили того.

Как и всё мое поколение, я почти полжизни прожила в одной реальности, полжизни – в другой. И этот опыт по-своему уникален. Нам было уже за 30, когда в стране начались перемены, т. е. мы могли сознательно их воспринимать и пытаться дать оценку; вместе с тем мы достаточно долго жили в прежней стране, чтобы помнить ее реалии – и хорошие, и плохие. Я не склонна видеть все прошлое только в черном или белом цвете, равно как проводить односторонние сравнения с настоящим: здесь слишком много очень разных параметров, их бывает сложно сопоставлять, да это и не входит в мою задачу. Расскажу только о том, как те события сказались на журнале. В постперестроечный период в нем, конечно, произошел качественный сдвиг. Это, впрочем, неточное, слабое слово. Журнал – не сразу, но постепенно – изменился радикально. В «Вопросы философии» пришел новый главный редактор – В.А. Лекторский, немного позже – ответственный секретарь А.А. Яковлев (он начал работать в журнале практически вместе со мной, но потом на несколько лет ушел в Институт философии). В то время на высшем уровне – Политбюро ЦК КПСС – было принято решение об издании на базе «Вопросов философии» книжной серии «Из истории отечественной философской мысли». Вскоре возникло ощущение прорыва какой-то дамбы, плотины. Ту проблематику, которая долгое время находилась под спудом – дореволюционную философию в России, – теперь можно и нужно было исследовать, издавать книги и статьи. В редакции был создан специальный отдел, где готовились к печати тома этой серии (отдел курировал А.А. Яковлев). Тираж журнала взлетел до невиданных высот; кроме того, большую часть его занимали отныне публикации работ русских философов. Теперь уже ясно, что это был один из важнейших этапов в советской (тогда еще советской!) истории философии, результатом чего стал настоящий расцвет исследований философии Серебряного века в России. Эти перемены не только происходили на моих глазах, но я была непосредственно в них вовлечена: буквально в каждый номер приходилось готовить очередную весьма объемную публикацию.

Изменилась и редколлегия: в нее вошли тогда, например, А.И. Володин, П.П. Гайденко, В.П. Зинченко, Н.В. Мотрошилова. В новом качестве – заместителя главного редактора – в журнал вернулся В.И. Мудрагей, несколько лет проработавший в издательстве «Правда». В тот период в журнал пришли новые сотрудники, некоторые из Института философии: В.П. Филатов, Б.И. Пружинин, Н.И. Кузнецова, каждый из них вел свое направление.

Яковлев привлек к сотрудничеству с «Вопросами философии» замечательных переводчиков – М.Б. Гнедовского, А.Б. Григорьева, Н.Л. Трауберг. На страницах журнала стали публиковаться переводы работ Д. Бонхёффера, К.С. Льюиса и др. Впервые именно в журнале были напечатаны переводы статей, заложивших фундамент для долгих последующих обсуждений: «Конец истории» Ф. Фукуямы, «Модерн – незавершенный проект» Ю. Хабермаса. Ограничусь здесь лишь этими примерами, но их можно было бы привести немало. В целом в этот период журнал явным образом перестал быть лишь зеркалом философской ситуации в стране. Он менялся вместе с ней и одновременно указывал новые перспективы для интеллектуальной культуры, ставил новые вопросы и задачи. Несмотря на сильно возросший объем работы, который уже почти не оставлял времени для собственных научных занятий, в журнале мне стало гораздо интереснее. Закипела какая-то новая жизнь, постепенно исчезали старые клише, вся философия предстала в ином виде. Для меня было очень важно оказаться свидетелем и участником этих процессов. С упразднением цензуры постепенно исчезал и «внутренний цензор», который прежде, указывая необходимые границы, в чем-то помогал продвижению «неклассических» статей, но, безусловно, мешал свободе выражения. В конце 1980-х гг. мой отдел провел две большие конференции – по аналитической философии и феноменологии, их материалы были опубликованы в «Вопросах». Практически впервые удалось так свободно, без оглядки на идеологию, обсудить проблемы, которые интересовали участников.

Довольно долго я думала, что буду работать в «Вопросах философии» всю жизнь, ничего другого и не хотелось. Но получилось иначе. В начале 1990-х гг. возникла возможность создать свой философский журнал на базе издательства «Прогресс», где главным редактором был тогда Борис Васильевич Орешин, один из прежних сотрудников «Вопросов философии». Так появился на свет журнал «Путь» во главе с А.А. Яковлевым – один из первых новых философских журналов, которые готовились командой единомышленников. Он начал свою деятельность немного позже «Логоса», возникшего в 1991 г. Первый выпуск «Пути» вышел в начале 1992 г. Вот цитата из первого номера, поясняющая задачи журнала:

> Наш журнал будет по мере сил способствовать становлению единого – Восточного и Западного – интеллектуального пространства, он будет объединять усилия философов различных стран, занимающихся жизненно важными проблемами. Ведь философские проблемы, по определению, – это те проблемы, без которых невозможно жить [Яковлев 1992: 8].

В журнале были опубликованы работы К. Барта, Р. Бультмана, Э. Геллнера, В. Вельша, М. Розова, В. Налимова, Дж. Пассмора, А. Грязнова, Е. Рашковского, О. Хаксли, А. Меня, Б. Родомана, А. Пшеворского, В. Бибихина, Л. Колаковского, Дж. Сёрля, М. Шапира, Р. Дарендорфа, Е. Барабанова, Г. Гачева и многих других.

Оба журнала – «Логос» и «Путь» – территориально располагались близко друг от друга («Логос» – во флигеле во дворе «Прогресса»), оба уже своими названиями отсылали к тем традициям, которые стремились продолжить. «Логос» соотносил себя со знаменитым журналом по феноменологии, русская версия которого издавалась в России до революции, а «Путь» – с журналом, издававшимся Н.А. Бердяевым в эмиграции. В книжном приложении к «Пути» – в «Библиотеке журнала “Путь”» – впервые вышла в оригинальной версии «История русской философии» Н.О. Лосского (не в обратном переводе с английского, как это было сделано прежде). Было издано собрание сочинений Н.Ф. Федорова; в малой серии вышли книги Шпета, Лосского, Бонхёффера, Поппера, Гейне, Налимова…

В то время возникла невиданная прежде свобода издательского дела. Новым явлением стали и частные книжные магазины, привлекавшие московских и иногородних интеллектуалов, такие как «Гнозис» или «Эйдос», расположившийся в Чистом переулке. Но одновременно появились и неожиданные препятствия, которые в итоге, вместе с иными экономическими и культурными факторами, постепенно привели издательскую деятельность к кризису. В начале 90-х гг., когда типографии стали частными, они так подняли расценки на печатание книг, что тиражи резко упали. К тому же рухнула сложившаяся система маркетинга, распространения книг и журналов. Наши издания можно было еще купить в нескольких крупных городах, но в другие места они уже не попадали. А Интернет тогда находился у нас еще на раннем этапе развития, так что издательства и читатели оказались оторванными друг от друга.

Хорошо, что «Логос» продолжает существовать уже почти 30 лет, выживая в сложных условиях. Жаль, что «Путь» продержался лишь несколько лет (вышло всего 8 номеров). Он прекратил свое существование вместе с издательством «Прогресс», ставшим, как и другие крупные советские издательства, жертвой «первоначального накопления капитала» с соответствующими ему методами отъема недвижимости. В тот сложный период второй половины 1990-х гг., когда небольшая группа сотрудников «Прогресса» под руководством Б.В. Орешина пыталась спасти тонущее издательство, я отчетливо осознала, что многие мои надежды, связанные с 1991 г., оказались иллюзиями. Иногда я думаю: а чему здесь удивляться? Ведь и писатели, и философы Запада «предупреждали» нас: вспомним говорящие названия философских работ – «Быть и иметь», «Иметь или быть», «Восстание масс». Почему же мы ждали чего-то иного?.. Целый год и много душевных сил мы потратили на спасение издательства, чего-то даже добились, но участь его была предрешена: оно обанкротилось, а работу пришлось продолжить в созданном нами издательстве «Прогресс-Традиция», которое существует и поныне.

Да, журнала «Путь» давно уже нет, но я берегу его номера. Там опубликованы замечательные статьи и переводы, которые и теперь стоило бы перечитать. В середине 1990-х гг. у нас было много и других издательских планов, но какие-то из них реализовались уже на базе «Прогресс-Традиции», а иным не суждено было осуществиться.

В начале 90-х гг. произошло еще одно важное для меня событие – знакомство с Василием Васильевичем Налимовым (1910–1997), глубоким и оригинальным мыслителем, последователем идей мистического анархизма в России. Он был одним из авторов нашего журнала и книжной серии, но позже наше общение переросло эти рамки. Я узнала об удивительной судьбе В.В. Налимова, который, проведя 17 лет в колымских лагерях и ссылке, сумел потом создать целостную философскую концепцию, которую назвал «вероятностной герменевтикой». Математик по образованию, долгое время работавший вместе с Колмогоровым, он был подлинным философом по духу и призванию, все время открывавшим новые сферы деятельности и познания. Александр Павлович Огурцов, работая над очередным томом своей «Философии науки», хотел посвятить отдельную главу концепции Налимова. Но, к большому сожалению, не успел… Я включилась в подготовку к печати и изданию собрания сочинений Василия Васильевича, а после его кончины мы уже много лет продолжаем эту работу с его вдовой – Жанной Александровной Дрогалиной. Его книги – «Вероятностная модель языка», «Спонтанность сознания», «В поисках иных смыслов», «Реальность нереального», «Канатоходец» и др. – завоевали большой интерес читателей, в том числе молодежи. В.В. Налимов остается для меня примером мужества, силы духа, неугасимого философского стремления к осмыслению человека и мира.

Третий этап в моей жизни, который продолжается до сих пор, – работа в Институте философии. Я пришла туда в конце 2005 г. по приглашению Ирены Сергеевны Вдовиной.

Вновь, как в случае с «Вопросами философии», судьба моя решилась как-то неожиданно. Я вовсе не планировала такого поворота. Книгу о Бергсоне, которая стала результатом многолетних моих занятий и чтений, я написала вне всяких институций, просто потому, что в какой-то момент осознала: могу ведь никогда не написать, зачем же столько лет этим занималась и столько интересного для себя узнала. А дальше не было определенных планов. Тут как раз в ИНИОНе мне встретилась Ирена Сергеевна, с которой мы неоднократно сотрудничали при подготовке и редактировании книг. Благодаря ей и началась моя новая жизнь. В институте, помимо моих бывших сокурсников, я увидела много знакомых лиц – этих людей я знала еще со времен университета и «Вопросов философии». Сектор современной западной философии, где я теперь работаю, тоже был не чужим: с А.М. Руткевичем, который прежде заведовал этим сектором, мы вместе учились в аспирантуре, многие сотрудники были мне знакомы.

В институте есть все возможности для научной работы, для творчества. В последние годы стала особенно популярной форма теоретических семинаров, которая очень меня привлекает. Мой интерес к французской философии, особенно к концепции Бергсона, от которой в XX-XXI вв. пошло много интересных путей и направлений, подкрепляется тем, что и в других странах, как Запада, так и Востока, исследование этих проблем с 1980-х гг. получило новый стимул. Я слежу за работой Общества друзей Бергсона, воссозданного в начале 2000-х гг., вижу, какие новые темы возникают и плодотворно разрабатываются в разных странах; отмечаю, что в самой Франции растет интерес к истории спиритуализма, изучением которой я когда-то занялась под влиянием книг Барбары Скарги. Мои коллеги-единомышленники в этой области – Артем Александрович Кротов из МГУ (сейчас он заведует кафедрой истории и теории мировой культуры на философском факультете), защитивший в начале 2000-х кандидатскую диссертацию по философии Мен де Бирана, а затем ставший автором ряда монографий о французской философии, и Виктор Павлович Визгин, сотрудник нашего сектора, замечательный философ, историк философии и науки, тоже обнаруживший в проблематике французского спиритуализма много интересного для себя. Все больше убеждаюсь в том, что концепции великих философов неисчерпаемы, что изучение их предшественников и последователей, путей их влияния в последующей философской мысли позволяет открывать все новые, малоизвестные страницы истории культуры и ее настоящего. Меня радует то, что к философии Бергсона все чаще обращаются молодые исследователи, причем порой из других областей культуры, например искусствоведения [Ровенко 2016]. Вообще очень важно, что в философию приходит молодежь, которая проявляет подлинный, а не формальный интерес к своей специальности, углубляется в историко-философские исследования, усматривая в них стимул к творчеству. История философии может стать для нее не просто сферой приложения способностей, а долгим путем самопознания и осмысления мира.

Блауберг И.И. 2010. Последний спецкурс В.Ф. Асмуса. – *Валентин Фердинандович Асмус* / Под ред. В.А. Жучкова, И.И. Блауберг. Сер.: Философия России второй половины XX века. – М.: РОССПЭН. С. 203–206.

Горохов В.Г. 2007. К 90-летию со дня рождения Ц.Г. Арзаканяна (1917–2003). – *Вопросы философии*. – № 8. – С. 153–159.

Кантор В.К. 2002. *Крокодил*. – М.: Московский философский фонд.

Разумов А.Е. 2017. Журнал в моей судьбе и памяти. – *Вопросы философии*. – № 10. – С. 123–129.

Ровенко Е.В. 2016. *Время в философском и художественном мышлении. Анри Бергсон, Клод Дебюсси, Одилон Редон*. – М.: Прогресс-Традиция.

Философский журнал… 2017. *Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры: проблемы и перспективы. К 70-летию журнала «Вопросы философии»* / Ред.-сост. А.А. Гусейнов, Б.И. Пружинин. Сер.: Мысль и слово. – М.: ЦГИ «Принт», 2017.

Яковлев А.А. 1992. Претворение традиции. – *Путь. Международный философский журнал*. – М.: Прогресс. – С. 3–8.

ПОКОЛЕНИЕ ПОТЕРЬ (ЭССЕ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ)[1]

О.П. Зубец
Институт философии РАН

Аннотация: *Поколение – социологическое понятие, и уже в силу одного этого оно неприменимо к философии, понимаемой как исключительно персональное, субъектное дело, как особый образ жизни в пространстве самодостаточного мышления. Философ не видит самого себя в принадлежности философскому поколению как некоторому множеству философов (хотя он и принадлежит своему поколению в качестве социального существа). Философское поколение для философа есть излишнее понятие, ибо оно воплощено в нем самом, в его единственности. Тем не менее, отвечая на вопрос о собственном философском поколении, автор определяет его как «поколение потерь» (отличное от потерянного поколения). Его потери многочисленны: потери единого философского основания, единого понятийного языка, единого набора комментируемых текстов (цитат), потери социального будущего – утопии, идеальной перспективы, и еще – потери востребованности в публичном пространстве, сознания собственной значимости – это потеря того, что было у шестидесятников. Поколение, которое может быть ассоциировано с перестройкой, не стало поколением революции (что подтверждает понимание произошедшего как финального этапа длительного процесса контрреволюции) и лишается антибуржуазного пафоса, бывшего ценностной основой философии по меньшей мере с XIX века.*

Ключевые слова: *поколение, философия, марксизм, философский факультет МГУ, Институт философии, этика, потеря.*

Задача, поставленная передо мной – рассказать о своем поколении в философии, – содержит в себе нечто, что раздражает и отталкивает, но даже если усилием воли проигнорировать эту непосредственную реакцию, то она всё равно проявит себя в двух неустранимых противостояниях, в мягкой форме принимающих форму вопросов: во-первых, насколько я вправе судить о так называемом своем поколении, если я не пользуюсь этим понятием и не мыслю себя в качестве представителя некоего философского поколения? И во-вторых: как можно говорить о философском поколении, понимая философию как исключительно персонифицированное самодостаточное мышление, противонаправленное социологическому взгляду, противопоставляя единственность философа социологичности понятия поколения?

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Зубец О.П. Поколение потерь (эссе на заданную тему). – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 612–626.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.159170

Если следовать за Ортегой-и-Гассетом, поколение есть «множество похожих друг на друга созданий с новым жизненным восприятием», которые «входят в мир, наделенные особыми, характерными склонностями, предпочтениями, сообщающими их облику нечто общее, отличающее их от предшествующего поколения», которые к тому же – не современники, а ровесники и «каждый индивид таинственным образом узнает других членов своей группы: так муравьи из одного муравейника отличают друг друга по особому запаху» [Ортега-и-Гассет б/г]. На принадлежащих одному поколению есть «невыводимая татуировка», особый муравьиный запах, какими бы разными ни были отдельные индивиды – они обречены принадлежать поколению. Но сколь ограничен успех социологического взгляда на философа, столь же сомнительно приложение к последнему понятий, рожденных в этой оптике.

Идея философского поколения, возможно, и возникает в голове историка философии – но только в той степени, в какой он смотрит на философию извне, как на совокупность индивидуальных биографий, объединяемых некоторыми значимыми событиями и темами. Но и тут возникают сомнения. Действительно, наверное, можно сказать, что целый ряд известных философов принадлежит к поколению, пережившему Лиссабонское землетрясение, что на многих из них эта природная катастрофа действительно повлияла, что они писали о ней. Но тем не менее в истории Вольтер, Руссо и Кант, кажется, не объединены понятием поколения, для них оказалось достаточным слова Просвещение. Точно так же целый ряд философов XX века пережили Аушвиц, который Лиотар сравнивает с Лиссабонским землетрясением, но тем не менее даже те из них, кто «заражен» темой Аушвица, не мыслят себя в качестве единого поколения. Получается, что поколение в философии не задается ни единством события, ни единством темы. Оно вообще не задается изнутри философии, но лишь принадлежностью к нефилософскому сообществу – через соотнесенность с литературой, искусством или особыми формами вхождения интеллектуалов в публичное пространство (так, во всяком случае, возникает философия Серебряного века или философы-шестидесятники).

По Карлу Маннгейму, поколение – это группа индивидов одного возраста, столкнувшихся со значимыми историческими событиями в некий единый период времени. Наверное, как социальные существа, принадлежавшие к одному обществу, городу, даже району, мы действительно сталкивались с одними событиями политической жизни, а так же с тем, что нельзя назвать событием, но можно назвать общим течением жизни. Но событийное наполнение жизни, понимаемое, в первую очередь, как совокупность социально значимых событий, и есть именно то, от чего дистанцируется философ, уединяющийся в скорлупе своей мысли. Он не может не отрывать себя от поколения, не отделять и не выделять. В силу этого он ничего не может и не хочет сказать о социально-фактологическом наполнении своей жизни, общем с другими людьми. Его жизнь наполнена не социальными событиями, но событиями собственного бытия в мысли. По одной из классификаций я принадлежу «гагаринскому» поколению, основными событиями которого названы застой и начало системного кризиса СССР, афганская война, польская солидарность: это – смешное описание, дискредитирующее все подобные перечни. Вот эта цитата – одна из моих любимых: «С точки зрения политики ошибка этой новой и типично современной философии достаточно проста – она понимает и описывает сферу человеческого действия не с позиции “актера”, некоего действующего лица, а с позиции наблюдающего за действием зрителя» [Арендт 2011: 65][2]. Можно ли описать поколение с точки зрения деятеля, если для деятеля поколение просто не видимо?

[2] В лучшем, как мне кажется, переводе В.В. Бибихина: «С политической стороны ошибка этой новой и типически новоевропейской философии относительно проста. Она заключается в описании и осмыслении всей области человеческого действия не в терминах действующего лица и деятеля, а с точки зрения зрителя, наблюдающего спектакль» [Арендт б/г].

В любом случае, описать с точки зрения деятеля и значит – с собственной точки зрения, со своего единственного места в мире, в истории.

В советской философии вообще есть, кажется, лишь одно поколение – поколение шестидесятников: но если поставить вопрос о нем как о философском поколении, то и оно оказывается неочевидным. В любом случае, скорее всего в философию это слово пришло с шестидесятниками, нужно для их описания и излишне вне них. Шестидесятниками считают тех, кто заявил о себе в шестидесятые годы (а не родился и не учился тогда). Точно так же шестидесятниками XIX века называют тех, кто заявил о себе в конце 1850-х и в 1860-х годах: используется именно это слово. Но когда заявили о себе люди, близкие мне по возрасту? И в чем это заявление? Или можно спросить себя – заявила ли я сама о себе и когда это случилось? Не будет ли точнее сказать, что это заявление скорее всего мерещится впереди, а если и случилось – то совсем недавно. Если оставить в стороне «заявленность» поколения и собственную интеллектуальную историю, если попытаться все же увидеть нас как некое единство, которое можно описать одним словом, то слово это будет – *потеря*.

Бывают, наверное, поколения открытий, открытые в будущее. Бывают потерянные поколения, лишние: те, которые кто-то терял, по которым кто-то тосковал, которые кому-то мешали. А бывает поколение потерь, по нему никто не тоскует, и оно само не тоскует по себе. Это поколение мыслится таковым в отказе от самого себя. Вот именно таким поколением потерь я бы могла назвать свое: потери эти были многогранны – потери единого философского основания, единого понятийного языка, единого набора комментируемых текстов (цитат), а еще потери социального будущего – утопии, идеальной перспективы, и еще – потери востребованности в публичном пространстве, сознания собственной значимости. И всё это, потерянное нами, было у шестидесятников.

Мы были молоды, а общество было старым. Мы еще не знали, что оно умирает, многим казалось, что оно еще в начале исторического пути, что лишь его вожди, к которым мы относились с некоторой юмористической отстраненностью, стары. Об этом было и в моей диссертации – о социальном и личностном старении: мне казалось, что будущее доминирует – идея коммунистического преобразования мира и собственная жизнь были именно там, впереди. Доминирование будущего – перспективная темпоральная направленность – казалось основанием подлинности, в том числе не иллюзорности морали, ценностей, об этом была моя диссертация. Темпоральное совпадение и резонанс индивидуального, личностного и социально-исторического времени – это и есть источник подлинности. Ошибка заключалась, скорее всего, не в самой этой мысли, а в переносе революционной идеи на общество, которое уже давно двигалось по пути контрреволюции. Но окончательно мы могли осознать потерю будущего, задававшегося антибуржуазной революцией, когда распался Советский Союз и буржуазность была заявлена в качестве предела совместного стремления.

Возможно, кто-то назовет это поколение поколением перелома: действительно, кандидатские защищались в атмосфере господства марксизма, общности языка, понятийной системы, основанной на марксизме, а вот докторские (а их было защищено множество) – уже в атмосфере повального отказа от марксизма и поиска иных оснований, а иногда и вообще без поиска, когда исследование посвящено некоторой проблеме и развертывается без обращения к философским началам, в некотором исходном вакууме, вне задания мира как целого. И сам вопрос о том, к какой философской традиции принадлежит автор или каково собственно его философское учение, воспринимается как излишний, притом что прежняя опора на марксизм явно или неявно отвергается. Открытость многообразия философских школ, способов помыслить мир в его целостности в большинстве случаев не стала толчком к самоопределению собственного персонального мышления. Потеря единого философского основания, единства языка и делает мое поколение поколением потерь. В результате большинство стали специа-

листами по тем или иным проблемам вне философски задаваемого мира, рассматриваемым вне целостного философского взгляда на мир как целое.

В моих воспоминаниях (не претендующих на объективность) наиболее теоретически основательными, глубокими были те курсы, которые читались по трудам Маркса: в первую очередь, это был курс Елизаветы Ивановны Хессиной по политэкономии, который состоял в чтении «Капитала», и именно этого было достаточно, а из философских курсов – по-видимому, лекции Виктора Алексеевича Вазюлина тоже по «Капиталу» – но это уже не было первым, восторженно-формирующим свиданием с этим трудом, и я тут больше воспроизвожу оценку других слушателей, чем собственное восприятие. К сожалению, ни Ильенкова, ни Зиновьева не было среди наших преподавателей. Думаю, эти курсы имели принципиальное отличие и преимущество: в них речь шла о том, как нам самим мыслить, о том учении, которое принималось как основа нашего собственного философского мышления. Этим они отличались от изучения истории философии, которая, к сожалению, чаще всего (не всегда, наверное) представлялась совокупностью профессионального знания, объектом критики, как несобственное основание. Больше, чем лекции на факультете, воспринимавшиеся как некая рутина с ее плавным течением, повлияли взрывные по своему характеру школы молодых ученых (когда я участвовала в качестве и ученика, и позже – учителя). Именно там философы (и часто – нефилософы) говорили именно от первого лица, а не как передатчики запрограммированного знания, и это отличало их от факультетских лекций в чем-то очень важном, возможно – главном для философии: лектор обычно говорил не о своем и не о себе, в лучшем случае он был интерпретатором, комментатором, систематизатором, ответственным за «не свою мысль», что по-своему абсурдно. Философия как предельно субъектное мышление, ставящее мыслящего в центр мира, не могла жить и заражать в этом лекционном пространстве. Школы молодых ученых были принципиально иными: на них круглые сутки «учителя» говорили о своем и о себе, были обнажены в своем философском качестве. Там я слушала и слышала В.М. Межуева (и это опять был Маркс, и свобода, но иная, чем та, что отвергалась мной в своей буржуазности) и А.А. Гусейнова (первая встреча с этикой Аристотеля, со столь труднодостижимым морально-философским перерождением), которых приняла полностью, а понимала со временем: их мысли как бы вызревали во мне. Были и те, кого тоже слышала, но восприняла с недоверием, с ощущением вторичности: так было с И.С. Коном – он воспринимался скорее как просветитель. Были и отвергаемые – например, Батищев, выгонявший пытавшихся что-то записать. Решающей была возможность после лекции насладиться обладанием мыслью, когда она была такой, что я могла бы принять ее, сделать своей до такой степени, чтобы излагать ее от своего, от первого лица: не знать больше, а мыслить иначе, присвоить. Но так случалось очень редко. Точно – так было после выступлений Межуева, Гусейнова, позже – К.А. Свасьяна. Были и встречи: обед на балконе Праги с Мамардашвили, беседы с Н.З. Чавчавадзе, прогулки, самые разные разговоры, то, что можно назвать жизнью рядом с людьми и молодостью с ее самоуверенностью, быстротой ума и неустойчивостью мысли, с доверием к собственной субъективности. И было много упущений – столько было не услышано, не понято, недооценено.

А еще были имена-символы, имена-тайны, очерчивавшие отдаленную область высшего, подлинного, глубокого, изощренного, имена, значившие нечто большее, чем связанные с ними тексты и идеи, имена-пароли. Бахтин, Аверинцев, Лотман. Достать их книги или статьи было совершенно необходимо, не менее необходимо, чем прочитать. (Из них живьем я слушала только Аверинцева, он читал свои стихи в Доме кино, было плохо слышно, почти непонятно и не имело прямого отношения к имени – Аверинцев.) Все эти люди формально не были философами, не были марксистами. Но было еще одно имя – Ильенков, он был еще жив в мои студенческие годы, но я его никогда не видела. Зато его статья «Идеальное»

в «Философской энциклопедии» наполняла каким-то почти телесным наслаждением, в ней философия из некоторого недостижимого стремления превращалась в осязаемую данность.

Так сложилось, что только через много лет важнейшим собеседником для меня стал Аристотель, он оказался ближе, роднее, чем моральные философы Нового времени, именно он положил в основание этики предельно метафизическое понятие поступка и человека как начала поступка. Когда же я попыталась текстуально отследить отношение к Аристотелю Маркса, то оказалось, что в моей интеллектуальной биографии и не было разрыва.

Наше поколение потеряло единство философского основания и понятийного языка, единство совокупности классических текстов. Для кого-то сейчас однообразие цитат и источников моего времени может показаться недостатком. Мы и сами могли иронизировать по этому поводу. Но сейчас, ретроспективно я бы описала это однообразие принадлежностью к единой школе мысли. Однообразие цитат – их сосчитанность и актуальная данность всем участникам разговора – это и опыт, например, тех, кто имеет дело с античной философией. И это ведет вовсе не к ограниченности, это позволяет сосредоточиться на главном, бежать вокруг заданной точки подобно паломникам, бегущим вокруг Каабы в Мекке.

Взгляд со стороны (не изнутри с точки своей центральности и единственности, для этого направления взгляда не может быть такого вопроса) на себя допускает вопрос: что во мне – от поколения, что во мне – общее с теми, с кем я объединен в идее одного поколения? Можно ли назвать этим общим некий событийный ряд? И что включить в этот ряд – то есть что было значимо, определяло идеи, область интересов, образ жизни? А что из событий прошло мимо? Наша юность сначала была сжата, в потом продлена – когда нас снова, уже тридцатилетних, накрыл и потащил вал новой, до того недоступной литературы. Эти годы непрерывного чтения и особого опыта политической жизни, выхода в живое публичное пространство должны были развернуть масштаб нашей мысли, породить великое, как это свойственно революциям. Но этого не случилось, как мне кажется. Возможно, от того, что кажущееся революцией в масштабах жизни поколения может быть завершением или вариантом контрреволюции – той контрреволюции, которая началась почти сразу, уже в 20-е годы прошлого века. И тогда понятно, что столь вдохновляющее настроение перестройки и опыт выхода на площадь обернулось вовсе не революционной мыслью, не восторгом творчества, а пошлейшими усилиями вписаться в буржуазную реальность, воспеть мещанские ценности – то есть вернуться к так называемому нормальному ходу истории и жизни. Да, мы прочитали Солженицына, а потом – Шаламова. И сделали выбор в пользу Шаламова. Мы прочитали очень много непрочитанного прежде. Но остались поколением потерь, а не обретений. Мы читали непрочитанное – непрочитанную советскую литературу, непрочитанные труды зарубежных философов. «Непрочитанное ранее» – это определение несет что-то безнадежное и печальное: мы перерождались без перерождения, мы уютно чувствовали себя в совершенно изменившейся идеологической и повседневной реальности, продолжали писать, публиковаться, читать лекции, защищаться, делать карьеру. И именно это оборачивается тайной подсказкой: что-то ненастоящее, неглубокое, неподлинное подобно хронической и почти бессимптомной болезни было и есть в нас. Как легко мыслящие себя марксистами стали антимарксистами, научные коммунисты переименовались в политологов, критики западной философии – в ее восторженных апологетов. Дело не в оценке содержания этих изменений, а в самой их легкости, незаметности. Чем же мы были, если так успешно вписались в ход истории? И какие у нас основания считать, что тогда были ничем, а сейчас стали всем? Мы потеряли временную перспективу – а что это означает для философской мысли, если она перестает быть утопией культуры, ограничивая себя ее рефлексирующей ретроспекцией! Мы потеряли чувство востребованности – философ стал маргиналом. Из носителя и автора господствующей идеологии он стал провинциалом культуры. Возможно, это и более ком-

фортно для философии как таковой, возможно, это и благотворно для нее, странно сочетающей уединение со способностью взбегать на баррикады. Но это все равно безусловная потеря: ведь и потери бывают благотворны.

Где временная граница между поколениями? На моем курсе (мы учились на философском факультете в 1976–1981 гг.) были люди лет на 10 старше меня, а среди моих преподавателей – их ровесники и даже кто-то моложе. (И самой мне пришлось вести занятия на ИПК при МГУ с людьми, намного, иногда в несколько раз старше меня, что было предметом непрестанной критики.) Отношение «учитель – ученик» совершенно очевидно обладает приоритетом в моем восприятии, так что Доброхотов, Подорога и многие другие не принадлежат к моему поколению, ибо они – учителя. Так, я ходила слушать первый, наверное, спецкурс Александра Львовича Доброхотова у вечерников – о Демокрите и немецких романтиках. Там меня увлекла мысль о схожести атома Демокрита и идеи Платона: когда столь много говорилось о разведении материализма и идеализма, это звучало крамолой и уже в силу этого было невероятно притягательным. В пространстве академической и университетской жизни не деление на поколения, а принадлежность к ученикам или учителям воспринимается мной как значимое, возможно – из-за того, что я пришла в университет прямо из школы, в которой граница между учителем и учеником является определяющей. Поэтому, например, Александр Львович Доброхотов для меня навсегда принадлежит к поколению учителей – именно потому, что я слушала его спецкурс, слушала его как преподавателя. А многие, кто даже старше него, остаются для меня учениками, такими же, как и я сама. Эта граница намного более неодолима, чем та, которая пролегла позже – между мной как преподавателем и теми, кто слушал меня по воле расписания занятий.

Как-то незаметно юношеское неприятие обыденности, эмпирической повседневности, опирающееся на антибуржуазность, бывшую для меня своего рода семейным стилем и традицией, перешло в стремление к небанальному высказыванию: то есть философия сначала и в первую очередь была для меня путем к такому высказыванию, которое не принимается обыденным сознанием, непонятно и часто неприемлемо для нефилософа. Именно это стало своего рода ориентиром, заменой стремлению к истине, которое казалось чем-то сомнительным, если не бесчеловечным, а истина и познание с самого начала были заключены в некоторые кавычки, лишены превосходства, приоритета (тем более что познание давалось легко, без усилий именно в силу изобретательности ума, а не дисциплины памяти): возможно, именно это сейчас, через много лет, объясняет тот странный выбор кафедры, который я сделала на третьем курсе.

Увлекала философия как противостояние повседневному опыту, банальности основанных на нем высказываний, и в этом она резонировала с «идеализмом» марксизма, его неприятием буржуазной пошлости и устремленностью к миру и к мысли через отрицание, критику.

Марксизм принципиально не банален. И эта его черта была воспринята мной всерьез – еще тогда, когда я писала реферат по политэкономии о семье и браке, так рассмешивший своей наивностью Хессину. Через лет пять-шесть я читала лекции по линии общества «Знание» – огромным женщинам с распаренными руками в каком-то цеху или нескольким сотням военных, примаршировавших в необозримо длинный и узкий зал. Как смешна была эта лекция, читавшаяся девчонкой, о конце брака, о пошлости и разрушенности семьи, о подлинности любви (что впоследствии привело к понятию любви как вне- и антинормативности, ничемнеобусловленности). И все же эта марксистская критика мира порождала то, что не способны породить многие иные учения: этот задающий взгляд на настоящее из будущего, этот восторг и энергию мысли, столь критичной к пошлости и обману повседневной жизни. Взгляд, совершенно лишенный моралистической риторики, развенчивающий идеологию, религию, мораль.

Может быть, в силу семейных традиций эпоха революции была в моем представлении невероятным творческим всплеском, воплощением свободы, отказа от множества социальных пут: экономических, гендерных, возрастных и национальных. Это было то, чему я доверяла: там, именно в этом времени мой дед дружил с Хлебниковым, они с бабушкой-синеблузницей ходили на спектакли Мейерхольда (о которых она так любила восторженно вспоминать). Однажды, когда мы с дедушкой ехали на троллейбусе вдоль Тверского бульвара, он показал на толпу на тротуаре и сказал: «Умер великий артист» (может быть – режиссер, тут память меня подводит). Мне было, наверное, лет пять. Это было поколение, способное кого-то и что-то считать великим. Мое поколение не способно на это. И еще это прошлое было страстно антимещанским и атеистичным. Атеистичным было и мое поколение, во всяком случае так оно было повернуто ко мне. Но оно уже не было ни антимещанским, ни революционным: в нем тлело нечто перегоревшее, но согреть и осветить этот огонь уже не мог. На нынешних встречах одноклассников я с удивлением узнаю, сколько среди них, оказывается, тогда было антисоветчиков и верующих. Я этого не знала, не видела и, пожалуй, не верю. Даже если я не мыслю себя в принадлежности поколению (точно так же как враждебно настроена к любому социологическому, социально-групповому само-помысливанию), то кому есть до этого дело?! Взгляд извне все равно будет определять и расставлять. Отрицание этого взгляда при сохранении идеи поколения означает, что остается только попробовать представить себя самого в качестве единственного и уже в силу этого наиточнейшего олицетворения своего поколения, сказать: «Мое поколение – это я» – и ослепнуть и оглохнуть к пониманию сомнительности этого утверждения и очевидности правоты несогласия с ним.

Я часто общаюсь с одноклассниками и, пожалуй, могу сказать, что мы принадлежим к одному поколению, несмотря на различия профессий, интересов, взглядов, биографий и даже уже стран. Но я почти не общаюсь с однокурсниками и не мыслю себя в принадлежности им как поколению: дело здесь, скорее всего, не в различии наших детских лет, возраста, среды и т. п. Дело здесь – в самой философии. Разве мы мыслим историю философии поколениями? Нет, только отдельными именами, и еще немного – эпохами и странами, которые если и важны, то для историков философии, но не для самих философов в их общении друг с другом. Великие философы не принадлежат своему поколению, они сами – каждый в своей единственности – задают философию в ее полноте. Иными словами, как мне кажется, понятие поколения неприменимо к философии, более того – философия отменяет идею поколения: у меня может быть больше общего с мыслителем, на два тысячелетия старшим, его тексты могут восприниматься мной с большей легкостью и вызывать больший ответ, чем те, кто родился в одно со мной время или сидел со мной в поточной аудитории первого гуманитарного корпуса.

Но как тогда мне ответить на вопрос о своем поколении? Социологически я действительно принадлежу ему, но в пространстве философии – категорически нет. И описать то, что называют поколением, я могу лишь исходя из собственного интеллектуального движения, допуская поколение, представленное мной самой в моей единственности. Я и есть поколение, если уж кому-то угодно это слово, хотя оно совершенно излишне для самоопределения, для самоощущения философа.

Юность – странное сочетание таланта и глупости, живости ума и его неоправданной претенциозности. Мир моих биологических пристрастий разрушился под ножом, которым надо было резать лягушку (в серьезном биологическом кружке, заседавшем в каком-то подвале в районе Никитской). Исследование животного и любовь к нему оказались несовместимыми: так я оказалась на философском факультете – здесь еще не было для меня ни любви, ни насилия. Просто – некое умное место. Да, я знала три источника и три составные части марксизма – о них спросили на собеседовании. Первое собрание курса было шоком: тут

были совсем другие люди. Большинство – старше меня. После службы в армии, работы во всяких трудных местах они резко повернули свою жизнь – с разными целями, большая часть которых мне были понятны, но чужды: благополучность детства не требовала ни борьбы, ни сильного стремления, я была бесцельна и просто отдалась течению факультетской регламентации жизни – лекции, семинары, конспекты, домашние задания. Самые запомнившиеся преподаватели первого курса: Петр Яковлевич Гальперин (психология) – он был так красив и так свободен, именно он, не спрашивая, исправлял поставленные ассистентами тройки на пятерки, полностью принимая на себя ответственность и за хороших, и за плохих студентов и заодно обесценивая любые оценки; меня захватило, что в течение целого года Гальперин говорил только о поиске предмета психологии и так и не находил его: это было что-то очень важное и для понимания философии, а еще это было первым столкновением с персонифицированным противостоянием теорий, учений (Гальперина и Леонтьева) – хотя, кажется, Петр Яковлевич не рассказывал о нем, но мы это знали и воспринимали как противостояние личностей: и возможно, с тех пор философская идея стала для меня неустранимо персональной; Евгений Казимирович Войшвилло – увлеченный предметом, дававшимся мне так легко; Хессина – политэкономия, чтение «Капитала», и это определяет все: курс был невероятен просто потому, что мы читали, конспектировали, пересказывали «Капитал». (И еще ее уже упоминавшаяся снисходительная ирония по отношению к моему доверчиво-максималистскому увлечению марксистской критикой семьи в первом в жизни реферате.) На первом курсе таких значимых преподавателей было несколько, это было предельно концентрированное время учебы. А.Н. Чанышев рассказывал свои книги по досократикам, иногда его книги рассказывал (почти читал) В.В. Соколов. Но чем больше становилось философских предметов, тем меньше было таких людей. (Это как-то перекликается с тем, что немногие наиболее значимые (на мой взгляд) для моральной философии тексты в XX веке были написаны не профессиональными этиками, в частности – М.М. Бахтиным, Ханной Арендт, В.В. Бибихиным.) А.С. Богомолов начал курс, но вскоре прервал его из-за здоровья – и я не успела узнать его.

Я не шла туда, куда меня звали – не знаю почему. Ко мне хорошо относились два преподавателя факультета – судя по тому, что они звали меня на свои кафедры: это К.Я. Войшвилло и М.П. Новиков, логика и атеизм. Но что-то в моем характере не позволило согласиться и пойти на одну из этих кафедр. Я избрала кафедру, на которую меня не звали, даже, пожалуй, время от времени мне казалось, что меня не очень то хотят там, на которой я чувствовала себя неуютно, не была любимой или обласканной и предмет которой ускользал от меня, – на кафедру этики. И впоследствии я ничего не знала ни о сотрудниках кафедры, ни об их взаимоотношениях – знала лишь, о чем они пишут и говорят. Я не понимала, где оказалась и зачем – но именно это отсутствие знания и интуитивное ощущение, что знанием здесь ничего не решишь, что оно здесь не главное, а главное – уловить очень труднодоступную нить мысли, которую никто из окружающих не может протянуть, передать. И еще меня все время мучило чувство, что для того, чтобы быть моральным философом, надо чтобы что-то очень существенное совершенно перевернулось в мышлении, чтобы совершилось что-то невероятно трудное, почти неодолимое; и вот этого всё меняющего переворота во мне не было – я выбрала этику, потому что стремилась к выбору, а значит к противодвижению, а в результате продолжала двигаться в обычном русле «научного взгляда на мир». Мне обычно все давалось легко – чтение, некоторое понимание, размышление; мне нравилось изобретать: например, показать, что потребитель не потребляет, что время порождено любым типом движения и возраст задается характером этого движения, а не количеством лет, т. п., так я интуитивно открывала темы, которые становились предметом интереса многих несколько позже – позже меня. И все же было больно и тревожно ощущать мыслью, что я не понимаю, что такое этическое, что такое моральная философия: что для этого во мне слишком много

научно-познавательного, хотя весьма изобретательного и самостоятельного, но нет этого слома, этого сумасшествия, которое необходимо для мышления о морали. Я как будто повисла между двумя вершинами, не ощущая убеждающей опоры. Прошло много-много лет, когда, как мне кажется, это искомое перерождение способа мыслить случилось – и это самое важное и самое лучшее, что может случиться с тем, кто занимается философией: когда он порывает с повседневным опытом и с научно-отстраненным взглядом и пускается во все тяжкие и с самого начала. Вот тогда, когда перестают принимать коллеги, когда с тобой не согласится ни один человек с улицы, – тогда можно позволить себе радость альпиниста, добравшегося до вершины, до такого узкого и опасного совершенно пустого пятачка, с которого можно смотреть и не желать ничего иного. Возможно и скорее всего, я еще не дошла до этого странного места, и все же что-то случилось, именно то, что не случилось во время учебы и долго после нее. Возможно, Аристотель был прав, оговаривая, что юношам многого не хватает для занятия философией. Возможно, с другими, с моими однокурсниками, подобное случилось раньше – я не смею судить об этом.

Отношения с избранным жизненным занятием разворачивались в отношения с книгами, схватываемые в трех сюжетах. У художника Рождественского (он, кажется, выставлялся на Малой Грузинской) мы (я и сестра) покупали ксероксы основных работ Ницше, пару трудов Фрейда, что-то еще. «Генеалогия морали» Ницше (потом уже издававшаяся как «К генеалогии морали») была исчеркана мной. Печать копии была очень нечеткой, и приходилось очень напрягать зрение, разбирать текст, иногда гадая о нечитаемых словах. (Я уж не говорю, что это был текст с ятями.) Это было совершенно особое чтение – когда напряжение понимания гармонировало с напряжением видения. Возможно, поэтому через много лет, несмотря на стоящие на полках другие издания Ницше, наверняка более точные и уж точно несопоставимо легче читаемые, я все равно предпочитала это старое издание, даже ссылаться на которое уже неприлично. Вторая история такова. Мы ходили на квартирник к Саше Кривомазову. Я была только на двух-трех. Надо было ехать куда-то далеко на окраину Москвы (так мне казалось). В однокомнатной квартире собиралось много людей. Но кое-что оттолкнуло меня сразу от всего происходившего: в комнате было много книжных шкафов или полок – почти все стены были ими заняты. И корешок каждой книги был аккуратно заложен листом белой бумаги. Каждый из тысячи корешков. Это, конечно, можно было объяснить – посторонние люди не должны были видеть это богатство. Возможно, не должны были и отвлекаться от происходящего. Не должны были воровать и выдавать. Но это было страшно, отвратительно. Эти белые листы, предназначенные для написания текстов, книг, статей, служили чему-то противоположному. Третья история – как я купила собрание сочинений Маркса. Это случилось тогда, когда все происходящее подсказывало, что это огромное собрание сочинений не нужно, поздно покупать. Клара Ароновна Шварцман уезжала в Израиль и предложила мне купить у нее Маркса-Энгельса. Ей надо было освободить квартиру, и деньги тоже были не лишними. Почему она предложила мне – не знаю. Может быть, я просто услышала сказанное для многих. Но я купила, приехала, долго и тяжело таскала. Сейчас нечитаемый ксерокс Ницше и коричневая громада собрания сочинений соседствуют. Они формируют пространство моего упрямства, сопротивление потерям. Моему поколению приходится решать, что делать со множеством книг, написанных и купленных тогда, в конце 70-х и начале 80-х, которые сейчас отвержены, обессмыслены, смешны, эти многочисленные сборники, в которых есть одна статья, ради которой и была некогда куплена книга. Тезисы конференций с одним-двумя именами, из-за которых невозможно выбросить эту никогда не читаемую книгу. Но и не только из-за этих имен, а просто потому, что это было, и было отчего-то важно. Это – смешной выбор, перед которым стоит мое поколение. То, что выбрасы-

ваешь сам – уже не есть потеря. Потеря в том, что мы вынуждены выбирать. В том, что библиотека вывезена на дачу.

Моя диссертация была посвящена так называемой темпоральности, попытке понять мораль с помощью понятий социального, личностного и т. п. времени. Общая идея заключалась, кажется, в том, что перспективная направленность времени лежит в основе моральной регуляции поведения, а изменение этой направленности на ретроспективную превращает мораль в иллюзию. Сейчас я, нынешняя, не подписалась бы под этим текстом, невзлюбила бы его за наукообразность и за то понимание морали, которое для меня абсолютно неприемлемо. Хотя само обращение к не-хронологическому, не-физическому времени в то время было чем-то совершенно новым, «категории средневековой культура» Гуревича были единственным источником по школе Анналов. Странным образом я снова вернулась к трудам Ле Гоффа (о котором мало знала в аспирантские времена, и тем не менее из вторых рук оказалась под его влиянием), когда начала писать об аристократизме как системе ценностей, потом об аристократизме как особом идеале и способе жизни. Я описывала его через понятия праздности, дара, центральности и единственности, поступания. Небольшой параграф о величавом у Аристотеля, очевидно аристократическом образе, перерос в отдельную тему – о Величавом. Появились понятия поступка, субъектности, начала. И так получилось, что аристократизм стал для меня основанием поступания как такового, Аристотель вступил в диалог с Бахтиным, для которого центральность и единственность – важнейшие понятия философии поступка. И вот уже мораль невозможно понимать как способ ценностно-нормативной регуляции, но лишь как форму субъектного бытия в поступке, вне которого нет ни меня, ни моего мира. И вот уже философия возможна лишь как самодостаточное мышление от первого лица, а моральная философия – как первая философия. Не помню, как случилось, что я встретилась в Интернете с фильмом Клода Ланцмана «Шоа» – это очень длинный и очень тяжелый фильм. И я посмотрела его без пауз. И с того момента нарастающей волной меня подхватило, и я уже читала и писала всё более и более об Аушвице. И оказалось, что только моральная философия, основанная на понятии поступка (а значит – единственной центральной ответственности за весь мир), может сохранить право и способность мыслить после Аушвица, возможность мышления для того, кто ответственен за него, а только таковым и может быть нынешний моральный философ. Мысли и стиль восьмидесятых были потеряны мной, сброшены и затоптаны. Но это касалось только этики. В том виде, в каком она понималась и мной, и большинством в восьмидесятые, она была отталкивающей.

Философ не принадлежит поколению хотя бы в силу своего разрыва с социумом, который необходим для мыслительного уединения и свободы, для погружения в пространство философии как самодостаточного мышления. В отличие от ученых, которым для погружения в свою область необходимо быть современными, быть в необходимом диалоге с учеными своего поколения, своего времени, знать последние достижения, философ скорее обретет почву под ногами, если обратится к тем, кто невероятно отдален во времени от него самого или, что точнее, просто, как и он, принадлежит иному времени. Он не доверяет ни известным интерпретациям, ни переводам, но нуждается в том, чтобы начать как бы совершенно заново, положив себя началом и будучи таким началом мира. «Мысль только тогда и плодотворна, когда она ничем не связана: в этом ее сила в сравнении с другими плотскими делами. Так нет же. Взяли ее и заковали в условия времени, чтобы обессилить, обезличить ее. И именно эта-то форма обессиленная стремится поглотить всё. Философы, мудрецы свои думы высказывают к первому числу месяца, и пророки тоже» [Толстой 1952: 107] – о том же сетует Лев Николаевич Толстой.

Что в таком случае может значить для философа поколение?! Оно так же мало значит для него, как и его фактическая биография, которая очевидно проигрывает истории его соб-

ственного мышления. Подобно Аристотелю – если вспомнить то, сколько слов уделял его биографии в своих лекциях Хайдеггер, – он «родился, жил и умер». Этим Хайдеггер как будто отвечает многочисленным авторам, столь яростно сделавшим своим предметом хайдеггеровский нацизм – описание жизни философа не заслуживает более этих трех слов, каковы бы ни были перипетии его биографии, сколько бы много сомнительных или неуспешных шагов он ни предпринимал в качестве социального индивида, а философы чаще всего были неуспешны в этом качестве. Небольшое отличие моего поколения – это то, что мы родились и большинство еще живы. Это значит, что подобно тому, как совершающий поступок не знает его смысла, как смысл подвига героя не дан ему, пока он жив, так и нам не дано знать, какими определениями наградят нас, когда наша индивидуальная история завершится. Пока мы живы – эти определения нам неизвестны и не нужны. Только шестидесятники получили свое определение при жизни, только они стали поколением, но не философским поколением. Те, кто заявил о себе в период перестройки, почему-то не стали поколением перестройки – значит, или дело вовсе не в значимых социальных поворотах, или то, что связано с оттепелью, намного более колоритно, чем то, что произошло в перестройку. Подобное предположение кажется странным, противоречащим всем социально-историческим оценкам, в его пользу говорит только одно – существование понятия «шестидесятники». И оно говорит, что тогда как перестройка и последующий поворот увенчали и завершили семидесятилетнее контрреволюционное движение (что очевидно, если говорить о смене формы собственности и разрастании государственно-бюрократической машины), оттепель была сопротивляющимся ему усилием, поиском того, что уничтожалось, искажалось, умертвлялось этим движением.

Мне кажется, что учеба протекала какой-то внешней каймой моей жизни, она не затрагивала глубины, была легкой. Когда разрушилась страна, разрушился прежний язык, это не стало для большинства ни трагедией, ни радостным поворотом. Появились новые темы, новые запросы. Для меня они были, скорее, отталкивающими – в силу таящихся за ними мелкобуржуазных идеалов. Уходил в прошлое марксизм, который нес в себе запал духовного идеализма, мечты, утопии. Именно так сказал мне о нем один английский философ на конгрессе в Брайтоне – он сказал, что марксизм и наша страна притягательны для него своим идеализмом. На вопрос – где он работает, он ответил, что нигде, что он живет в замке. Все это казалось мне тогда чужеродным и ошибочным. А через лет десять я начала писать о замке, об аристократизме. Возможно, оттого, что не могла принять буржуазность – ни идею взаимности и равенства, ни ценность отчужденного труда, ни возможности рынка. Не могла принять и нововременную идею морали, пропитанную рыночным духом. Мне понятен этот путь, но вряд ли он может что-то сказать о пути тех, с кем мы некогда сидели в первой поточной.

Пространственно философский факультет МГУ периода моей студенческой и аспирантской жизни и Институт философии (в той мере, в какой я с ним тогда сталкивалась) – это коридоры: два совершенно разных коридора. В моем восприятии того времени – светлый, малоорганизованный, обжито-обшарпанный коридор одиннадцатого этажа стекляшки с путаницей разномерных аудиторий и кафедр, парткома, профкома, комитета ВЛКСМ. И темный, скрипучий, высокопотолочный коридор Института философии – в нем ты сразу ощущал себя чужеродным, он изгонял, ставил на место. За время учебы я была там лишь пару раз (какая ошибка, какая потеря!), каждый раз это было связано с сектором этики – чужим, неприветливым, неинтересным. Институт казался самодовольным (вряд ли – самодостаточным), негостеприимным, выталкивающим. Сначала мне казалось, что именно факультет МГУ – самое прекрасное место для философа, самое подлинное и живое. Но когда стало ясно, что кафедра не жаждет заполучить меня в качестве сотрудника (уже защитившегося тогда), когда самые близкие мне ее сотрудники перешли в институт, когда я проработала несколько лет на кафедре философии ИПК, раздражая

своим присутствием ее руководство, – всё изменилось. Переход в институт не был одномоментным – он еще долго казался чужим, не теплым. Думаю, институт и сейчас для тех, кто приходит в него извне, – совсем не легкое дыхание. Мне кажется, он немного теплеет, когда ты начинаешь узнавать людей в лицо и одновременно находишь для себя уединенное место. Место, где собрались философы, не может быть ни уютным, ни гостеприимным – что же тут поделаешь. А если оно становится таковым, то перестает быть философским.

Арендт Х. б/г. О революции / Перевод В.В. Бибихина. – *Сайт В.В. Бибихина*. – Доступно: http://www.bibikhin.ru/o_revolutsii. – Проверено: 22.11.2022.

Арендт Х. 2011. *О революции*. – М.: Европа.

Ортега-и-Гассет Х. б/г. Что такое философия. Лекция вторая. – *Гуманитарный портал*. – Доступно: https://gtmarket.ru/library/basis/5600/5602. – Проверено: 22.11.2022.

Толстой Л.Н. 1952. Дневник и записные книжки. 1890 г. – Толстой Л.Н. *Полн. собр. соч.: в 90 т*. Т. 51. – М.: Художественная литература.

ОБРЕСТИ СЕБЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ[1]

М.Ф. Быкова
Университет Северной Каролины (США,
Институт философии РАН

Аннотация: *Откликаясь на творческий проект по воссозданию динамики истории отечественной философии через призму деятельности сменяющих друг друга поколений философов, данная статья обращается к поколению восьмидесятников, тех, кто вступил в сознательную профессиональную жизнь в конце 1970-х – середине 1980-х годов. Цель статьи в том, чтобы хотя бы пунктирно обозначить основные идеи, поиски и стремления, ставшие основополагающими для этого философского поколения, к которому автор относит и себя. Разговор о философском поколении восьмидесятников предваряется подробным обсуждением теории поколений, разработанной в 1990-е годы американскими историками Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом и получившей широкое распространение в современной философии истории. Автор также размышляет о феномене философских поколений и оправданности использования данного понятия в качестве критерия развития философской мысли в определенный период времени, совпадающий с временными рамками опыта философствования одного поколения. Предлагаемый анализ основных характеристик философского поколения восьмидесятников является во многом результатом собственных авторских рефлексий на ее личный опыт философской работы и погружения в мысль.*

Ключевые слова: *теория поколений, Уильям Штраус, Нил Хоув, философское поколение, неизвестное поколение, поколение странников, перестройка, гласность, XVIII Всемирный философский конгресс в Брайтоне, И.Т. Фролов.*

История философии занимает центральное место в философских исследованиях нашего времени, оказывая существенное влияние не только на наше понимание исторического развертывания опыта философствования, но и на разработку новых идей и подходов к насущным проблемам современности. Неслучайно вопрос о способах типологизации истории философии остается ключевым методологическим вопросом философской науки. Известны различные попытки классификации историко-философского процесса – от узких периодизаций, прослеживающих развитие определенных проблем или специфических подходов к филосо-

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Быкова М.Ф. Обрести себя: штрихи к портрету моего поколения. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 627–656.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.171193

фии, объявляемых господствующими в тот или иной исторический период, до более широких типологий, ставящих историю философии в общую связь с развитием цивилизации и культуры человечества. И хотя ни одна классификация не способна всецело отразить живую динамику процесса развертывания философского знания, некоторые из предложенных типологий представляют существенный интерес как с эвристической точки зрения, так и в аспекте обнаружения наиболее значимых тенденций развития философии на протяжении всей ее многовековой истории или в какие-то конкретные периоды. При этом определяющим является вопрос о критериях или способах, которые должны быть положены в основу систематизации истории философии.

В этом смысле проект о философских поколениях, как мне кажется, являет собой продолжение данных поисков, которые теперь предстают в новом, нетрадиционном ракурсе. Замысел проекта состоит в том, чтобы попытаться воссоздать (и в каком-то смысле, хотя бы пунктирно, обозначить) историю отечественной философии посредством реконструкции тех объединяющих интеллектуальных, ценностных и теоретических ориентиров, которые присущи определенным поколениям философов. При этом речь идет о наиболее приближенном к нам историческом периоде, а именно отрезке времени, непосредственно совпадающем с временными рамками жизни самих авторов. Иными словами, речь идет о попытке изложить историю развития отечественной философской мысли ее непосредственными участниками с помощью воссоздания разнообразных дискурсов философского поиска, характерных для различных философских поколений.

Даже для не совсем сведущих во всех перипетиях творческой мысли нетрудно понять амбициозность и трудоемкость данного замысла, и особенно в силу того, что авторы данного реконструктивного проекта оказываются внутри того философского дискурса, который сам выступает предметом их непосредственного исследования, являясь не только участниками, но также и со-творцами смыслов, сформированных в динамике философского творчества их собственного поколения и исторического времени. Такой взгляд «изнутри», без необходимой временно́й дистанции, кажется противоречащим всем принципам исторического исследования, будь то эмпирическая история (цивилизации и культуры) или историческая рефлексия над развитием самой философии. И все же мне представляется данный замысел не только заманчивым и будоражащим мысль, но и перспективным, особенно в смысле обозначения структурной модели интеллектуальной жизни конкретного философского поколения и определения долговременных связей, объединяющих эпохи и простирающихся сквозь время и сменяющуюся череду поколений. И хотя задача воссоздания общей картины развертывания философского знания через связь поколений и многообразные формы их философствования, конечно, выходит за ограниченные рамки одной статьи и может быть результатом только совместных усилий многих авторов, я вижу свою цель в том, чтобы попытаться представить штрихи к портрету моего философского поколения и хотя бы пунктирно обозначить те основные идеи, поиски и стремления, которые стали основополагающими для нас, его представителей. Однако прежде чем перейти к характеристике того поколения, с которым я себя ассоциирую, мне представляется необходимым определить некоторые основополагающие понятия и концепции, которыми мне предстоит оперировать. Поэтому я начну с обсуждения так называемого поколенческого подхода, весьма распространенного в современной философии истории; затем поговорю о феномене философских поколений и оправданности использования данного понятия в качестве критерия развития философской мысли в определенный период времени, совпадающий с временными рамками опыта философствования одного поколения; и только после этого я попытаюсь кратко – широкими мазками – хотя бы отчасти воссоздать портрет моего собственного поколения философов, главным образом опираясь на мой личный опыт философской работы и погружения в мысль.

1

Интерес к исследованию роли и места поколений в объяснении истории не есть нечто принципиально новое. Первые упоминания понятия «поколение», а также ссылки на его значение для понимания процесса исторической преемственности можно обнаружить уже в работах Платона. Однако функциональную роль для описания истории понятие «поколение» приобретает только в эпоху Просвещения, и такое применение связано, прежде всего, с именем итальянского философа Джамбаттиста Вико, заложившего в своих работах основы разделу знания, именуемого сегодня культурной антропологией. Именно Вико впервые сформулировал мысль о том, что общество развивается по своим собственным внутренним принципам и законам, не зависящим от божественной воли или священной истории мироздания, и что социальная динамика определяется процессом смены поколений. Как истинный мыслитель эпохи Просвещения, Вико ассоциировал прогресс в развитии общества с разумом и познанием. Он понимал историю как сменяющуюся преемственность поколений, связанных единством законов разума и ростом рационального знания. Эти положения получили свое дальнейшее развитие в рамках философии истории, которая берет свое начало с конца восемнадцатого века, эпохи осмысления итогов первых буржуазных революций в Европе. Именно тогда возникают классические концепции объективного исторического процесса, а также прогрессивистские теории поступательного социального развития. Для начала двадцатого века характерно принципиальное различение и разведение теорий исторического процесса и исторического познания. В результате на фоне постепенного угасания роли классической исторической онтологии (здесь достаточно вспомнить работы Шпенглера и Тойнби, в которых исторический процесс уже предстает радикально дефрагментированным) набирают силу исследования сущности исторического познания. Особый стимул развитию исторической эпистемологии был дан неокантианством. Поставив под сомнение господствующую теорию объективного исторического процесса, Вильгельм Виндельбанд, Генрих Риккерт и их последователи выдвинули идею о специфике исторического, а в широком смысле – и всего гуманитарного познания и попытались нащупать его отличительный метод, не совпадающий с естественно-научным (сциентистским) способом освоения реальности [См.: Rickert 2013; Rickert 1926; Windelband 1915a; Windelband 1915b]. Поиски такого особого метода привели уже Макса Вебера к заключению о необходимости расширения границ классической научной рациональности. Историческая наука оказалась выведенной за пределы действия универсальных научных закономерностей, что в определенном смысле повредило ее репутации среди ученых-естественников, породив их скептическое к ней отношение. Однако одновременно это позволило привлечь внимание к специфике гуманитарного знания и его отличию от естественно-научного.

Последующая трансформация исторической эпистемологии обнаружила серьезный дефицит теорий, которые могли бы лечь в основу исторического объяснения. Предпринятые в двадцатом веке попытки толкования историчности не только дезавуировали базовые концепции философии истории, но и оказались несостоятельными с точки зрения выработки какой-либо успешной типологии истории. Здесь достаточно вспомнить феноменолого-герменевтическую концепцию внутреннего историзма субъекта, сформулированную Гуссерлем и специфически развитую Хайдеггером. Хотя данная концепция максимально расширяла границы историчности, глобальная историчность субъекта отнюдь не позволяла разрешить классические проблемы социальной истории. Неудачной оказалась и предпринятая в аналитической философской традиции попытка построения рациональной объяснительной структуры по типу причинно-следственной связи. Изначально данная структура исторического объяснения рассматривалась философами-аналитиками как комплекс высказываний, наподо-

бие тех атомарных высказываний, которые были предметом исследования Витгенштейна и Рассела [Russel 1956: 323–343]. Однако впоследствии границы объяснительной структуры расширились до всего текста и сам метатекст и его концептуальный дискурс (литературный нарратив) стали предметом пристального изучения. В 1970–1980-е годы использование нарративистской методологии в историографии получило бурное развитие в аналитической и континентальной традиции [White 1973; Ricoeur 1984; 1985; 1988. См. также: White 1987]. Нарративистский проект был объявлен перспективным направлением исторической эпистемологии, и именно с ним связывали надежды на развитие историографии и гуманитарного познания в целом. На протяжении более двух десятилетий исследователи пытались создать так называемую типологию исторических тропов. Если коротко, то речь шла об использовании формалистской методологии для изучения истории и разработке теории (тропологии), делающей упор не на выяснение смысла истории, а на выработку риторики (тропов) написания истории, где последняя представала в форме нарративов.

Однако совсем скоро стала очевидна несостоятельность данного проекта, ибо система исторических нарративов требовала признания существования некоей связующей идеи, лежащей в основе самих нарративов и обеспечивающей целостность их восприятия. При этом данная идея не подлежала никакому рациональному (логическому) объяснению, что влекло за собой массу спекуляций. Неудивительно, что главные идеологи современной нарратологии, Поль Рикер и Франклин Анкерсмит, вынуждены были в результате признать необходимость интуиционистского (или даже религиозного) решения ключевой проблемы. Источником неудач исторической эпистемологии стала попытка подчинить историю целям построения самостоятельных учений и концепций, которые должны были якобы объяснить логику развертывания исторического процесса. Главным становился не объективный смысл истории, а соответствие того или иного «тропа» нарративному замыслу, выступающему основным принципом объяснения истории. Иными словами, упор делался на принцип, а не на эмпирический исторический материал.

Поэтому неслучайно, что в 1990-е годы на передний план выходят теории, основанные на эмпирически выводимых и проверяемых закономерностях. А поскольку главной особенностью эмпирических исследований является поиск повторяющихся с определенной регулярностью паттернов, то наблюдается массовое возвращение к циклическим моделям.

Отсюда – возрождение интереса к феномену смены поколений, который объявляется чуть ли не основным критерием цикличности истории. И действительно, именно поколенческий подход является сегодня едва ли не наиболее распространенным и часто используемым приемом при обращении к социальной истории и изучении закономерностей ее развития. Суть данного подхода состоит в объяснении исторической и социальной динамики через процесс взаимодействия и смены поколений. Он был впервые сформулирован двумя американскими историками – Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом – в их совместной книге «Поколения: История будущего Америки, 1584–2069 годы», опубликованной в 1991 году [Strauss, Howe 1991]. Данная работа, первая в серии из пяти книг[2], посвященной поколенческому подходу, представляет историю США как последовательность англо-американских биографий поколений начиная с 1584 года и по настоящее время. Основной тезис авторов состоит в том, что в американской истории можно увидеть и проследить теоретически повторяющийся цикл поколений. Именно данная цикличность и становится предметом обсуждения Штрауса и Хоува, которые постулируют модель из четырех повторяющихся фаз, типов поколений, а также с определенной периодичностью возобновляющихся этапов духовных пробуждений и светских кризисов, прослеживаемых начиная с колоний-основателей Америки и до

[2] Последующие четыре книги, помимо указанного ниже тома 1997 года, также включали: Strauss, Howe 1993; 2000; 2007.

наших дней. По их мнению, история США движется по 80–90-летним циклам[3], а поколения проходят через 20–22-летние периоды влияния или эры, называемые поворотами. В циклах есть взлеты и падения, чередующиеся с крупными историческими кризисами, такими как Американская революция, Гражданская война и Вторая мировая война. Каждое из четырех поколений, определяющих конкретный цикл, воплощает фундаментальные характеристики, и эти характеристики повторяются на протяжении всей истории.

В своей книге 1997 года «Четвертый поворот» авторы расширили свою оригинальную теорию, включив дополнительный материал как по истории Северной Америки, так и по всемирной истории. Сосредоточив внимание на четвертом цикле американской истории (совпадающей с периодом образования США), они описали типологию поколений и повторяющихся эмоциональных дискурсов, характерных для этой эры [Strauss, Howe 1997]. Одновременно авторы также изучили поколенческие тенденции в других частях мира и описали аналогичные циклы в нескольких развитых странах [Ibid.: 119–121], что придало их теории некий универсальный характер.

Сразу оговорюсь, что теория поколений Штрауса-Хоува вызвала весьма неоднозначную реакцию в академической среде. В то время как некоторые приветствовали четкую и ясную типологизацию истории на основе поколенческого подхода, многие критиковали теорию поколений как чрезвычайно детерминистскую, несостоятельную и не подкрепленную строгими доказательствами[4]. Ряд историков и журналистов открыто заявили о «лженаучном» характере теории [Fernholz 2017], определив ее как «тщательно продуманный исторический гороскоп, который никогда не выдержит научного доказательства» [Alter 1991]. Один из наиболее сильных аргументов академической критики, имеющий непосредственное отношение к обсуждаемой в данной статье проблематике, состоял в упреке авторов теории в типологизации истории в соответствии с принадлежностью к тому или иному поколению, в результате чего поколенческая классификация становилась более значимой, нежели классификация по иным признакам, таким как, например, принадлежность к тому или иному экономическому классу, расовая типологизация, различение по полу, по религиозным или политическим взглядам [Lamb 1991]. Как бы то ни было, модель Штрауса и Хоува стала очень популярной в маркетинговых исследованиях, а впоследствии появились попытки ее использования в исследованиях в области экономических и других социальных дисциплин. Однако непосредственное применение поколенческих циклов к чему-то отличному от стиля в одежде и вкусов в искусстве сразу привело к ряду серьезных проблем. Не только резко возросла степень погрешности объяснений, но также стало ясно, что поколенческий подход если и обладает какой-то предсказательной силой, то весьма незначительной. Все это только укрепило скептицизм и недоверие в аспекте ее теоретической и практической ценности.

И все же я рискну утверждать, что поколенческий подход может иметь важное значение для объяснения феномена историчности, а также способен быть функциональным при описании объективно-закономерных процессов истории, включая историческое развитие знания, в том числе философского. Это, однако, не означает, что его автоматическое применение позволит получить искомый результат. Как и всякая обобщающая методология, он требует уточнения в приложении к конкретному материалу, коим для нас является процесс философского познания. Более того, в данном случае речь должна идти не просто о понятии

[3] Авторы называют полный цикл «естественным столетием», используя для этого латинский термин saeculum, означающий период времени, примерно равный потенциальной жизни человека или, что то же самое, полному обновлению человеческой популяции [Strauss, Howe 1997: 14–15]. О значении термина «saeculum» см.: Dunning, Bilynskyj 2012: 1338–1339.

[4] См., например, статьи в весьма уважаемых изданиях: Brooks 2000 и Hoover 2009; а также отзыв на первую книгу Штрауса и Хоува: Jones 1992: 218; Fernholz 2017; Alter 1991; Lamb 1991.

«поколение» вообще, а о философском поколении, группе людей, жизнедеятельность которых не просто выпадает на один и тот же период времени, а которые, кроме того, являются непосредственными созидателями, творцами философских смыслов и философского дискурса своей эпохи. Такое уточнение я попытаюсь предпринять в следующем разделе статьи, но прежде чем перейти к обсуждению темы философского поколения, позволю себе коротко остановиться на понимании поколения Штраусом и Хоувом.

В данном случае меня не интересуют детали применения концепции поколений к описанию социальной динамики и построению моделей истории. И не только потому, что именно практическое применение теории поколений остается во многом проблематичным и недостаточно проработанным, вызывая наибольшие споры среди специалистов. Объяснение сущности исторического процесса в значительной степени относится к непосредственной проблематике философии истории и выходит за рамки настоящего рассмотрения. Для наших же целей важно выяснить, что Штраус и Хоув вкладывают в понятие поколения и каковы те закономерности, которые они зафиксировали в смене поколенческих архетипов. Кроме того, интерес представляют способы выделения самих поколенческих структур, а также принципы определения их хронологических рамок. Прояснение данного круга вопросов позволит более точно раскрыть концептуальный смысл понятия «философское поколение», а также выявить его инструментальную роль при описании динамики развития философского знания.

Прежде всего важно понять, в каком смысле Штраус и Хоув употребляют понятие «поколение»? Традиционно поколение определяется как совокупность людей, родившихся и живущих примерно в одно и то же время, под коим понимается определенный исторический период. Временной цикл поколения составляет 20–30 лет, в течение которых родившиеся дети вырастают, становятся взрослыми и заводят своих собственных детей, сами становясь родителями. Таким образом, это структурный термин, обозначающий природную динамику связи между родителями и детьми. В биологических науках данная связь определяется как биогенез, воспроизводство или деторождение. В отличие от этого, Штраус и Хоув используют термин «поколение» как социальную категорию, совпадающую по содержанию с применяемым в социологии и других социальных науках понятием когорты, обозначающим группу субъектов, имеющих общие характеристики и объединяемых опытом каких-то значительных событий, происходящих в исторический отрезок времени, совпадающий с периодом их собственной жизнедеятельности.

У Штрауса и Хоува социальное поколение определяется как совокупность всех людей, рожденных примерно в течение двадцати с небольшим лет и чей жизненный ритм примерно совпадает по фазам жизни, состоящим из детства, юношества, среднего возраста и старости. Поколения идентифицируются (от года рождения до последнего года жизни) путем поиска когортных групп, измеряемых по трем критериям. Во-первых, представителей одного поколения связывает то, что авторы называют *возрастным местом в истории (an age location in history)*: они переживают ключевые исторические события и определенные социальные тенденции, находясь на одном и том же этапе жизни, в одном и том же возрасте. В этом смысле представители поколения формируются эпохами, с которыми они сталкиваются в детстве и юношестве. Это, в свою очередь, приводит к тому, что, во-вторых, представители одного поколения имеют определенные *общие убеждения и ценности*, им присущи *единые поведенческие структуры*. И наконец, в-третьих, осознавая общность пережитых событий и опыта, а также схожесть черт характера со своими непосредственными сверстниками, их объединяет *острое чувство принадлежности* к данному поколению [Strauss, Howe 1991: 58–68].

Иными словами, согласно Штраусу и Хоуву, социальное поколение не столько определяется чисто возрастными показателями (исключительно годом рождения или примерно одинаковым возрастом), сколько схожей системой ценностей, формирующейся под влиянием

общественных, политических и социальных событий, экономических и технологических прорывов, а также определенного типа воспитания в семье и обществе (и прежде всего через существующую в данный период систему образования). Мы сами можем не замечать присутствия данных ценностей. Действуя незаметно, они во многом определяют наше поведение, а именно то, как мы общаемся друг с другом, как решаем конфликты и строим отношения с другими, как развиваемся, каковы наши предпочтения в еде и одежде, выборе и манере покупок, что и как нас мотивирует, что является важным в жизни, каковы наши цели и как мы их формулируем, что мы ценим в других, каковы критерии нашего общения с людьми и т. д.

В соответствии с теорией Штрауса – Хоува в настоящее время можно обнаружить пять поколений, которые состоят в различных общественных отношениях (семейно-родственных, социальных и т. д.) и потому сложным образом взаимодействуют друг с другом. Самое старшее из ныне живущих и действующих поколений – это поколение людей, рожденных в 1923–1943 годах[5]. Его обычно именуют «потерянным» или «молчаливым» (*silent generation*) поколением, чья система ценностей сформировалась до 1953 года под влиянием таких событий, как Великая депрессия 1930-х годов, Вторая мировая война, послевоенное восстановление разрушенных стран и экономик и связанные с этим политические и социальные перипетии. К ценностным установкам данного поколения принадлежат преданность, терпение, честь и достоинство, следование правилам и уважение к статусу и авторитетам. За потерянным поколением следует поколение демографического взрыва, беби-бумеров (*Baby Boomers*), рожденных в 1943–1963 годах и воспитанных на ценностных ориентирах, господствующих до 1973 года. Экономические и социальные прорывы в жизни общества (освоение космоса, значительные медицинские открытия, разработка новых систем и методик образования и т. д.) оказали решающее влияние на формирование поколения с психологией победителей, чьи основные ценности включают оптимизм, идеализацию коллективного начала (коллективизм), веру в силу разума и государственное управление, уверенность в будущем и заинтересованность в личностном процветании, как с точки зрения собственного развития, так и в аспекте вознаграждения и упрочения своего профессионального и финансового положения.

Три последующих поколения – это ныне часто обсуждаемые поколения X, Y и Z. Поколение X (или Иксеры), которое Штраус и Хоув считают 13-м в череде сменяющихся поколений и называют «неизвестным», по их классификации состоит из людей, рожденных в 1963–1983 годах и сформировавшихся до 1993 года в динамично изменяющемся мире под влиянием таких событий, как продолжение холодной войны, развязывание войны в Афганистане, распространение СПИДа и широкая доступность и применение наркотиков. Будучи «детьми с ключом на шее», люди, рожденные в тот исторический период времени, с детства привыкли всё делать самостоятельно: будучи школьниками, они сами (без участия родителей) приходили из школы домой, сами находили чем занять себя во внеурочное время и сами же успешно организовывали свою внешкольную деятельность (занятия музыкой, участие в спортивных секциях и клубах по интересам). Неудивительно, что основная отличительная черта этого поколения – самостоятельность, но также уверенность в себе и индивидуализм как реакция на современный им социум, мало располагающий к коммунальности и коллективизму. Типичные характеристики Иксеров: образованность (означающая не только наличие хорошего уровня образования, но также основательную просвещенность и культуру), готовность к изменениям, глобальная информированность (включая глубокое понимание мировых

[5] Иногда еще указывают на наличие шестого, более старшего («величайшего») поколения, рожденных в 1900–1923 годах. Однако на сегодняшний день в живых остались лишь единицы из тех, кто относится к данному поколению, и в силу их значительного возраста они не играют активной роли в социальной жизни общества.

политических и экономических процессов), надежда только на себя и собственные силы, здоровый прагматизм, способность выживать в критических ситуациях, неиссякаемая любознательность, упорный трудоголизм и значительный запас терпения, особенно в случае необходимости преодоления жизненных или профессиональных трудностей.

На смену Иксерам пришло поколение Игреков (*generation Y*). Рожденных на рубеже тысячелетий, в 1983–2003 годах, их называют «миллениалы» или «сетевое» поколение, имея в виду, прежде всего, появление интернета. Формирование этого поколения, выпавшее на преднулевые и нулевые, проходило под знаком бурного развития информационных технологий, практически отсутствующих ранее. В отличие от предыдущего поколения, детство и юношество которого прошло всецело в доинтернетовскую эпоху, одним из самых больших достижений которой было распространение роторных телефонов, для Игреков мобильники, смартфоны и Интернет – их привычная действительность. Тотальная доступность информации, в том числе музыки, фильмов и книг, а также возможность общаться с людьми из любого уголка Земли сформировала не только вкусы и предпочтение Игреков, но и их систему ценностей. Отличительной особенностью миллениалов является их неудержимое стремление к самореализации. Уверенные в себе, они берутся за любую работу (даже ту, к которой профессионально не подготовлены) и стремятся ее выполнить, полагаясь на собственную креативность и предприимчивость. В работе и обучении им свойственно чувство ответственности и достаточно высокая трудовая этика. Для них определяющим в выборе профессии, а также любой контрактной работы является уровень вознаграждения.

Дети миллениалов – это ныне формирующееся поколение Z (*digital children of generation Y*), состоящее из тех, кто родился после 2003 года. К событиям, оказавшим (или оказывающим) непосредственное влияние на это поколение, относятся мировой финансово-экономический кризис, Веб 2.0 (методика разработки систем путем расширения их содержания по мере их использования), развитие новых мобильных технологий, а также развертываемый на наших глазах кризис, связанный с эпидемией коронавируса (COVID-19), последствия которого для мировой экономики и цивилизации в целом пока неизвестны. Какие ценности сформируют нынешние дети под воздействием всех этих событий и их последствий, сказать пока трудно и преждевременно. Зетов называют «цифровым поколением», и неслучайно, ибо они в прямом смысле слова растут в цифровом пространстве – в чатах, форумах, виртуальных и медийных сообществах. Это делает их социально активными, формируя потребность постоянно обмениваться информацией. Однако их активность особого типа. В отличие от их родителей (поколения Игреков), а особенно бабушек и дедушек (поколения Иксов), они растут «молчаливыми» домоседами, каждый уткнувшись в свой собственный гаджет, без особого стремления к непосредственному личному общению. Точно предсказать, как это скажется на их психике и манере поведения, пока сложно. Но ясно, что их поколенческие черты будут существенно отличаться от тех, которые свойственны предыдущим поколениям.

Читатель может быть удивлен, почему я уделяю столько места описанию и разбору типологизации поколений, разработанной Штраусом и Хоувом. Данное обсуждение важно не только в связи с необходимостью выработки более точного понимания основных идей и результатов теории поколений, которая получила сегодня широкое распространение в мире и на которую возлагаются большие надежды, в том числе в аспекте развития новых концепций образования. Мне также представляется, что идея проследить зависимость между историческими событиями различных эпох и поведенческими моделями поколений, сформированных в эти эпохи, может быть продуктивной с точки зрения выработки концепции философского поколения, которое, собственно, и представляет мой главный интерес в настоящей статье и к чему я обращаюсь в следующем разделе.

2

Говоря о философском поколении, прежде всего, следует уточнить коннотацию, в которой используется понятие «поколение» в данном словосочетании, а также определить временные границы самой поколенческой структуры, подлежащей рассмотрению.

Когда мы говорим о философском поколении, то ведем речь о специфической конструкции, не совпадающей по своему содержанию с феноменом социального поколения, положенным в основу теории Штрауса – Хоува, о которой шла речь выше. Обращаясь к обсуждению философского поколения, нас интересуют горизонтальные связи и личные контакты между профессионально занимающимися философией индивидами внутри одного (социального) поколения. Поскольку подобного рода содержательные контакты могут возникнуть, только когда данные индивиды достигают определенной профессиональной зрелости, то ясно, что типологизация философских поколений по датам рождения их представителей является несостоятельной. Более точной в этом смысле будет классификация поколений в соответствии с периодом вступления в самостоятельную интеллектуальную жизнь в качестве философа его основных представителей, что может выходить за специфические возрастные границы того или иного поколения. Окончание университета и защита даже первой (кандидатской) диссертации не у всех происходит в одном и том же возрасте. Некоторые, как известно, приходят в философию с существенной задержкой, часто разочаровавшись в изначально избранной профессии, или в результате пробудившегося интереса к философским рефлексиям и поискам. Поэтому люди, рожденные в разные десятилетия – разрыв здесь может быть значительным, – могут принадлежать к одному и тому же философскому поколению. Однако это не означает, что в случае философских поколений границы социальных поколений оказываются абсолютно размытыми и определение поколенческих характеристик становится принципиально невозможным.

Рискну утверждать, что идея Штрауса и Хоува о существующей прямой зависимости между историческими событиями и поведенческими моделями поколений сохраняется и при рассмотрении философских поколений. Более того, схожесть ценностных установок, сформировавшихся под влиянием одних и тех же социальных событий и особенностей воспитания, в случае философских поколений оказывается еще более явной, нежели с социальными поколениями. И что интересно, сходная система ценностей транслируется в единый философский дискурс, в рамках которого проводятся исследования и ведутся дискуссии как в философии, так и в смежных дисциплинах в определенный временной период, совпадающий с периодом деятельности конкретного философского поколения. Конечно, данная корреляция не должна пониматься как детерминистски обусловленная, но она присутствует и во многом является определяющей.

Если попытаться представить типологию философских поколений, ныне действующих в России, то я бы выделила (1) всем хорошо известное поколение шестидесятников – тех, которые появились на профессиональной философской сцене в конце 1950-х – начале 1960-х; (2) поколение восьмидесятников, вступивших в профессию в 1970–1980-е; (3) наиболее многочисленное на сегодняшний день и, пожалуй, самое активное из ныне действующих поколение 1990-х; и (4) самое молодое, только набирающее силу, поколение нулевых.

Нетрудно заметить, что моя типология философских поколений в определенном смысле коррелируется с типологией социальных поколений, представленной Штраусом и Хоувом. Действительно, каждое из выделенных философских поколений является частью определенного социального поколения, и первым, естественно, свойственны поведенческие признаки и характеристики, присущие вторым. Однако общие (совместно) пережитые события не просто оказывают на представителей философских поколений всеобщее формирующее

воздействие, определяя их ценностные установки, но также серьезно влияют на их философские позиции и вырабатываемые ими философские дискурсы. При этом нетрудно назвать те ключевые события, которые стали смыслосозидающими для каждого из выделенных российских философских поколений. Для философов-шестидесятников это развенчание культа личности Сталина и хрущевская оттепель (середина 1950-х – середина 1960-х годов); для восьмидесятников – начавшаяся перестройка и гласность (1985–1991), инициированные М.С. Горбачевым, и последовавший переход к рыночной экономике; для философского поколения 1990-х – распад СССР (1991) и государственный суверенитет России (2002); для поколения нулевых – Крымский кризис (2014) и начало нового витка холодной войны. Эти, во многом противоречивые, события привели к радикальным переменам в российском обществе и внесли существенные изменения в социальный и политический ландшафт как внутри страны, так и на международной арене, что не могло не сказаться на ценностных и поведенческих ориентирах и принципах формирующихся под их воздействием поколений, и особенно образованной внутри их интеллектуальной элиты.

Я лично отношу себя к поколению восьмидесятников, кто вступил в сознательную профессиональную жизнь в конце 1970-х – середине 1980-х годов. Будучи одним из самых молодых представителей своего философского поколения (я окончила университет в 1982 году и защитила кандидатскую в 1985 году), хотя я и застала период застоя в социальной, политической и экономической жизни страны, формирующее влияние на меня как философа всё же оказали события, связанные с перестройкой и гласностью, и их последствия во многом определили пути развертывания моей профессиональной карьеры. Длительный и болезненный период стагнации и засилья геронтократии в политическом руководстве страны в основном выпал на мои студенческие годы. При этом моя аспирантская жизнь проходила уже под знаком предчувствия грядущих перемен, а начало профессиональной карьеры (январь 1986 года) практически совпало с началом периода перестройки, официально объявленной новым государственным курсом в январе 1987 года, но начатой значительно раньше[6].

К перестройке можно относится по-разному, и, несомненно, сам этот период был совсем не простым для всех, кто оказался в водовороте тех событий. Не вдаваясь здесь в анализ итогов перестройки, о чем уже много сказано и написано как в нашей стране, так и за рубежом [Абалкин 1986; Байков 2017; Golitsyn 1984; Kotkin 2001; LaFeber 2002], подчеркну, что для моего философского поколения последствия перестройки были весьма неоднозначными и часто болезненными. С одной стороны, связанный с перестройкой процесс политических и социальных преобразований и, прежде всего, политика относительной открытости, существенное ослабление цензуры и снятие существовавших в советском обществе многочисленных информационных барьеров, а также отказ от официальных идеологических запретов на критику привели к оживлению общественной и культурной жизни. Мы зачитывались произведениями неофициальной советской литературы – от Андрея Платонова и Даниила Хармса до Юрия Трифонова и Вениамина Ерофеева, – которая в конце 1980-х годов впервые становится доступной широкому читателю. Мы стали свидетелями открытия спецхранов и получили доступ к многочисленным философским источникам – как отечественных, так и зарубежных мыслителей, – только вчера находившимся под идеологическим запретом и доступным лишь единицам, и то по специальным разрешениям, получаемым в первых отделах. Кроме того, сопутствующая перестройке политика «нового мышления» привела к важным

[6] Как известно, официальный старт перестройке, предполагавшей кардинальную реформу всей системы управления, был дан на январском пленуме ЦК КПСС 1987 г., хотя программа ускорения социально-экономического развития страны была выдвинута уже на апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г. и провозглашена в качестве курса партии на ее XXVII съезде, проходившем с 25 февраля по 6 марта 1986 г. [См.: XXVII съезд КПСС… 1986].

изменениям в отношениях с Западом, во многом ускорив процесс завершения холодной войны и обусловив падение «железного занавеса». Трудно переоценить важность данных событий и то непосредственное влияние, которое они оказали на молодое поколение, особенно научную интеллигенцию. Возобновились и стали расширяться научные контакты и обмен литературой с Западом; международные встречи и конференции получили широкое распространение. К нам приезжали западные исследователи, а нас приглашали и нам были рады за границей. В каком-то смысле период перестройки можно, хотя и с некоторыми уточнениями, сравнить с периодом хрущевской «оттепели» начала 1960-х, хотя открытость конца 1980-х имела более широкий размах и затрагивала практически все основные сферы общественной жизни. Все это, конечно, не могло не стимулировать развитие философской рефлексии и создавать новые возможности для нас, только начинающих профессиональную деятельность.

Однако, наряду с весьма позитивными изменениями, перестройка вызвала и ярко выраженные негативные последствия. Попытка демократизации общества, не имеющего навыков демократии, не могла быть успешной, что немедленно проявилось как в экономической, так и в социальной жизни. Поспешный переход к рынку в экономике привел не только к дефициту продуктов, но и к навязыванию хозяйственно-контрактных отношений в науке и научно-педагогической работе. В результате многие ученые, включая гуманитариев, если и не лишились работы, то были переведены на 30–40 % зарплаты; остальное им предлагалось добывать самим с помощью контрактной деятельности – и это в условиях упадка экономики и отсутствия каких-либо фондов или структур, наделенных полномочиями финансирования науки. Более того, само общество переживало серьезный кризис ценностей. Разрушительная критика привычных традиций и ценностей советского общества породила моральный вакуум. Воспитанные на принципах советской морали, люди не имели опыта жизни в новом (принципиально ином) обществе; они просто не знали, какой может быть другая мораль. Ее культивирование требовало не только времени, но также и опыта жизни в условиях рынка, формирующего определенную систему идеалов и ценностей. Многие, включая представителей интеллигенции, были психологически не готовы к условиям конкуренции на рынке, который может быть эффективным, только если люди сами отвечают за себя и не ждут помощи от государства или каких-либо государственных или общественных структур. К тому же появление новых возможностей обогащения быстро обесценило принятые в советском обществе символы благосостояния и жизненного успеха. Ценность образования, научных степеней и позиций резко снизилась. Профессия ученого в академическом и учебном заведении утратила свой престиж. Те, кто только вчера рассматривался успешным в жизни и карьере, по новым стандартам оказывались едва ли не неудачниками. К этому стоит добавить сформировавшееся открыто негативное отношение общества к философии, которая стала всецело отождествляться с марксизмом-ленинизмом, догматизм которого выступил предметом всеобщей критики – ставшей в 1980–1990-е годы не только модой, но и признаком хорошего тона. Трудности переходного периода создавали серьезные барьеры для философского творчества, особенно для тех, кто вступил в профессиональную жизнь в конце 1970-х и к концу перестройки уже успел найти свое место в философии и профессии. Создавшаяся ситуация явно не располагала к академической карьере в философии, в результате чего многие из моих философствующих сверстников совсем ушли из философии, а некоторые просто отказались от занятий философской наукой, перейдя в различные общественные и государственные структуры, а также вузы, где они могли ограничиться чисто преподавательской деятельностью, за которую вдруг стали платить больше, чем за научную (во времена моей молодости от преподавателей вузов не требовалось научных результатов). Стоит упомянуть и о еще одной категории представителей моего поколения – это те, кто в надежде на продолжение философской карьеры уехал на Запад. И хотя таких было немало, в результате только единицы из них оста-

лись в философии; бóльшая часть была вынуждена перейти в другую область знаний или полностью сменить профессию. Поэтому я рассматриваю мое философское поколение как в определенном смысле *потерянное*: кого-то мы растеряли по пути, а кто-то и сам потерялся в новой реальности. Это, конечно, не означает, что мое поколение распалось или вообще оказалось утраченным. Отнюдь нет; наиболее упорные сохранились и образовали ядро поколенческой когорты, многие представители которой и сегодня продолжают успешно работать в философии. Назвать всех достойных упоминания, конечно, невозможно. Несмотря на поколенческие «трудности роста», в моем философском поколении достаточно много ярких мыслителей, сумевших внести серьезный вклад в развитие философской мысли, работы которых получили достойное признание в нашей стране и за рубежом. Поэтому назову только нескольких.

Среди них недавно ушедший от нас Валерий Подорога (1946–2020)[7], один из крупнейших русских философов-постмодернистов, разработавший направление аналитической антропологии. Другое не менее известное имя – Рубен Апресян[8], признанный эксперт в области истории и теории моральной философии, происхождения морали, нормативной и прикладной этики. Еще один яркий представитель поколения восьмидесятников – Александр Доброхотов, оригинальный мыслитель, прославившийся своими работами по культурологии и истории философии[9].

Среди более молодых представителей моего философского поколения хочу упомянуть Елену Петровскую, талантливого философа, антрополога и культуролога, выпустившую более десятка значимых книг по культурной антропологии и современной теории и философии искусства[10]. Наряду со своей активной научной работой, Елена также является главным редактором созданного ею и издаваемого с 2002 года оригинального по замыслу и исполнению журнала «Синий диван», публикующего статьи по современной философии и искусству.

Не могу не назвать Алексея Кара-Мурзу, с которым мы в 1980-х— в то время еще совсем молодые и начинающие исследователи – вместе работали и в разные годы возглавляли Совет молодых ученых Института философии (тогда еще АН СССР). Известный политолог и авторитетный специалист в области политической теории, истории русской политической мысли и либерального реформаторства, Алексей – историк по образованию, посвятивший себя философии и добившийся в своей области ярких результатов[11]. Хочу также упомянуть

[7] После окончания философского факультета МГУ В.А. Подорога поступил в аспирантуру Института философии АН СССР, которую он окончил в 1974 г. Свою кандидатскую диссертацию он защитил в 1979 г., а докторскую – в 1991 г. Автор более двадцати монографий, вся его философская карьера прошла в Институте философии.

[8] Выпускник философского факультета и аспирантуры МГУ, Р.Г. Апресян защитил кандидатскую диссертацию в 1979 г.; доктор философских наук с 1993 г. Его профессиональная карьера началась в МГУ в 1981 г., а затем (1987) получила успешное развитие в Институте философии РАН, который и по сей день является его основным местом работы. С 1994 г. он возглавляет институтский сектор этики, а с 2012 г. одновременно является заведующим отделом аксиологии и философской антропологии. С недавних пор он также руководит журналом «Человек».

[9] Выпускник философского факультета и аспирантуры МГУ, А.Л. Доброхотов защитил кандидатскую диссертацию в 1978 г. и докторскую в 1991 г. В течение первых 30 лет своей профессиональной карьеры он преподавал в МГУ, где возглавлял кафедру истории и теории мировой культуры на философском факультете. С 2009 г. он – профессор кафедры наук о культуре факультета философии НИУ ВШЭ.

[10] В отличие от многих моих сверстников, пришедших в философию после философского факультета, Е.В. Петровская – выпускница МГИМО (1984). Она окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию (1988) в ИФАНе, где она ныне руководит сектором эстетики.

[11] А.А. Кара-Мурза окончил (в 1978 г.) историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки МГУ. Кандидат исторических наук (1981), он защитил докторскую по философии (1994) в Институте философии АН СССР, где он работает с 1981 г., являясь заведующим сектором философии российской истории и возглавляя отдел социальной и политической философии.

еще одного, как мне кажется, значимого и весьма репрезентативного представителя моего философского поколения. Это Дмитрий Никулин, который сейчас живет и работает в США, оригинальный мыслитель с широким кругом интересов – от философии и истории науки поздней античности и раннего Нового времени (XVII век) до философии диалога и философии истории. Так же как и я, он воспитанник Института философии РАН и стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия)[12].

Эти творцы смыслов – те яркие маяки, по которым, по-видимому, и будет опознаваться (и оцениваться) мое философское поколение. Их многочисленные работы известны далеко за пределами нашей страны и их идеи уже вошли в ткань философской мысли современности, являясь предметом обсуждения и изучения как специалистов, так и широких читателей. И я благодарна судьбе за то, что наши дороги пересеклись.

Хочу еще раз подчеркнуть, что восьмидесятники, к которым я себя отношу, хотя отчасти (в выше обозначенном смысле) и являются «потерянным» поколением, несмотря на обстоятельства, сумели реализовать свой потенциал. Наше время не просто породило интересных мыслителей, но и научило нас надеяться и полагаться только на самих себя. И действительно, определяя основные характеристики восьмидесятников, трудно не заметить поколенческую готовность к изменениям, некоторую гибкость в определении своих целей, а также стремление учиться в течение всей жизни. Данная гибкость отличается от конформизма и всесоглашательства, являясь скорее проявлением здорового прагматизма, воспитанного эпохой глобальных социальных перемен и внезапных изменений общественного и политического ландшафта. Мы – *странники*, способные выживать в критических ситуациях. А еще мы неисправимые *трудоголики*, относящиеся к своей профессиональной деятельности как к любимому хобби: готовы жить на чужбине, работать за минимальное вознаграждение, главное для нас – заниматься своим делом и быть продуктивными. В отличие от предшествующего нам поколения шестидесятников, которые всегда держались вместе, мы разрозненны. Наши отличительные черты – самостоятельность и независимость, что проявляется во всем: в решениях, суждениях, мыслях и поступках. Мы умеем радоваться успехам друг друга и искренне переживать за неудачи других как за свои собственные, но в философии мы индивидуалисты. И, наверное, поэтому трудно найти в нашем поколении какие-то сформировавшиеся научные школы, группы или направления. Каждый творит в своей собственной области и, даже трудясь над одним проектом, пытается работать в одиночку. Хотя это отнюдь не означает отсутствия интеллектуальных и эмоциональных связей и контактов внутри поколения. Ибо именно в такого рода связях и состоит наша сила и залог успеха каждого по отдельности и в целом.

Данное размышление возвращает нас к нашей прежней теме, а именно к обсуждению феномена философского поколения и его значения. Действительно, не является ли надуманным сам разговор о философских поколений, насколько он важен и до какой степени наше профессиональное поколение оказывает на нас формирующее влияние?

Обращаясь к теме философского поколения, мы сразу же попадаем в область обсуждения вопроса о развертывании интеллектуальной истории, в частности и особенности истории формирования философских смыслов. Ибо минимальная единица интеллектуального измене-

[12] Д. Никулин окончил аспирантуру ИФАНа, где его научным руководителем была Пиама Павловна Гайденко. После защиты кандидатской диссертации (в 1990 г.) он уехал на стажировку в Германию, где провел несколько лет, занимаясь научной работой в университетах Эссена и Гейдельберга. Он несколько лет скитался по миру в поисках академической позиции, работая по коротким контрактам в Норвегии, Исландии, Чили и др. странах. Но все это время он не прекращал активно заниматься философией и публиковаться. Ныне он профессор философии в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке (The New School for Social Research), известный далеко за пределами своего университета.

ния – это поколение как отрезок времени[13], необходимый для того, чтобы произошли значительные сдвиги в философских предпосылках и подходах. Речь отнюдь не идет о серьезных структурных изменениях – что может быть выявлено только по прошествии десятилетий и при участии новых поколений философов и что является результатом влияния произошедших перемен. Интеллектуальное поколение ассоциируется с самим фактом наличия изменений философских предпосылок, изменений, которые это поколение инициирует.

Если интеллектуальная история в ее целостности может быть представлена как органический процесс смены поколений интеллектуалов (в нашем случае философов), то сюжет интеллектуальной истории в каждый определенный период времени пишут именно связи и отношения, существующие внутри действующего в определенное время поколения. Такие связи являются одновременно и вертикальными (цепь взаимоотношений «наставник – ученик», пересекающих сразу несколько поколений) и горизонтальными (знакомства и контакты между сверстниками). Именно горизонтальные связи, когда творческие индивиды оказываются вовлеченными в официальные и неофициальные объединения интеллектуально равных, и образуют необходимые условия для интеллектуального поиска. Причем данные объединения могут включать как сторонников, так и противников и состоять как из тех, кто принимает и разделяет идеи других участников, так и из тех, кто не соглашается с выдвигаемыми идеями и их открыто критикует, что позволяет интеллектуалам быть критичными к своим собственным результатам и постоянно их корректировать. Кстати, в этом проявляется положительный эффект критики, на который обращал внимание Гегель, настаивая на том, что всякая претендующая на успех философская система (и концепция) должна быть самокритичной.

Новые философские идеи и подходы могут формироваться только через тесную связь философствующих индивидов с их интеллектуальным сообществом, и широта распространения самих идей и их последующее влияние в обществе в значительной степени определяется данными связями. В действительности все мы творцы философских смыслов – от «звезд» до сторонних наблюдателей – часть одного и того же силового поля. Соединяющая нас сеть отношений, существующие между нами связи придают нам силу, формируют и распространяют наши идеи. Каждый из нас развивается внутри своего собственного социума, коим предстает не только историческое время и связанные с ним социальные и общественные события, но и наше непосредственное интеллектуальное окружение, наши сверстники, с которыми мы обсуждаем новости дня, обмениваемся мнением о прочитанных книгах и просмотренных выставках, говорим о новых трендах в культуре и моде, спорим на профессиональные темы, постоянно находясь с ними в контакте. Эти отношения могут вдохновлять, разочаровывать, вызывать критическую реакцию, но они всегда создают для нас благоприятный эмоциональный фон, придают энергию, необходимую для творчества. Как наша индивидуальность, так и наше понимание философских проблем формируется в связи и противостоянии с окружающими нас интеллектуалами и, прежде всего, с нашими сверстниками, – друзьями и соперниками – а также с многообразием интеллектуальных позиций, которые они сами представляют. Такое взаимообогащающее общение порождает интеллектуальные проблемы, а стало быть, и вопросы, над которыми мы сами размышляем.

Горизонтальные (внутрипоколенческие) связи действительно существенны. И дело здесь не во влиянии друг на друга в общепринятом смысле этого слова, т. е. когда один передает по цепочке другому какие-то мысли и идеи. Я бы предположила, что существуют три взаимопересекающихся, но концептуально различных процесса, которые проявляются через

[13] Как я попыталась показать выше, Штраус и Хоув ограничивают данный отрезок времени примерно двадцатью – двадцатью двумя годами. Однако имеются и другие позиции относительно временных границ поколения. Так, американский социолог Рэндалл Коллинз (Randall Collins) считает, что временные рамки поколения должны быть определены как тридцать три года [См.: Collins 2002: 60].

личные контакты и межличностные связи. Первый – это передача того, что обычно именуется культурным капиталом, а также важных навыков того, как с ним оперировать. Второй важный процесс состоит в передаче эмоциональной энергии, источником которой может быть общее чувство пережитого успеха или общность помыслов и интересов. Все это, в свою очередь, дает важный энергетический заряд и стимулирует творческое вдохновение, без чего творчество и творческая деятельность невозможны. И наконец, третий процесс связан со здоровым соперничеством в рамках группы или когорты ровесников, что придает веру в себя и формирует чувство интеллектуальных возможностей[14].

Конечно, данные процессы действуют как в вертикальных, так и в горизонтальных типах личных связей и контактов. И вертикальные связи – отношения между наставником и учеником, пронизывающие несколько поколений, – порой выходят на первый план, становясь более значимыми, чем горизонтальные связи между сверстниками внутри одного поколения. Однако эти два типа личных связей различаются по своей структуре и содержанию. Сколь бы доверительными ни были отношения между наставником и его учеником, сама их связь подразумевает доминирование одного над другим, а также наличие их определенной зависимости друг от друга. Абсолютно иная ситуация складывается при отношении между интеллектуалами-сверстниками – они общаются на равных и остаются независимыми друг от друга как в своих суждениях, так и в действиях.

Групповые личные контакты и взаимодействие внутри поколения не только стимулируют мысль и инициируют поток продуктивных идей, но также имеют сильный эффект эмоционального побуждения к творчеству, соизмеримый с контактами с единомышленниками. Устанавливая связи и общаясь друг с другом, интеллектуалы-сверстники не обязательно передают друг другу какие-то знания или другого рода интеллектуальный капитал. Они могут не узнать друг от друга ничего существенного для их непосредственной области знания или исследования. Что возникает как результат их внутрипоколенческой связи – это, собственно, единая, общая интеллектуальная сфера, в рамках которой происходит формирование собственных интересов и идей. Во взаимоотношении с философствующими сверстниками нащупываются требующие анализа понятия и концепции и выкристаллизовываются выступающие на первый план темы для обсуждения. Кто мы и какие философские проблемы будоражат наши мысли, во многом зависит и определяется нашим непосредственным окружением – тем философским поколением, к которому мы принадлежим. Совместными усилиями мы созидаем друг друга. И в этом состоит непреходящее значение поколения.

В настоящем разделе я попыталась описать основные черты философского поколения 1980-х, к которому я себя отношу. Но портрет моего поколения, наверное, будет незаконченным, если я прервусь на этой – в большей степени теоретической – ноте и не приведу никакого эмпирического материала. Поэтому в следующем (и последнем) разделе статьи я позволю себе поделиться личным опытом погружения в философскую мысль. Надеюсь, читатель найдет этот рассказ небезынтересным.

3

Мой путь в философию был во многом традиционным для представителей моего поколения – философский факультет университета, аспирантура по философии, а затем защита кандидатской и докторской диссертаций. Правда, в отличие от многих, с кем мне довелось учиться в аспирантуре и начинать свою профессиональную карьеру, моей alma mater являет-

[14] Коллинз выделяет схожие процессы при обсуждении значения личных связей между именитыми философами («звездами») для стимулирования их собственных идей и творчества в целом. Подробнее об этом см.: Collins 2002: 68–73.

ся не МГУ, а РГУ – Ростовский государственный университет, в 2006 году переименованный в Южный федеральный университет[15].

В конце 1970-х, когда я туда поступала, РГУ был одним из наиболее престижных университетов страны, уступая лишь Московскому и по ряду (в основном научных) специализаций – Ленинградскому. Кстати, в период моего обучения в РГУ ректором университета был Юрий Андреевич Жданов, сын близкого соратника Сталина и главного идеолога партии А.А. Жданова. Кстати, сам Юрий Жданов был в молодости – хотя и весьма мимолетно – связан со Сталиным родственными узами, будучи в течение трех лет (1949–1952) женат на его дочери Светлане Аллилуевой. Хотя на заре своей научной карьеры Жданов-младший сыграл весьма неблаговидную роль в развитии советской физиологии[16], в РГУ, и особенно ростовские философы, о нем до сих пор вспоминают с симпатией и благодарностью. Это по его инициативе и при его участии в Ростовском государственном университете был создан философский факультет. В научной академической среде Ю.А. Жданов был известен как талантливый химик-органик, и именно по этой специальности в ноябре 1970 года он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Но интересно, что свою первую кандидатскую диссертацию[17], защищенную в 1948 году, он написал по философии, будучи аспирантом Института философии АН СССР, где он обучался под руководством ныне широко известного философа и логика Б.М. Кедрова, который наряду с философскими трудами также славен яркими работами по химии, а также истории и методологии науки.

Философский факультет РГУ в качестве самостоятельного подразделения был создан в 1972 году[18], за пять лет до моего поступления. Следует заметить, что в мое время на философском факультете РГУ работали потрясающие специалисты. Многие из них были новоиспеченными кандидатами наук, защитившимися в МГУ или в Институте философии АН СССР, где они учились и работали под руководством Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, Т.И. Ойзермана, И.С. Нарского, В.В. Соколова, В.А. Смирнова, В.Ж. Келле, а также других ярких представителей философской мысли того времени. Когда я пришла на факультет, там царил дух Ильенкова и большинство из моих преподавателей не скрывали своей приверженности идеям Эвальда Васильевича. Так что не удивительно, что мое знакомство с работами Э.В. Ильенкова произошло еще в студенческие годы. Кстати, и М.К. Мамардашвили я открыла для себя еще будучи студенткой РГУ. Он приезжал к нам с лекциями, и я помню, что на меня тогда произвели глубокое впечатление его размышления о Декарте и Канте, пробудив у меня интерес к серьезному чтению их работ.

Кроме начинающих преподавателей на факультете трудились и мэтры (В.Е. Давидович, Е.Я. Режабек, А.В. Потемкин, Ю.Р. Тищенко, Т.П. Матяш, В.П. Макаренко), лекции которых пытались не пропускать. Несмотря на многообразие индивидуальных научных интересов наших педагогов, многие были увлечены темами, так или иначе связанными с тем, что сейчас

[15] Своими воспоминаниями о моих университетских годах я поделилась в интервью, недавно опубликованном в «Историко-философском ежегоднике». Там же читатель найдет более подробный рассказ о том, что привело меня в философию и как после РГУ я оказалась в Москве, поступив в аспирантуру Института философии АН СССР [См.: Быкова, Синеокая 2021: 283–322].

[16] Ю.А. Жданов был одним из вдохновителей так называемой «Павловской сессии» – совместного заседания Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, состоявшегося летом 1950 г. с целью борьбы с попытками отклонений от учения И.П. Павлова, а также с влиянием Запада на советскую физиологию. Годом позже (в октябре 1951 г.) подобное заседание было проведено уже президиумом Академии медицинских наук с привлечением правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров. На нем была высказана критика в адрес ряда отечественных ученых-психиатров, попавших под «пагубное влияние западной мысли».

[17] Его вторая кандидатская диссертация, защищенная в 1957 г., была по химии, дисциплине, которую он изучал, будучи студентом МГУ, а позже и преподавал вначале в своей alma mater, а потом и в РГУ.

[18] До этого в РГУ имелось лишь отделение философии, которое являлось частью экономико-философского факультета, созданного в 1965 г.

называется культурологией. В результате в Ростове сложилась интересная философско-культурологическая школа, входящая в число ведущих школ России. Но тогда эта школа только еще формировалась, и я чуть было не оказалась в аспирантуре по культурологии, куда меня настойчиво приглашали мои ростовские педагоги.

Но я решила попробовать свои силы и отправилась поступать в конкурсную аспирантуру ИФАНа в Москву, и, к моей огромной радости и удивлению (в то время в конкурсную аспирантуру принимали только москвичей), была принята. Так осенью 1982 года я оказалась в Институте философии, где несколькими годами позже (в январе 1986) началась моя профессиональная карьера.

Поступление в аспирантуру ИФАНа стало для меня поистине значительным событием. Признаюсь, что никогда ранее я не испытывала такого воодушевления и подъема, как после зачисления в аспирантуру. И все мои аспирантские годы я до сих пор вспоминаю с особым теплом и признательностью. Без сомнения, это были решающие годы для моего формирования в качестве исследователя, годы серьезного погружения в философию. Если РГУ дал мне необходимую базу, познакомив меня с азами философской культуры, то ИФАН ввел в мир философии и развил вкус к серьезной философской работе. Поэтому в моем сознании ИФАН является не в меньшей степени моей alma mater, чем РГУ.

Научным руководителем моей кандидатской диссертации была Нелли Васильевна Мотрошилова, с которой нас по сей день связывают не только продуктивные коллегиальные контакты, но и теплые дружеские отношения. Она сыграла ключевую роль в моем становлении в качестве исследователя, за что я ей искренне признательна. Признанный знаток немецкой и русской философской культуры, один из крупнейших российских историков философии, она научила меня серьезной историко-философской работе с опорой на анализ философских текстов на языке оригинала. Я благодарна ей за привитие культуры текстологического анализа, за то, что она помогла мне сориентироваться в море западной литературы по моему предмету исследования (философия Гегеля), а также и за то, что щедро делилась со мной не только своими знаниями, но и своими контактами на Западе, в частности и особенности в Германии. (Об этом более подробно речь пойдет ниже.) Будучи аспиранткой, мне также удалось всерьез подтянуться и в теории познания (эпистемологии), и в философии сознания, и в социальной философии, и в этике, не говоря уже о различных периодах и фигурах в истории философии. Наряду с потрясающими аспирантскими курсами, которые нам читали лучшие отечественные специалисты (В.А. Лекторский, Г.С. Батищев, В.С. Швырев, А.П. Огурцов, Н.А. Автоновома, А.Г. Спиркин, Ф.Т. Михайлов, В.М. Межуев, В.Ж. Келле, В.И. Толстых, Т.И. Ойзерман, А.В. Гулыга, Т.В. Васильева, П.П. Гайденко, Ю.А. Шичалин и др.), мы, аспиранты, имели (и активно использовали!) возможность участвовать в лекциях, семинарах, встречах и симпозиумах, которые проводились в ИФАНе, МГУ и других московских центрах философской мысли. Философская жизнь в Москве бурлила, и чем ближе и настойчивее становились перемены, инициированные перестройкой, тем это бурление становилось все активнее. И это окрыляло и придавало энергии для самостоятельного творчества. То была счастливая пора школярства, а также поиска чего-то нового. Оказавшись в водовороте интеллектуальных событий, все мы – тогда еще юные и только начинающие свой путь в философии – являлись не только свидетелями, но и в определенном смысле со-созидателями новых философских подходов и смыслов. В то время пробиться в профессии было совсем непросто. Хотя философия преподавалась практически во всех вузах, во-первых, в большинстве своем, то были курсы по марксистско-ленинской философии (с некоторыми незначительными вариантами), а, во-вторых, на должность преподавателя философии принимали только членов партии. Парадоксальным образом, членство в партии не было условием поступления в аспирантуру или на работу в ИФАН. Поэтому неслучайно, что здесь образовалась высокая кон-

центрация ярких, либерально настроенных интеллектуалов, разочаровавшихся в идеологическом и партийном догматизме и занимающихся философией по-новому. Стандарты качества новой философии были очень серьезными, что, конечно, стимулировало высокий уровень философских исследований. Публикации книг становились событиями – и не только в жизни авторов, но в жизни всего философского сообщества. Книги читали, обсуждали, о них спорили до хрипоты, соглашаясь или опровергая позицию автора. Профессиональные философские журналы – а их было всего несколько («Вопросы философии», «Философские науки» и несколько университетских «Вестников») – были истинными форумами для живых дискуссий. Журналы выписывали, читали и перечитывали от корки до корки; они были своеобразными «законодателями моды», определяя приоритеты и задавая тон обсуждениям тех или иных философских тем и проблем.

В самом институте научная философская жизнь тоже кипела, и мы, молодежь – аспиранты и молодые сотрудники – были в нее активно вовлечены. Помимо общеинститутских мероприятий, в которых мы принимали деятельное участие, мы также организовывали свои собственные. Основная инициатива принадлежала Совету молодых ученых института (в который я входила на протяжении нескольких лет), но он объединял вокруг себя достаточно много энергичной молодежи, в буквальном смысле слова фонтанирующей новыми мыслями, идеями и предложениями. Мое непосредственное окружение в период моего обучения и первых лет работы в ИФАНе включало таких представителей моего философского поколения, как А.А. Кара-Мурза, Л.П. Поляков, В.П. Перевалов, Е.В. Петровская, Е.В. Ознобкина, А.А. Сыродеева, Н. Любомирова, В.С. Малахов, Е.Н. Князева, А.Л. Алюшин, М.М. Федорова, М.К. Рыклин и многие другие сегодня хорошо известные специалисты-философы, внесшие значительный вклад в развитие и пропаганду философского знания.

Хочу остановиться на одном ярком событии, которое было в каком-то смысле знаковым для моего философского поколения и которое оказало большое влияние на мое собственное профессиональное становление и, как я полагаю, на профессиональное развитие других представителей моего поколения, сопричастных к событию. Речь пойдет об участии молодежной делегации СССР в XVIII Всемирном философском конгрессе в Брайтоне (Великобритания) в августе 1988 года[19]. Мне довелось быть в составе той делегации, участие которой в Международном философском конгрессе явилось историческим событием, ставшим возможным в результате инициированной М. С. Горбачевым политики перестройки и гласности. Решающую роль в организации данной поездки сыграл Иван Тимофеевич Фролов, который в то время был помощником М. С. Горбачева. И. Т. Фролов возглавлял Научный совет АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники, а также являлся президентом Философского общества СССР, будучи избранным на данный пост в январе 1987 года. Именно Фролов настоял на вступлении ФО СССР в Международную федерацию философских обществ (МФФО), что привело не только к расширению международных связей ФО СССР, но также привлекло внимание западных исследователей к философскому развитию в СССР, создав благоприятные условия для его (уже во многом беспристрастного) изучения. Это стало серьезным поворотным пунктом в отношении к ситуации в философии в нашей стране. Если раньше она всецело отождествлялась с догматическим марксизмом, то теперь открылись пути для изучения работ советских философов, которые не только давно размежевались с догматизмом, но и развивали новые прогрессивные идеи, во многом созвучные с теми, которые разрабатывались их коллегами на Западе.

В январе 1988 года Фролов возглавил Советский оргкомитет конгресса, сменив на этом посту консервативного по своим взглядам и установкам П.Н. Федосеева. В считанные недели

[19] Подробно о подготовке конгресса и участии в нем делегации советских философов см.: Корсаков 2009.

после избрания Фролов выступил с инициативой расширить участие советских философов в конгрессе и наряду с мэтрами отправить в Брайтон группу молодых ученых. Поездка на конгресс молодежной группы[20] стала поистине историческим событием, и по собственному опыту могу сказать, что это не осталось незамеченным международными участниками конгресса, которые не только заметили, но и с ликованием восприняли столь значительное омоложение советской делегации на конгрессе. Как позже со мной делился впечатлениями о Философском конгрессе в Брайтоне один из моих старших западных коллег, это «вселяло надежду, что философия в России еще жива и сможет возродиться после стольких лет господства ортодоксальной мысли».

Молодежная группа состояла из 30 человек, правда, активно занимающихся философскими исследованиями было гораздо меньше. Ибо в группу вошло около десятка преподавателей Высшей комсомольской школы (ВКШ), а также отвечающие за логистику представители советского оргкомитета конгресса; не обошлось и без комсомольских функционеров. Правда, все мы были моложе 35 и являлись горячими сторонниками политики обновления, гласности и открытости; нас объединяло неудержимое стремление к обновлению общества, и мы искренне верили в результативность перемен. Члены молодежной группы не являлись частью официальной советской делегации, которая в соответствии с протоколами МФФО включала всего 20 человек. Наша поездка была организована во многом как туристическая и наряду с Брайтоном мы также посетили Лондон, Кембридж и Оксфорд. В отличие от Брайтона, где мы были размещены в маленьком и недорогом отеле категории B&B (bed & breakfast), в других местах мы жили в студенческих общежитиях, где мы впервые увидели, в каких комфортных условиях живут студенты на Западе (в частности, в Великобритании). Для многих из нас это была первая поездка за границу или, по крайней мере, в то, что у нас тогда именовали выездом в капиталистическую страну, и мы с интересом – и порой удивлением – воспринимали всё увиденное. В местах, которые мы посещали, у нас было достаточно свободного времени, и мы могли свободно перемещаться по городу, посещать музеи, выставки и просто наблюдать за повседневной жизнью Запада. То был незабываемый опыт. И хотя после этого я побывала в сотне других стран и мне довелось пожить в Европе, а теперь и в США, тот бесценный опыт открытия и узнавания чего-то другого остался со мной навсегда.

Не все участники молодежной группы были включены в программу конгресса, но каждый из нас имел привилегии участников, и мы могли принимать участие во всех официальных мероприятиях конгресса. Насколько я помню, по крайней мере трое – Елена Петровская, Алексей Кара-Мурза и я – выступали на секциях, но вовсе не наши собственные выступления на международном философском форуме произвели на нас самое яркое впечатление. Пожалуй, самое глубокое воздействие на нас оказали выступления на конгрессе западных философов, имена которых нам были знакомы только по публикациям. Программа конгресса, проходившего под общей темой «Философское понятие человека», была очень насыщенной – и не только по количеству пленарных, секционных и других заседаний[21], но также, и это, пожалуй, то, в чем состоит ценность подобных мероприятий, по концентрации присутствующих на нем мировых философских «звезд»[22]. В конгрессе принимали участие Поль Рикёр, Карл Поппер, Юрген Хабермас, Эмануэль Левинас, Эвандро Агацци, Дональд Дэвидсон, Энрике Дуссель, Майкл Даммит и многие другие. Помню, что мы в буквальном смысле

[20] Молодежная группа отправилась на конгресс по линии Комитета молодежных организаций СССР и при финансовой поддержке ЦК ВЛКСМ. Более подробно об этом см.: Корсаков 2009: 149.

[21] Детальная Программа Конгресса приводится в вышеназванной статье: Корсаков 2009: 150–153.

[22] Советская делегация тоже была очень представительной и включала наших лучших специалистов практически по всем философским дисциплинам. Подробно о составе советской делегации см.: Корсаков 2009: 153.

бегали с одного заседания на другое, пытаясь не пропустить ключевых выступлений. К тому же Елена Петровская и я еще помогали с переводами – Лена с английским, а я с немецким – во время официальных встреч нашей делегации с западными коллегами. Было много и других встреч и бесед. Так, в Брайтоне мне посчастливилось познакомиться и отобедать с Полем Рикёром, а также быть приглашенной на неофициальную встречу с Юргеном Хабермасом. Хабермас мне даже подписал на память свою книгу, которая до сих пор занимает почетное место в моей домашней библиотеке. Это была первая прочитанная мною книга Хабермаса; она заставила меня всерьез задуматься о теме индивидуальности (и «Я») в немецком идеализме. После Брайтона я неоднократно встречалась с Хабермасом на различных конференциях, но я до сих пор помню ту первую встречу.

Следует отметить, что советские участники были весьма востребованными на конгрессе, и не только во время официальных секций и симпозиумов, но и после их окончания. И мы, молодежь, тоже вызывали интерес западных участников: к нам подходили, заговаривали, расспрашивали о нынешней ситуации в СССР, дарили свои публикации. Такое внимание окрыляло и придавало силы, давало ощущения включенности в профессиональное сообщество. Нужно признать, что у нас не было никаких иллюзий относительно нашего тогдашнего научного уровня, но общение в кулуарах конгресса как-то заряжало и настраивало на работу. Я помню, что по возвращении из Брайтона я прочитала все привезенные оттуда книги и оттиски статей, подаренные мне различными участниками конгресса, а потом заказала через ИНИОН десяток новых немецких книг по Гегелю и погрузилась в чтение…

Говоря о моем собственном профессиональном развитии, нельзя не упомянуть мою научную стажировку в Германии и Швейцарии в качестве стипендиата Фонда А. фон Гумбольдта в 1989–1990 годах. В Германии я занималась научной работой в Кёльнском университете, где я в целом провела год, с коротким интервалом, когда я возвращалась на несколько месяцев в Москву. Моим научным руководителем в Кёльне был немецкий историк философии Клаус Дюзинг (Klaus Düsing), входящий в число лучших мировых специалистов по Гегелю. Темой моего проекта была философия субъективности Гегеля. Материалы, наработанные в Кёльне, легли в основу моей докторской диссертации, которую я защитила в мае 1993 года, а также были опубликованы в качестве книги [Быкова 1996]. Полученная мною в 1990 году. Европейская стипендия позволила мне провести два месяца в Университете Цюриха (Швейцария), где я работала под руководством Ханса Брауна (Hans J. Braun) над проектом, посвященным проблематике субъекта и субъективности у Л. Фейербаха. Результаты научной работы были позже опубликованы в качестве статьи, а также оказались полезными для моих дальнейших исследований по Фейербаху, философией которого я продолжаю заниматься.

Формирующее значение моего пребывания в Кёльне и Цюрихе трудно переоценить. И сегодня, несколько десятилетий спустя, оглядываясь назад, я не могу не признать, что это дало замечательный старт моей карьере в качестве историка философии и исследователя немецкого идеализма, Гегеля и немецкой философии в целом. Научная стажировка за границей, и особенно в Германии, позволила мне не только наработать массу интересного материала, но и значительно улучшить мой немецкий. Так что под конец моего пребывания я уже могла довольно свободно писать на языке, что позволило мне сделать ряд докладов на специализированных конференциях и опубликовать несколько статей в немецкоязычных журналах и книгах. Все это дало существенный толчок в моем научном развитии, позволив нащупать и сформулировать перспективные темы исследования, а также апробировать новые интерпретации гегелевских концепций и философии в целом. Многими темами, которые мне удалось определить для себя в качестве перспективных, я продолжаю заниматься и сегодня.

С годами мои профессиональные и научные связи с Германией только развивались и укреплялись, и даже сейчас, когда я живу и работаю в США, я много времени провожу в Германии: меня часто приглашают в Германию с докладами, на конференции, а также и для более длительного пребывания в качестве приглашенного профессора и исследователя.

Мой переезд в США был во многом связан с семейными обстоятельствами, а именно с приглашением моего мужа, ученого-специалиста в области технических наук (также защитившегося в Москве), на работу в один из американских университетов. В 2000 году я получила профессуру в Университете Северной Каролины в США, в котором я тружусь по сей день. Для меня – специалиста по немецкой философии, профессионально работающего на немецком языке, а также в традиции континентальной философии – строить профессиональную карьеру в англоязычной стране было непросто. И не только из-за языкового барьера (до этого мне никогда не приходилось преподавать и профессионально функционировать на английском), но, прежде всего, из-за существенных различий как в ментальности людей, так и в традициях академии и академической работы. Все американское было вначале непривычно и чуждо. Хотя мне всегда было интересно открывать для себя и познавать что-то новое. Сегодня, с высоты моего более чем двадцатилетнего стажа работы в американском университете, могу признаться, что, несмотря на трудности, опыт был очень полезным как в профессиональном, так и в личном плане. Американская академия[23] существенно отличается как от европейской, так и от российской – и по учебной нагрузке профессора, и по поддержке со стороны различных университетских структур, и по требованиям к научной работе. В США от университетского ординариуса ожидается высокая научная продуктивность и широкое национальное и международное признание, выражающееся не только в публикациях в ведущих изданиях и издательствах, но и в приглашениях возглавить профессиональные журналы и быть избранным в научные и консультационные советы различных международных научных организаций. Имея в виду, что в американской академии (как, впрочем, и во всех других областях жизни американского общества) существует немыслимо жесткая конкуренция, здесь непросто быть успешным. Работать приходится много, напряженно и постоянно, но это держит в форме, заставляет критически смотреть на свои собственные результаты и все время расти и совершенствоваться.

Мне представляется, что мой путь в профессии является во многом характерным для моего философского поколения. Я имею в виду не только и не столько странствия по миру и работу сразу на нескольких языках и в различных традициях. Речь идет, прежде всего, о готовности к изменениям и способности неуклонно и настойчиво идти к своей цели, превозмогая все трудности и надеясь только на самого себя. При этом мы остаемся оптимистами (хотя и иногда оптимистами-романтиками), умеем радоваться жизни, сохранять в памяти ее значимые моменты и не забывать истинные ценности. И еще рано ставить точку в профессиональных достижениях моего философского поколения; наша творческая биография продолжается, как и связанная с ней страница в истории философской мысли в России.

XXVII съезд КПСС… 1986. *XXVII съезд КПСС: Материалы*. – М.: Политиздат.

[23] Слово «академия» (academia) в американском лексиконе означает систему высшего (главным образом, университетского) образования. Хотя в США и существуют разного рода академии, в том числе Американская академия искусств и наук (American Academy of Arts and Sciences), они являются чисто общественными, чаще профессиональными, союзами и организациями, а вовсе не какими-либо институализированными структурами. Членство в подобных академиях очень почетно и решается на основе прямого и единогласного (!) голосования всех ныне действующих членов, но оно рассматривается как знак признания определенных заслуг и достижений того или иного индивидуала в его профессии.

Абалкин Л.И. 1986. *Курсом ускорения*. – М.: Политиздат.

Байков В.Д. 2017. *Ленинградские хроники: от послевоенных 50-х до «лихих 90-х»*. – М.: Карамзин.

Быкова М.Ф. 1996. *Мистерия логики и тайна субъективности. О замысле феноменологии и логики у Гегеля*. – М.: Наука.

Быкова М.Ф., Синеокая Ю.В. 2021. Испытать жизнь сполна. [Интервью с М.Ф. Быковой]. – *Историко-философский ежегодник 2020*. – М.: Аквилон. – С. 283–322.

Корсаков С.Н. 2009. XVIII Всемирный философский конгресс (Брайтон, 1988) в истории отечественной философии. – *Философские науки*. – № 5. – С. 146–158.

Alter J. 1991. The Generation Game. – *Newsweek*. – 14 April.

Brooks D. 2000. What's the Matter With Kids Today? Not a Thing. – *The New York Times*. – 5 November.

Bilynskyj D.S. 2012. Saeculum. – *The Oxford Classical Dictionary* / Ed. by S. Hornblower, A. Spawforth, E. Eidinow. 4th ed. – Oxford: Oxford University Press. – Доступно: https://oxfordre.com/classics/view/10.1093/acrefore/9780199381135.001.0001/acrefore9780199381135-e-8233. – Проверено: 22.11.2022.

Collins R. 2002. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. 4th ed. – Cambridge, MA: Harvard University Press. (1st ed. 1998).

Fernholz T. 2017. The pseudoscience that prepared America for Steve Bannon's apocalyptic message. – *Quartz*. – 27 May.

Golitsyn A. 1984. *The Perestroika Deception [The World's Slide towards the Second October Revolution]*. – London; New York: Edward Harle.

Hoover E. 2009. The Millennial Muddle: How stereotyping students became a thriving industry and a bundle of contradictions. – *The Chronicle of Higher Education, Inc.*, – 11 October.

Jones G.L. Strauss W., Howe N. 1992. «Generations: The History of America's Future, 1584–2069» (Book Review). – *Perspectives on Political Science*, *Fall*. – Iss. 21. – Vol. 4. – P. 218.

Kotkin St. 2001. *Armageddon Averted*. – Oxford: Oxford University Press.

LaFeber W. 2002. *America, Russia, and the Cold War, 1945–2000*. New York: McGraw Hill.

Lamb B. 1991. Generations: The History of America's Future. – *Booknotes*. – 14 April.

Rickert H. 2013. *Die Probleme der Geschichtsphilosophie: eine Einführung*. 3rd ed. 1924. – (New ed. Berlin: Celtis Verlag)

Rickert H. 1926. *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft (1899). 6. und 7. durchgesehene und ergänzte Aufl*. – Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).

Ricoeur P. 1984–1988. *Time and Narrative (translation of «Temps et récit» 1983)* / Transl. by K. McLaughlin, D. Pellauer. – Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1984; Vol. 2. 1985; Vol. 3. 1988.

Russel B. 1956. Logical Atomism (1924). – *Logic and Knowledge* / Ed. by R.C. Marsh. – London: Allen & Unwin. – P. 323–343.

Strauss W., Howe N. 1991. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. – New York: William Morrow and Company, Inc..

Strauss W., Howe N. 1993. *13th Gen: Abort, Retry, Ignore, Fail?* – New York: Vintage Books.

Strauss W., Howe N. 1997. *The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. – New York: Broadway Books.

Strauss W., Howe N. 2000. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. – Knopf Doubleday Publishing Group.

Strauss W., Howe N. 2007. *Millennials & K-12 Schools: Educational Strategies for a New Generation*. – Great Falls: Life Course Associates.

White H. 1973. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe*. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

White H. 1987. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

Windelband W. 1915a. Kritische oder genetische Methode? (1883). – Windelband W. *Präludien*. – Vol. 2. – P. 99–135.

Windelband W. 1915b. Geschichte und Naturwissenschaft (1894). – Windelband W. *Präludien*. – Vol. 2. – P. 136–160.

О НАШЕМ ПОКОЛЕНИИ[1]

А.А. Кара-Мурза
Институт философии РАН

Аннотация: *В тексте главного научного сотрудника Института философии РАН, принятого на работу в Институт философии в конце 1980 года и бывшего в первой половине 1980-х годов секретарем институтского комитета комсомола, рассказывается о судьбе «поколения восьмидесятников», пришедших в отечественную философию в переломную эпоху новой, на этот раз горбачевской, «оттепели». Автор вспоминает приподнятую и вооду-шевляющую атмосферу тех лет, многочисленные (и ранее совершенно невозможные) науч-нотворческие инициативы институтской молодежи перестроечных и первых постсовет-ских лет. Автор делится воспоминаниями о своих учителях и наставниках, а также о своих молодых друзьях и коллегах, которые ныне составляют «цвет» Института философии.*

Ключевые слова: *Институт философии, «философское поколение», комсомол, пере-стройка, молодежные инициативы.*

В наш московский академический Институт философии я попал в 1980 году, можно сказать, случайно. К тому времени я, наверное, даже толком не знал, где такой институт находится. Хотя я коренной москвич и все ранние годы прожил в центре (на Кирова /Мясницкой, на Жданова /Рождественке, у Елоховского собора), я, каюсь, не обращал отдельного внимания на стоящий в глубине квартала на Волхонке бывший особняк князей Голицыных, в котором потом пройдут тридцать пять лет моей жизни.

Меня ничего не связывало с этим домом и с обосновавшимся там учреждением, хотя в 1970-е годы, еще будучи студентом, а потом аспирантом МГУ, я был достаточно глубоко погружен в академическую жизнь Москвы. По профилю своего образования я десятки раз был и в Институте востоковедения на родной улице Жданова, и в Институте всеобщей истории у станции метро «Академическая», где работал мой научный руководитель, теперь академик Аполлон Борисович Давидсон. Но более всего, по нескольку раз в неделю, я бывал в ИНИОНе с его уникальной библиотекой и в Институте Африки – сначала в Староконюшенном переулке, а потом и в новом здании – у Патриарших.

По университетскому образованию я историк – вслед за отцом, окончившим истфак МГУ, а потом несколько десятилетий проработавшим главным редактором историко-педагогического журнала. Дипломированным историком был и мой покойный брат Владимир, более известный как тележурналист. Я же окончил кафедру африканистики историко-филологического факультета Института стран Азии и Африки при МГУ. Помимо детской тяги к дальним путешествиям (почему-то именно в Центральную Африку и на острова Тихого океана), меня с ранней школы влекло к исторической науке. С первых студенческих лет

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Кара-Мурза А.А. О нашем поколении. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 657–670.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.194204

в старом здании МГУ на Моховой, я активно работал в исторической секции научно-студенческого общества (НСО), побеждал на конкурсах научных работ и на последнем курсе возглавил объединенное НСО всего института.

Мой дальнейший карьерный путь был примерно ясен и для меня, и для моих однокашников, и, видимо, для моего тогдашнего вузовского начальства. Помню, от меня очень быстро отстали пришедшие к нам на Моховую «вербовщики в погонах»: не секрет, что ИСАА (там в мое время на десять ребят приходилась одна девушка; сейчас – ровно наоборот) был одним из главных кадровых резервуаров и для нашей внешней разведки, и для разного рода забугорной работы «под прикрытием» (на моем курсе, например, учились семь или даже восемь будущих генералов). Бегло просмотрев мое личное дело и задав пару вопросов, офицеры разочарованно переглянулись: парень вроде и соображает, но для серьезной службы Родине потерян – пусть идет себе в аспирантуру.

Я и пошел тогда в аспирантуру той же кафедры африканистики, продолжив писать на тему удавшегося, по всем отзывам, диплома: «Формирование новых элит в странах Тропической Африки». Сейчас бы эту тему определили, скорее всего, по ведомству sciences politiques, но в те годы такой специальности у нас в стране попросту не было.

Я сейчас совершенно не помню деталей того, что случилось со мной на последнем году аспирантуры. И никто из моих друзей-аспирантов (с некоторыми мы дружим более сорока лет) тоже не в состоянии мне помочь: каким образом меня вдруг угораздило оказаться в нешуточном конфликте с самим ректором ИСАА?! По-видимому, я тогда «заигрался», переоценив свою роль «молодежного вожака» (я по-прежнему был руководителем НСО), и, наверное, повел себя демонстративно независимо. А ведь это был еще только рубеж 80-х: идеологическую борьбу, тем более в идеологическом вузе, – никто не отменял. Начальству, наверное, резала глаз и моя очевидная приязнь к определенного склада профессорам и преподавателям, носившим печать идейного фрондерства. Уникальным специалистам, знавшим в совершенстве редкие языки, такое поведение годами сходило с рук, но плодить в серьезном вузе новых полудиссидентов за счет новобранцев из молодежи руководство, конечно, никак не планировало.

Как бы там ни было, перспектива моего беспроблемного распределения на кафедру довольно быстро затуманилась, а потом и рассосалась. Более того, сведущие люди донесли, что даже спокойно защититься в ИСАА мне вряд ли дадут. С поста председателя НСО пришлось уйти. Последним моим «звездным часом» в университете, как сейчас помню, стало бригадирство в начале лета 1980 года в сводной бригаде аспирантов МГУ: надо было срочно доделывать за строителями олимпийский гостиничный комплекс в Измайлове (я и сегодня, когда проезжаю мимо, обязательно небрежно так бросаю таксисту: «Мы строили…»).

Олимпиада-80 успешно закончилась, а вопрос с моей будущей защитой и распределением еще больше «завис». И тут случилось «обыкновенное чудо» – иначе назвать это я не могу. Где-то осенью, по-видимому вечером, к нам в коммунальную квартиру на Разгуляе прозвонилась не очень трезвая (как мне показалось) моя бывшая однокурсница Наташа О., по специальности китаистка, и полушутя (или мне опять так показалось?) сообщила, что в Институте философии Академии наук СССР, в секторе философии Востока ищут молодого сотрудника – и почему-то именно «африканиста»! Я бы, наверное, еще долго смеялся, но Наташа вызвалась уже на следующий день лично отвести меня в тот самый институт, в тот самый сектор и познакомить меня с заведующей – «чудесной», по ее словам, Мариэттой Тиграновной Степанянц.

Вот так я и появился в «желтом доме» на Волхонке, 14. Мариэтта Тиграновна действительно оказалась замечательной женщиной и очень живо рассказала, как из института уволился (или вынужден был уволиться) известный ученый-африканист (его книги я, конечно,

читал), освободилась таким образом «ставка», заполнить ее нужно очень быстро, иначе… ну и т. д. Присутствовавшая при разговоре Наташа О. еще раз подтвердила мои бесспорные достоинства: африканист-натурал (что и требовалось), победитель олимпиад, комсомольский активист, бригадир, кандидатская по африканистике почти готова…

Окончательно, как я понимаю, дело решил принесенный мною с собой (на всякий случай – и, как оказалось, очень кстати) старый текст «курсовой» за третий год обучения: «Философские (sic!) аспекты становления классов и государства в средневековой Руанде». Блеклый текст (чудом сохранившийся третий, если не четвертый, машинописный экземпляр), зато с исключительно удачным названием (работа, конечно, была чисто историко-политологическая и никак не философская), по-видимому, и стал решающим аргументом моего приема на работу. Этот текст потом неизменно фигурировал и на столе курирующего тогда восточный сектор замдиректора, а потом и перед самим директором, оригинальным человеком, как мне объяснили, «другом самого Брежнева». Замусоленная старая курсовая стала, таким образом, главным доказательством моей философской профпригодности: спасибо далекой Руанде, в которой я никогда не был и в которой больше половины населения говорит на до боли знакомом мне (а сейчас прочно забытом) языке суахили!

Некоторая несерьезность обстоятельств моего поступления в ИФАН не отменяла того факта, что у меня, конечно, были неплохие козыри для профессиональной работы на новом месте. Я очень хорошо знал тогда французский язык (спасибо спецшколе), несколько хуже – английский, мог читать и на португальском (это уже от университета). Свою задачу в секторе Востока я понял так: доказать, что и в Тропической Африке была и есть «своя философия».

Ряд обстоятельств мне благоприятствовал. Во-первых, выпускники ИСАА по определению не были европоцентристами: каждый знал и обожал свою далекую локальную культуру. «Цивилизационный» подход к гуманитарным наукам в нашей среде всегда превалировал над господствовавшим тогда «формационным», к которому востоковеды относились с нескрываемой иронией, переходящей в презрение. Пресловутая формационная «пятичленка» в востоковедной среде считалась ругательным словом.

Во-вторых, способствовало делу и мое тогдашнее, наивное, но искреннее, очень своеобразное представление о философии, которое любой выпускник философского факультета высокомерно определил бы как глубоко непрофессиональное. Под философией я понимал (а в какой-то степени понимаю и сейчас) просто мудрость: остальное – как говорится, «дело техники». Вывод напрашивался сам собой: если в локальном социуме есть своя «мудрость» (пусть даже весьма немудреная), значит есть и «своя философия». Надо добавить, что это был в те годы очень модный тренд в востоковедении и африканистике: в разных экзотических странах сотни автохтонов (парадокс: европейски образованных) упражнялись на тему так называемой этнофилософии. Нехитрая логическая цепочка: «автохтонная культура – патриотическая элита – самобытная этнофилософия» – была мне внутренне близка, а в исследовательском смысле – еще и весьма удобна. Литературы по теме было полно, языки я знал, навыки исследовательской работы были наработаны в университете. И я, припоминаю, еще до защиты кандидатской (которая успешно состоялась-таки в МГУ в 1981 году) прикинул: перспективы в Институте философии у меня есть, и неплохие; можно начинать задумываться и о докторской.

Разумеется, надо сказать несколько добрых слов о замечательном «восточном» секторе М.Т. Степанянц, в котором я проработал все 80-е годы. Я тогда понял, что буквально означает выражение: «кататься, как сыр в масле». Мне симпатизировала и всячески помогала не только Мариэтта Тиграновна, но и старшие коллеги: Е.А. Фролова (арабская мысль), В.Г. Буров (Китай), Ю.Б. Козловский (Япония). Но особенно я сблизился со «средним поколением»

сектора. Гуля Шаймухамбетова, Оля Мезенцева, Володя Зайцев, Адик Михалев – увы, никого из них уже нет в живых. Светлая память!

Между тем общественные настроения «за окном» менялись и сильно меняли нас. А я, надо признаться, всегда был «социально чувствителен». Не люблю выражение: «социально активен», хотя с середины 80-х возглавил в институте комсомольскую организацию, а потом несколько лет фактически руководил Советом молодых ученых (молодежи, в подавляющем большинстве неостепененной, в институте было тогда много). Именно эта сторона жизни (назову ее условно «общественной»), возможно, в не меньшей степени, чем собственно занятия наукой, сформировала наше институтское поколение «восьмидесятников».

«Поколение», как мне представляется, не стоит путать с «возрастным срезом» – это принципиально разные, хотя и пересекающиеся сущности. «Поколения» создаются по преимуществу горизонтальными неформальными связями – чаще всего вопреки вертикально выстроенным связям служебным. Несмотря на то что я всегда считал и считаю Институт философии учреждением уникальным, я все-таки не настолько сентиментален, чтобы отрицать, что и в годы моей молодости, и сегодня институт наш строился и строится вертикально-иерархически par exellence.

Иначе и быть не может – или не быть мне заведующим кафедрой прикладной политологии (в ГАУГНе)! Речь может идти лишь о той или иной степени «просвещенности» этого вполне естественного и даже органичного авторитаризма. Институтские старожилы уверяют, что когда-то отдельные сегменты нашего института (и даже весь он в целом – кто бы мог представить!) управлялись «совсем не просвещенно», но я тех варварских времен почти не застал. По крайней мере, наш, «восточный», сектор всегда принадлежал к числу наипросвещеннейших: в самом деле, свободно читать в оригинале суфиев, вайшешиков или джайнистов – это не то же самое, что, пыхтя, «овладевать» Марксом и даже Гегелем в русских переводах. Но даже самый просвещенный авторитаризм, повторяю, не может стимулировать развитие текущих мимо него низовых человеческих «токов», в том числе поколенческих. Разумеется, такое товарищество (прямо как grass-roots movements!) активно формировалось в наше время и на суглинистых почвах подшефных совхозов, и на пахучих просторах плодоовощных баз, но подобное его произрастание (и даже цветение!) было лишь побочным следствием неукоснительного выполнения разнарядок, спущенных из райкома партии.

Мне, наверное, всё равно бы никто не поверил, если бы я стал отрицать наличие элементов авторитаризма в моем собственном стиле руководства сначала комитетом ВЛКСМ института, потом научным сектором, затем отделом, секцией Ученого совета, многочисленными исследовательскими проектами. И тем не менее (спросите кого угодно – пусть даже сотрудников других подразделений!) «Мурза» в своей работе всегда старался находить время, силы и средства (!) для последовательного культивирования товарищества в отношениях с коллегами. Может быть, поэтому мне действительно есть что рассказать о моем поколении в целом.

«Формирование поколения» я бы уподобил трудной и в чем-то рутинной лепке из глины. Кто здесь является Мастером – время, судьба или некие высшие силы – мне неизвестно. Я знаю другое: у масштабных скульптурных проектов всегда есть невидимый миру каркас из прочной арматуры. В отношении нашего поколения таким каркасом стала поначалу не собственно философия, а околонаучная молодежная практика. Я могу даже обозначить относительно точные хронологические пределы, когда этот новый поколенческий «каркас» в основном сформировался. Это были годы, немного утрируя, двух «комсомольских секретарств»: моего (1983–1986) и Марии Михайловны Федоровой (1987–1989) – моей преемницы, бывшего зама, старинного друга, а ныне бесспорного лидера новейшей российской политической философии и теоретической политологии. Характерно, что в указанный период именно к на-

шему, «комсомольскому», сообществу (а вовсе не к «своему» партбюро) «прилепилась» группа молодых институтских партийцев – Наталья Козлова, Александр Захаров, Федор Блюхер, Марина Быкова.

Если, обернувшись, взглянуть на тогдашнюю политику советского руководства (начиналась полная противоречий «эпоха Горбачева»), то одной из ее главных характеристик стало откровенное идейное попустительство в отношении гуманитарно ориентированной молодежи. Это был период расцвета всевозможных «молодежных школ», «инициатив», «творческих молодежных коллективов» и т. п. С добрым чувством вспоминаю одно из расширенных заседаний тогдашней дирекции института. При обсуждении какого-то вопроса академик Смирнов (Георгий Лукич, разумеется) вдруг повернулся в мою сторону и спросил: «А что по этому поводу думает комитет комсомола?» На что сидящая неподалеку тогдашняя зав. отделом кадров с чувством выдохнула: «Это не комитет комсомола! Это – банда!»

Из случившихся в ту пору с институтской молодежью чудес назову лишь самые фантастические… Поездка группы молодых философов в 1988 году на Всемирный философский конгресс в Брайтон! Вспоминаются лица друзей и подруг, не только увидевших тогда «живьем» Поппера, Хабермаса и Рикёра, но и объехавших половину Англии: Лена Петровская, Марина Быкова, Оксана Гаман, Оля Зубец, Саша Филиппов, Виктор Игнатьев… Несколько раундов образовательных поездок в Париж для совершенствования французского языка в «Alliance francaise»!.. Научные стажировки в Германии, Америке, Франции!.. Неоднократные поездки на международные философские школы в Югославию, Болгарию, Польшу! Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить один эпизод. Во время очередной молодежной встречи где-то под Варшавой мы (я, Леонид Поляков, Валерий Перевалов, Владимир Филатов) близко познакомились с ровесниками из КНДР, тоже представившимися «философами». Буквально через пару недель Поляков, Перевалов и Филатов получили именные приглашения посетить Северную Корею. На естественный вопрос: «А как же Мурза?», северокорейцы прямодушно ответили: «А мы еще в Польше по глазам поняли, что он – враг социалистической Кореи».

И в нашем институте некоторые проницательные старшие коллеги («мудрецов» у нас всегда было в достатке) называли тогда процессы, начавшиеся при Горбачеве, – «заигрыванием с молодежью», что, как и многое другое, «добром не кончится». Так и случилось – но лично я благодарен Михаилу Сергеевичу за то веселое и творческое время, о чем имел возможность говорить ему лично. Пусть это прозвучит эгоистично, но, потеряй мы тогда эти восемь – десять лет в старых статусно-идеологических «стойлах», и из моего поколения вряд ли вышло что-то путное. Этот вывод в полной мере касается и тех из моих сверстников, кто не готов признаться в любви к «перестройке». Но ведь и внутри замечательного поколения шестидесятников, сполна вкусивших плоды «хрущевской оттепели», редко встретишь поклонников лично Хрущева.

Могу добавить, что я и мои товарищи честно стремились добром ответить руководству всех уровней на оказанное нам доверие – «неблагодарность» я вообще считаю одним из самых больших человеческих грехов. По-моему, в 1986 году, нашими усилиями, Институт философии завоевал первое место на Всесоюзном (!) конкурсе научных учреждений на лучшую постановку работы с молодежью. Сохранились фотографии, где я, на сцене Актового зала дома на Волхонке, получаю Красное знамя из рук секретаря ЦК ВЛКСМ. На лице сидящего в президиуме первого замдиректора В.В. Мшвениерадзе – целая гамма чувств…

Но, при всем уважении к Красному знамени, случилось тогда и другое, гораздо более существенное и ранее совершенно непредставимое. Институту философии в качестве поощрения был выделен дополнительный фонд заработной платы – довольно солидный! – для перевода из младших научных сотрудников в «старшие» особо отличившейся молодежи.

К нашей чести, ни один из тогдашних членов комитета комсомола даже на минуту не подумал этим воспользоваться: самым старшим из нас было тогда всего-то по тридцать с небольшим. Единогласным решением деньги пошли на повышение окладов бывшим институтским комсомольцам – лет на пять, на десять, а то и на пятнадцать старше нас: в «старшие научные» переходили в те времена, как говорится, «с сединою на висках». Для нас же, еще зеленых, главным было то, что сделано хорошее дело. Авторитет нашей «банды» в глазах дирекции заметно вырос…

В обязанности лидера во все времена входила забота о материальном благополучии людей, тебе доверившихся. «Поколению» ведь надо на что-то жить – появляются семьи, потом дети. От старших товарищей я неоднократно слышал фразу: «А по ночам я разгружал вагоны…» В годы моей молодости законным (и легитимным в глазах начальства) способом поправить финансовое положение были выездные лекции от общества «Знание». В нашу молодежную лекторскую группу вошли мои товарищи, не только хорошо владеющие материалом, но и доказавшие навыки коммуникации: Поляков, Перевалов, Захаров, Ханин, Осовцов, Алюшин. Ребятам доставались порой самые экзотические, не нами придуманные, темы типа: «Любовь и дружба в условиях развитого социализма». Мне было проще: я, на правах руководителя «цикла», брал себе, как правило, «международное положение». Сотрудники «Знания» (обществ формально было два: общесоюзное и российское) хорошо знали меня еще со времен востоковедной аспирантуры. Лекторский хлеб кандидатов наук был тогда нелегок: 5–6 лекций в день, причем в не самых комфортных условиях. До сих пор, когда мы общаемся, с юмором, но и с ужасом вспоминаем два «цикла»: «По домам престарелых Архангельской области» и «По зонам Кировской области» (!). Зато за пять-шесть дней можно было заработать эквивалент месячной зарплаты.

А теперь – о самом главном, о философии. Философское поколение всё-таки создается не на овощных базах и даже не на молодежных «школах». В противном случае это – не *поколение*, а просто «тусовка», пусть даже очень симпатичная. Наше поколение окончательно сложилось, как мне кажется, вокруг определенной, существенно новой, философской проблематики и приложенной к ней оригинальной исследовательской оптики. Очевидной и признанной вовне эта наша *самобытность* стала, разумеется, не сразу.

Для меня лично 1980-е годы были временем исподволь зреющей «свободы от Африки». Решающим в этом смысле стало одно курьезное обстоятельство. Как-то к нам в сектор Востока пришла на отзыв (то ли из Киева, то ли из Кишинева) увесистая докторская диссертация, и меня попросили ее посмотреть. Открыв текст и прочитав название, я ахнул: «Философская мысль в Африке» (!). Диссертация была добротной, умно структурированной и базировалась на большом количестве хорошо мне знакомых африканских источников. Курьез заключался в том, что передо мной был, разумеется, чужой, но примерно тот же самый текст, который я сам несколько лет уже как обдумывал, понемногу писал и который я сам собирался защищать в качестве докторской – по моим прикидкам, лет через пять! На столе лежала… моя докторская, написанная другим человеком, прежде меня и, наверное, лучше меня! Особый аромат ситуации придавал тот факт, что диссертант активно и со смаком использовал мои рефераты по «африканской этнофилософии», которые я несколько лет печатал в сборниках ИНИОН! Однако – и это было главным во всей этой истории: я тогда поймал себя на мысли, что… почти не расстроился. Я даже с некоторым облегчением и абсолютно чистым сердцем написал положительный отзыв, и сейчас думаю, что тот человек (я потом потерял его из виду) сэкономил мне пять, а может и больше, лет жизни и, скорее всего, – существенно перенаправил ее течение.

Дело в том, что, работая в секторе Востока и «окучивая» свою конкретную (африканскую) «делянку», я в 80-е годы, возможно в предчувствии скорых перемен, стал всё

больше увлекаться отечественной проблематикой: особенностями исторического пути России, русской историософской и политической мыслью, что с тех пор и стало моей главной научной темой. Поначалу это было перечитывание Герцена и Плеханова (иногда и Ленина) с совершенно новой для меня расстановкой акцентов. Мы, например, в соавторстве с моим университетским другом Игорем Зевелевым (востоковедом-бирманистом, сегодня, безусловно, входящим в тройку самых авторитетных на Западе наших политологов-теоретиков) написали серию статей в журнал «Азия и Африка сегодня», где мы, проводя параллели между «восточными деспотиями» и «сталинщиной», открыто вставали в нашем, разумеется, еще марксистском дискурсе на сторону Плеханова против «азиатского марксизма» в лице… – нет не Ленина, конечно, а Сталина! Наши с Игорем доброжелатели из редколлегии журнала рассказывали, что эти тексты, как говорится, «на грани фола», как будто специально дразнившие «староверов», всякий раз вызывали бурные обсуждения и проходили только после долгого «вентилирования наверху», в аппарате нового главного идеолога страны Яковлева.

А тут и у нас, в Институте философии, в 1988 году, случилось событие, которое многие могли попросту не заметить или посчитать ритуальной формальностью, но которое я, в контексте сегодняшнего разговора о «философских поколениях», считаю принципиально важным. С подачи Президиума АН и изнывающего от реформаторского зуда комсомольского ЦК в институте был организован так называемый временный молодежный научный коллектив, в который вошли мой давнишний друг Валерий Перевалов (в качестве руководителя), Мария Федорова, Федор Блюхер, Володя Меликов (тоже из востоковедов) и я. Общую тему взяли в полном соответствии с характером тех межеумочных времен – что-то вроде «Новейшие тенденции в осмыслении философии марксизма».

Главной «фишкой» нашей тогдашней, исключительной по своей интенсивности работы в форме многочасовых brainstorming'ов на частных квартирах (чаще всего у меня на Рижском проезде) стали многораундовые безжалостные «похороны» стадиально-формационного подхода, с его набившей оскомину «пятичленкой», и решительный поворот к животворящему «цивилизационному методу». Здесь всем нашлось место: и нам с индологом Меликовым, и франкофонке Маше Федоровой, блестяще знавшей французский неомарксизм, и, конечно, подлинным знатокам аутентичного Маркса – Перевалову и Блюхеру, которые, с текстами в руках (например, переписки Маркса с русскими народниками), играючи доказали, что «цивилизационный подход» тоже придумал Маркс.

«Группа Перевалова» стала во второй половине 80-х естественным ядром для роста и почкования нашего поколенческого актива. В полном соответствии с законами жанра, «банда», окультуриваясь и матерея, превращалась в «сообщество». Одной из заметных фигур стал историк русской философии Леонид Поляков, вернувшийся из стажировки в США. Из более молодых обратили на себя внимание своей начитанностью, нетривиальными идеями, амбициозностью в хорошем смысле – аспиранты Наталья Любомирова, Александр Осовцов, Алексей Алюшин, Эдуард Надточий, Сергей Зимовец. Особую благодарность я испытываю к двум моим коллегам (увы, ныне покойным) – Наталье Никитичне Козловой и Александру Владимировичу Захарову.

Вспоминаются и околонаучные «досуги» нашего сообщества в помещении комитета комсомола на Волхонке – им в те годы была (спасибо дирекции!) красивейшая зала в бельэтаже с мраморным камином, примыкающая к Актовому залу. Особо запомнились слайдовые презентации (прямо на белую стену) незабвенного Альберта Васильевича Соболева о философской Москве Серебряного века – о Вл. Соловьеве, Бердяеве, Эрне, Новгородцеве… Для меня, конечно, именно АВС был и остается родоначальником «философского краеведения».

В истории каждого научного поколения всегда есть события, которые являются знаковыми «вершинами» его существования: это может быть постоянный семинар, научный журнал, цепочка проектов (чаще – всё это вместе). Для нашего поколения первой очевидной «вершиной», признанной поколенческим консенсусом, стал проект «Тоталитаризм как исторический феномен» и, в первую очередь, трехдневная международная конференция на одноименную тему, прошедшая в Институте философии 3–5 апреля 1989 года. Хотя именно я являлся председателем оргкомитета и главным ведущим сессий, считаю своим долгом назвать еще двух моих друзей, которые стояли у истоков проекта и сыграли важную роль в обеспечении его совокупной «тяги». Это Алексей Миллер, на тот момент кандидат исторических наук (сегодня, конечно, доктор, профессор нескольких европейских университетов), и Ольга Ярцева, тогда еще аспирантка ИМЭМО, сейчас успешно работающая в Париже.

Для сотрудников Института философии и Алексей, и Ольга формально были «внешниками», но, частенько наведываясь на Волхонку, пользовались общей симпатией. Они привнесли в проект свой специфический набор идей и контактов, что в итоге и обеспечило беспрецедентный по представительности состав докладчиков. На конференции выступили признанные (хотя большинством слушателей ранее «не виданные») «звезды» российской гуманитаристики: Алексей Салмин, Виктория Чаликова, Леонид Волков, Борис Орлов, Леонид Седов. Все они, к нашему удовольствию, в полной мере прочувствовали неординарность происходящего. На той же сцене Актового зала на Волхонке торжественно передавалось уже не Красное знамя, а «поколенческая эстафета» в осмыслении самого драматичного из российских феноменов: периодической смены прорывов к свободе очередным и всякий раз всё более репрессивным идеократическим «упорядочиванием». Удивительно, что при наличии столь звездного состава гостей многочисленная аудитория (зал был все три дня полон) хорошо понимала: реальными хозяевами мероприятия выступают молодые люди 25–35 лет, интересные не только юной энергетикой, но и новыми нетривиальными научными идеями.

Для меня тогдашний «тоталитарный проект» оказался памятен еще и тем, что он сблизил нашу группу с ровесниками, более тяготевшими к философскому кругу В.А. Подороги. Сам Валерий Александрович, его ближайший соратник Михаил Рыклин (через пару лет мы с ним близко подружились в Париже), лучшая из его учениц Лена Петровская (еще с Брайтона и по сию пору я нахожусь под ее обаянием) выступили с интереснейшими докладами, а потом и написали тексты в коллективный сборник.

Книга «Тоталитаризм как исторический феномен», вышедшая по итогам нашей конференции под грифом Философского общества СССР и Всесоюзной ассоциации молодых философов тиражом 3 тысячи экземпляров, быстро стала бестселлером и сегодня является библиографической редкостью. Когда в начале 90-х в книжных магазинах Москвы появилась практика «книгообмена» (книги можно было обменять на одну или несколько равноценных), наш «Тоталитаризм» прочно оказался в числе безусловных «топов», в чем мы не раз убеждались в разных точках столицы, с удовлетворением разглядывая книжные стеллажи. Авторы нашего сборника, выступившие даже с небольшими текстами, в одночасье стали известными. Им это потом не раз пригодилось в жизни – лучшей «визитной карточки» было не придумать. Получил известность курьезный случай, когда некий немолодой заслуженный профессор прилетел в командировку в Канаду и буквально с первых часов был атакован большим числом жаждущих лично и в подробностях выслушать его точку зрения на феномены «тоталитаризма вообще» и «сталинизма в частности». Профессор вообще-то занимался совершенно другими сюжетами и не мог понять причины столь настойчивого интереса. Он мужественно отбивался, но, не будучи специалистом, вынужден был отделываться общими фразами, но и они, на удивление, «шли на ура», а пару раз даже вызвали овацию. Странный визит уже подходил к концу, когда профессор сообразил, что его попросту спутали с сыном-исто-

риком (моим хорошим другом), опубликовавшим в нашем сборнике небольшую, но яркую и в чем-то провокативную статью. А рекламу нашей книги в Канаде, как оказалось, организовал участник сборника, профессор Университета Гвелфа (Онтарио) Фред Эйдлин, умудрившийся раструбить про наш с ним «Тоталитаризм» на весь североамериканский континент. В самом деле, когда на авансцену выходят Петровская, Любомирова или Ярцева, поневоле забудешь о Хайеке с Бжезинским.

Но даже суперудачный проект в одиночку не способен сплотить научное поколение. Вдогонку за «Тоталитаризмом» мы организовали собственный «журнал-альманах социально-философской компаративистики» (под моим редакторством) с претенциозным названием «Параллели», где с успехом печатались набиравшие хороший писательский темп молодые авторы: А.В. Смирнов, Л.В. Поляков, В.А. Подорога, М.К. Рыклин, Н.В. Любомирова, Э.В. Надточий, С.Н. Зимовец.

А потом последовал ряд новых масштабных конференций, закрепивших «Волхонку, 14» в качестве самой престижной межинститутской площадки Москвы: «Реформаторство и контрреформаторство в России» (1991), «Россия в поисках идентичности» (1992), «Российское западничество» (1993). В те годы в Институте философии нередкими и всегда желанными гостями стали наши старшие товарищи, имевшие заслуженную репутацию в науке: А.С. Ахиезер, Г.Г. Водолазов, Ю.Н. Давыдов, В.А. Найшуль, Ю.С. Пивоваров, В.Л. Шейнис, Е.Б. Рашковский, В.Г. Хорос и др. Помню интересные выступления на нашей конференции по «русскому западничеству» бывшего первого вице-премьера и госсекретаря России Г.Э. Бурбулиса, выдающегося итальянского русиста Витторио Страда, молодого профессора Стэнфордского университета (впоследствии американского посла в Москве) Майкла Макфола.

В те удивительные годы мы прочно сдружились с нашими старшими коллегами по институту, всегда тяготевшими в своих философских исследованиях к русской проблематике. Назову лишь три ключевых фигуры: Игорь Константинович Пантин, Александр Сергеевич Панарин, Вадим Михайлович Межуев. Всех троих я считаю своими бесспорными учителями, притом что впоследствии мне довелось довольно долго быть их формальным служебным «начальником».

В жизни каждого научного поколения всегда при желании можно разглядеть два периода: этап, когда это поколение консолидируется, наращивая общий (во многом неразложимый на части) потенциал, – и другой, неизбежно следующий за первым: когда происходит дробление первоначального «ядра» и сумма усилий уже совершенно автономных ученых начинает заметно превышать «командный» результат. Индивидуальные «прорывы» неизбежно рвут поколенческую ткань. А, с другой стороны, искусственное, уже вполне имитационное, пролонгирование «коллективного творчества» тормозит индивидуальную работу, которая в конечном счете и определяет итоговую судьбу философа.

В 1990 году у меня появилась возможность длительной командировки в Париж в Дом наук о человеке по линии «стипендии Дидро». Поехал я по квоте «политических социологов», получив в институте письменные рекомендации Нели Васильевны Мотрошиловой (моего тогдашнего завотделом) и Бориса Андреевича Грушина, за что я им бесконечно благодарен. Ведь я еще со спецшколы был убежденным «франкофоном», и над моей домашней кроватью годами висела карта старого Парижа, которую я изучил в малейших деталях. В короткой, еще «комсомольской», поездке во Францию в 1985 году я, помнится, поразил русскоязычного «сопровождающего», когда, после общей экскурсии по Монмартру, проложил кратчайший путь («огородами») к ближайшей станции метро – это был триумф моего заочного знания Парижа.

Я здесь опускаю детали моей стажировки во Франции в 1990–1993 годах – они не имеют прямого отношения к сегодняшнему специальному разговору о «научных поколениях». Не могу, однако, не вспомнить, что именно тогда, в столице Belle France, укрепилась моя дружба с такими уникальными, на мой взгляд, представителями моего философского поколения, как Михаил Кузьмич Рыклин и Виктория Георгиевна Лысенко (для меня просто Вика). И еще: всякий раз, когда я возвращался из Парижа в Москву, я обязательно привозил с собой «чемодан ксероксов» – копий оригинальных текстов русских философов-эмигрантов: Бердяева, Франка, Струве, Вышеславцева, Федотова, Степуна, Вейдле. Эти ксерокопии потом расходились среди моих институтских коллег («право первой ночи» всегда было, конечно, за ними), а потом и по остальной Москве. Могу сказать, что если кто-то из моих соотечественников когда-то «вышел из шинели» Гоголя или, наоборот, Дзержинского, то моя докторская диссертация, защищенная в институте в 1994 году, – точно «вышла» их тех парижских чемоданов.

Еще в 1993 году, наш тогдашний директор Вячеслав Семенович Стёпин предложил мне возглавить в институте новое подразделение – «лабораторию философских проблем этнологии» (чуть позже переименованную в «сектор»), призванную произвести интеллектуальную санацию проблематики «национальных отношений», всё с большим скрипом проходившую ранее по ведомству «научного коммунизма». В мою «лабораторию» (сразу или спустя небольшое время) вошли: А.В. Захаров, Н.Н. Козлова, Л.В. Поляков, В.П. Перевалов, В.С. Малахов, Е.А. Патуткова, Н.В. Любомирова, Э.В. Надточий, С.Н. Зимовец. Повезло нам и с секретарями – Анной Петровой и Мариной Болдыревой. А в 1994 году, после защиты докторской на тему «Социальная деградация как феномен исторического процесса (проблема “нового варварства” в философско-историческом контексте)», меня назначили заведующим внушительным даже по тем временам (девять секторов, более ста сотрудников) Отделом социальной философии и философской антропологии. Вот в этой точке, парадоксальным образом, и закончилась, наверное, восходящая линия моего «бригадирства» среди сверстников. Вертикальные отношения победили связи горизонтальные – не «нокаутом», конечно, но «по очкам» точно. Думаю, мои товарищи мало потеряли от этой перемены – у всех у них тоже обозначилась своя, индивидуальная, уникальная «траектория».

Некоторые из коллег, почувствовав дефицит преподавательского общения с «новой молодежью», ушли в перспективные университеты: Леонид Поляков – в Вышку; Наташа Козлова и Александр Захаров – в РГГУ. Почувствовав вкус к «свободе выезда» и международному признанию, уехали в зарубежные университеты и центры Дмитрий Ханин, Наталья Любомирова, Эдуард Надточий, Сергей Зимовец. С некоторыми из них я потерял связь, и, наверное, лучше осведомлена об их судьбе «наша» завотделом кадров Наталья Владимировна Коваленко. До меня доходили слухи, например, что некоторые из «философов-беглецов» выходили на связь с институтом, чтобы оформить российские пенсии. Да, в природной смекалке моему поколению точно не откажешь.

Но многие «восьмидесятники», несмотря на все внешние соблазны, по-прежнему хранят верность институту и находятся в отличной профессиональной форме. К нашему кругу еще вполне можно «лепиться», и речь здесь не только о естественном «омоложении кадров». В свои последние годы жизни ко мне в сектор пришли работать (именно работать!) такие корифеи нашей философии, как Вадим Михайлович Межуев и Вадим Львович Рабинович. Видимо, им было комфортно у нас, а нам очень хорошо работалось (и отдыхалось!) с ними. Светлая им обоим память!

Чем больше я размышляю о моем поколении, тем отчетливее понимаю его не только профессионально-философскую, но и нравственную специфику. У нас, к примеру, сложилось особое отношение к проблеме и сущности «власти». Ведь именно мы, наверное, ста-

ли первым в истории России научным поколением, которое получило возможность поставить «проблематику власти» в центр своих ежедневных профессиональных исследований, без особой оглядки на эту самую «власть». Были и до нас в России авторитеты в этом нелегком деле: от Радищева и Герцена до Авторханова и Амальрика – но все они, как известно, не слишком хорошо закончили. Я очень высоко ценю то, что сделали в области «философии власти» мои (плюс-минус) сверстники: Мария Федорова, Борис Капустин, Сергей Никольский и, увы, уже ушедшие от нас Вадим Цымбурский и Сергей Королев.

Нам фантастически повезло в том смысле, что мы выросли, с одной стороны, поколением «непоротым» (ну, почти); а с другой – поколением, органически не способным даже помыслить «пороть другого». Я, конечно, не имею в виду физическое, «тоталитарное» насилие. Но есть ведь еще и насилие словесное, которое я в своих работах называю *большевизмом*, отличая его от *тоталитаризма*. Среди русских интеллигентов, как не раз отмечено в литературе, всегда было много охотников и умельцев поиграть в национальную забаву «Кто виноват?». Чего греха таить, свои «большевички» завелись даже внутри поколения шестидесятников, в целом очень здорового. Оказавшись при Горбачеве у власти, они по принципу «мели, Емеля, твоя неделя» с наслаждением, например, громили несчастных «стариков» с высоких трибун ведомственных съездов – писательских, кинематографических и т. д. Об одном таком «шестидесятнике-большевике» хорошо написал любимый мною поэт-мудрец Эрих Соловьев: «И стал орудьем, вроде вил, у ворошилы Климова…» Кто знает – тот, как говорится, поймет…

И я вспоминаю в аналогичных ситуациях людей моего поколения. Как мы, например, оказавшись чуть продвинутыми наверх, с какой-то особой бережностью сохраняли на ключевых научных позициях нашу «старую гвардию» – философов-мудрецов, у которых мы учились. Помню, ко мне, как к многолетнему заведующему «социально-политологическим» отделом института, не раз аккуратно подступались руководители двух наших диссертационных советов, «социального» и «политологического», Юрий Контантинович Плетников и Игорь Константинович Пантин: «не пора ли, мол, уступить дорогу молодежи?» И получали и от меня, и от М.М. Федоровой, и от С.А. Никольского неизменно один и тот же ответ: «Очень просим вас, оставайтесь как можно дольше…» И никогда потом об этом не жалели…

Помню также, как, будучи в начале 1990-х годов, волею прихотливого случая, приближены к новому «российскому трону», мы с Александром Рубцовым (оба тогда молодые кандидаты наук) не поддались на «подначки» горячих голов о «необходимости кардинальных реформ в академии» и всегда спокойно отвечали: «Не мы строили – не нам и разрушать». К сожалению, в отличие от той эпохи, нынешняя оказалась менее щепетильной и щадящей по отношению к престижу академии. Пандемия игры в «Кто виноват?» опять гуляет по России.

В заключение скажу, что любое явление адекватно просматривается и оценивается не столько изнутри, сколько «со стороны» – так, как известно, намного виднее. Прекрасно сказал об этом Борис Леонидович Пастернак, у которого в 2020 году юбилей – 130 лет со дня рождения. Принципиальные для меня статьи о Пастернаке-мудреце я уже отослал в два авторитетных журнала, которыми не первый год и весьма успешно руководят выходцы из моего поколения, – Марине Быковой в США, в «Russian Studies in Philosophy», и Андрею Смирнову в «Философский журнал»…

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать…

ФИЛОСОФСКИЙ ИДЕАЛ ОБРАЗОВАННОСТИ: ПОКОЛЕНИЕ ПРЕДАН(Н)ЫХ[1]

А.А. Костикова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: *Поколение, учившееся философии в 80-е годы, училось строить коммунизм и формировать человека будущего, ограждая его от влияния буржуазных ценностей и идеалов бездуховного «золотого тельца». Это были уверенные в себе, убежденные в рабочем принципе демократического централизма и универсальности философского знания студенты. Это было молодое поколение идеалистов, получивших научное обоснование своей уверенности в разработанной предшествующим поколением советской материалистической философии марксизма, которая была живой, ей можно было задавать вопросы и дискутировать на философском факультете Московского университета. То, чему и как учили в 80-е, помогло кому-то не только выжить, но и технологично использовать управленческую науку для построения бизнеса или формирования монетизированного личного бренда, а кому-то – остаться в философии, прежде всего в преподавании философии, и строить новые образовательные системы современной России и формировать новые отношения по оказанию образовательных услуг. К счастью, предмет преподавания у этого поколения не пострадал.*

Ключевые слова: *философское поколение, Московский университет, философское сообщество.*

Реконструкция прошлого – всегда уникальный процесс, который во многом под влиянием актуализированных настоящим вопросов пересматривает события и их смысл. Как историки философии мы знаем ряд концептуальных объяснений этому процессу. Поэтому очевиден, например, умысел современного обращения к советскому периоду философствования – как правило, это политизация истории. К сожалению, современная тенденция подмены исследования той или иной темы или концепции ее исторической социологией лишь усугубляет проблему реализации объективной реконструкции. Поэтому задача видится в том, чтобы максимально приблизиться к ней, выбрав наиболее политически нейтральную тематизацию.

[1] Первая публикация была осуществлена в издании: Костикова А.А. Философский идеал образованности: поколение предан(н)ых. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 671–678.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.205211

80-е годы в мире и СССР – относительно благополучное и мирное развитие двух систем с попыткой СССР открыться миру: Олимпиада-80, «Союз – Аполлон» и другие шаги, которые, как мы видим теперь, неуправляемо переносят акцент в повседневной жизни на потребительские ценности. Следующее поколение до сих пор инфантильно вспоминает вкус появившихся на время Олимпиады зарубежных напитков, и в этом феноменологическом опыте нет гордости за фантастически красивый праздник дружбы, спорта и молодости поколения чуть старше… Философия реагирует медленно и неуклюже, если считать реакцией появившуюся только во второй половине 80-х годов тему «разумных потребностей», которой стали заниматься как раз следующие молодые исследователи – например, это стало темой дипломной работы В. Пельша. Тем не менее способ вхождения в философскую науку именно в этот момент оказался индивидуализированным – акцент делался на самостоятельном выборе темы, а, возможно, в историко-философских исследованиях – ее инициации.

Выбор факультета всегда индивидуален, но диапазон его оснований на нашем курсе был очень широким. У меня лично – драматический во многом переход от структурной лингвистики, которой я занималась несколько лет в кружке для победителей олимпиады по структурной лингвистике на филологическом факультете, кружок эсперанто был там же, – через философию языкознания Владимира Андреевича Звегинцева – к философии – и, как оказалось в 2010 году, к философии языка и коммуникации, институированной на факультете как кафедральная специализация и аффилированная с научным сопровождением образовательной программы по рекламе и связям с общественностью.

На нашем курсе 1986 года выпуска было очень много ребят, настроенных на личный успех – в науке, в общественной деятельности, в преподавании. И социально-политические изменения в стране мы переживали, уже следуя этой индивидуальной траектории, а преподавание в вузе способствует такой атомизации преподавателя: основное время – со студентами, в аудитории, нагрузка колоссальная, встречи с коллегами регулярные, но редкие – это скорее поддержание социальных связей и решение множества организационно-педагогических вопросов, чем реализация общего научно-исследовательского интереса. Даже в университете на кафедре истории зарубежной философии на первом плане были всегда вопросы содержания общих курсов, преподавания – и Юрий Константинович Мельвиль был строг к уровню текстологического анализа философских концепций в базовом, сквозном богатом курсе истории зарубежной философии. Это было замечательное время, когда можно было читать на семинарах в течение всего семестра, дважды в неделю – «Критику чистого разума» Канта…

Любая историческая реконструкция является одновременно процессом легитимации определенным образом интерпретированной реальности прошлого – поэтому задача, поставленная очередным замечательным проектом Юлии Вадимовны Синеокой, изначально предполагает учет окончательной оценки реконструированной реальности. В связи с этим хотелось бы сразу подчеркнуть мою высокую оценку уровня философского образования нашего поколения и того идеала преподавания, построенного на изучении источников, который у нас сформировался и который многие из нас успешно реализовывали все эти годы, можно даже сказать об общей идеализации самого преподавания. Из выпускников нашего курса те, кто нашел в себе силы продолжать заниматься философией – за рубежом или в России, – в основном успешно преподают – в Академии МВД (А. Золкин), в Великобритании (И. Купреева), МВТУ им. Баумана (А. Чернышева), РУДН (В. Орехов), Академии физической культуры (А. Передельский, М. Башаева), в самых разных городах России и ближнего зарубежья и, конечно, в МГУ им. М.В. Ломоносова (А. Шутов, А. Зоткин, И. Ершова, Л. Николаева, Д. Шаронов, Е. Автанделян) – дорогие друзья, извините, если кого-то не назвала. Хотя, конечно, философия подобна искусству – не всё зависит от обучения и предложенных обстоятельств, многое – от творческой энергии каждого, но, действительно, те, кто остался в об-

разовании, отдают ему много времени и сил. Неслучайно и лучшим деканом этого, 2020 года Всероссийское профессорское собрание избрало декана факультета политологии МГУ Андрея Юрьевича Шутова.

Философский факультет Московского университета с 1981 по 1986 год – прежде всего, на мой взгляд, золотой стандарт широкой образованности – высшая математика, физика, биология и история с историческими вводными и методологическими обобщениями. Философия понималась в это время как прежде всего наука, это стандартные курсы логики и математической логики. Первый курс – инициальный во всех смыслах. Это было самое устойчивое с точки зрения организации процесса обучения время – все основные курсы читались «мэтрами», молодые преподаватели вели семинары и можно было придумывать какие-то интересные авторские спецкурсы, приглашая и совершенно необыкновенных людей. Так, спецкурс о философии музыки читал А. Шнитке, а профессор В.В. Вазюлин, которого в конце 90-х годов после расформирования кафедры истории марксистко-ленинской философии перевели на кафедру этики, читал два текстологических спецкурса – по К. Марксу, о его материалистическом понимании истории, и по Л. Фейербаху. Был курс З.М. Оруджева, соавтора Ф. Кумпфа, – по диалектической логике, на который многие смотрели с подозрением. Или Зотов читал курс о теории личностного знания Полани, в это время как раз этот текст появился на русском языке. И на исторические кафедры приглашались замечательные исследователи-текстологи из Института марксизма-ленинизма и Института философии.

Любопытно, но самым официальным в теоретическом плане нам виделся тогда как раз Институт философии, где было два специальных дня коллективного философствования, что казалось недостижимой мечтой для настоящего философа, и оттуда приглашались философы для консультаций идеологических структур ЦК КПСС, и там писались монографии и статьи в официальные «Вопросы философии» и «Коммунист», которые мы потом активно дебатировали на семинарах. А в университете преподаватели писали учебники и учебные пособия, в которых совершались открытия, вводились новые понятия и была живая работа со студентами, демократическая обстановка, начиная с одежды и заканчивая возможностью для некоторых преподавателей покурить прямо во время семинарских дискуссий… здесь и обсуждались основные философские темы, и если обсуждения переносились – то в общежитие, а на кафедрах – в основном, на долгие общие проходы к метро вдоль проспекта Вернадского от Первого гуманитарного корпуса. Здесь Василий Васильевич Соколов мог так увлечься дискуссией об Августине, что даже не замечал раскатанных ледяных дорожек…

Два отделения факультета – философии и «НК» – научного коммунизма – существовали по разным учебным планам и с разными преподавателями по общим предметам – истории КПСС, политэкономии… У «научных коммунистов» практически не было естественных наук, а курс по истории философии был сокращен. Надо сказать, что и состав студентов был разным – он в целом был старше, чем состав современного студенчества. Ведь конкурс для школьников и стажников, то есть тех, кто проработал где-то, был разным, и тех, кто поступал сразу после школы, особенно на отделении научного коммунизма, всегда было немного. Правда, было и ограничение по возрасту: поступать в университет можно было до 35 лет. Во многом этот взрослый состав и определял учебный настрой и требовательность. Хотя формальная разница в годах была небольшой – 2–3 года…

Неожиданный уход из жизни в 2020 году, 20 октября, декана философского факультета, с 1998 года члена-корреспондента РАН Владимира Васильевича Миронова разворачивает предпринимаемую реконструкцию образования к конкретным людям. В те годы он был преподавателем и одновременно начальником курса, более старшего. Потом он стал заместителем декана по учебной работе. Молодые преподаватели проходили большую школу общественной жизни факультета, и это было одновременно признанием их научного и педагоги-

ческого потенциала. Так, проработал сначала секретарем комсомольской организации факультета, а позже – заместителем декана по научной работе Александр Феодосиевич Грязнов, основоположник исследования аналитической философии в МГУ. Профессура воспринималась студентами в те времена всегда серьезно и требовательно – в любом, может быть, и не самом удачном выступлении, в забавном произнесении терминов в отдельных случаях, все равно мы слушали содержание и за это ценили лекционные курсы. Так, все ходили, слушали и вооружались идеями Юрия Александровича Петрова о структуре научного знания, на которых выстроены многие методологические открытия докторов наук нового века, все терпеливо выслушивали лекции Анатолия Даниловича Косичева о «монополье», но он был дотошным читателем классиков марксизма и пытался структурировать эти идеи доходчиво и в соответствии с официальными идеологическими интерпретациями, что воспринималось с требуемым любопытством. А споры были на семинарах, вести которые он как заведующий приглашал, например, Елену Петренко или Михаила Грецкого, прекрасно знавших ревизионистов всех мастей… А вот незнание каралось студентами сурово: так, на нашем курсе был снят с ведения лекции один профессор научного коммунизма за неглубокое знание и понимание интернационализма. И все понимали, как это было важно: середина 80-х годов. Студенты-философы идеологических войн с преподавателями не вели, голосовали ногами, и на лекциях другого ведущего профессора, рассуждающего на лекциях в основном об отсутствии колбасы в магазинах, оставалось 5–6 наиболее оптимистичных слушателей.

Философия марксизма предполагалась научной, поэтому абсолютно необходимыми были основы математики, физики и биологии, которые преподавались на факультете авторами современных до сих пор многотомных вузовских учебников – Спасским, Московским, Кимом. Такими же корифеями преподавалась политическая экономия, психология и история – Андрющенко, Гальперин, историками, узкими специалистами по конкретным эпохам. А собственно философия – это логика, философия природы (диалектический материализм), философия человеческой истории, истории общества (исторический материализм) и история философии. И для меня лично, и для большинства студентов это было ядро нашего образования.

Конечно, у меня абсолютно счастливая история с кафедрой истории зарубежной философии. Историю, действительно, делают люди, и мне посчастливилось застать основных людей той кафедры истории зарубежной философии и с большинством взаимодействовать уже не только как студент, как «конкурсный», то есть свой родной, аспирант, но и как коллега, хотя тогда это слово редко употреблялось еще лет 15 назад – кафедра была коллективом, хотя преподавательский коллектив и в коллективистские времена собирался только на заседаниях и на общие собрания, партийные собрания, фактически совпадающие с общими. Кафедра истории зарубежной философии вместе с кафедрами истории философии народов СССР и истории марксистско-ленинской философии составляла историко-философское содержание профессионального образования. Но наша кафедра отличалась высокой дисциплиной, персонифицированной заведующим – Юрием Константиновичем Мельвилем. На заседаниях обсуждались курсы. Будущие учебники, впечатления от посещений лекции друг друга. За дискуссиями о философии стоял самый разнообразный жизненный опыт, например опыт совместных байдарочных походов Ю.К. Мельвиля и В.В. Соколова. На кафедру новые преподаватели брались при Ю.К. Мельвиле один раз в пять лет – и можно выстроить эту фантастическую линию отбора кадров: Г.Г. Майоров, В.Ф. Коровин, А.Ф. Грязнов, А.В. Доброхотов, М.А. Гарнцев, А.В. Густырь. Замечательный А.В. Густырь, который вел у нас семинары и курировал от кафедры нашу группу, потом ушел из философии в образовательный менеджмент. А 90-е годы начали серию утрат: А.М. Каримский, Ю.К. Мельвиль, А.Ф. Грязнов, А.В. Игнатович, А.Н. Чанышев, В.Н. Кузнецов, В.В. Соколов. Каждый успел сделать очень

много, и так хотелось бы, чтобы их историко-философский труд не остался только в нашей памяти, чтобы их учебники-монографии брали сегодняшние студенты в библиотеках…

Философию Древнего мира в начале 80-х читал Алексей Сергеевич Богомолов, увлекшийся античной философией после блестящих исследований философских концепций XIX–XX веков. Вышел его «Диалектический Логос» в 1982 году, а наши курсы – по античности, которые он взялся с энтузиазмом читать. Его перипатетическая манера чтения, использование карточек с цитатами – все это сработало как профессиональный импринтинг. И это первая утрата на памяти нашего поколения, лично мое неосуществленное в первой курсовой научное руководство. Во время лекции по античной философии у следующего курса он заменял Евгения Казимировича Войшвилло в неурочное для него время, А.С. Богомолову надо было делать укол инсулина, ему нехорошо… После стоической борьбы за жизнь, когда он уже планировал, как на костылях, но вернется в учебную аудиторию, в феврале 1983 года отказало сердце. По какой-то трагической связи времен, буквально накануне сдачи этого текста, 20 ноября 2020 года, ушел из жизни из-за ковида его сын, замечательный литературовед Николай Алексеевич Богомолов. Сегодня в условиях пандемии трудно, а иногда и невозможно проститься с преподавателями. В те годы это был ритуал прощания всех студентов и всех коллег в фойе конференц-зала первого гуманитарного корпуса на втором этаже. И это тоже было частью обучения философии, недаром, как считается, нельзя рассуждать об абстрактном, не столкнувшись с предельным – со смертью. За плечами старшего поколения была, как правило, война. О ней не вспоминали дежурно, о ней помнили всегда, и это было не артикулированное, но выстраданное право на выбранную философию.

Все преподаватели отдавались работе. Например, В.В. Миронов был относительно молодым преподавателем, но главное – молодым был поиск необычных форм работы с первоисточниками – эссе на занятиях на проблемную тему, для докладов – обращение к первоисточникам на иностранных языках. Но это во многом подход того поколения – взять проблему и решить, четко обозначив метод. Мы тренировались на проблемах, но делали, как мне кажется, акцент в своем восприятии на источниках. Например, важным местом был ИНИОН, туда можно было взять специальное письмо-рекомендацию от факультета и работать с обзорами иностранных источников, а то и подключиться к их составлению, а это означало доступ к первоисточникам на иностранных языках. Другим таким местом была Библиотека иностранных языков, где до эпохи открытия центров иностранного влияния и их библиотечных фондов активно закупалась литература на иностранных языках гуманитарных специальностей. Поэтому для нашего поколения удивительна не начитанность современных студентов, когда вся литература доступна, в том числе и в переводе на русский язык.

Важность чтения большого числа сложных для восприятия книг – вот что делало студентов-философов нашего поколения университетской элитой. Философы считались элитой наряду с математиками – по расчету интеллектуальной нагрузки мы были самым загруженными в университете и стипендию платили нам аж на 15 рублей больше, чем всем остальным в МГУ. Но у нас было отличие и от математиков, опять-таки книжное. Действительно, у нас был допуск к Библии и Фрейду, которого не было у студентов других факультетов. Мы читали Фрейда с моей подружкой из медицинского института в читальном зале первого гуманитарного корпуса, она приезжала туда специально. Библиотека в принципе была местом, где мы жили и до первой пары, чтобы успеть что-то дочитать, и после лекций – с трех и до половины десятого вечера. Там были все курсы. Оттуда можно было уйти поесть в столовую под номером «восемь», а потом вернуться, а потом сходить, если договорился, посидеть поучить латынь с историками, или поучиться разным специальностям на ФПО – тележурналистика, лектор или другие, или сбегать на кружки или секции…. или позаседать в самоуправляющихся структурах курсового или факультетского уровня. Комсомольский комитет решал, как

и что будет проводиться на факультете, кто будет за это отвечать. Но главная забота была учеба – чтобы все старались и чтобы у всех получалось.

Это «получалось» проверялось не только оценками, но и ранней педагогической деятельностью – популярной, но не менее ответственной. Это лекции на самые разные темы перед самой разной аудиторией – в перерывах перед рабочими на заводах, перед продавцами в магазинах, перед воспитателями в детских садиках…

Эта разновекторная социальная включенность в самом образовании фактически невольно подготавливала принятие социологии философии: факт личного знакомства с зарубежным мыслителем фокусировал внимание на его концепции. И старшее, и следующее, не воевавшее, поколения наших учителей получили возможность в конце 60-х годов съездить на стажировки в зарубежные университеты. И не в студенческие-аспирантские годы, а в качестве молодых преподавателей-исследователей. Так, во Франции постажировались и В.Н. Кузнецов, и И.А. Гобозов, в США были, и их лично помнили в начале XXI века, и Ю.К. Мельвиль, и А.Ф. Грязнов, и А.В. Панин, и другие… поэтому их лекции в 80-х были насыщены личными впечатлениями от встреч с Поппером, Ароном, Дьюи, Сартром… в начале 80-х границы оказались закрыты, и за границу некоторые из нас смогли съездить в рамках студенческой ознакомительной летней практики – в ЧССР, ГДР и Венгрию – в большей степени культурной, чем образовательной, ведь летом лекций не было, но мы осматривали университеты и знакомились с деканами философских факультетов. Интернационализация образования, задача, которая ставится сегодня перед российскими вузами, как ни парадоксально, существовала внутри самого философского образования в университете.

Философия в силу этого идеала во многом воспринимается нашим поколением отстраненно – как универсальный объективно развивающийся предмет. Это развитие и надо попытаться реконструировать и проанализировать – так понималась и педагогическая, и исследовательская задача, решению которой мы учились. Мне кажется, что это ближе всего историко-философскому жанру. И философии языка, которая позволила легитимизировать целый ряд новых фигур и тем историко-философской реконструкции: Ж. Деррида, С. Жижек, Р. Барт, Ж. Лакан, философия кино, языки искусства, хайдеггеровские идеи в иранской философии, проблема индивидуального языка, языки формирования идентичностей и многие другие – темы аспирантских исследований, которые становятся все смелее и разнообразнее. Для дидактических целей, на мой взгляд, это идеальная перспектива: это дает возможность погрузиться в разные философские концепции, обсудить их все, попытаться сравнить на определенном основании. Предполагалась легитимация этих задач универсальностью самой философии. Мне хочется верить, что именно на этом выросли замечательные молодые философы, которые именно так видят свои научные интересы и в этом духе преподают философию – во многом объединяясь и реализуя фантастические совместные проекты, к которым хочется чувствовать себя причастным.

Мне кажется, что именно наше поколение, мои любимые, пусть и не самые дружные, однокашники более всего привязаны к самому образованию, к тому замечательному философскому образованию, которое мы получили в 80-е, к ценности такого широкого университетского образования, к умной левой политической ангажированности, которую оно предполагало, к государственному патернализму, которое оно само реализовывало, к интеллектуализму чтения книг вообще и тех книг, которые должны читать мудрые…

Поэтому, что бы ни говорили современные психологи о поколенческих различиях, студенты сегодняшнего дня, притом что, конечно, они другие – ожидающие учебы, стремящиеся к знаниям, новым навыкам, – самые близкие нам люди по душевному настрою, по жизненным устремлениям, по крайней мере в этот момент своей жизни.

Поэтому так многие из нас остались или вернулись в образование, многие служат ему, так и не сделав карьеры, растворившись в преодолении и переживании его многочисленных и многострадальных реформ за эти 30 лет, так и не поняв, что вряд ли только силами педагога сегодня, без помощи той системы образования, в которой учились мы, возможно вырастить такое же преданное философской идее образования и образованности поколение, как мы.

In memoriam.
К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева

ЛИЧНОСТЬ И ВКЛАД В НАУКУ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА (размышления, навеянные чтением его интервью журналу «Личность. Культура. Общество»)

В.М. Розин
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье предпринята попытка осмыслить личность Александра Зиновьева и его вклад в философию. При этом автор опирался на собственное знакомство с Зиновьевым, наблюдения за его жизнью и поступками, а также на интервью, которое он дал в 2003 году гл. редактору журнала «Личность. Культура. Общество» Ю.М. Резнику. Рассматриваются обстоятельства (война, семья, атмосфера в стране, уникальные способности), которые сформировали личность Зиновьева; ее с некоторой степенью условности можно назвать эзотерической и явно талантливой. Анализируется вклад Зиновьева в философию, самосознание социологом, открывшим глубинные законы социального бытия, использование которых, считает он, позволит осуществить дальнейшее социальное развитие и, возможно, настоящую революцию. Автор признает значение Зиновьева и призывает читателей продумать его жизнь*[1].

Ключевые слова: *Александр Александрович Зиновьев, личность, война, общество, государство, поступок, самосознание, время.*

С личностью Зиновьева в сознании представителей российского научного сообщества, безусловно, связаны загадки. Блестящий и мало понятный логик, неожиданно пишет едкую сатиру «Зияющие высоты» на советское общество, его высылают на Запад как диссидента, хотя он таковым не является, за границей Зиновьев, вдруг, начинает хвалить коммунизм, одновременно критически оценивая западное общество, потом в самом конце 90-х он возвращается в Россию, заявляя себя чуть ли ни как нового мессию. «Не поймите это как хвастовство, – говорит Зиновьев в интервью главному редактору журнала Ю.М. Резнику, – я считаю, что в эволюционном процессе не все люди растут и развиваются, появляются точ-

[1] Впервые эта статья была опубликована в 2003 году [Розин 2003] и потом несколько раз перепечатывалась в разных изданиях. На мой взгляд, понимание этой статьи как критики Зиновьева не совсем правильное. Я стремился объективно изложить взгляды позднего Зиновьева, исходя из его собственных высказываний в интервью, а также чтения его книг и некоторого знания его судьбы. Безусловно, это был талантливый, блестящий логик и публицист, тем более важно уяснить его мироощущение в поздние годы.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.212220

ки роста. И через эти точки роста "прорастает" и народ, и вся страна. Я про себя могу сказать, что я – точка роста России. Не будет официального признания Зиновьева в России – не будет России! Другую точку роста такого рода я не вижу. Это дело случая. Срежут меня, другой подобный индивид в России вряд ли появится» [Мой путь… 2001: 326].

И это при том, что Зиновьев вроде бы всегда выступал против официальной науки и официальной власти. Горбачева он прямо называет предателем («Как могла прийти в голову мысль, что Генеральный секретарь ЦК КПСС станет предателем № 1? Это было немыслимо. И на Западе никто в это не верил вплоть до прихода Горбачева к власти. Никто на Западе не рассчитывал на такой крах коммунизма» [Мой путь… 2001: 323]). Ельцин – простой продолжатель дела Горбачева. И «путинизм» быстро разочаровал Зиновьева. Путин, говорит Зиновьев, «может истребить и прогнать всех ельцинских людей, но "ельцинизм" он "прогнать" не сможет. Его историческая миссия состоит в том, чтобы легитимизировать результаты антикоммунистического переворота в гобачевские и ельцинские годы… пройдет время, и о Путине не будут говорить, что это Ельцин сегодня» [Мой путь… 2001: 329]. Так, кто же тогда официально признает Зиновьева?

Миф Зиновьева связан и с именами наших известных философов и методологов – Г.П. Щедровицкого, М.К. Мамардашвили, А.И. Грушина. Считается, что Зиновьев был общим их учителем. Вот, например, что спрашивает у Зиновьева Юрий Михайлович Резник. «*Впервые неофициальную информацию о Вас я услышал не на философском факультете, где учился спустя 30 лет после окончания Вами факультета, а от Георгия Петровича Щедровицкого, участвуя в его методологических семинарах. Он постоянно на Вас ссылался. Георгия Петровича Вы, наверное, знали хорошо. Он в те годы считал Вас признанным лидером, главным создателем Московского логического кружка* (принятая аббревиатура – ММК. – В.Р.)*, считал, что Вы были его душой, внесли очень важные идеи и, самое главное, перевернули представление о методологии науки. Именно от Вас он ведет историю своей профессиональной деятельности»* [Мой путь… 2001: 291].

В ответ Зиновьев говорит: «И Грушин, и Мамардашвили, и Щедровицкий были в некотором роде моими учениками. Они все «вышли» из моей кандидатской диссертации» [Мой путь… 2001: 292].

Действительно, и я слышал от Щедровицкого о том, что именно Зиновьев стоит у истоков движения «диалектических станковистов» (так оно тогда шутливо называлось). Правда, создателем ММК он считал самого себя, а не Зиновьева. Да и значение идей Зиновьева Щедровицкий относил только к становлению, в дальнейшем же, наоборот, подчеркивал, что Зиновьев изменил собственным принципам и подходу, переключившись на математическую логику. А по поводу учительства Щедровицкий говорил достаточно неопределенно. С одной стороны, вроде бы он считал себя последователем Зиновьева, но с другой – подчеркивал, что их дороги разошлись. О том же в интервью говорит и Зиновьев.

«Дело в том, что потом, конечно, наши пути разошлись… С таким человеком, как Ильенков, хотя мы с ним дружили, мы были глубинные враги. А что касается Грушина, Мамардашвили и Щедровицкого, то все они не могли продолжать дальнейшую работу со мной, поскольку у них не было для этого способностей и желания» [Мой путь… 2001: 292].

Вспоминаю, что и мне, студенту второго курса (как потом выяснилось для проверки стойкости и способностей) Щедровицкий уже в первый год знакомства дал читать кандидатскую диссертацию Зиновьева. И в самом деле, диссертация очень содержательная и значимая, в частности, с точки зрения задачи и принципов исследования мышления. Тем не менее, как я отмечал в своих работах, представители ММК не взяли проанализированную Зиновьевым сложную стратегию марксового «восхождения от абстрактного к конкретному», а сформировали собственный метод анализа мышления, опирающийся на образцы естественных

наук и псевдогенетическую реконструкцию развивающегося мышления. Кстати, и сам Зиновьев в дальнейшем реализовал не проанализированную им марксову стратегию, а подход, основанный на идеях логики, понимаемой как нормы языка, и научного метода почти по бэконовскому образцу.

В интервью Зиновьев называет себя ученым, логиком и, на чем он особенно настаивает, социологом. «Я изначально был социологом, даже еще не имея достаточного образования, выступая просто как заинтересованный человек, "интуитивный социолог". И остался социологом до сих пор. А остальное (скажем логика и методология) появилось потом как средство решения поставленных задач» [Мой путь… 2001: 309]. «Посмотрите, я логик и социолог, причем логик – дай Бог всякому» [Мой путь… 2001: 320]. Если социологию, говорит Зиновьев, «построить по-настоящему научно, то есть с учетом требований логики и методологии науки в моем понимании, то общая социология станет точной наукой. И социологическое прогнозирование станет таким же точным, как посылка космических кораблей» [Мой путь… 2001: 318]. Однако, научное сообщество почему-то считает Зиновьева только логиком, не воспринимая серьезно его социологические штудии и открытые им социологические законы.

Наконец, действительно, вызывают удивление неоднократные заявления Зиновьева о том, что марксизм является наиболее развитой в современной цивилизации формой социальной жизни, значительно более совершенной, чем капитализм. И одновременно он почему-то погиб в результате предательства и козней капиталистов типа М. Тэтчер. «Коммунистический строй в России не изжил себя, он был молодой, только начал взрослеть, и его убили. Искусственно разрушили. Я как социолог утверждаю, что по уровню социальной организации он выше всего того, что есть на Западе… Тэтчер была самым умным политическим деятелем на Западе в тот период. Она возглавила весь этот процесс разгрома Советского Союза силами самих советских людей» [Мой путь… 2001: 312, 322, 323]. «Я, как ученый, по прошествии многих лет пришел к такому выводу, что с разгромом русского коммунизма Россия навечно утратила перспективу стать великой, ведущей державой. Я думаю, что советский период был вершиной русской истории, и на такую высоту Россия больше не поднимется» [Мой путь… 2001: 312].

Загадка, однако, в том, что в интервью Зиновьев рассказывает о себе как об антикоммунисте («я открыто, – говорит он, – отвергал марксизм» [Мой путь… 2001: 291]) и сравнивает жизнь в Советском Союзе с тюрьмой. «Оказавшись на Лубянке, – рассказывает Зиновьев, – я впервые спал на отдельной кровати и ел досыта. Как же мы жили на гражданке, если… тюрьма показалась раем!» [Мой путь… 2001: 285]. Что же в этом случае означают слова Зиновьева: «Сначала объектом моего исследования был молодой цветущий коммунизм. Потом он был разгромлен, и появилось то, что мы имеем сейчас. Я не принял то, что появилось… Как теоретик, я исходил из того, что советский коммунизм, молодой и жизнеспособный, что он пришел навечно» [Мой путь… 2001: 309, 322].

Проще всего было бы все эти противоречия и загадки списать за счет старости: ведь Зиновьеву пошел девятый десяток («Я никогда не рассчитывал, – пишет он с удивлением, – что доживу до такого возраста» [Мой путь… 2001: 179]). Но Зиновьев совсем не похож на человека, которому отказал разум, напротив, для своего возраста он абсолютно сохранен. Объяснение, вероятно, нужно искать в личности и времени (в окружении и обстоятельствах). Здесь можно указать такую последовательность: выдающиеся способности юного Зиновьева (он был, что называется сегодня, вундеркинд – за минуту мог запомнить страницу текста, молниеносно перемножал в уме даже шестизначные числа), тяжелый труд и быт советского времени, которые с лихвой хлебнул будущий социолог, увлечение книгами романтической и утопической направленности (Лермонтов, М. Горький, Кнут Гамсун, Гюго, Сенкевич, Томас Мор, Кампанелла, Эжен Сю, Этьен Кабе и другие [Мой путь… 2001: 283]), среда, «где, по

словам Зиновьева, было очень критическое отношение к Сталину: анекдоты, рассказы, насмешки» [Мой путь… 2001: 283], война, которая окончательно сформировала личность Зиновьева и, по его собственному свидетельству, «была лучшим временем жизни» [Мой путь… 2001: 288], наконец, становление Зиновьева как мыслителя, ученого и, отчасти, эзотерика.

В целом Зиновьев формировался как маргинальная личность с анархическими наклонностями. Социальные маргиналы или, как их называет К. Касьянова, аутсайдеры – это люди не просто «выпавшие из устойчивых социальных структур», но вынужденные поэтому опираться на собственную личность, жить, как писал Глеб Успенский, «своим умом» и при этом «своего по части убеждений и нравственности у них ничего нет. Это – совершенно пустой сосуд, который может быть наполнен чем угодно». Опора социальных маргиналов на собственную личность, жизнь «своим умом», с одной стороны, ставило их (в плане собственного мироощущения) вровень с социумом, делало соизмеримыми с культурой (маргинал самого себя манифестировал как культуру), с другой – влекло в стан критиков и революционеров. Действительно, кто, как не маргиналы, остро чувствуют социальную несправедливость, и кто, как не они, склонны к решительным действиям, направленным на изменение социальной системы? Именно из маргиналов в XIX, начале XX вв. выходят как разночинцы и интеллигенция, так и революционеры разных мастей. Заметим, что образование в 20–30 годах прошлого века маргиналов как массового явления и революционные идеалы было не в последнюю очередь обусловлено ниспровержением после революции всех устоев прежней жизни, бегством крестьян в города, строительством непонятной социалистической жизни, когда нельзя было опереться на близких и традиции.

Если по части убеждений молодой Зиновьев как раз не был обделен (он свои взгляды не только сознательно строил, но и старался реализовать в жизнь), то по части нравственности формула Глеба Успенского, пожалуй, к Зиновьеву вполне подходит. И соизмеримость свою культуре Зиновьев сформулировал очень рано. В 1939 году, когда он сидел на Лубянке и был готов ко всему, Зиновьев сформулировал свою жизненную установку: «я есть суверенное государство из одного человека, я буду вырабатывать свою собственную идеологию, свои собственные моральные, эстетические принципы… За все эти годы я ни на шаг не отступил в сторону от этой своей установки» [Мой путь… 2001: 279].

Интервью Зиновьева показывает, что утвердиться в такой, почти эзотерической, жизненной установке ему помогли, с одной стороны, именно маргинальность, с другой – самовоспитание и война. Уже первое испытание (арест и следствие на Лубянке) Зиновьев преодолел нетрадиционно: он не стал играть по правилам системы, которую Зиновьев интуитивно хорошо понимал. Его объяснения для следователя были алогичны и непонятны, его действия (он просто сбежал и больше уже не появлялся в местах, где его знали) не укладывались в стандартное поведение людей того времени. И в дальнейшем Зиновьев всегда действовал как маргинал, не «по правилам»: пошел в армию без призыва, сбежал из кавалерийского полка, переходил из одной части в другую, подкупал писарей и прочее. Как ни странно, это его не раз спасало. В связи с этим вспоминаю две истории. Одну я слышал от Щедровицкого, другую от Налимова.

Тесть Щедровицкого от второго брака в 1936 г. был комендантом Кремля. Всех его сотрудников уже забрали, и он каждый день со страхом ждал собственного ареста. Однажды, прийдя на работу, он увидел, что за его огромным столом сидят несколько человек. Приближаясь к своему месту, он понял, что это пришли за ним, но сначала его должны осудить публично (таков в этот небольшой период был порядок). Не дойдя двух шагов до своего стола, комендант Кремля, вдруг, неожиданно для самого себя скинул шапку, бросил ее оземь, и со словами «Ах, черт побери», повернулся и ушел домой (и больше на работу не выходил). Его поведение настолько выпадало из системы, что к удивлению самого коменданта Кремля его

не тронули. Так он и просидел дома, никуда не выходя, до самой войны, а в 1941 о нем вспомнили, призвали и поставили командовать полком.

История с Налимовым не менее любопытна и характерна. В конце войны он сидел в лагерях, умирая от голода и болезней. Налимов понял, что, если не сделает что-то экстраординарное, то его дни сочтены. Игнорируя всякую логику и опыт лагерной жизни, он подает заявление, обвиняя руководство лагеря в нарушении правил и законов. Вы думаете, его тут же расстреляли? Нет, расстреляли начальника лагеря. Почему? Вообще-то случайно. Дело в том, что в этот год лагеря не выполнили план работ. Берия посылает комиссию, чтобы выяснить причины. Комиссия едет по лагерям, легко находит причину, она лежит на поверхности – план не выполнили, поскольку от болезней и голода погибли тысячи и тысячи заключенных. В острастку принимаются меры. В частности, в лагере, где умирал Налимов находят его жалобу на коменданта. Последнего для урока расстреливают, а Налимова переводят в больничку. Это и спасло его жизнь.

Не меньшее значение в формировании личности Зиновьева сыграли война и самовоспитание. Именно война способствовала таким его качествам, как склонность к риску, стремление жить масштабными событиями, презрение к интеллигентским переживаниям, своеобразный офицерский аристократизм. «Самое трудное во время войны, – рассказывает Зиновьев, – для меня было скрываться. Я все время бегал от органов… Страха не было. Видите ли, я еще в детстве начал заниматься самовоспитанием и научился преодолевать страх. После этого у меня в жизни не было поступков, которые я совершал под влиянием страха. В начале войны мне приходилось участвовать в таких операциях, когда нужно было буквально штыком закалывать диверсантов. И никакого страха я не испытывал. И при боевых вылетах скорее переживал состояние подъема. Что же касается «органов», то тут было, скорее, ощущение приключения, игры что ли. В гражданской, невоенной жизни я никогда не боялся высказывать немарксистские суждения, пошел на публикации книги, за которую ожидал ареста… За годы войны я окреп физически… И духовно от всего освободился. Авиация – это нечто подобное гусарскому полку в старой русской армии. К тому же война давала колоссальный материал для наблюдения. Во время войны я очень много занимался литературным трудом» [Мой путь… 2001: 288].

Правда, все эти необычные качества личности Зиновьева, которыми можно и восхищаться, уживались с другими, вполне российскими, например, пьянством и завистью к коллегам. Послевоенные годы, вспоминает Зиновьев, «были годами жуткого пьянства. Как я потом писал, русское пьянство – это не медицинское явление, а своего рода религия. Пьянство давало общение. Легче было, когда выпьешь, переносить бытовые трудности, жизнь виделась в другом свете, казалась не такой серой. Но пьянство не мешало» [Мой путь… 2001: 289]. Много раз Зиновьев бросал пить, но это не получалось. Потом вышло, и он не пил 15 лет. Сорвался после того, как в Сухуми на него обиделись социологи, которых Зиновьев на конференции в течении целых пяти минут сравнивал с обезьянами из сухумского питомника. Помню, как придя в номер к Щедровицкому, с которым Зиновьев после многих лет ссоры помирился, Александр Александрович с недоумением сказал: «Юра (так звали Щедровицкого близкие друзья. – В.Р.), почему они на меня обиделись, что я им такого сказал, что они сами о себе не знают?» После этого он напился и улетел в Москву.

Сложнее понять владеющее нашим героем чувство зависти, перетекающее в манифестацию своей исключительной значимости. Кажется, чего: доктор наук, профессор, автор многих научных и научно-публицистических книг, известный логик и ученый, причем пострадавший от советской власти. Все есть, полная чаша. Так нет, Зиновьева буквально снедает и разрушает зависть – к бывшим ученикам, коллегам по профессии, диссидентам. Например, Ю. Резник спрашивает его об отношении к Сахарову и Солженицину. Вот что отвечает

Зиновьев. «Первое, что сделал Сахаров, – дал Западу такое поганое интервью, как ни одни советские секретные письма меня не поливали… я не церемонился, когда приходилось высказываться о диссидентах и об их концепциях… Я считал Солженицина посредственным писателем, что он раздут как орудие "холодной" войны. Я считал и считаю Сахарова с социологической точки зрения полным ничтожеством» [Мой путь… 2001: 298].

А вот высказывания о бывших учениках и коллегах. «И то, что я сделал, позволило мне в этой науке занять такое положение, на какое мои ученики никак не тянули. Они все были скорее имитаторами науки, чем учеными в строгом смысле слова… Тысячи, десятки тысяч посредственностей работают в методологии и в социологии, а фундаментальные идеи не понимают… Я в логике приобрел уже мировую известность, а это вызвало злобную реакцию в моей среде… В логической среде, как и во всей отечественной философии и науки, сложилась своего рода мафия, в которую я не "вписывался"… социологи меня не любят. Они чувствуют, что моя ориентация несет угрозу их статусу и благополучию… Я работал и в сфере аппарата логики… Я опередил всех их более чем на 30 лет… Сейчас "переоткрываются" многие мои работы без ссылок на них» [Мой путь… 2001: 292, 305, 313].

И все это на фоне самооценки, которой может позавидовать Хлестаков. «Я считал себя суверенным государством из одного человека и ни к кому не примыкал. Я ощущал себя миссионером: меня спрашивают, я отвечаю, меня просят рассказать что-то, я говорю… Я пробился исключительно за счет своего творчества. Меня не поддерживали правительства и секретные службы. Были люди, которые "Зияющие высоты" перечитывали по 20 раз и больше. Люди, которые мне говорили, что после моих книг они ничего другого читать не могут… Все то, что происходило в России в последние 15 лет, было предсказуемо с помощью моей теории, и я это делал… Не будет официального признания Зиновьева в России – не будет России» [Мой путь… 2001: 311, 318, 326].

Теперь о выборе научного пути. Два основных подхода, вероятно, оказали основное влияние на выработку Зиновьевым научного мировоззрения: марксизм и творчески переосмысленный логический позитивизм. Марксизм давал установку на изучение общества с целью его изменения, ориентировал на методологию, основанную на научных законах мышления. Правда, эти научные методы, считал Зиновьев, получаются не в ходе исследования мышления (так он думал только в начале своей научной карьеры, когда писал кандидатскую диссертацию и общался с Щедровицким, Мамардашвили, Грушиным), а конструируются на основе норм научного языка. Здесь работал второй подход. С точки зрения Зиновьева, структуру мышления задают нормы языка, примерно также как структуру естественнонаучной мысли – математика. Вообще, будучи сильным математиком (во время экспериментов он щелкал как семечки математические задачи даже в барокамере, подвешенный вверх ногами [Мой путь… 2001: 289]), Зиновьев одновременно не был свободен от математической предвзятости. Логика в его понимании – это и есть своеобразная математика для социологии как точной науки.

«Для меня, – пишет Зиновьев, – научно то, что удовлетворяет критериям логики… В моем понимании *задача логики – обработка языка*. Нужен следующий этап. В рамках моей комплексной логики, на этой основе я разрабатываю онтологический понятийный аппарат, то есть *серию понятий, относящихся к пространству, времени, движению, развитию, эволюции* и так далее. Логика используется для этого, но тут создается новый дополнительный аппарат. Раннее разработанный аппарат используется для *обработки методов получения знаний*. Весь этот аппарат используется в социологии. Но не непосредственно. Требуется еще один *посредник*, а именно – нужно построить особую дисциплину на грани логики и социологии (*логическую социологию*), в которой надо разработать конкретную методологию со-

циальных исследований. И с этими методами приступать к решению конкретных социологических задач» [Мой путь… 2001: 292, 317] (курсив наш. – В.Р.).

Таким образом, методология Зиновьева напоминает двухэтажное строение: «верхний этаж» – построение норм научного языка, «нижний» – методов получения социологических знаний, между ними, «посредник» – логическая социология. Здесь легко разглядеть, с одной стороны, кантианскую программу (описание априорных категорий времени, пространства и других; трактовка логики как «чистой аналитики» и своеобразной «философской математики»), с другой – марксистски переосмысленную программу Бэкона-Декарта (то есть убеждение, что на основе правильных методов можно перестроить существующее общество), с третьей стороны, вероятно, чисто зиновьевскую идею о том, что правильные методы – это спроецированные на конкретный материал, примененные к конкретным случаям нормы, установленные в логике.

Продумывая эту методологию, можно отметить следующее. Вряд ли анализ понятий можно свести к обработке языка. Еще менее очевидно, что построение новых понятий и знаний, например, социологических, есть реализация на конкретном материале сложившихся понятийных построений. Социальная реальность конституируется не только за счет нового языка и схем (это только одно из необходимых условий), но и как реальный опыт социальной жизни, с соответствующими социальными изобретениями, негативными и позитивными последствиями, их осознанием, консолидацией и борьбой социальных акторов, формированием различных подсистем культуры (социальных институтов, власти, хозяйства и экономики, общества, сообществ, личности, см. подробнее мою книгу «Теория культуры»).

К сказанному можно добавить, что методология и социологическая концепция Зиновьева, действительно, не были серьезно восприняты научным сообществом. К тому же сам Зиновьев подрывает доверие к своим теориям, утверждая, что и не нужно никакой особой методологии, а главное это прямо прорваться к социологическим законам. «Тайна, – пишет с пафосом Зиновьев, – в нашей способности открывать социальные законы, наблюдая очевидные, очень простые вещи. Ум требуется для того, чтобы обнаружить роль этих простых вещей и привести это в систему… Все основные идеи, касающиеся современного состояния мира, и Запада, и России и касающиеся будущего, можно построить ясным, простым языком… Информация, факты буквально под ногами, только умей увидеть это, умей увидеть, что на самом деле миром управляют не какие-то социологические титаны, а ничтожества [Мой путь… 2001: 313, 314, 315]. Наконец, как-то слабо веришь Зиновьеву, осмысляя установленные им самим социологические законы, например: «если у социального индивида есть потребность совершить какое-то действие, связанное с нарушением норм права и морали, и если он убежден в том, что он останется неразоблаченным, он это действие совершает» или «с разгромом русского коммунизма Россия навечно утратила перспективу стать великой, ведущей державой» [Мой путь… 2001: 312, 315]. Первый «закон» – простое наблюдение, которое подведено под индуктивное обобщение, второй – ни на чем не основанное убеждение самого Зиновьева.

Некоторый свет на понимание научной и не только научной позиции Зиновьева проливают его высказывания о том, что он никогда не следовал традиции, а подобно Декарту черпал только из себя. Я отвергаю, говорит Зиновьев, все, «что сочинили другие», я демонстративно подчеркивал то, «что иду своим путем» Мой путь… 2001: 321]. Но, во-первых, Декарт на самом деле прекрасно знал философскую традицию, во-вторых, его заявления соответствовали исторической задаче – блокировать традиционные неэффективные формы мышления. На мой взгляд, у Зиновьева другая проблема – реализовать себя как мессию, как носителя истины, показать, что другие – заблуждаются. Подобное, отчасти эзотерическое мироощущение, вероятно, сложилось у Зиновьева не сразу, а под влиянием обстоятельств.

Еще в довоенное время, но главным образом в период войны Зиновьев сформировался как *борец и личность сомасштабная власти, государству, правителям*. «Если уж восставать, – вспоминает он о своем публичном довоенном выступлении против культа Сталина (за это его и арестовали), – то не против каких-то там мелких чиновников, а восставать против самого большого, против бога. Я рано стал атеистом и высшим существом представлял себе именно Сталина… Я до смерти Сталина был антисталинистом. Почти в открытую вел антисталинскую пропаганду» Мой путь… 2001: 284, 290]. Тем не менее, Зиновьев вел борьбу и с простыми чиновниками, коллегами по работе, даже своими учениками, скорее уже из принципа и сложившегося характера. Более того, когда исчезала возможность бороться с теми, с кем Зиновьев недавно боролся, он начинал бороться с их противниками.

В интервью Зиновьев рассказывает, что его приняли на работу в Институт философии и в партию «как антисталиниста с целью борьбы против сталинизма, можете себе представить?» Мой путь… 2001: 291]. Но Щедровицкий рассказал мне другую историю. «Умер Сталин, началась десталинизация. На одном из собраний в Институте философии, где случайно присутствовал Зиновьев, докладчик рьяно разоблачал культ личности "гениального отца всех народов". Неожиданно, Зиновьев громко бросил через зал: "Шавка хватает мертвого льва!" Услышав это, директор Института, последовательный сталинист, бросился в отдел кадров и спросил: "Какие ставки свободны?". Ему ответили: "Ставка машинистки". "Зачислить на эту ставку Зиновьева" – приказал директор. И первые полгода, пока не освободилась должность младшего научного сотрудника, Зиновьев числился машинисткой».

И так всегда, когда исчезала возможность бороться с одними, Зиновьев начинал бороться с их противниками. Исчезла возможность бороться с Советами, Зиновьев начал борьбу с Западом. Я, говорит он, «уже не хотел "бить лежачего". Запад все более обнаруживал себя как смертельный враг моей страны, моего народа… Россия моя страна, и она неповторима, другой такой страны на свете нет. Вы знаете, даже свобода слова есть» Мой путь… 2001: 302, 303]. Получается, настоящий патриот и даже более того – единственный спаситель России; вспомним: «Не будет официального признания Зиновьева в России – не будет России!» .

Но может быть, все не совсем так? Может быть, на Западе Зиновьев переживал депрессию («Я долгое время, – вспоминает Зиновьев, – находился в состоянии очень глубокой депрессии» [Мой путь… 2001: 301]), поскольку больше не мог себя реализовать как личность, как борец. Да, его слушали, приглашали читать лекции, но разве это сравнишь с жизнью на грани, с ощущением своей избранности и гениальности? Остроту жизни, конечно, вносили козни КГБ (или то, что казалось таковыми). «На меня на Западе, – рассказывает Зиновьев, – было два покушения, две попытки похищения… Очень своеобразные были покушения. Это было отравление бактериологическим оружием… это было советское бактериологическое оружие, запрещенное, снятое с вооружения» [Мой путь… 2001: 299].

Но все же согласимся, жизнь на Западе не могла наполнить жизнь такой личности. Правда, Александр Александрович все время сигнализировал советским властям: я не враг, если вы последуете моим рекомендациям, то сможете преодолеть все кризисы. «Я, – рассказывает Зиновьев, – не подсказывал, а просто давал характеристику системы, и даже рассчитывал, что там присутствовали советские агенты. И я потом их встречал уже в Москве, я знал этих людей. Ко мне один из них потом подошел и сказал: "Какие же мы были идиоты, что Вас не послушали". Я специально некоторые вещи в своих лекциях открыто проговаривал, рассчитывая на то, что это будет принято во внимание в России. Я все-таки оставался русским человеком, даже советским. Никакого внимания» [Мой путь… 2001: 299–300].

Другое дело, колоссальные возможности, открывшиеся с началом перестройки. Вот где Зиновьев, наконец, увидел возможность реализовать себя в полной мере. Можно спасти Россию и весь мир, воплотить в жизнь свои идеи и методологию. Для этого, правда, нужно вер-

нуться в Россию (это удалось относительно быстро), нужно официальное признание властей (с этим уже шло туго), нужен собственный учебно-научный центр, где будет создана школа Александра Зиновьева, нужна команда, в которой Зиновьеву было бы «адекватное его силам место», наконец, нужно общественное движение («духовное братство»), с которым бы рано или поздно стало считаться правительство [Мой путь… 2001: 332]. Чем же будет руководствоваться это братство и молодежь, пошедшая за Зиновьевым? С одной стороны, новой идеологией, заставляющей идти на жертвы и борьбу, с другой – зиновьевскими методами социальной борьбы, типа «как иголкой убить слона».

«Сейчас Россия, – завершал свое интервью Зиновьев, – имеет возможность развить такой интеллектуальный, духовный и моральный потенциал у себя, имя которые, *она не даст раздавить себя никаким внешним силам*. Это связано с образованием, выработкой моральных критериев, выработкой у достаточно большой части людей *готовности пойти на любые жертвы, историческим терпением*. Другого шанса я не вижу. Я много занимался проблемой войны нового типа, современной мировой войны, разработкой таких методов, которые можно обозначить выражением "как иголкой убить слона", то есть как успешно бороться с противником, который превосходит тебя в десятки раз… Нужны обучение молодежи, пропаганда, воспитание. Достаточно большой группы, *которая повлияла бы на менталитет других*, и чтобы она со временем *стала оказывать влияние и на политическую стратегию властей*… А это зависит от того, какой тип гражданского общества мы создадим, какой тип идеологии… *ключ ко всему этому – новая идеология*… То что марксизм пытался сделать и что на длительный период ему удалось. *Нужно нечто подобное, но лучше,* более адекватное нашей реальности. Нужны новые институты. *То, над чем я работал всю жизнь, может стать основой для такой идеологии*. Она должна охватить основные проблемы человеческого бытия – что такое человек, что такое сознание, познание, что такое социум и так далее. Я хочу обратить внимание на то, что западный мир не является неуязвимым. Он уязвим. Надо просто узнать его слабые места… *Нам надо открыть такую форму братства, совершенно неуязвимую, потому что с этим будут бороться и бороться жестко*. Нужно стать неуязвимым. Тогда историческая альтернатива будет» [Мой путь… 2001: 325–326, 330] (курсив мой. – В.Р.).

Конечно, все это, зная, чем закончилось построение коммунизма в России и какими неуязвимыми были первые большевики, отчасти смахивает на пародию и фарс. Но Зиновьев более чем серьезен. Ему уже много лет, и он спешит сказать и сделать самое главное. К счастью для России, Зиновьев плохой организатор (он в этом признается сам: «Но я не организатор, я это не могу сделать» [Мой путь… 2001: 320], его идеи противоречивы и декларативны, а лекции собирают больше любопытствующих, чем серьезных людей.

P.S. Все сказанное не означает, что в лице Зиновьева мы не имеем дело с удивительной личностью, талантливым логиком и ярким социальным публицистом. В личности Зиновьева гротескно преломились самые разные, характерные для XX столетия, идеи, концепции и проекты переустройства общества и мышления. Важно их понять и осмыслить, чтобы не воспроизводить в третьем тысячелетии дурную бесконечность заблуждений.

дер. Авдотьино. Август 2002 г.

Мой путь… 2001. Мой путь в науке (интервью с профессором А.А. Зиновьевым, ноябрь 2001г.). – *Личность. Культура. Общество*. – Т. III. – Вып. 4. – С. 278–334.

Розин В.М. 2003. А. Зиновьев – интеллектуальный маргинал и эзотерик и его вклад в науку. – *Философские науки*. – № 9. – С. 145–159.

Наши учителя

Б.И. БАРАБАНЩИКОВ – ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ГЕНЕТИКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (к 80-летию учёного и педагога)

А.И. Ермолаев
Санкт-Петербургский филиал
Института истории и естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Аннотация: *Борис Иванович Барабанщиков в 1976 г. возглавил созданную им кафедру генетики Казанского государственного (ныне – федерального) университета и руководил ею до 2012 г. Он начинал свое образование на кафедре зоологии этого же университета, а закончил его на кафедре генетики МГУ, где и защитил в 1970 г. кандидатскую диссертацию. Докторскую степень он получил в 1990 г. В 2004 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан». Его основные работы посвящены исследованию механизмов рекомбинации у бактерии Bacillus subtilis (сенная палочка).*

Ключевые слова: *Борис Иванович Барабанщиков, Казанский университет, история генетики, генетическая рекомбинация.*

В этом году исполнилось 80 лет человеку, бесконечно много сделавшего для развития генетической науки в Республике Татарстан. Это Борис Иванович Барабанщиков. В возрасте 34 лет он создал в Казанском государственном университете (ныне это Казанский федеральный университет) кафедру генетики и бессменно руководил ею на протяжении почти 35 лет. Его многочисленные ученики работают в многих городах России, ближнего и дальнего зарубежья. В число учеников Бориса Ивановича входит и автор настоящей статьи.

Борис Иванович Барабанщиков родился 26 июля 1942 года в г. Казани. В 1959 г., окончив школу № 19 с золотой медалью, он поступил на биолого-почвенный факультет Казанского государственного университета (далее – КГУ), учился на кафедре зоологии беспозвоночных. В 1963 году его пригласил к себе заведующий кафедрой В.Л. Вагин, предложил специализироваться по генетике и поехать для продолжения учебы в Москву, на кафедру генетики Московского государственного университета.

В МГУ учителями Бориса Ивановича были такие генетики, как Н.В. Тимофеев-Ресовский, С.И. Алиханян, Р.Б. Хесин, А.А. Прокофьева-Бельговская, Н.И. Шапиро, А.П. Пехов. Б.И. Барабанщиков выполнял дипломную работу под руководством С.В. Шестакова, по-

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.221226

сле чего был оставлен в аспирантуре. Свои опыты Барабанщиков производил в лаборатории Р.Б. Хесина в радиобиологическом отделе курчатовского института. Одним из его научных руководителей был В.Н. Столетов, а вторым – работавший у Хесина молодой тогда генетик А.А. Прозоров.

Защита диссертации на тему «Особенности спонтанного мутагенеза у штаммов *Bacillus subtilis* с нарушенной способностью к генетической рекомбинации» состоялась в январе 1970 г. К этому времени срок аспирантуры закончился; с 1 ноября 1968 г. Барабанщиков стал ассистентом Казанского университета и начал читать курс генетики.

Нельзя сказать, что в истории КГУ до этого отсутствовали страницы, связанные с генетикой. Предыстория этой науки в Казани описана нами ранее [Ермолаев 2017], но в 1960-е годы о существовавшей когда-то генетической лаборатории погибшего в годы репрессий Василия Николаевича Слепкова (1902–1937) [подробнее см.: Ермолаев 2019] уже никто не помнил, а последние остатки генетического образования были изгнаны из КГУ в 1948 г. В том же году в Казани организовали кафедру дарвинизма и генетики для внедрения в учебный процесс т. н «мичуринской генетики» [подробнее см.: Барабанщиков, Ермолаев 2011]. Ее возглавил доцент М.Г. Стекольщиков (1908–1983). Через три года кафедру расформировали и перевели в разряд генетического кабинета. Именно в этот кабинет и возвратился Б.И. Барабанщиков. Поскольку шла новая эпоха, то генетику требовалось читать по-новому, чем он и занялся. Стекольщиков радостно встретил своего бывшего ученика и передал ему курс генетики, оставив себе дарвинизм и гистологию.

Так как дальнейшая логика развития науки вела к необходимости резкого увеличения доли генетических исследований среди других биологических направлений, в 1974 г. появилось постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по ускорению развития молекулярной биологии и молекулярной генетики и использованию их достижений в народном хозяйстве». Ректором КГУ был тогда выдающийся математик М.Т. Нужин. Поняв всю важность развития генетических исследований, он принял решение не только открыть в КГУ кафедру генетики, но и сделать ее выпускающей студентов по специальности «генетика». 13 мая 1976 г. Решением коллегии Министерства высшего образования в Казанском университете была открыта кафедра генетики и начата подготовка студентов по специальности 2040 «Генетика» [История Казанского… 2004: 460–461].

Уже в 1974 г. в штат генетического кабинета получили распределение двое выпускников КГУ того года – Р.Г. Хамидуллина и О.А. Гимадутдинов. Сама кафедра была открыта в 1976 г., ее заведующим стал Б.И. Барабанщиков. Это было довольно смелое решение, так как Борис Иванович не был еще не только профессором, но даже доцентом, а лишь исполнял эти обязанности (утверждение в звании доцента последовало годом позже). Однако ректор и Ученый совет поверили в силы молодого генетика.

За несколько лет Барабанщикову удалось добиться того, что кафедра завоевала устойчивую репутацию в системе высшего образования страны. Долгое время она была единственной кафедрой подобного профиля на территории Поволжья и Урала. Ее выпускников с удовольствием брали не только казанские научные учреждения – Институт биологии при Казанском филиале АН СССР и Татарский НИИ сельского хозяйства, но и академические институты в Пущино, Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Новосибирске и так далее. На кафедре обучались студенты из различных стран – Северной Кореи, Вьетнама, Монголии, Польши, Германской Демократической Республики. Выпускница кафедры Татьяна Шандала (Чепрасова) стала сотрудником Центра молекулярной генетики университета Аделаиды в Австралии, закончивший казанскую аспирантуру Ахмет Али Джанга позже руководил кафедрой генетики в университете города Сибха (Ливия). Таких примеров множество.

Основным научным направлением кафедры в 1970–1990-е годы было исследование молекулярных процессов рекомбинации и мутагенеза у *Bacillus subtilis*. Научные интересы Бориса Ивановича сложились в годы пребывания в Москве. Его основной научной темой становится исследование механизмов рекомбинации у бактерий. Если большинство лабораторий мира в качестве объекта изучения рекомбинационных систем использовали кишечную палочку *Escherichia coli*, то Борис Иванович, следуя за своим учителем А.А. Прозоровым, выбрал менее изученный объект – сенную палочку *Bacillus subtilis*.

Еще в годы аспирантуры при изучении полученного Барабанщиковым мутанта *Bacillus subtilis* rec 149 впервые в мире было обнаружено, что нарушение системы рекомбинации может приводить к мутаторному эффекту [Прозоров, Барабанщиков 1967]. Мутант rec 149 обладал повышенной скоростью возникновения спонтанных мутаций, а также увеличенной частотой спонтанной индукции встроенного в хромосому фага. Вскоре Барабанщиковым были найдены еще две мутации (rec 278 и rec 309), которые также увеличивали частоту спонтанного мутагенеза [Прозоров, Барабанщиков 1968]. Наиболее интересным фактом была обнаруженная корреляция: чем сильнее нарушалась способность к рекомбинации, тем выше была скорость спонтанного мутагенеза.

При выделении Rec⁻ мутантов в принципе возможны два совершенно разных подхода. Большинство исследователей искали Rec⁻ мутанты среди мутантов с повышенной чувствительностью к УФ-облучению, Х-лучам, алкилирующим соединениям, то есть среди мутантов с нарушениями, затрагивающими процессы, общие для рекомбинации и репарации. В Казани поиски мутантов производились среди клонов, дающих меньшее число трансформантов. Узловым здесь становилось изучение нарушений процесса трансформации у *Bacillus subtilis*. Этот метод более трудоемок, но он давал возможность выделять мутанты, у которых нарушены этапы рекомбинации, не зависимые от репарации. В результате среди большой коллекции Rec⁻ мутантов *B. subtilis*, полученных на кафедре генетики КГУ, оказался ряд штаммов с ненарушенной способностью к репарации УФ-повреждений [Барабанщиков 1984].

Было, в частности показано, что состояние спирализации ДНК у *B. subtilis* может иметь значение для успешного протекания трансформации, в частности, для образования донорно-реципиентного комплекса. Борисом Ивановичем и его помощниками был получен ряд мутантов *B. subtilis* по ДНК-гиразе, у которых сильно снижалось число трансформантов. Большая коллекция мутантов позволила выявить и охарактеризовать ряд новых rec генов [Барабанщиков и др. 1990] и уточнить генетическую карту *Bacillus subtilis*. Для изучения rec генов активно использовался метод клонирования фрагментов хромосомы *B. subtilis* в составе плазмид и изучение супрессии rec мутаций *Escherichia coli* [Барабанщиков и др., 1985; Гизатуллин, Барабанщиков 1989].

С нарушением синтеза ДНК в Rec⁻ мутантах Bacillus subtilis связано, по всей видимости, и повышение спонтанной индукции протофагов. Изучение этого явления, описанного Барабанщиковым и Прозоровым еще в 1968 году [Прозоров и др. 1968] также было продолжено сотрудниками кафедры [Хамидуллина 1994].

Важной частью работ, проведенных на кафедре генетики КГУ, явилось исследование мутантов Bacillus subtilis с нарушенной активностью АТФ-зависимой ДНК-азы с целью выявления роли этого фермента в процессах рекомбинации. Удалось выделить ряд мутантов со сниженной активностью данной нуклеазы [Барабанщиков 1984]. Оказалось, что у них значительно снижена частота генетической трансформации (0,7–2,0 % от исходной). Тем самым было подтверждено участие данного фермента в процессах репарации и рекомбинации у Bacillus subtilis. Было также показано, что контролирующие структуру экзонуклеазы V гены Bacillus subtilis могут успешно экспрессироваться в клетках E.coli, а образующийся при этом фермент может частично замещать мутантный фермент E.coli [Барабанщиков и др.

1983]. Это свидетельствовало о том, что в составе данной плазмиды находится участок Bacillus subtilis, ответственный за структуру данного фермента.

Еще одним ферментом, активность которого снижается у некоторых Rec⁻ мутантов Bacillus subtilis, является внутриклеточная нуклеаза, активируемая ионами кальция. Фермент был выделен из клеток Bacillus subtilis и исследован совместно сотрудниками двух кафедр Казанского университета – микробиологии и генетики [Барабанщиков и др. 1978; Барабанщиков, Хамидуллина 1979; Белов, Белова 1984].

В 90-х годах в Казани впервые удалось клонировать и полностью секвенировать ген, кодирующий структуру экзонуклеазы I, показать его гомологию с соответствующим геном E.coli [Джанга, Барабанщиков 1993; Джанга и др. 1997].

В связи с упомянутыми исследованиями стоит упомянуть также изучение влияния метаболизма кремния и алюминия на генетические внутриклеточные процессы. Эти эксперименты начались как часть опытов по исследованию генетической трансформации, но быстро вылились в отдельную тему. Полученные данные позволили заключить, что метаболизм кремния и алюминия выполняет роль системного регулятора работы генома [Малков, Барабанщиков 1991; 1994]. Изначально исследовались мутанты Bacillus subtilis var. niger с измененным метаболизмом кремния и алюминия, позже объектом стали мутанты Bacillus mycoides и Bacillus mesentericus.

Результатом опытов явилась гипотеза ювенилизации генома, в рамках которой была сделана попытка объяснить влияние метаболизма кремния и алюминия на работу генома в целом. Еще в 90-е годы в издательство КГУ сдана рукопись монографии «Генетическая трансформация и гипотеза ювенилизации генома», написанной Б.И. Барабанщиковым и С.В. Малковым, но из-за финасовых затруднений эта книга так и не увидела свет.

В июне 1990 г. Б.И. Барабанщиков защитил докторскую диссертацию на тему «Генетический контроль процесса гомологичной рекомбинации у бактерий». Защита состоялась в г. Киеве на Специализированном Совете института физиологии растений и генетики. В 1991 г. ему было присвоено звание профессора. В 2004 г. вышел указ Президента РТ о присвоении Б.И. Барабанщикову звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан».

Перу Барабанщикова принадлежат многие учебные пособия, например по молекулярной генетике [Барабанщиков 1985], а также пользовавшийся большой популярностью задачник по генетике [Барабанщиков, Сапаев 1987]. В 1988 г. Б.И. Барабанщиков со своим учеником А.И. Ермолаевым подготовили первое в российской истории пособие «Хрестоматия по генетике» [Барабанщиков, Ермолаев 1988] – до этого существовала только одноименная компиляция 1949 г., пропагандирующая лысенковские идеи.

Б.И. Барабанщиков руководил кафедрой до 2012 г. В 70 лет он ушел на пенсию. Позже Барабанщиков переехал в Москву, где и живет последние годы. Достигнув 80-летия, он уже не занимается наукой, но по-прежнему бодр и большую часть своего времени проводит на даче.

Барабанщиков Б.И., Белов И.С., Белова М.М. и др. 1978. Спонтанный и индуцированный мутагенез у штамма Bacillus subtilis со сниженной активностью экзонуклеазы, активируемой ионами Са++. – *Тезисы докладов XIV Международного генетического конгресса*. – М. – С. 197.

Барабанщиков Б.И., Хамидуллина Р.Г. 1979. Некоторые особенности мутагенеза у штамма Bac. subtilis со сниженной активностью Са++-зависимой экзонуклеазы. – *Молекулярные механизмы генетических процессов: Тез. докл. IV Всесоюзн. симп*. – М. – С. 103.

Барабанщиков Б.И., Акберова Н.И., Чурбанов С.П. 1983. Мутанты Bacillus subtilis с нарушением рекомбинации в ограниченной области хромосомы. – *Молекулярные механизмы генетических процессов: Тез. докл. V Всесоюзн. симп*. – М. – С. 22–23.

Барабанщиков Б.И. 1984. *Механизмы репарации, рекомбинации и мутагенеза бактерий*. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. 118 с.

Барабанщиков Б.И. и др. 1985. Частичная супрессия мутаций rec B rec C Escherichia coli плазмидой pBR322, содержащей вставку хромосомы Bacillus subtilis. – *Цитология и генетика*. – Т. 19. – С. 128–132.

Барабанщиков Б.И. 1985. *Молекулярная генетика*. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та. – 92 с.

Барабанщиков Б.И., Сапаев Е.А. 1987. *Сборник задач по генетике*. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та. 192 с.

Барабанщиков Б.И., Ермолаев А.И. 1988. *Хрестоматия по генетике*. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та. 186 с.

Барабанщиков Б.И., Гизатуллин Ф.Ш., Малков С.В. 1990. Новые классы мутантов Bacillus subtilis со сниженной способностью к рекомбинации. – *Молекулярные механизмы генетических процессов*. – М.: Наука. С. 172–179.

Барабанщиков Б.И., Ермолаев А.И. 2011. Казанский университет в период лысенковщины. – *Историко-биологические исследования*. – № 2. – С. 54–65.

Белов И.С., Белова М.М. 1984. Очистка и некоторые свойства внутриклеточной нуклеазы компетентного штамма Bac. subtilis. – *Прикладная биохимия и микробиология*. – Т. 20. – № 2. – С. 200–207.

Гизатуллин Ф.Ш., Барабанщиков Б.И. 1989. Рестрикционный анализ и локализация фрагмента хромосомы Bacillus subtilis, частично супрессирующего мутации в генах rec B rec C Escherichia coli. – *Биополимеры и клетка*. – Т. 5. – С. 72–77.

Джанга А.А., Барабанщиков Б.И. 1993. Клонирование фрагмента хромосомы Bacillus subtilis, супрессирующего sbc B мутацию Escherichia coli. – *Генетика*. – Т. 29. – С. 1683–1687.

Джанга А.А., Барабанщиков Б.И., Малков С.В. 1997. Фенотипические характеристики мутантов Bac. subtilis со сниженной активностью экзонуклеазы 1. – *Генетика*. – Т. 33. – № 3. – С. 314–320.

Ермолаев А.И. 2017. Этапы становления и развития генетики в Казанском университете. – *Ученые записки Казанского университета. Серия: Естественные науки*. – Т. 159. – № 2. – С. 179–205.

Ермолаев А.И. 2019. Генетик Василий Николаевич Слепков: документальные штрихи к портрету. – *Историко-биологические исследования*. – Т. 11. – № 3. – С. 30–67.

История Казанского… 2004. *История Казанского университета: 1804–2004* / Под ред. И.П. Ермолаева и М.Х. Салахова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – 654 с.

Малков С.В., Барабанщиков Б.И. 1991. Влияние метаболизма кремния на частоту генетической трансформации в клетках Bacillus subtilis. – *Молекулярная генетика, микробиология, вирусология*. – № 2. – С. 9–11.

Малков С.В., Барабанщиков Б.И. 1994. Влияние метаболизма кремния и алюминия на генетическую трансформацию у бацилл. – *Генетика*. – Т. 30, приложение. – С. 95.

Прозоров А.А., Барабанщиков Б.И. 1967. Скорость спонтанного мутационного процесса у штамма Bac. subtilis с нарушенной способностью к рекомбинации. – *Доклады АН СССР*. – Т. 176. – № 6. – С. 1422–1424.

Прозоров А.А., Барабанщиков Б.И. 1968. Темп спонтанного мутагенеза и специфичность возникающих мутаций у штамма Bac. subtilis с нарушенной способностью к генетической рекомбинации. – *Генетика*. – Т. 4. – № 5. – С. 80–87.

Хамидуллина Р.Г. 1994. Влияние rec U и rec T мутаций Bacillus subtilis на частоту перемещения транспозона Tn917. – *Генетика*. – Т. 30, приложение. – С. 169.

Переводы и комментарии

ТИПОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ С МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ[1]

Станислав Андрески

Проблема определения

Видимо, нигде не встречается столь много ошибок поспешного суждения, как в сфере трудов о революциях. И самыми отъявленными грешниками здесь были марксисты. Они рассматривали все события в сточки зрения в свете собственной презумпции предопределенности, согласно которой революции именовались в соответствии с последующими событиями. Например, Английскую и Французскую революции марксисты называют буржуазными, поскольку они в конечном счете привели к росту значения буржуазии, обогащающейся за счет торговли и промышленности. Исходная посылка в данном случае состоит в том, что указанная последовательность процессов полагается предопределенной, а исход предрешенным, хотя нетрудно представить и другие вполне вероятные сценарии развития событий. Например, Европа могла бы попасть под господство военно-бюрократического класса, а не буржуазии, если бы Наполеон не потерпел поражения.

Менее серьезная ошибка состоит в определении явления по его причине (причинам). К примеру, революцию определяют как «проявление массового недовольства». Отсюда следует, что без массового недовольства не может быть революции, а кроме революции не может быть никаких других проявлений массового недовольства.

Первое предположение сомнительно, хотя оно может быть и верно по определению, в то время как второе – явная ложь, если не менять общепринятого значения слова *недовольство*. Определения, которые относятся к причине данного состояния, широко распространены в медицине ввиду их обоснованности, поскольку в этой области они базируются на знании регулярных последовательностей событий или условий, подтвержденных миллионами наблюдений. Разумеется, политические макроявления не повторяются с аналогичной закономерностью, а их число ничтожно мало по сравнению со случаями человеческих заболеваний. Следовательно, в отношении революций у нас нет знания, которое позволило бы нам предсказать результат в зависимости от той или иной причины. Ввиду недостаточного понимания революций надо продолжить исследования данного явления, не предрешая вопрос о причинно-следственной связи. Под морфологической точкой зрения я подразумеваю методологический принцип, согласно которому определения и классификации должны строиться та-

[1] См.: Stanislav A. 1992. Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint. – London: Frank Cass. – Pp. 16–35.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.4.227240

ким образом, чтобы как можно меньше рассуждать об антецедентах или последствиях любого рассматриваемого явления.

В этимологии слова *революция* невозможно обнаружить руководства к его использованию, кроме того, что оно должно применяться к процессу, имеющему определенную аналогию с передачей и переворотом. Впрочем, здесь необходимо сделать уточнение, поскольку невозможно исследовать достоверность предположений, в которых используются крайне расплывчатые термины. Если бы исторические и социологические исследования были ближе к идеалу науки, люди не использовали бы одно и то же слово для обозначения вспышек беспорядков, раздоров, коллективного безумия и совокупных результатов мирных изобретений типа Промышленной революции. К сожалению, языковая инерция и переменчивые пристрастия, в дополнение к преднамеренному искажению слов в целях пропаганды, затрудняют определение его строгого использования, способствующего углублению понимания, для достижения которого мы должны стремиться к предельной максимальной ясности.

Существует множество событий, которые одни называют революциями, а другие категорически это отрицают. Однако лишь немногие, если таковые вообще найдутся, отвергнут этот «ярлык» для обозначения серии событий, известных как Французская и Русская революции. Никто не станет отрицать, что революция состоялась и в Китае, хотя оспаривается вопрос о ее начале: в 1911 г., 1945 г. или в начале 1930-х гг., и что было на последнем этапе – революция или война между двумя государствами, с учетом того, что одному из них помогали партизаны. Итак, для ясности я буду считать Французскую и Русскую революции близкими к типу совершенной революции. Слово *совершенная* используется здесь в этически нейтральном смысле, подобно тому, как оно используется или должно использоваться в экономике, в таких выражениях, как *совершенная конкуренция* или *совершенная трудовая мобильность*. Обе указанные революции обладали следующими четырьмя характеристиками, которые я принимаю в качестве определения этого понятия: свержение правительства изнутри государства его подданными; замена старой правящей элиты новой, возникшей внутри государства; массовые акции, сопряженные с насилием или угрозой его применения; трансформация социальной системы.

Ни одна из революций не соответствует этим критериям на все сто процентов. Это особенно верно для четвертого пункта, так как действительно полная трансформация социальной системы невозможна – всегда остается что-то от старого. Влияние массовых акций также спорно ввиду их степени. Но поскольку указанные революции подошли к этому (спорному с этической точки зрения) «совершенству», я предлагаю обозначить их «полными революциями» и использовать этот ярлык по отношению к любой другой революции, отражающей эти характеристики в более или менее равной мере. Трудности морфологии вытекают из различия в степени приближения каждого из упомянутых критериев событий или процессов к идеалу, называемому *революцией*. Даже столь очевидное событие, как свержение правительства, может быть подвергнуто сомнению или реализовано лишь частично. Морфология этих процессов обречена на сложность, поскольку степени в отношении одного критерия не совпадают с различиями в отношении других. Поэтому аристотелевская классификация (которая работает достаточно хорошо в биологической систематике) совершенно неадекватна. Если предположить (для упрощения), что каждый из наших критериев является прерывистой переменной с пятью совокупными подразделами – ноль, низкий, средний, высокий, очень высокий или полный – мы получим 3125 вариантов перестановок. Возможно, некоторые элементы окажутся пустыми в смысле отсутствия реальных случаев, им соответствующих. Но даже при этом число эмпирически иллюстрируемых классов будет столь велико, что оно затруднило бы понимание необходимости называть каждый из них, за исключением нескольких часто встречающихся или особенно важных.

Более того, у нас есть слова *полу-*, *квази-* и *псевдо-*, которые можно использовать, хотя у них есть недостаток в виде обвинительного заключения, а также термины, которые можно извлечь из собственных имен случаев, служащих примером класса. В целом единственно возможной морфологической процедурой является использование четырехкратной характеристики, указывающей место, куда вписывается данный случай для каждого из измерений, которые мы взяли в качестве определяющих критериев. Задача систематического охвата должна быть оставлена для другого случая – здесь я только рассмотрю диапазон вариантов и попытаюсь показать ошибочность предположения о простой связи между вариантами в различных измерениях.

Свержение правительства изнутри

Полезность данного критерия подтверждается многими случаями, в которых нет оснований сомневаться. Проблемы начинаются тогда, когда трудно понять, является ли правительство сформированным или где находятся границы его формирования, или когда неясно, имеет ли место свержение власти или ее передача, или когда свержение произошло при содействии извне. В отношении Английской революции нет никаких сомнений: Карл I и его министры были свергнуты собственными подданными – людьми, которые прежде привыкли им подчиняться. Революция не была ни спровоцированной, ни инспирированной извне. Столь же ясно падение Людовика XVI, но здесь иностранцы действительно пытались восстановить его власть. Падение царя Николая II менее очевидно с точки зрения его эндогенного характера, потому что оно не могло произойти без поражения русской армии, нанесенного ей немцами. Однако даже это событие следует рассматривать как антецедент, а не часть революционного процесса. Даже отправка в Россию и субсидирование Ленина и Троцкого не сводятся к участию в революции, потому что власть царя к тому времени уже рухнула. Кроме того, фон Людендорф не видел в Ленине и Троцком угрозы и вообще не предполагал, что они могут стать правителями России. Таким образом, Русскую революцию можно рассматривать как вполне внутренний процесс, особенно потому, что более поздние (хотя нерешительные) попытки иностранцев уничтожить ее, были гораздо больше того, что сделал фон Людендорф для Ленина и его соратников. Чтобы найти примеры сомнительного содержания, нужно обратиться к ряду других событий.

Ибн Халдун рассматривает историю как вечный цикл завоеваний и распадов государств. Воинственное племя кочевников живет в условиях, требующих мужества, выносливости, силы и непоколебимой верности племени и его лидерам. Поэтому оно покоряет оседлое население и становится его правящим классом. Под влиянием роскоши и праздности эта аристократия постепенно теряет свои боевые достоинства, сплоченность и нравственность и тем самым становится легкой добычей другого племени пустыни, которое завоевывает государство и становится его правителем… и цикл распада начинается заново. Если победитель приходит издалека, то это явно не свержение власти изнутри. Но иногда восставшие вассалы становились новыми правителями. Как правило, в феодальных и других государствах с неопределенными границами или слабо установленным правительством часто трудно решить, имеем ли мы дело с конфликтом между независимыми политическими структурами или с тем, что надо назвать восстанием.

Не менее трудно классифицировать случаи, когда правитель не свергнут, но его власть насильственно ограничена, особенно когда это относится ко всему его окружению, включая класс, к которому принадлежит властитель. Даже изъятие английскими баронами Великой хартии вольностей у короля Иоанна явно не означало свержения (за исключением некоторых положений), хотя и подразумевало отказ от послушания. Аналогичные события в Польше привели к фактической отмене монархии и созданию дворянской республики, в которой был

пожизненно избранный президент с титулом короля, но без власти. Ни один из шагов, которые привели к этому результату, не был революцией, но каждый из них ее приближал.

Одним из наиболее не поддающихся строгому различению режимов был режим, установленный в Японии в период Хэйан с VIII по XII вв. н. э. У императоров было мало власти, их часто заставляли отречься от престола и уйти в монастырь. Иногда свергнутый император восстанавливал свою власть, но не изгонял преемника и не выходил из монашеского сословия, поэтому порой существовало два императорских двора. Эта ситуация напоминает аналогичную ситуацию времен Великого раскола, когда в Европе было два папы. Однако большая часть реальной власти в Японии принадлежала вождю сильнейшего клана воинов, чья позиция постепенно становилась узаконенной и в конечном итоге легитимизировалась как сёгунат. В отличие от явной монополизации власти в более поздние времена (когда положение сёгунов Тогукава не очень отличалось от положения Людовика XIV) в течение рассматриваемого периода кланы воинов постоянно сражались друг с другом – превосходство переходило от одного к другому из трех сильнейших: Тайра, Фудзивара и Минамото. Проигравшие изгонялись из столицы, но им разрешалось сохранить свои автономию и владения в провинциях, они становились вассалами победившего вождя. Происходила циркуляция элит посредством насилия. Но называть ли эти события *революциями* или *захватническими войнами*? – этот вопрос остается спорным. Возможно, слово *квази* здесь уместно, но оно может быть более полезно и для иного случая.

Хотя указанные ситуации встречались чаще в древние времена, их можно обнаружить и в недавнем прошлом. Например, была ли победа китайских коммунистов завоеванием (результатом войны между государствами) или революцией? Поскольку коммунисты не признавали Чан Кайши своим правителем и у них было собственное государство (более крупное, чем любое европейское, за исключением СССР), им не требовалось проводить восстание. Даже в районе, который находился под властью Гоминьдана, его контроль над некоторыми регионами был на грани исчезновения, поскольку некоторые военачальники были практически независимы. С другой стороны, местные повстанцы и партизаны помогали продвижению армии Мао. Таким образом, произошла комбинация межгосударственной войны с революционной деятельностью. Однако, если взять 1911 г. в качестве отправной, а 1949 г. в качестве конечной точки, то случай Китая можно вполне вписать в «дворцовую революцию», поскольку имперское правительство было свергнуто собственными подданными. До Мао никто не сменил императора и мандаринов полностью.

В государствах с установленными границами и правительствами размывание различия между свержением власти изнутри и завоеванием извне может произойти вследствие зарубежной помощи революционерам. Здесь опять-таки можно выделить целый ряд ситуаций в зависимости от степени иностранной помощи. С одной стороны, есть примеры Норвегии 1940 г. и Венгрии 1945 г. Хотя Кислинг провозгласил о стремлении захватить власть в Норвегии, у него не было шансов это осуществить из-за отсутствия сторонников. Его шансы на захват власти были гораздо меньшими по сравнению со всеми фашистскими и полуфашистскими партиями в Европе. Поэтому немецкие войска назначили его на пост главы государства, и он продолжал от них зависеть. Венгерские коммунисты были гораздо более многочисленными и активными, чем последователи Квислинга. У них были хорошие возможности для стимулирования резких разногласий между классами и «вытеснения» Венгрии в вассальную зависимость от проигравшего неудачника. Однако их деятельность не имела большого значения, а власть они получили от советских войск.

По сути дела, случай с Польшей в 1944–1945 гг. был схожим с венгерским случаем. За исключением того, что в Польше почти некого было свергать. В качестве союзника Гитлера (независимо от степени нежелания) Венгрия к моменту прихода советских войск все еще

обладала властью над собственными административными и социальными структурами, включая крупные имения, банки и особняки. Поэтому у коммунистов было множество объектов для экспроприации и уравнения. В Польше экспроприация и выравнивание были почти завершены нацистами, поэтому поляки представляли собой почти однородную массу нищих. Возможно, относительная покладистость польских коммунистов вытекает из отсутствия стимулов для ненависти бедных к богатым. Тем более что довоенные обиды были значительно сглажены травмой общего крепостничества при нацистах.

В отличие от Венгрии и Польши, в Чехословакии коммунистический режим был установлен тогда, когда в стране не было советских войск. По аналогии с чернорубашечниками Муссолини чешские коммунисты смогли захватить власть, когда ее не было, поскольку правительство, армия и полиция не желали выступать против партии, которую поддерживало общество. Однако без приказа Сталина переворот не смог бы состояться. В момент его проведения внешнего вмешательства не было, но оно было решающим фактором поддержки.

Наоборот, свержение власти в Испанской республике было осуществлено Франко. Но оно оставалось (в основном) внутренним делом, несмотря на помощь со стороны Гитлера и Муссолини. Смог бы Франко победить без такой помощи при прочих равных условиях? – весьма сомнительно. Впрочем, эта помощь уравновешивалась помощью республиканцам от зарубежных доброжелателей, особенно от Сталина. Несмотря на малочисленность, Международная Бригада воевала намного лучше, чем Легион Муссолини. Более того, Франко не превратился в марионетку Гитлера, хотя его жестокость внутри страны была больше, чем у Муссолини. Благодаря уклончивости Франко смог избежать вступления в войну на стороне Гитлера.

Победа Тито была сложнее. Он получил важную и даже решающую помощь (в оружии, одежде и питании) не от своего наставника Сталина, а от Черчилля, которого считал врагом. Боевые действия в стране вели югославы, но они не смогли бы победить, если бы преобладающая часть немецкой и итальянской армий не были побеждены в других местах. Хорватией управлял эпигон Гитлера Анте Павелич, который создал хорватскую националистическую армию усташей (Ustasha), прославившуюся свирепостью. Она была побеждена в открытых боях, хотя у Тито, как и у Мао, были свои партизаны за вражеским фронтом. Тито победил также четников во главе с генералом королевской армии Драгой Михайловичем, но они были партизанами (подобно приверженцам Тито) и не смогли установить постоянный контроль. После победы члены бывшего господствующего класса были лишены собственности, убиты, сосланы или, по крайней мере, социально понижены. По замыслу Тито, новая система должна была стать копией советской, хотя впоследствии она значительно отошла от модели. То, что произошло в Югославии, образует синтез взаимозависимости с внутренней революцией.

Революция Кастро на Кубе была явно внутренним делом. В качестве бойца на счету у Кастро гораздо больше очков, чем у любого другого лидера современных революций. Однако с точки зрения количества пролитой крови его кампания была мелкой. У Кастро было немного сторонников – менее 2000 человек до победы и около 7000 в день победы, поэтому потери были незначительны. Тогда как 30-тысячная армия Батисты была настолько коррумпирована, что солдаты вообще не воевали, зато были вполне готовы пытать заключенных. Ликвидация старого привилегированного класса и трансформация общества были столь же тщательными, как в России, Китае, Югославии. Это указывает на отсутствие необходимой связи между его масштабами и жестокостью борьбы.

Гитлер дает пример такого захвата власти, за которым следует весьма существенная трансформация социальной системы и значительный круговорот элит. Этот процесс находится на грани между мирной и законной передачей и насильственным захватом руля прав-

ления. На последних свободных и честных выборах Гитлер получил треть голосов, что было вдвое больше числа голосов, набранных двумя следующими за ним крупнейшими партиями, вместе взятыми. Президент Гиндербург не был обязан назначать его премьер-министром (Рейхсканцлером), но его убедил в этом Папен – глава партии, представлявшей интересы землевладельцев из района Восточной Эльбы. Папен ошибочно предполагал, что сможет манипулировать Гитлером. Однако проведению честных выборов правительства предшествовали запугивания и насилие со стороны штурмовых отрядов Гитлера. Кроме того, он выступал с завуалированными угрозами о том, что возьмет власть силой, если не получит ее на законных основаниях. Таким образом, хотя назначение Гитлера было правильным с формальной точки зрения, в нем присутствовал также элемент незаконности. Едва он вступил в должность, запугивание усилилось, начались произвольные аресты. Зачищенный и запуганный парламент превратился в пустую формальность. Спустя непродолжительное время Германия стала совсем иной страной. Была ли это революция? По крайней мере, масштаб трансформации общества (хотя совсем другого характера) был аналогичен результатам Французской и Английской революций. Господствующий класс старого режима был сохранен на своих местах, за исключением еврейских, марксистских и радикально-либеральных элементов. Захват власти включал массовые акции в форме демонстраций и уличных боев, однако они были намного лучше организованы, чем массовые акции во время Французской революции. Если принять во внимание способ получения власти, то это можно назвать половинчатой революцией, если не революцией. Однако с учетом степени последующей трансформации, его можно назвать революцией.

По сравнению с Гитлером (и Сталиным) Муссолини был вполне покладистым, почти гуманитарным либералом, но его способ захвата власти все же включал очевидный элемент незаконности – вооруженные отряды фактически начали наступать на Рим. Поскольку партия Муссолини набрала лишь 7% голосов на выборах, у него не было оснований претендовать на пост премьер-министра в соответствии с действующей конституцией. Однако фашистам никогда не приходилось сражаться, потому что король Виктор Эммануил II приказал армии оставаться в казармах. Правда, парламентское правительство было свергнуто незаконными действиями, но оно было простым проявлением силы без кровопролития и при попустительстве главы государства, который утвердил Муссолини в должности. По сравнению с Германией в Италии изменилось многое, хотя намного менее быстро и радикально. Новая элита присоединилась к власти и привилегиям, но старая элита оставалась более-менее нетронутой и пострадала гораздо меньше, чем в Германии. Поэтому с учетом конечного результата приход Муссолини к власти с большим основанием можно назвать половинчатой революцией, но процесс ее достижения больше соответствует концепции революции.

Циркуляция элит

Свержение правительства влечет за собой смещение как минимум одного человека, хотя такое случается крайне редко. Показательным примером дворцового переворота, где это имело место, является убийство царя Павла при соучастии его жены Екатерины, которую позже назвали «Великой». Павел был способен раздражать, будучи надоедливым идиотом, но не властвовать. По этой причине у него не было сторонников, а устранение почти не вызвало смещений на вершине власти. Как правило, в большинстве дворцовых переворотов ближайших советников и товарищей изгоняют или убивают. Обычно одна клика заменяет другую. То же происходит в переворотах президентского дворца, множество примеров которых можно найти в истории Латинской Америки. Другой крайностью является ликвидация не только высшего, но и среднего класса, как это случилось в Русской революции. Не менее

радикальным было уничтожение высшего и среднего класса старого режима в Занзибаре, Руанде и Камбодже.

Занзибар был колонизирован арабскими купцами, которые покупали рабов на восточном побережье Африки и продавали их на Ближнем Востоке. Они также создавали плантации, на которых трудились рабы, и экспортировали специи. После того, как Занзибар попал под британское правление, рабство было отменено. Но потомки рабов оставались в подчинении, тогда как управление, торговля и образование были в руках арабов. После установления независимости Занзибара они занялись также политикой. Поэтому восстание 1964 г. было не только расовым, но и пролетарским. Большое число арабов было убито, многие бежали, большинство потеряли свое имущество и работу, все лишились привилегий. Бывший корабельный повар Каруме стал диктатором и управлял террором, пока не убили его самого. Не имея возможности организовать управление без своих бывших «господ», новые правители присоединились к Танганьике, и эта амальгама стала Танзанией.

Социальное расслоение Руанды тоже базировалось на расовых различиях, хотя и в пределах африканской расы. Царство возникло примерно в XVIII в., после завоевания земледельцев банту и хуту высокими кушитами-скотоводами Хима. Они стали аристократией, монополизирующей власть, которой подданные оказывали почести и платили дань. Во время бельгийского правления некоторые подданные воспользовались возможностью получить образование, которое было доступно для обоих классов. После этого вспыхнули конфликты между двумя классами. Хима потерпели поражение, были лишены привилегий, многие были убиты или изгнаны.

В Камбодже коммунисты одержали победу в результате поражения США во Вьетнаме. Вьетнамские войска состояли в основном из крестьян во главе с сельскими учителями. Деревни были вполне самодостаточны и почти ничего не получали от городов. Тогда как города эксплуатировали деревни посредством ростовщичества, налогов и ренты. Если учесть паразитическое отношение городов к голодным крестьянам, то ненависть последних не должна удивлять. Крестьянская месть приняла форму ничем не ограниченного истребления горожан. Это кровопролитие настолько ослабило государство, что вьетнамская армия смогла победить Камбоджу без особых усилий.

В период Французской революции физическое устранение высшего класса было намного меньше, за исключением высшей аристократии и придворных. Купцов, банкиров и промышленников почти не трогали, хотя многие из них лишились богатств во время неразберихи.

Еще меньше элиты пострадало во времена Английской революции. Большие поместья не были разрушены, общей атаки на владения аристократии, которая потеряла политическую власть до Реставрации, тоже не было. Ввиду важности религиозных различий выравнивание по классовым принадлежностям было незначительным. Кромвель уважал право собственности, в отличие от группировок в гражданских войнах в Древнем Риме, которые безжалостно грабили друг друга.

Если революция вызывает такую циркуляцию элит, которая достигает основания социальной пирамиды, ее можно сравнить с землетрясением. Поэтому я предлагаю называть такую революцию *«сейсмической»*, а термин *«сейсмичность»* использовать для степени, в которой опрокидывается социальная пирамида. Большевистская революция находится на вершине шкалы сейсмичности, Славная революция 1688 г. в Британии близка к нулю. Революция 1830 г. во Франции располагается немного выше, Английская революция еще выше, Французская и Мексиканская революции примерно посередине. Разумеется, это чисто импрессионистские суждения (смею надеяться, не безосновательные). Для получения числовых показателей нужны массовые исследования, хотя бы весьма приблизительного содержания.

Больше проблем связано с неравномерным влиянием вертикальной циркуляции на различные слои общества. Такая циркуляция может произойти и без революции. Обычно изменения в коммерческой и промышленной структурах влекут за собой значительные преобразования в экономической элите, но не обязательно сильно влияют на состав политической и религиозной элит.

В период длительного исторического процесса, получившего название *Промышленной революции в Британии*, многие промышленники и купцы обогатились, а некоторые потерпели крах. Однако политическая власть оставалась в руках мелкопоместного дворянства, довольно стабильного по своей структуре. Но это была не революция в определенном здесь смысле, которая влечет за собой захват власти. По определению невозможно обнаружить революцию, которая не предполагает смену политической элиты. Зато есть немало случаев, когда весь переворот ограничивался политическим сектором, – например, в Английской революции это были политический и церковный секторы. Есть примеры, когда переворот почти ограничивался последними во время смены религии, таких как обращение в христианство или Реформация, но они не были революциями в подразумеваемом смысле, потому что обычно правители сами их «поощряли». В Римской империи христианство распространялось как преследуемое и во многих отношениях подрывное вероисповедание, но никакого общего восстания христиан никогда не имело места. Христианство стало официальной религией по приказу императора Константина. Обращение тевтонцев, скандинавов, славян и венгров в христианство было достигнуто полностью сверху вниз: вначале князья обращались в христианство по собственным убеждениям или ради политической выгоды, а затем навязывали народу новое вероучение, нередко посредством жестоких наказаний. В том числе путем массового убийства языческих священников, которых заменяли иностранные миссионеры и их местные ученики. Наоборот, английская Реформация была проведена без особого переворота в церковной элите, потому что епископы выполняли указание Генриха VIII.

Возможно, восстание в Нидерландах является лучшей иллюстрацией такого проведения революции, которое привело к циркуляции элит, почти полностью ограниченной церковным сектором. Несколько помощников испанского наместника был единственными нецерковными служителями, которых устранили с высших постов, были несколько помощников испанского наместника. Католическое духовенство потеряло все свое имущество, привилегии и власть. Его заменили кальвинистские пасторы, никогда не достигшими таких же богатств. Однако восстание в Нидерландах не привело к свержению испанского правительства. Поэтому его надо классифицировать как национальное и религиозное восстание, а не революция.

Немало найдется примеров свержения правительства, которое сопровождается циркуляцией элит только внутри политического сектора. К революции 1830 г. во Франции здесь можно добавить революцию 1848 г., положившей конец королевству Бурбонов. То же самое можно сказать о различных этапах борьбы между антиклерикальными либералами (в основном масонами) и ультра-традиционалистами (карлистами) в Испании. У этих партий были свои сторонники или лидеры в армии, наиболее выдающимися из которых были генерал Эспартето с либеральной стороны и генерал Нарваес с традиционалистской стороны. Власть переходила от одних к другим в результате ряда военных переворотов, иногда сопровождающихся беспорядками и восстаниями мирных жителей. Поскольку система трофеев работала даже на низших ступенях чиновничества, любое колебание вызывало большой переворот среди чиновников, офицеров и должностных лиц, не затрагивая землевладельцев, бизнесменов и арендаторов, которые не были глубоко вовлечены в политику.

Нечто подобное имело место и в тех военных мятежах (*cuartelazos*) в Латинской Америке, которые представляли собой не просто изгнание президента и его соратников. Напри-

мер, когда генералы свергли Джао Гуларта в Бразилии и Альенде в Чили, гражданские политики были уволены, изгнаны или заключены в тюрьму, а офицерский корпус, чиновники и университеты подверглись чистке. Само собой разумеется, помещики, капиталисты и бизнесмены остались не тронутыми.

Циркуляция элит может быть ограничена политическим сектором только в том случае, если политическая власть ограничена и отделена от экономической и религиозной, что позволяет уважать права собственности и обогащаться другими способами, кроме политики. Но это является особенностью западной цивилизации и встречается крайне редко в полностью развитой форме за ее пределами. В других цивилизациях найти аналогию сложно. К примеру, начиная с XII в. до экономического упадка исламского Ближнего Востока в торговле и банковском деле было нетрудно достичь больших успехов. Когда одна династическая и военная элита насильственно вытесняла другую, эти приобретения не подвергались конфискации. Однако со временем налоговый пресс стал настолько серьезным и беспринципным, что сохранить богатство можно было лишь в том случае, если ты был фаворитом султана или эмира. Значит, не может быть экономической элиты, независимой от политической элиты. Ибн Халдун принимает это как должное.

В Римской империи даже во времена рыночной экономики связь между богатством и политической властью тоже была очень тесной. В обоих случаях это объяснялось хищническим характером римского капитализма и практикой конфискации имущества у побежденных врагов и нейтральных лиц. Со времени гражданских войн между Мариусом и Суллой до Августа началось столетие внутреннего мира. А затем, начиная со второго столетия, смена верховной власти стала быстрой и неизбежной в результате насилия. Поэтому неудивительно, что превратности римской истории предоставили для Парето лучшие примеры циркуляции элит.

Массовые действия

Помимо участия большого числа людей, образующих существенное меньшинство населения, «массовые действия» предполагают отсутствие предшествующей организации. В противном случае этот термин будет бесполезен, поскольку его можно будет применять и к крупным промышленным предприятиям и войнам, которые ведутся регулярными войсками. Здесь надо обратить внимание на слово *«предшествующий»*, потому что никакие коллективные действия невозможны без какой-либо элементарной и стихийной организации. Несомненно, что в этом смысле в революции Хомейни в Иране массовые акции были важным элементом. Несколько важных поворотов Французской революции были обусловлены массовым насилием, иногда совершенно спонтанным, а иногда спровоцированным. В Русской революции не было столь определенного массового начала, как штурм Бастилии; позже она приняла характер войны между армиями, но решающим добольшевистским этапом были стихийные массовые действия – беспорядки среди мирных жителей и мятежи среди солдат, свергнувшие старую иерархию и создавшие разрушительную демократию, неспособность которой поддержать порядок позволила небольшой группе большевиков захватить власть.

Несмотря на большое количество таких восстаний, совсем немного случаев свержения правительства неорганизованными толпами. Именно по причине неорганизованности и неподготовленности такие восстания могут быть успешными только тогда, когда машина репрессий ослаблена особыми обстоятельствами. Например, последний шах в Иране дрогнул и сдался. Он был слишком вестернизирован, чтобы на него не влияли либеральные идеи; он был болен и послушал благонамеренного, но слабого президента Картера. Людовик XVI потворствовал придворным, но пренебрегал солдатами: не сумевшие его защитить швейцарские полки не получали жалованье в течение нескольких месяцев. Николай II продолжил ка-

тастрофическую войну вопреки совету оклеветанного Распутина. Кайзер Вильгельм II также потерял свой трон в результате военного поражения. У Карла I не было регулярной армии. Он пытался ее создать, но его попытки в корне противоречили желаниям парламента. Когда великое крестьянское восстание в конце IX в. н. э. положило конец династии Тан, она уже была ослаблена длительным периодом военных восстаний и войн между губернаторами провинций, начавшимся крупным восстанием Ань Лу Шаня столетием раньше.

Массовые акции могут осуществляться по отдельности и совместно как средним, так и низшим классом. Однако, весь класс в целом редко участвует в революционном действии. Как правило, существует этническая, религиозная и профессиональная предвзятость, а также самоотбор по темпераменту и возрасту. Великие Французская, Мексиканская, Китайская и Русская революции были делом образованного класса, а также городской и сельской бедноты. Английская революция была скорее делом чисто среднего класса из-за крайне низкого коэффициента участия крестьян. Ввиду важности религиозного фактора уравнивание классовых разногласий здесь было намного меньше, чем во Французской революции, более четко направленной против аристократии и ее придатков.

В истории Европы и Америки невозможно найти пример революции, проведенной только одним низшим классом. Единственное победоносное восстание было восстанием украинских крепостных и казаков против польских магнатов в XVII в., но его руководителю Хмельницкому удалось избежать поражения, признав повелителем Московского царя. Только в Китае бывали успешные крестьянские восстания, и только там можно найти монархов, происходивших из крестьян, таких как Као-цзы, основатель династии Хань, Чу, основатель Пяти династий, и Чу, основатель династии Мин[2]. В более поздней Римской империи и в мусульманских государствах тоже можно найти подобные сюжеты, но все успехи там достигнуты с помощью армии. Только в Китае победа достигнута лидерами открытого наступления низшего класса на правительство. Самый крайний контраст – индуизм, цивилизация без революций. Особенность Китая могла быть связана с невоенным характером правящего класса мандаринов и неэффективностью конфуцианства в качестве «опиума для народа». В этом отношении индуизм был и остается наиболее эффективным, в то время как христианство и ислам занимают промежуточные позиции.

Революции, которые начинаются на дне социальных пирамид, можно назвать *«вулканическими»*, а слово *«тектонические»* может быть полезным, если в них участвуют многие классы. Но нельзя забывать о том, что абсолютно строгие различия найти сложно. Обычно мужчины, совершающие насильственные действия против бедных, происходят из той же среды. И наоборот, представителей среднего и даже высшего класса можно обнаружить в чисто пролетарских или крестьянских восстаниях. Великую Крестьянскую революцию, разразившуюся в Китае в 874 г., возглавили крестьянин Ван Сянь-чи и Хуан Чао, не сдавший вступительный экзамен на государственную службу. Дворянин Гёц фон Берлихинген принимал участие в Великой крестьянской войне в Германии на стороне повстанцев. Роль интеллектуалов среднего класса в европейских революциях хорошо известна.

Восстания внутри вооруженных сил имеют гораздо больше шансов на успех. Действительно, военных захватов власти столь много, что, насколько известно, их еще никто не считал. Одни из них были дворцовыми переворотами, в которых принимали участие преторианские гвардейцы, другие – восстаниями провинциальных гарнизонов, заканчивающимися маршем на столицу и крупномасштабными сражениями против верных войск. В некоторых

[2] Единственный пример в европейской истории, когда лидер крестьянского восстания стал монархом, относится к XIX в. – первый князь современной Сербии, Милош Обренович. Однако он возглавил восстание сепаратистов против османского владычества и не сменил султана в Стамбуле.

случаях ни одна фракция не могла долго оставаться в роли победителя; одна из гражданских войн, которая началась таким образом в Римской империи, длилась 33 года (235–268 гг. н. э.). Напротив, когда начальник охраны преторианцев убил императора Калигулу 24 января 41 г. н. э. в коридоре его дворца, никаких боевых действий не последовало. Преторианцы провозгласили императором Клавдия, запуганный Сенат утвердил этот выбор, и он начал свое правление.

В мусульманских монархиях после омейядских халифов опорой армии были рабы. Можно найти множество случаев, когда на престол взошли те, кого купили на рынке в качестве рабов: Сабуктигин, король Газни, или Кутб ад-дин Айбак, первый король Дели. Когда последний умер в 1210 г. в результате несчастного случая, преемником стал его раб, который одновременно был его зятем. Самой необычной установкой было правление мамлюков в Египте. Все началось с уникального подвига в мусульманской истории: правления женщины Шаджар ад-Дурр. Она была армянской рабыней и служанкой халифа аль-Мустасима, затем ее поместили в гарем аюбидского султана Египта аль-Салиха. Он освободил ее, когда она родила ему сына. После его смерти в 1249 г. она начала выполнять функции правителя и выпустила монеты со своим именем. Когда эмиры выбрали ей помощником командующего армией, солдата-раба по имени Айбак, она вышла за него замуж. Он стал первым мамлюкским султаном («мамлюк» означает «раб»). Когда спустя семь лет Шаджар узнала, что Айбак хочет жениться на другой, она организовала его убийство. После этого ее сразу убили.

Мамлюки были в основном турецкими и монгольскими рабами, которых султаны династии Аюбидов привозили в качестве солдат. Они продолжали пополнять свои ряды рабами, даже во времена правления Египтом. Когда на них начал влиять наследственный принцип (несмотря на повторяющиеся узурпации и убийства), они начали покупать черкесских рабов для ведения военных действий. Это в свою очередь узурпировало силы. Трон принадлежал тому, кто мог его захватить или побудить эмиров его избрать. Часто рабы становились султанами. Несмотря на это, они были единственной армией, способной дать отпор монголам. Ни одна другая элита в мире не была настолько закрыта по наследственному принципу.

До сих пор спорно, можно ли называть революцией захват власти, не проявляющий никаких черт, перечисленных в начале, несмотря на твердо установленное выражение «дворцовая революция».

Трансформация социального порядка

Это – наиболее важный аспект революций, и его сложнее всего разделить на типы, не говоря уже о количественной оценке.

Революции, которые приводят к трансформации социального порядка, часто называют *великими* или *социальными,* но эти слова не весьма подходящие. Термин *социальный* не имеет смысла, потому что любой социальный процесс должен быть *социальным*, тогда как термин *великий* не позволяет различить степени трансформации, беспорядков и кровопролития. Чтобы внести ясность, предлагаю ввести термины *«преобразующий»* и *«повторяющийся»* ради проведения различия между: завершенными революциями; и незавершенными революциями, поскольку они устанавливают такой социальный порядок, который недостаточно отличается от прежнего для того, чтобы называться *новым*.

Не существует простой связи между продолжительностью и ожесточенностью боевых действий, степенью разрушения, числом жертв и степенью трансформации. Китайские крестьянские революции были повторяющимися, поскольку они закончились восстановлением империи по традиционным параметрам, хотя по тяжести боевых действий, числу жертв, степени разрушения и сейсмичности они, безусловно, превзошли Английскую и Французскую

революции. Напротив, Кубинская революция Кастро была крайне незначительной по указанным критериям, но она привела к установлению нового общественного порядка. Захват власти Муссолини был бескровным – почти буквальным переходом – но он привел к значительным изменениям в социальном порядке. Возможно, не столь великим, каких достиг Кастро на Кубе, но таких же масштабов, как Английская и Мексиканская революции. Революции III в. в древнем Риме были повторяющимися, каждая по отдельности. Разумеется, они были совершенно неидеологическими и возникали в итоге ссор среди солдат по поводу того, кому что достанется. И все же их кумулятивный эффект привел к большей трансформации, чем та, что произошла в Китае до Мао: крах рыночной экономики, ликвидация последних пережитков республиканских институтов, замена рабства крепостничеством и установление примитивного тоталитаризма.

Часто происходящие изменения могут показаться не настолько поразительными и действительно не иметь большого значения сами по себе. И все же они могут быть причиной или условием гораздо более глубокой трансформации в поздний период. Например, Английская революция, на первый взгляд, во времена Реставрации не привнесла никаких фундаментальных изменений в английском обществе. Но она пресекла все попытки развития абсолютизма и тем самым подготовила почву для необычайного всплеска изобретательности и предприимчивости, известного под именем Промышленной революции.

Заключительные разъяснения

Не следует использовать термин *революция* для описания восстаний, которые стремятся (и приводят) к независимости, а не к разрушению правительства. Такие движения всегда сопровождаются некоторым изменением внутренней структуры – как минимум, должен быть создан новый механизм управления. Например, в случае возникновения независимого Алжира был ликвидирован большой правящий класс, глубоко укоренившийся в обществе. Эти феномены можно рассматривать как гибриды, включающие элементы революции. В других случаях внутренние изменения незначительны. Даже создание новой политической системы может привести к появлению новой структуры и персонала только на вершине власти, тогда как нижние ступени административного аппарата продолжают функционировать во многом таким же образом и с таким же персоналом. Это произошло в 1918 году, когда Чехословакия и Польша стали независимыми странами. В этом отношении на самом деле были значительные различия между регионами. На чешской земле текучесть административного персонала была меньше, чем в Словакии, где на государственной службе было много венгров. По аналогичной причине в Польше текучесть была наибольшей в бывших немецких провинциях и наименьшей в бывших австрийских провинциях.

Никто не называет восстановление Польши и Чехословакии после Первой мировой войны революцией, хотя в случае с Польшей там произошло значительное количество боевых действий. Однако создание Соединенных Штатов называется Американской революцией. Конечно, это было событие огромной важности не только из-за того, что оно предвещало в дальнейшем, но и из-за того, что оно представляло собой во время осуществления: первая великая республика и первый пример сознательно и рационально построенной политической системы. Тем не менее его историческое значение не меняет того факта, что независимость мало повлияла на образ жизни и социальные отношения населения. Как заметил современный прусский наблюдатель Фридрих Генц, война за независимость была консервативным восстанием в защиту традиционной автономии, которую британский парламент пытался сократить в коммерческих интересах Великобритании. По этой причине мы должны трактовать выражение *Американская революция* по образцу оборота *Промышленная революция* – как

собственное имя, в котором слово *революция* используется метафорически. По крайней мере в научном дискурсе не нужны заглавные буквы, надо называть это событие *восстанием* или использовать другое его современное название – *война за независимость*. Эти смысловые оттенки могут показаться бессмысленными, но они могут дезориентировать даже серьезных ученых. Например, анализ Крэйна Бринтона в *«Анатомии революции»* серьезно ослаблен его стремление поместить Французскую и Русскую революции в одну группу с Американской и поиском надуманных аналогий между ними.

Пожалуй, революция Кемаль-паши является самым ярким примером сочетания крайне ограниченной циркуляции элит с далеко идущими социальными изменениями. Если прибегнуть к ранее предложенным терминам, эта если не *сейсмическая*, то *трансформирующая* революция. В изгнание отправились только султан и его окружение. Лидером революции стал генерал, командующий важной частью Османской армии – единственной частью, которая осталась способной сражаться. В России революцию сделало возможной поражение в войне. В отличие от России Османская империя теряла территории с тех пор, как ее армии в 1683 г. потерпели поражение у ворот Вены.

Султаны (прежде всего Селим III и Махмуд II) желали иметь армию, способную использовать европейские методы и оружие. Они начали содействовать своим офицерам в получении европейского образования. Со временем знакомство с Европой привело многих из них к выводу: деспотизм султана – главное препятствие на пути модернизации, необходимой для выживания государства. Они начали создавать тайные общества, посвященные превращению империи в конституционную монархию. Эти общества стали известны как *младотурки*. После нескольких переворотов они провели успешное военное восстание в 1911 г., свергли деспотичного Абдула Хамида II и поставили на престол Мехмеда Решада как ограниченного конституционного монарха. Задача создания современного государства из многоэтничной империи была невозможна для выполнения. Но в любом случае у правящего комитета младотурок не хватило времени для реформ, потому что его лидер Энвер-паша ввязал Турцию в войну на стороне Германии, в которой империя была уничтожена. Мирный договор Севрского полуострова оставил султану около половины территории нынешней республики. Кроме того, греческая армия захватила западные прибрежные районы. Кемаль-паша организовал сопротивление и через четыре года войны одержал ограниченную победу, которая установила нынешние границы.

Провозглашение республики стало радикальным изменением, потому что султан был также халифом – заместителем Пророка на земле, в то время как регион был основой лояльности и социальных различий. Официально проведенная секуляризация лишала государство его идентичности до тех пор, пока не укоренились национальные чувства. Пока юные турки не начали его использовать, слово *турок* обозначало не национальность, а пастухов анатолийских холмов. Кемаль постановил заменить арабский алфавит латинским, использовать фамилии, ввести швейцарский гражданский правовой кодекс, метрические меры и европейскую одежду. Вместе с развитием промышленности, торговли и банковского дела (до тех пор остававшимися за христианами и евреями), создание школ и университетов в европейском стиле и устранение правовых препятствий для женщин – все эти изменения изменили общество и культуру не меньше, чем Великая французская революция. Несмотря на то, что модернизация (или вестернизация) на практике остается весьма частичной даже сегодня, турецкое национальное государство возникло уже до смерти Кемаля.

Столь глубокая трансформация стали возможна без огромной смены кадров на вершине власти потому, что значительная часть высокопоставленных чиновников и офицеров (большинство из наиболее образованных и самых умных) хотела еще раньше вестернизировать страну, но не смогла этого сделать из-за султана, придворных и улемов. Устранение этих факто-

ров позволило образованной элите действовать в соответствии со своими предпочтениями. В Турции не было никаких претензий к переменам со стороны масс, которые повиновались из обычного уважения к вождям. В некоторой степени это была *революция сверху* (если использовать этот сомнительный термин), но не полная, потому что вершина власти была смещена незаконно.

Терминологическое примечание

В замечательном трактате «Великие революции: сравнительный анализ» Ярослав Крейчи называет *морфологией* изучение этапов, через которые, по его словам, всегда проходят великие революции. Содержание этой главы он назвал бы *таксономией*. Я не решаюсь следовать его способу использования терминов из-за опасности упустить из виду то, что социальные процессы не могут быть классифицированы на непересекающиеся виды, расположенные на генеалогическом древе. Я использую термин *морфология*, чтобы провести различие между исследованием форм (то есть характерных черт, которые демонстрируют рассматриваемые явления) и поиском закономерностей, причин и следствий, которые можно назвать *динамикой*. Смешивая метафоры из физики и медицины, можно пойти вслед за Крейчи и назвать *этиологию* изучением причин возникновения революций.

У меня есть более серьезные сомнения в отношении того, как Крейчи расширяет значения термина *революция* с целью охвата очень большого промежутка времени и широкого спектра изменений. Так, в состав Французской революции он включает все изменения, которые произошли во Франции между 1770 и 1885 гг., в то время как Русская революция (по его мнению) продолжалась от Петра Великого до Брежнева. Такие цепочки изменений я бы предпочел назвать *великой трансформацией* и трактовать создание нового эффективного правительства как конец революции. Согласно этому более общепринятому использованию, Французская революция началась либо с созыва генеральных штатов (Etats Generaux), либо со штурма Бастилии и закончилась диктатурой Наполеона, а Русская революция началась с неподчинения приказам царя Николая II и закончилась, когда Ленин выиграл гражданскую войну и стал фактическим правителем.

Перевод с английского А.Г. Акопян, научная редакция В.П. Макаренко

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2022 году

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Фрагменты контридеологической аналитики..... № 1

Макаренко В.П.
Истина и пропаганда: связь интеллектуального противовеса власти с антропологической проблематикой..... № 2

Макаренко В.П.
Проблема типологии моделей когнитивного сопротивления в контексте советских философских поколений..... № 3

Макаренко В.П.
Государственный интерес: рефлексивно-практическая призма Мишея Фуко..... № 4

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Гусаров А.С., Знаменский Д.Ю.
Политико-культурные аспекты при взаимодействии экспертных сообществ с политическими институтами..... № 4

Дахин А.В.
Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций..... № 2

Денисов С.А.
Борьба за конституционализм как предмет исследования социальной философии и политологии..... № 1

Иванников И.А.
Антропологическое измерение политико-правовых ценностей Л.Н. Толстого и Ф. Ницше..... № 1

Карпенко А.А.
Феномен милитаризма..... № 4

Недяк И.Л.
Господство в современных демократиях: подходы к концептуализации, измерению, ограничению..... № 2

Оболонский А.В.
Коррозия социальных наук: факторы, причины, последствия..... № 4

Олейник А.Н.
Сравнительная концептология власти и сопротивления с использованием Google Ngram Books..... № 1

Тульчинский Г.Л.
Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ..... № 3

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С.
Если не урок, то проект..... № 3

Чукин С.Г.
Ассамбляжи в роли сущностей: к реалистической онтологии Мануэля ДеЛанды..... № 3

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Рубцов А.В.
Цивилизационные идеи и конструкты в философской методологи Бориса Грушина.... № 4

Неклесса А.И.
Архитектура антропокосмоса и три глобуса Ойкумены..... № 4

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Блауберг И.И.
История философии как выбор и путь..... № 4

Быкова М.Ф.
Обрести себя: штрихи к портрету моего поколения..... № 4

Гусейнов А.А.
Философия шестидесятников как общественное явление..... № 3

Доброхотов А.Л.
«Рождённые в года глухие…»..... № 4

Дубровский Д.И.
О моём философском поколении «пятидесятников», философии и философах.
Факты и размышления..... № 2

Зубец О.П.
Поколение потерь (эссе на заданную тему)..... № 4

Кара-Мурза А.А.
О нашем поколении..... № 4

Корсаков С.Н.
Советские философы поколения 1920-х годов..... № 2

Корсаков С.Н., Козенко А.В.
Об эпистемологических основаниях биографики..... № 2

Костикова А.А.
Философский идеал образованности: поколение предан(н)ых..... № 4

Кузнецова Н.И.
Угольки воспоминаний..... № 1

Лекторский В.А.
Моё философское поколение..... № 3

Лысенко В.Г.
«Человека никто не может освободить»..... № 4

Мотрошилова Н.В.
О моём поколении..... № 3

Неретина С.С.
Инакомыслящие..... № 1

Никольский С.А.
Появилась возможность узнать, как на самом деле устроена жизнь
(О себе как части поколения, жившего в середине 80-х – середине 90-х годов прошлого века)..... № 4

Пружинин Б.И.
Моё поколение шестидесятых..... № 3

Розин В.М.
Как я вижу вклад моего поколения в философию..... № 3

Синеокая Ю.В.
Голоса философов..... № 1

Соловьёв Э.Ю.
«Философы-шестидесятники»: послевоенное братство отцов и детей..... № 3

Сорина Г.В.
Логика. Логики. Судьба..... № 4

Степанянц М.Т.
Открытое миру поколение..... № 3

Шохин В.К.
Мои 1970-е..... № 4

ЖИВОЕ ПРОШЛОЕ

Карпенко А.А.
Забыть историю..... № 1

Мининков Н.А.
Учёный и государство: к типологии моделей поведения гуманитариев в несвободном обществе..... № 1

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Берлявский Л.Г., Махова А.В.
Характер современной партийной системы и конституционно-правовой статус политических партий в России..... № 1

Бронников И.А., Горбачев М.В., Гераскин И.К.
Онтологические аспекты политической коммуникации в новой информационной реальности..... № 1

Игнатьева О.А.
Особенности властных отношений в цифровую эпоху..... № 1

КАФЕДРА

Поцелуев С.П.
Теория политической модернизации..... № 3

ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ

Неретина С.С.
Феномен языка и знака у Гегеля, Маркса и Энгельса..... № 2

Рубцов А.В.
Между созиданием и завоеванием.
Часть 1. Психоидеология войны..... № 2

Рубцов А.В.
Между созиданием и завоеванием.
Часть 2. Военные операции и несырьевая альтернатива: второй фронт..... № 2

IN MEMORIAM

Колаковский Л.
Актуальное и неактуальное понятие марксизма..... № 1

Колаковский Л.
Жрец и шут: размышления о теологическом наследии современного мышления..... № 1

Розин В.М.
Личность и вклад в науку Александра Зиновьева..... № 4

НАШИ УЧИТЕЛЯ

Ермолаев А.И.
Б.И. Барабанщиков – первый заведующий кафедрой генетики
Казанского университета (к 80-летию учёного и педагога)..... № 4

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Андрески Ст.
Дымовая завеса жаргона..... № 1

Андрески Ст.
Значение войны в биологической и культурной эволюции человечества..... № 3

Андрески Ст.
Типология революций с морфологической точки зрения..... № 4

Арендт Х.
Ложь в политике: размышления о документах Пентагона..... № 2

НАШИ АВТОРЫ

Блауберг Ирина Игоревна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН (г. Москва) (ir_blauberg@land.ru)

Быкова Марина Федоровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и религиоведения Университета Северной Каролины (США), почетный сотрудник Института философии РАН (г. Москва) (mfbykova@ncsu.edu)

Гусаров Андрей Сергеевич – аспирант кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления (г. Москва) (andreygusarov1@yandex.ru)

Доброхотов Александр Львович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры наук о культуре отделения культурологии, главный научный сотрудник лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) (gumaniora@gmail.com)

Ермолаев Андрей Игоревич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (г. Санкт-Петербург) (yamamura@yandex.ru)

Знаменский Дмитрий Юрьевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления (г. Москва) (belyferz@list.ru)

Зубец Ольга Прокофьевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН (г. Москва) (olgazubets@mail.ru)

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН (г. Москва) (a-kara-murza@yandex.ru)

Карпенко Александр Александрович – независимый политолог (г. Ростов-на-Дону) (saschasascha23@yandex.ru)

Костикова Анна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии языка и коммуникаций Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва) (foreign@philos.msu.ru)

Лысенко Виктория Георгиевна – доктор философских наук, руководитель сектора восточных философий Института философии РАН (г. Москва) (vglyssenko@yandex.ru)

Макаренко Виктор Павлович – доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, главный редактор журнала «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований» (г. Ростов-на-Дону) (vpmakar1985@gmail.com)

Неклесса Александр Иванович – руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН (г. Москва) (neklessa@intelros.ru)

Никольский Сергей Анатольевич – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН (s-nickolsky@yandex.ru)

Оболонский Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор-исследователь кафедры государственной и муниципальной службы Департамента государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) (aobolonsky@hse.ru)

Розин Вадим Маркович – действительный член Академии педагогических и социальных наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (г. Москва) (rozinvm@gmail.com)

Рубцов Александр Вадимович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН (г. Москва) (h.puck@mail.ru)

Сорина Галина Вениаминовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии языка и коммуникации Философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва) (gsorina@mail.ru)

Шохин Владимир Кириллович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философии религии Института философии РАН (г. Москва) (vladshokhin@yandex.ru)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. The State Interests: Reflexive and Practical Prism by Michel Foucault

Summary: Domestic literature on the problem of state interests (hereinafter SI) reflects, with a few exceptions, the history and modern moment of existence and vision of the political conjuncture of the country and the world dominating minorities of Russia. There are more than 11 million sites in Runet. Most of these publications have no scientific value. They can serve as many examples as possible of how the viewpoint of the public interest depends on the country's political fluctuations and the arbitrariness of its minorities. Dependence and arbitrariness consist in the interpretation of the MI in relation to the national interests of Russia, although "…what means this expression of national interests, nobody knows exactly". The author of the article develops the approach of K. Marx to the SI as an element of the bureaucratic attitude of the authorities towards citizens, the state towards the general state. This approach makes it possible to give permanence to the treatment of the SI, since there are still no States free from bureaucracy as a social parasite, reflecting social differences and embodying political exclusion. To take power, the USSR's innovators had created economic, social, political, and ideological preconditions for the total bureaucratization of the State. This tradition is inherited and reinforced by the ruling minority of modern Russia. Therefore, the author proposes to raise and discuss the problem of violence and political lack of talent of the dominant minorities of Russia as a set of products of bureaucratic domination in all spheres of state policy and administration. In recent years, this approach has received a specific sociological justification4, including the qualification of the present Russian state as a parasitic one5. This article continues the author's reconstruction of the heuristic potential of Michel Foucault's SI concept.

Keywords: state interest, Michel Foucault, coup d'état, violence and brutality, the three meanings of the population, dissent and politics, the reflexive and practical prism.

Obolonsky A.V. The Systemic Deformations in Social Sciences because of Managerial Bureaucratization: Elements, Reasons, Consequences

Summary: The subject of article are the different negative factors in contemporary social sciences, their classification, symptoms, and negative consequences. Two groups of factors are considered – social and moral-psychological and methodological ones. Among the former ones: absence of interest in the circle of business and authorities in support of fundamental science; material and moral dependence of researchers and conformity consequently; phenomenon of scholar's lackey servility and its disastrous consequences for science; self- deception of supposed value neutrality of researcher. Among the latter ones: judgement of value of scientific work only by formal bureaucratic indicators neglecting its quality and meaning for science; excessive demands to standardization of texts; condition of obligatory empirical proof for any research suggestion, what rejects general conceptual considerations and judgements as supposedly "non-scientifical" and narrows a room for research inquires; excessive expectations connected with prospects of "artificial intellect" and

digitalization; trend to formal imitation of science attributes what impoverish intellectually an essence of science and cuts off the logical analysis and "the abstract" thoughts, in spite of the latter ones give most important increase of knowledge and allow higher level of social processes understanding. The author hopes that attraction attention of scholars to these, systematized him, deformations in social science will be capable to perform a positive role.

Keywords: social sciences, values, morality, psychology, methodology, deformations, scholar's position.

Gusarov A.S., Znamensky D.Yu. Political and Cultural Aspects in the Interaction of Expert Communities with Political Institutions

Summary: The subject of this article is the study of the peculiarities of domestic political and cultural aspects in the interaction of expert communities with political institutions. This research study was conducted in the form of an interview. The respondents were members of expert communities and representatives of political institutions. The relevance of the article lies in the fact that, after analyzing the answers provided to the questions asked during the interview regarding the experience of becoming respondents as members of expert communities, interaction with expert communities, if the respondent is a member of a political institution, questions regarding the processes of selection and search for experts in expert communities, as well as questions about the current role of the participation of expert communities in the formation of public policies. The conducted research will indicate what political and cultural problems exist in the interaction of expert communities with political institutions of power and will help form the current vision of this situation through a survey of direct participants in such interaction.

Keywords: expert structures, political institutions, cultural aspects, public policy, state, politics.

Karpenko A.A. The Phenomenon of the Militarism

Summary: The paper considers the ideologue of patriotism as the main instrument of reviving and affirming the values of militarism in modern Russia. To implement the idea and concept of national criticism and counter-ideological analysis proposed by V.P. Makarenko, it is proposed to use the ideas of L.N. Tolstoy. In his works L.N. Tolstoy defined patriotism as a feeling harmful and unnatural. And the main virtue of patriotism is hatred. He determined the circle of figures – the main beneficiaries of propagation-da patriotism. Criticism of L.N. Tolstoy patriotism can be used as a resistance to common patterns of thinking imposed on the population by the state power.

Keywords: militarism, patriotism, Russia, state power, patriotism as a manifestation of bureaucratic thinking, L.N. Tolstoy, patriotism as political prostitution.

Rubtsov A.V. Civilization Ideas and Constructions in the Philosophical Methodology of Boris Grushin

Summary: The work of B.A. Grushin as the leading theorist and analyst of civilizational processes of his time is considered. The possibility of reconstructing civilizational philosophy in whole arrays of texts is shown, though for a number of ideological and political reasons typical for the period there was practically no civilizational rhetoric and even vocabulary in them. Grushin was in many ways a unique philosopher, who considered the transition from the Soviet model to the new Russia as a process of changing of civilizations. Many of Grushin's characteristics and estimates of

the historical size of the events of this period have not yet been fully appreciated and understood. This brings to the fore a purely political dimension, while much larger civilizational shifts are at stake.

Keywords: Boris Grushin, civilization, transition from the Soviet model to the "new Russia", reconstruction of latent philosophy, historical size of the event, civilization shift.

Neklessa A.I. Three Globes of Oikoumene

Summary: This text is based on the author's reports at seminars "The Transit of Civilization", Center for Civilizational and Regional Studies at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. The object of these reports is an analysis of main aspects and trends of the evolution of history: the current routes of universal transit as interdisciplinary area of research and as one of "big challenges" for civilization. The research examines a stepped path of history – three generations of global socio-political organization: from (a) imperial colonization of the planet through (b) decolonization and unification of nations to (c) society of post-colonial nomadism and personal sovereignty. The actuality of the analyses is stressed by urgent need to rethink socio-cultural heritage of civilization as well as its status and complex perspectives. Postcoloniality, heavily relying on creativity, experiments with self-organization/self-realization and thus finds itself in the symbiotic union with Postmodernity.

Keywords: evolution, civilization, globalization, transit, complexity, history, empire, coloniality, national state, personality, sovereignty, postcoloniality, postmodernity.

Dobrokhotov A.L. "Born in the deaf years…"

Summary: In the article against the background of the fate of a generation whose acme coincided with the 70-90 years we are talking about the possibility of tying up the broken times even when the machine of a powerful and, as it seemed to many people at the time, eternal empire was working for "breaking". Features of the "philosophical generation" of the last third of the XX century. are highlighted in the context of the author's personal experience, cultural characteristics of the Late Soviet era, the functioning of cultural institutions, dialogue, and interaction of generations. A characteristic feature of this generation is seen as the dominant of the history of philosophy, under the auspices of which often went the processes of thinking about the acute problems of modern times. It is argued that intergenerational dialogue can take place even in the context of deliberate isolation of individuals and groups, both from each other and from contemporary international public opinion, created by State ideological policies. Special attention is paid to the phenomenon of "cultural science": science, which was, on the one hand, an artificial product of "perestroika", but on the other hand – the result of fruitful attempts to overcome the loss of world culture, to integrate the accumulated humanitarian knowledge of previous epochs into some integrity. In the mirror of cultural science reflected the entire dynamics of generations of the late XX century.

Keywords: dynamics of generations, intergenerational dialogue, late Soviet era, the birth of cultural science, books, and people 70–90's.

Lysenko V.G. "No One Can Free a Man"

Summary: The author reflects on the fate of his generation – the generation of graduates of the Faculty of Philosophy in 1976, against the background of his personal history, trying to understand and explain why almost 30 years after the collapse of the Soviet power, after discovering the mon-

strous truth about its crimes, after the fall of the Iron Curtain and liberation from the "only right" ideology, people of different generations who lived under the USSR, and even very young people born after the collapse of the USSR, nostalgic for the Soviet system? How is it possible to know about the gulag and still erect monuments to Stalin? Why is it that after the experience of freedom and of a short but still normal human life, one must defend one's freedom and human dignity again? And how is it that the country failed to seize the unique opportunity to change and become part of the world and returned to the rails of isolation and xenophobia? The author considers one of the important reasons of the incident that prevailed in modern Russia social infantilism, which was the consequence of the genetic heritage of serfdom, and "wild" individualism, which does not involve responsibility towards "others".

Keywords: philosophical generation, philosophy of the Soviet period, Indian philosophy, philosophical faculty of MSU, Institute of philosophy.

Shokhin V.K. My 1970s

Summary: The author shares his personal impressions about the situation of the Faculty of Philosophy of Moscow State University in the 1970s, highlights such iconic figures as A.M Pyatigorsky, V.S. Sementsov, O.F. Volkova, S. Averintsev. The popular perception of this era as an era of stagnation has been criticized: the official State ideology has been characterized not by stagnation, but by disintegration, and humanitarian knowledge – not stagnation, but rather by blossoming. Topics such as the conditions under which it is possible to speak already about the philosophical generation or only about a certain atmosphere among those who are engaged in or study philosophy, and to understand the reasons for the why in the modern Russian philosophical community a very distant attitude to the analytical tradition and much more receptive to different "post-metaphysics".

Keywords: philosophy, philosophical generation, ideology, soviet society, humanitarian knowledge, indology, sanskrit, religion, conservatism, revolution.

Sorina G.V. Logic. Logicians. Fate

Summary: The article considers peculiarities of communicative processes, social and personal, in the fate of two generations of logics of Moscow University: the sixties and seventies. It is shown that in the general system movement of the sixties in our country its special place was occupied by the logic and methodology of science. The Logicians-Sixties were in fact fighting for the right to exist in the country of classical formal logic and at the same time for the right to correspond to the current level of development of logic. The influence of the Sixties on the formation of intellectual biographies of logicians-seventies, who engaged in scientific and theoretical research and teaching of three externally different directions of logic, formed in the seventies in the West: critical thinking, informal logic, argumentation theory. It is shown that a small university group of friends-logicians, as it were, divided in their research into these three areas of development of logic, at the same time being present, to one degree or another, in each of them. It presents a special system of human relations that developed between the sixties and the seventies, between teachers and students and within each of the subgroups in the general atmosphere of the philosophical faculty of Moscow State University in the 70s.

Keywords: logic, logicians, fate, sixties, seventies, alienation, critical thinking, informal logic, argumentation.

Nikolsky S.A. There Was an Opportunity to Find Out How Life Actually Works (About Myself as Part of the Generation that Lived in The Mid-80s - Mid-90s of the Last Century)

Summary: The wonderful and diverse world of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR, and then of the Russian Academy of Sciences, as it was in the mid-80s – mid-90s of the last century, is shown through the eyes of a graduate student, and then a researcher. Entering the graduate school of the sector of criticism of modern bourgeois philosophy of Western countries, the author combined his studies and the preparation of his Ph.D. thesis there with an interested work in the sector of philosophical questions of biology, since he dealt with the topic of the biological foundations of human behavior using the philosophy of American naturalism as an example. The author studied, collaborated and was friends with R.S. Karpinskaya, T.A. Kuzmina, N.S. Yulina, V.M. Mezhuev, G.S. Batishchev, A.I. Aleshin, E.Yu. Solovyov. Subsequently, work on the dissertation expanded, spreading to the topic of the relationship between man and nature, including in the practical agrarian activities of Soviet people. In this, in accordance with the spirit of the times, the central party bodies and the initiative of the People's Academician T.S. Maltsev played a significant role. Work with economists – E.F. Saburov, A.V. Chernyavsky and others, with agricultural historians and ecologists – V.P. Danilov, T. Shanin, V.I. Kiryushin led to the fact that the author in 1994 as Minister was invited to the government of the Autonomous Republic of Crimea (Ukraine), where he had the opportunity to get acquainted in detail with the state and prospects for the development of the agro-industrial complex of the peninsula. On this basis, he prepared a program of agrarian reforms for Crimea, unfortunately, due to the crisis of presidential power and the subsequent resignation of the "Moscow government", it did not take place. This text is about how it is seen in a quarter-century time interval, even though many friends and colleagues are no longer alive.

Keywords: man, society, nature, biology, history, culture, agriculture, practice.

Blauberg I.I. The History of Philosophy as a Choice and a Path

Summary: The article describes the circumstances that influenced the author's choice of philosophy as a profession. Historical and philosophical specialization, chosen at the Faculty of Philosophy, determined all further activities of the author in the journals "Problems of Philosophy" and "Way", and later – at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. The article shows the role played by "Problems of Philosophy" in the Soviet period, how the work in the journal was built, what changes took place by the end of the 1980s. The author talks about the stages of his scientific work – the study of the philosophy of A. Bergson and the concepts of his predecessors – representatives of French spiritualism of the 19th century.

Keywords: history of philosophy, Faculty of Philosophy, Moscow State University, journal "Problems of Philosophy", journal "Way", Institute of Philosophy RAS, A. Bergson's concept.

Zubets O.P. Generation Loss (Essay on a Given Topic)

Summary: Generation is a sociological concept, and by virtue of this alone it is not applicable to philosophy, understood as an exclusively personal, subjective matter, as a special way of life in the space of self-sufficient thinking. The philosopher does not see himself as belonging to the philosophical generation as a certain set of philosophers (although he belongs to his generation as a social being). The philosophical generation for the philosopher is a superfluous concept, for it is embodied, in its uniqueness. Nevertheless, answering the question about his own philosophical generation, the author defines it as a "loss generation" (different from the lost generation). Its losses are

numerous: the loss of a single philosophical foundation, a single conceptual language, a single set of commented texts (quotes), the loss of a social future – a utopia, an ideal perspective, and a loss of demand in the public space, a consciousness of one's own significance – this is the loss of what was sixties. The generation that can be associated with perestroika did not become the generation of revolution (which confirms the understanding of what happened as the final stage of the long process of counter-revolution) and is deprived of the anti-bourgeois pathos that was the value basis of philosophy since at least the 19th century.

Keywords: generation, philosophy, Marxism, Faculty of Philosophy, Moscow State University, Institute of Philosophy, ethics, loss.

Bykova M.Ph. Find Yourself: Strokes to The Portrait of My Generation

Summary: Responding to a creative project to recreate the dynamics of the history of Russian philosophy through the prism of the activities of successive generations of philosophers, this article addresses the generation of the eighties, those who entered a conscious professional life in the late 1970s – mid-1980s. The purpose of the article is to at least dottily outline the main ideas, searches and aspirations that have become fundamental for this philosophical generation, to which the author refers himself. The conversation about the philosophical generation of the eighties is preceded by a detailed discussion of the theory of generations, developed in the 1990s by American historians William Strauss and Neil Howe and widely used in modern philosophy of history. The author also reflects on the phenomenon of philosophical generations and the justification for using this concept as a criterion for the development of philosophical thought in a certain period, coinciding with the time frame of the experience of philosophizing of one generation. The proposed analysis of the main characteristics of the philosophical generation of the eighties is largely the result of the author's own reflections on her personal experience of philosophical work and immersion in thought.

Keywords: theory of generations, William Strauss, Neil Howe, philosophical generation, unknown generation, generation of wanderers, perestroika, glasnost, XVIII World Philosophical Congress in Brighton, I.T. Frolov.

Kara-Murza A.A. About our Generation

Summary: The text of the chief researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, who was hired by the Institute of Philosophy at the end of 1980 and was the secretary of the institute committee of the Komsomol in the first half of the 1980s, tells about the fate of the "generation of the eighties" who came to Russian philosophy in the critical era of the new, on this time Gorbachev's, "thaw". The author recalls the upbeat and inspiring atmosphere of those years, numerous (and previously completely impossible) scientific and creative initiatives of the institute youth of the perestroika and the first post-Soviet years. The author shares his memories of his teachers and mentors, as well as his young friends and colleagues, who now make up the "color" of the Institute of Philosophy.

Keywords: Institute of Philosophy, "philosophical generation", Komsomol, perestroika, youth initiatives.

Kostikova A.A. The Philosophical Ideal of Education: A Generation of Devotees

Summary: The generation that studied philosophy in the 1980s learned to build communism and shape the man of the future, protecting him from the influence of bourgeois values and the

ideals of the soulless “golden calf”. These were self-confident students convinced of the working principle of democratic centralism and the universality of philosophical knowledge. This was a young generation of idealists who received a scientific justification for their confidence in the Soviet materialist philosophy of Marxism developed by the previous generation, which was alive, it could be asked questions and discussed at the Faculty of Philosophy of Moscow University. What and how they taught in the 80s helped someone not only survive, but also technologically use management science to build a business or form a monetized personal brand, and someone to stay in philosophy, primarily in teaching philosophy, and build new educational systems of modern Russia and to form new relations for the provision of educational services. Fortunately, the subject of teaching in this generation was not affected.

Keywords: philosophical generation, Moscow University, philosophical community.

Rozin V.M. Personality and Contribution to Science of Alexander Zinoviev

Summary: The article attempts to comprehend the personality of Alexander Zinoviev and his contribution to philosophy. At the same time, the author relied on his own acquaintance with Zinoviev, observations of his life and actions, as well as on an interview that he gave in 2003, to Chef editor of the journal “Personality. Culture. Society” Yu.M. Reznik. The circumstances (war, family, atmosphere in the country, unique abilities) that shaped Zinoviev's personality are considered; with some degree of conditionality, it can be called esoteric and obviously talented. The contribution of Zinoviev to philosophy, self-consciousness by a sociologist, who discovered the deep laws of social life, the use of which, he believes, will allow further social development and, possibly, a real revolution, is analyzed. The author recognizes the importance of Zinoviev and encourages readers to think about his life.

Keywords: Alexander Alexandrovich Zinoviev, personality, war, society, state, deed, self-consciousness, time.

Ermolaev A.I. B.I. Barabanshikov – the First Head of the Department of Genetics of Kazan University (To the 80th Anniversary of the Scientist and Teacher)

Summary: Barabanshikov Boris Ivanovich in 1976 headed the Department of Genetics of the Kazan State (now Federal) University, which he created and led it until 2012. He began his education at the Department of Zoology of the same university and graduated from it at the Department of Genetics of Moscow State University, where he in 1970 he defended his PhD thesis. He received his doctorate in 1990. In 2004 he was awarded the title of Honored Scientist of the Republic of Tatarstan. His main work is devoted to the study of recombination mechanisms in the bacterium Bacillus subtilis (hay bacillus).

Keywords: Barabanshikov Boris Ivanovich, Kazan University, history of genetics, genetic recombination.

Andresky S. Typology of Revolutions from a Morphological Point of View

Summary: The Journal of Political Conceptology publishes a translation of the second chapter of Stanisław Andreski's book “Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint”, published in 1992 by Frank Cass.

Keywords: Stanislav Andreski, theoretical heritage, comparative studies of wars, revolutions, and dictatorships.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
The State Interests: Reflexive and Practical Prism by Michel Foucault..... 6

GENERAL PROBLEMS OF POLITICAL CONCEPTOLOGY

Obolonsky A.V.
The Systemic Deformations in Social Sciences because of Managerial Bureaucratization: Elements, Reasons, Consequences..... 14

Gusarov A.S., Znamensky D.Yu.
Political and Cultural Aspects in the Interaction of Expert Communities with Political Institutions..... 27

Karpenko A.A.
The Phenomenon of the Militarism..... 35

CIVILIZATIONAL REFLECTION

Rubtsov A.V.
Civilization Ideas and Constructions in the Philosophical Methodology of Boris Grushin..... 42

Neklessa A.I.
Three Globes of Oikoumene..... 53

INTELLECTUAL EVENT

From the Editor..... 66

Dobrokhotov A.L.
"Born in the deaf years…"..... 66

Lysenko V.G.
"No One Can Free a Man"..... 75

Shokhin V.K.
My 1970s..... 103

Sorina G.V.
Logic. Logicians. Fate..... 113

Nikolsky S.A.
There Was an Opportunity to Find Out How Life Actually Works (About Myself as Part of the Generation that Lived in The Mid-80s - Mid-90s of the Last Century)..... 136

Blauberg I.I.
The History of Philosophy as a Choice and a Path..... 147

Zubets O.P.
Generation Loss (Essay on a Given Topic)..... 159

Bykova M.Ph.
Find Yourself: Strokes to The Portrait of My Generation..... 171

Kara-Murza A.A.
About our Generation..... 194

Kostikova A.A.
The Philosophical Ideal of Education: A Generation of Devotees..... 205

IN MEMORIAM.
TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.A. ZINOVIEV

Rozin V.M.
Personality and Contribution to Science of Alexander Zinoviev..... 212

OUR TEACHERS

Ermolaev A.I.
B.I. Barabanshikov – the First Head of the Department of Genetics of Kazan University
(To the 80th Anniversary of the Scientist and Teacher)..... 221

TRANSLATIONS & COMMENTS

Andresky S.
Typology of Revolutions from a Morphological Point of View..... 227

Index of Articles and Materials Published in the Journal in 2022..... 241

Authors..... 245

Summaries and keywords..... 247

Contents..... 254

Notes for contributors..... 256

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объёмом не более 1,5 а. л. — 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, учёные степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу — 2 см, справа и слева — 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски даются в тексте, в квадратных скобках: [Фамилия год: страница].

6. Библиографический список оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.
Фамилия И.О. Год. Название статьи. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .
Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – URL: http://URListochnika/ . – Дата обращения: Дата.